

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

Ivan the Terrible: Policy and Creative Work

The Artistic Symbolism of Russian Power

On the Origins of Historiography in Russia

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 4 | 2016 | № 1

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia’s culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. A full-text version of the journal is available free-of-charge on the journal’s website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submissions, please consult the journal’s website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется в *Web of Science*.

The journal is indexed by *Web of Science*.

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс издания 43166.

Адрес редакции: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Россия, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 262
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Office 262, 51 Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief: Prof. **F.-D. Liechtenhan** (France, Paris-Sorbonne University; French National Centre for Scientific Research); Section Editors: *Historical Studies* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS), *Cultural Studies and Philology* – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Reviews Section Editor: Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Lead Translator: Dr **Tatiana Kuznetsova** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Executive Secretary Associate: Dr **Konstantin Bugrov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Elena Berezovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Matthew Binney** (USA, Seattle, Eastern Washington University); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Natalia Kupina** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Oleg Leybovich** (Russia, Perm State Academy of Art and Culture); PhD **Jordan Lyutskanov** (Bulgaria, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences); PhD **Graham H. Roberts** (France, Paris West University Nanterre La Defense); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Dmitry Serov** (Russia, Novosibirsk State University of Economics and Management); PhD **Michel Tissier** (France, University of Rennes 2); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, Saint Petersburg Institute of History of RAS); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples “L’Orientale”); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A & M University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford); PhD **Andrey Keller** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, The Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration); Dr **Igor’ Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr hab. **Yakub Sadovski** (Poland, Krakow, Pontifical University of John Paul II); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS)

Logo & cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор: проф. **Ф.-Д. Лиштенан** (Франция, Париж, Сорбонна; Национальный центр научных исследований); ответственные редакторы: *по историческим наукам* – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН), *по культурологии, искусствоведению и филологии* – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); отдел рецензий: доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); редактор перевода: доц. **Т. С. Кузнецова** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь: к. и. н. **К. Д. Бугров** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Е. Л. Березович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Бинне** (США, Сизтл, Университет Восточного Вашингтона); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Н. А. Купина** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **О. Л. Лейбович** (Россия, Пермская государственная академия искусства и культуры); PhD **Йордан Люцканов** (Болгария, София, Институт литературы БАН); PhD **Г. Робертс** (Франция, Университет Западный Париж-Нантер-ля-Дефанс); проф. **Д. О. Серов** (Россия, Новосибирский государственный университет экономики и управления); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); PhD **М. Тиссье** (Франция, Ренн, Университет Ренн 2); проф. **Д. Уо** (США, Сизтл, Университет Вашингтона)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербург, Институт истории РАН); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); PhD **А. В. Келлер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Российская академия народного хозяйства и государственной службы); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); **О. С. Поршнев** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); д. и. н. **Я. Садовский** (Польша, Краков, Папский университет Иоанна Павла II); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

To Understand Russia with Your Head and Heart [in English, in Russian] 7	To Understand Russia with Your Head and Heart [in English, in Russian] 7
--	--

Problema voluminis

Российские противоречия: история и современность	Russian Contradictions: History and Modernity
<i>Михаил Бенцианов.</i> «Поверстать по достоинству безгрешно...»: систе- ма окладов в Русском государ- стве XV–XVI вв. 17	<i>Mikhail Bentsianov.</i> ‘Let Us Distribute Lands Fairly and Deservedly’: The Land Distribution System in Russia in the 15 th –16 th Centuries. 17
<i>Максим Моисеев.</i> Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: дискуссионные аспекты 37	<i>Maksim Moiseev.</i> The Muslim Policy of the Russian State under Ivan the Terrible: Controversial Aspects 37
<i>Эммануэль Вагеманс.</i> Травелог бельгийских монархистов о ни- колаевской России VS сочинение Астольфа де Кюстина 55	<i>Emmanuel Waegemans.</i> Travelogues about Nicholas I’s Russia: Belgian Monarchists versus Astolphe Marquis de Custine. 55
<i>Марина Саламатова.</i> «На 20 рабо- чих – 120 попов...»: непролетар- ские слои населения на выборах в Советской России в 1920-е гг. . . 79	<i>Marina Salamatova.</i> “120 Priests per 20 Workers”: Non-Proletarian Population in the Elections of 1920s Soviet Russia 79
<i>Василий Христофоров.</i> Американ- ские дипломаты на rendez-vous с советской политикой и русской культурой (1941–1945) 103	<i>Vasily Khristoforov.</i> American Diplomats on a Rendezvous with Soviet Policy and Russian Culture (1941–1945)..... 103
<i>Дмитрий Победаш, Дмитрий Кали- нин.</i> Михаил Горбачев: личность и политика главы государства глазами современников 120	<i>Dmitry Pobedash, Dmitry Kalinin.</i> The Personal and the Political: Mikhail Gorbachev through the Eyes of His Contemporaries 120
Художественная символика российской власти	Artistic Symbols of the Russian State
<i>Nikolai Parfentiev, Natalia Parfentieva.</i> Ivan the Terrible’s Stichera: The Idea of Russia’s Spiritual Elevation. . . 137	<i>Nikolai Parfentyev, Natalia Parfentyeva.</i> Ivan the Terrible’s Stichera: The Idea of Russia’s Spiritual Elevation . . . 137

Содержание

Contents

<i>Арсений Петров</i> . «Знамя Ермака» из собрания Оружейной палаты: легенда и факты 157	<i>Arseny Petrov</i> . "Yermak's Banner" from the Kremlin Armoury's Collection: Legend and Facts 157
<i>Sergey Golynets</i> . Sergey Chekhonin: The Sickle and The Hammer or The Monster Cockroach (<i>Tarakanishe</i>)..... 170	<i>Sergey Golynets</i> . Sergey Chekhonin: The Sickle and The Hammer or the Monster Cockroach (<i>Tarakanishche</i>)..... 170

Disputatio

<i>Алла Романчук</i> . Корсунский поход князя Владимира: историографи- ческие аспекты 195	<i>Alla Romantchuk</i> . Grand Prince Vladimir's Korsun Campaign: Historiographical Aspects 195
<i>Валерий Мароши</i> . От «желчи» Юве- нала к «печенкам» Раскольникова у Федора Достоевского 209	<i>Valery Maroshi</i> . From Juvenal's Bile to the "Livers" of Fyodor Dostoevsky's Raskolnikov..... 209

Heritage

Nomina et scholae

<i>Вим Куденис</i> . Переводчики XVIII в. и становление историографии как науки в России 235	<i>Wim Coudenys</i> . Translators and the Emergence of Historiography in Eighteenth-Century Russia 235
--	---

Dialogus

Церковь в культурном пространстве современной России: конструк- тивные идеи и практика воплощения 263	The Church in the Cultural Space of Modern Russia: Constructive Ideas and Their Implementation. 263
--	---

Critica

<i>Stephan Troebst</i> . Eine wichtige Quellenedition der russischen Geschichte des 17. Jahrhunderts. . 281	<i>Stephan Troebst</i> . An Important Source Collection on Seventeenth-Century Russian History..... 281
<i>Gunnar Thorvaldsen</i> . North by North-West 287	<i>Gunnar Thorvaldsen</i> . North by North-West 287
Об авторах 293	On the authors 293
Сокращения 298	Abbreviations 298

VOX REDACTORIS

DOI 10.15826/QR.2016.1.139

TO UNDERSTAND RUSSIA WITH YOUR HEAD AND HEART

The in-depth study of history effectively demonstrates that the coherent description and classification of facts alone do not reflect the true meaning of events. Paradoxes, inexplicable coincidences, and the interaction of opposites often attract the researcher's interest. In historical processes and other manifestations of human creativity, contradictions are not only possible, but indeed are necessary as both the moving force and nucleus of change, and therefore, of life itself. In the *Problema voluminis* section, the authors of the first issue of *Quaestio Rossica* in 2016 address the theme of contradictions in Russia, looking at the circumstances of their emergence and the means of their resolution. The articles draw attention to a number of contradictions in Russian life and in scientific discourse.

Independent historian *Mikhail Bentsianov* (Yekaterinburg) focuses his research on the formation of the Russian nobility through the taxation system (*oklad*), and its shortcomings and controversies. The author persuasively shows that the peculiarities of the assessment system and its introduction had serious repercussions for the destiny of the 'first estate' and for the Russian state as a whole, since it served as the basis of Russian territorial expansion.

Moscow historian *Maksim Moiseev* (Museum of Moscow) examines a controversy surrounding the religious policy of Ivan the Terrible. He exposes the dominance of the tolerant attitude held by the 16th century Russian state towards the Muslim faith of its subjects. Repressive measures, he shows, were mainly a reaction to anti-state protests and did not have a systemic character. Dr *Emmanuel Waegemans* (Katholieke Universiteit Leuven) discusses a little-known travelogue by Canon Jean-Baptist David and his younger companion Jan Steeland about their trip to Russia in the 1830s. These conservative Belgians created a unique account of Russia under Nicholas I, one which contradicted the famous work of Marquis Astolphe de Custine. Unhappy with the course of events in Europe, the Belgian travellers distanced themselves from dramatic occurrences in Russian politics: they saw Russia as an ideal country whose love for its sovereign was at the basis of stability and order.

Marina Salamatova (Novosibirsk State University of Economics and Management) explores the contradictions in the formation of the Soviet

electoral system in the 1920s caused by the participation of non-proletarian strata in the elections. The authorities found themselves in a stalemate: time and again, they excluded a massive part of the population from the electoral process, but then eventually allowed these strata to participate in elections. The author uncovers the presence of overt and covert opposition, and shows that the only way the party could preserve its influence was to falsify the results of the elections and develop indifference in the population towards the electoral process. This was a matter in which the Soviet government ultimately succeeded.

Vasily Khristoforov's article (Russian State University for the Humanities, Moscow), intriguingly titled "American Diplomats on a Rendezvous with Soviet Policy and Russian Culture (1941–1945)", describes the work of the American diplomatic corps in the Soviet Union at a decisive point in WWII. The main character of the article, L. Thompson, possessed a deep sense of responsibility for the position of the US; he believed in the necessity of uniting countries with different political systems to combat Nazism. Using documents from the FSB archives, the author illustrates Thompson's activities and personality, as well as his sincere interest in Russia, its culture and art, and his sympathy for the Russian people. The article reveals the contradictions in Thompson's destiny, whereby he experienced romantic love during the most difficult years of the war. The second part of the article, describing the post-war career of Thompson, will be published in the next issue of *Quaestio Rossica*.

Drastic contradictions in the evaluation of Mikhail Gorbachev are revealed by *Dmitry Pobedash* and *Dmitry Kalinin* (Ural Federal University, Yekaterinburg). The article analyzes the memoirs of Gorbachev's contemporary ideological supporters and opponents. The authors question the impartiality of the studied opinions, showing the dependence of these impressions on the political context. The study drives the authors towards interesting conclusions about the activities of the reformer of the Russian state and their ultimate outcome.

Another major theme in the *Problema Voluminis* section is the diversity of artistic imagery that has embodied the idea of the state. The section opens with an article discussing the era of Ivan the Terrible. *Natalia Parfentyeva* and *Nikolai Parfentyev* (South Ural State University, Chelyabinsk), both historians of music, study a series of religious verses (*stichera*) attributed to Ivan the Terrible. The article comes to the interesting conclusion that the 'Sovereign of All Russia' introduced the idea of the apotheosis of the state to liturgical poetry, thus creating a new sense of patriotism on the basis of traditional genres.

Arseny Petrov (Moscow Kremlin Museums) provides a thorough analysis of the artefact known as 'Yermak's Banner' and attempts to clarify the time and place of its creation. The author argues that the attribution of the banner to Siberian *voivoda* Yermak is apocryphal and dates back to the 17th century: he offers a hypothesis about the possible participation of writer and cartographer Semyon Remizov in the creation of this legend.

A true jewel in this issue of *Quaestio Rossica* is an article by *Sergey Goly-nets* (Ural Federal University, Yekaterinburg) about Russian modernist artist Sergei Chekhonin. The tragic fate of this artist, who ultimately had to leave his homeland, is compounded by the long neglect that his works have suffered. The work of this talented graphic artist, illustrator, and member of the *Mir iskusstva* artistic community included the first image of the Soviet coat of arms (the hammer and sickle framed by ears of wheat) and reflects the pathos of post-revolutionary expectations. However, in the 1920s, Chekhonin provided illustrations for “The Monster Cockroach”, a satiric fable by Korney Chukovsky. Chekhonin parodied one particular ‘moustachioed cockroach’ and ridiculed the fear that was corroding the human sense of community.

Historiographical reviews are an important part of the scholarly study of history, one which is actively pursued by *Quaestio Rossica*. Belgian philologist *Wim Coudenys* (Katholieke Universiteit Leuven) looks at the origins of Russian historiography and reveals the importance of translation in its formation. Government support and the personal enthusiasm of researchers in the second half of the 18th century led to the development of a highly professional school of translation. This, in turn, allowed Russian historiography to become an equal of its European counterpart in a relatively short period of time. The article shows that a significant number of historians acted as interpreters, and also provides an exhaustive bibliography. We publish the first part of this article in the present issue (*Heritage. Nomina et scholae* section).

The historiographical theme is continued in the article of *Alla Romantchuk* (Ural Federal University, Yekaterinburg), which describes Prince Vladimir’s Korsun campaign in the 11th century. She ably summarises the topic, systematises various hypotheses and opinions, and analyzes the reliability of the interpretation of archaeological findings (*Disputatio* section).

A modern trend in the study of literary texts is presented by *Valery Maroshi* (Novosibirsk State Pedagogical University). The researcher elaborates on the use of bodily imagery in world literature by comparing the works of Latin (Horace and Juvenal) and Russian authors of the 19th century. The author argues that ‘bile’ was an important metaphor for the verbal and physical behaviour of literary characters; he finds a close European counterpart for this concept in ‘melancholy’ and ‘spleen’.

The *Dialogus* section of *Quaestio Rossica* raises the issue of constructive interaction between the Church and the general public. In a discussion moderated by *Marina Nechaeva* (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS), theology professors and historians from Yekaterinburg and Saint Petersburg share their experience to deliberate on the potential for interaction between the Orthodox Church and Russian secular culture. The creation of a system of museums dedicated to Orthodox saints, the organisation of scientific conferences, and the promotion of national holidays could help connect the Church and the people while promoting the deeply rooted culture and artistic traditions of Orthodoxy.

The *Critica* section draws attention to the quality of the historical source anthologies currently being published in Russia. *Stephan Troebst* (University of Leipzig) reviews the republication of the obscure “Notes on Russia” (1674) by the military intelligence officer Erik Palmqvist, who arrived in Russia as part of the Swedish embassy. Troebst stresses the importance of making historical sources available to the scholarly community. The cooperation of specialists in various academic centres both in Russia and Sweden have helped to prepare this valuable publication, which combines high-quality translations into Swedish, English, and Russian with exhaustive scientific commentary.

A review by *Gunnar Thorvaldsen* (University of Tromsø, Norway) presents the book *Russland kommer nærmere: Norge og Russland 1814–1917* (Russia Gets Closer: Norway and Russia in 1814–1917). Authored by Nielsen Jens Petter and Petia Mankova, this monograph covers many aspects of the history of contacts between the two countries. Of particular interest is the research on ethnic politics and social history.

Larisa Soboleva, Julia Zapariy
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.
Translated by Anna Dergacheva

Глубокое погружение в изучение истории показывает, что только стройное описание и классификация фактов не отражают реальной сути событий. Зачастую именно парадоксы, необъяснимые совпадения и взаимодействия противоположностей притягивают интерес исследователя. В историческом процессе и в других проявлениях человеческого творчества противоречия не только совместимы, но и обязательны как условие движения, как зародыш изменений, а следовательно, и самой жизни. К теме российских противоречий, условий их возникновения и преодоления обращаются авторы первого номера *Quaestio Rossica* в 2016 г. (рубрика *Problema voluminis*). Статьи объединяет внимание к противоречиям как в российской жизни, так и в исследовательском дискурсе.

Формирование российского дворянства через окладную систему, ее недостатки и противоречия оказываются в центре внимания *Михаила Бенцианова* (независимый историк, Екатеринбург). Обращаясь к историческим источникам, автор убедительно показывает, что особенности введения и функционирования окладов

имели серьезные последствия для судьбы сословия и Русского государства и послужили основой для выхода государства на новые территории.

Московский историк *Максим Моисеев* (музейное объединение «Музей Москвы») поднимает дискуссионную тему религиозной политики Ивана Грозного и на основании исторических источников утверждает мысль о доминанте терпимого и индифферентного отношения власти XVI в. к мусульманскому вероисповеданию поданных. Репрессивные меры преимущественно служили ответом на антигосударственные выступления и не носили систематического характера. Доктор филологии *Эммануэль Вагеманс* (Католический университет Лёвена, Бельгия) открывает для читателя малоизвестный травелог, написанный каноником Яном-Баптистом Давидом и его молодым спутником Яном Стееландом после их путешествия по России (30-е гг. XIX в.). Консервативные бельгийцы создали в нем образ николаевской России, противоположный по оценке известному сочинению маркиза Астольфа де Кюстина. Недовольные событиями, происходящими в Европе, бельгийцы видели в России идеальную страну, сохранявшую любовь к государю как основу стабильности и порядка, устранившись при этом от драматических коллизий российской жизни.

Противоречиям в формировании советской избирательной системы 1920-х гг., которые были обусловлены участием непролетарских слоев населения в выборах, посвящена статья *Марины Саламатовой* (Новосибирский университет экономики и предпринимательства). Властные структуры оказались в определенном тупике, то исключая большую часть населения из выборного процесса, то разрешая участие в выборах деклассированных слоев. Автор показывает наличие явной и скрытой оппозиции и отмечает, что единственный путь сохранения партийного влияния заключался в фальсификации результатов и выработке равнодушного отношения населения к процессу выборов, в чем Советская власть в итоге преуспела.

Статья *Василия Христофорова* (Российский государственный гуманитарный университет, Москва) с интригующим названием «Американские дипломаты на rendez-vous с советской политикой и русской культурой (1941–1945)» повествует о работе американского дипломатического корпуса в Советском Союзе в период формирования союзнических отношений и определения исхода Второй мировой войны. Главный герой статьи – Л. Томпсон, человек, глубоко чувствовавший ответственность за позицию США, веривший в необходимость объединения стран с различным политическим строем для борьбы с нацизмом. Используя документы из архива ФСБ, автор показывает деятельность и личные качества Томпсона, его искреннюю заинтересованность Россией, ее культурой и искусством, его сочувствие к русским людям. В статье раскрываются противоречия судьбы дипломата

Л. Томпсона, которая подарила ему романтическую любовь в трудные годы войны. Вторая часть статьи о послевоенной карьере Томпсона будет опубликована в следующем номере журнала.

Кардинальные противоречия в оценке Михаила Горбачева вскрывают в своей статье *Дмитрий Победаш* и *Дмитрий Калинин* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург). В статье анализируются мемуары современников Горбачева, его идейных соратников и противников. Авторы подвергают сомнению непредвзятость мнений, показывая их зависимость от политических и прочих конъюнктурных ситуаций, поворачивающих авторов к различным выводам о результате деятельности реформатора государства.

Вторая проблема номера в этой рубрике поднимает тему многообразия художественных образов, воплощающих государственную идею. Раздел начинается обращением к эпохе Ивана Грозного. Историки музыки *Наталья* и *Николай Парфентьевы* (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск) на основании рукописных источников исследуют произведения духовной музыки (стихиры), автором которых признается Иван Грозный. Они делают нетривиальный вывод о том, что «государь всея Руси» смог внести в литургическую поэзию идею возвышения государства, создавая на основе традиционных жанров произведения с новым патриотическим смыслом.

Пример тщательного анализа артефакта «Знамени Ермака» для уточнения времени и места его создания являет собой статья *Арсения Петрова* (Музеи Московского Кремля). Автор аргументирует идею легендарной связи артефакта с образом Ермака и датирует его XVII в., предлагая гипотезу о возможном участии в его появлении писателя и картографа Семена Ремезова.

Украшением первого номера *Quaestio Rossica* стала статья *Сергея Голынца* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) о русском художнике Сергее Чехонине (конец XIX – первая половина XX в.). Драматическая судьба художника, покинувшего родину, сопровождалась долгими годами забвения его таланта. В творчестве талантливое графика, иллюстратора, входившего в творческий коллектив «Мир искусства», первое изображение советского герба (серп и молот в обрамлении колосьев), отвечающее пафосу восторженных лет, сменяется в 1920-е гг. иллюстрациями к сказке Корнея Чуковского «Тараканище». Ее скрытый смысл состоял в пародировании образа «таракана усатого» и высмеивании страха, разъедавшего человеческое сообщество.

Важной частью исторической науки являются историографические обзоры, практикуемые в *Quaestio Rossica*. Благодаря оригинальному методу бельгийского филолога *Вима Кудениса* (Католический университет г. Лёвена), обратившегося к истокам формирования российской историографии, раскрывается значение переводческой деятельности для этого процесса. Поддержка правительства и энту-

зиазм ученых привели во второй половине XVIII в. к формированию высокопрофессиональной переводческой школы. Это позволило в относительно короткий период сделать российскую историческую науку равнозначной европейским исследованиям. В статье показано, что значительная часть историков выступала и в качестве переводчиков, а также приводится исчерпывающая библиография. В этом номере публикуется первая часть статьи (рубрика *Heritage. Nomina et schola e*). Историографическая тема продолжается статьей *Аллы Романчук* (Уральский государственный университет, Екатеринбург), освещающей Корсунский поход князя Владимира XI в. В известной мере эта статья подводит итоги изучению темы, приводя в систему различные высказывания и гипотезы, анализируя достоверность интерпретации археологических раскопок (рубрика *Disputatio*).

Современное направление изучения литературного текста представлено в статье *Валерия Мароши* (Новосибирский государственный педагогический университет). Соединение телесного, материального и образного метафорического начала выявляется сопоставлением произведений латинских авторов (Горация и Ювенала) и русской литературы XIX в. Автор утверждает значимость «желчи» для речевого поведения и телесности литературного героя, близкого европейскому персонажу «меланхолии» и «сплина».

В рубрике *Dialogus* обсуждается тема конструктивного взаимодействия церкви и населения вне литургической сферы (модератор *Марина Нечаева*, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН). Ученые-богословы и историки Екатеринбурга и Санкт-Петербурга делятся опытом взаимодействия православной церкви с российской культурой. Создание системы музеев, посвященных подвижникам православия, проведение научных конференций и праздников общенационального значения способствуют, по их мнению, востребованности церковной структуры и плодотворному использованию глубоких культурно-художественных традиций православия.

В рубрике *Critica* *Штефан Трёбст* (Университет Лейпцига, Германия) в рецензии на публикацию малоизвестных «Заметок о России» военного разведчика Эрика Пальмквиста (1674), прибывшего в составе шведского посольства, подчеркивает значимость введения новых исторических источников в научный оборот. Сотрудничество специалистов различных научных центров России и Швеции позволило подготовить издание, сочетающее качественный перевод источника на современный шведский, английский и русский языки и исчерпывающий научный комментарий.

Рецензия *Гуннара Торвальдсена* (Университет Тромсё, Норвегия) «Взгляд на Север с Северо-Запада» презентует книгу Яна Петера Нильсена и Пети Манковой *Russland kommer nærmere: Norge og Russland. 1814–1917* («Россия становится ближе. Норвегия и Россия.

1814–1917»). Рецензируемая монография охватывает большинство аспектов истории контактов между двумя странами. Отдельный интерес представляет раскрытие особенностей этнической политики, а также аспектов социальной истории.

*Лариса Соболева, Юлия Запарий
Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия*

Problema voluminis

Russian Contradictions: History and Modernity
Artistic Symbols of the Russian State

Problema voluminis

Российские противоречия: история и современность

Художественная символика российской власти

RUSSIAN CONTRADICTIONS: HISTORY AND MODERNITY

DOI 10.15826/QR.2016.1.150

УДК 94(470)"1150/15:351.72+336.2+338.244

«ПОВЕРСТАТИ ПО ДОСТОИНЬСТВУ БЕЗГРЕШНО ...»: СИСТЕМА ОКЛАДОВ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ XV–XVI ВВ.

Михаил Бенцианов,
независимый исследователь,
Екатеринбург, Россия

'LET US DISTRIBUTE LANDS FAIRLY AND DESERVEDLY': LAND DISTRIBUTION SYSTEM ESTABLISHMENT IN RUSSIA IN THE 15TH–16TH CENTURIES

Mikhail Bentsianov,
Independent Researcher,
Yekaterinburg, Russia

The author studies the establishment of the land distribution system in the Russian state between the 15th and mid-16th centuries. Referring to a vast variety of sources (cadastre books, gentry military lists, letters patent, legislative acts, etc.) the author analyzes the appearance and further development of the system of land distribution. Comparing materials from different parts of the country, the author describes the complexity and ambiguity behind the creation of the said system. Its basis was the mass distribution of lands in compliance with *lists* in the Novgorod Land in the late 15th – early 16th centuries and was later applied in other territories, facing a number of objective difficulties. In the centre of the country plots of land were distributed in places with advanced estate landownership

---

* *Citation:* Bentsianov, M. (2016). 'Let Us Distribute Lands Fairly and Deservedly' : Land Distribution System Establishment in Russia in the 15th–16th Centuries. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4, № 1, p. 17–36. DOI 10.15826/QR.2016.1.150.

Цитирование: *Bentsianov M.* 'Let Us Distribute Lands Fairly and Deservedly' : Land Distribution System Establishment in Russia in the 15th–16th Centuries // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 1. p. 17–36. DOI 10.15826/QR.2016.1.150 / Бенцианов М. «Поверстатии по достоинству безгрешно. . .»: система окладов в Русском государстве XV–XVI вв. // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 1. С. 17–36. DOI 10.15826/QR.2016.1.150.

which seriously impeded its growth. There was no effective control over the redistribution of lands, while repressive measures led to no results. After a few decades of land distribution and due to the decrease in the lands available and the drastic increase in the number of landowners initiated by the central government, it lost control over the provision of lands to the service class, which resulted in numerous changes both in internal and international affairs. The land distribution system was re-initiated in the mid-16th century and it took a few decades for it to include all the service class men. As a result, there appeared a discrepancy between the land distribution in theory and its actual implementation. Fair distribution of land as well as the control over service and redistribution of lands led to the emergence of a central management body. The land distribution system played a similarly important role for the development of gentry as a class. Being a major factor in the centralization policy, the land distribution system laid the groundwork for the development of the Russian state being a basis of its intensive expansion policy.

Keywords: estate; conditional land system; military service; gentry; land rank system; Russian state; centralization; autocracy.

Статья посвящена становлению системы окладов в Русском государстве XV – середины XVI в. На основе данных широкого круга источников (писцовые книги, десятины, жалованные грамоты, законодательные акты и т. д.) проанализирован процесс появления и дальнейшего распространения окладов. В ходе исследования путем сопоставления материалов, относящихся к различным районам страны, прослежены сложность и неоднозначность процесса создания окладной системы. Ее основы были заложены в ходе массовых поместных раздач «по спискам» в Новгородской земле в конце XV – начале XVI в. и в дальнейшем применены на других территориях, где их распространение столкнулось с рядом объективных трудностей. В центре страны поместья раздавались в местах развитого вотчинного землевладения, что значительно ограничивало его рост. Отсутствовал действенный контроль над перераспределением земель, а репрессивные меры имели малорезультативный характер. За несколько десятилетий с начала поместных раздач при уменьшении фонда свободных земель и резком увеличении числа помещиков центральным правительством в значительной степени был утрачен контроль над земельным обеспечением служилых людей, что имело множественные последствия во внутренней и внешней политике. Процесс перезапуска окладной системы был заново инициирован в середине XVI в., а его распространение на всю массу служилых людей растянулось на несколько десятилетий. В результате наметился разрыв между номинальными окладами и их фактическим наполнением. «Правильные» раздачи, контроль за несением службы и перераспределением земельного фонда дали толчок развитию центрального делопроизводственного аппарата. Не меньшее влияние функционирование окладной системы сыграло в формировании дворянства как единого сословия.

Выступая в качестве одного из характерных признаков политики централизации, окладная система предопределила векторы развития Русского государства, став основой для его активной экспансионистской политики.

Ключевые слова: поместье; поместная система; служба; дворянство; окладная система; Русское государство; централизация; самодержавие.

Конец XV и первые десятилетия XVI в. ознаменовались стремительной экспансией и расширением границ Русского государства. Насыщенный территориальными присоединениями отрезок времени был удивителен на фоне нескольких предшествующих столетий, когда границы великого княжества Владимирского оставались неизменными.

В основе этого «спурта» лежали переустройство действовавших моделей функционирования государственного механизма, выработка новых ориентиров социальной политики, и прежде всего решение вопроса об организации службы. В условиях полуобязательной службы и общей неразвитости вотчинного землевладения существовал серьезный дефицит кадров. Не каждый вотчинник готов был служить «конно, людно и оружно», как по причине отсутствия профессиональных навыков, так и из-за недостатка стимулов для такой деятельности. Для демократизации службы и кумулятивного увеличения круга задействованных в ней лиц требовались новые источники финансового обеспечения служилых людей. Достичь поставленной цели удалось за счет поместных раздач, которые были развернуты в конце XV в.

Вероятно, с учетом имевшихся различий распространенность и значение поместного землевладения в организации службы существенно отличались в разных регионах. С оговорками можно выделить два сценария, по которым шло развитие поместной системы. В центральных уездах в разряд поместных земель были переведены условные владения дворцовых слуг – псари, сокольники, стрелки, сытники и т. д. [Зимин, с. 138–140]. Потомки некоторых из них со временем стали полноправными детьми боярскими. Большое значение приобрело пожалование поместий как дополнительный способ вознаграждения за службу для представителей служилых фамилий, многие из которых получали поместья неподалеку от своих вотчин. Поместья жаловались индивидуально, исходя из служебных достижений (связей), и не имели организованного характера. Не способны они были радикально изменить принципы организации службы, постепенно вовлекая в себя все большее количество лиц и фамилий.

В чистом виде поместная система была представлена на недавно завоеванных территориях, где производились земельные конфискации и выселения местных вотчинников. Помимо Великого Новгорода с его пригородами и Пскова, поместья стали господствующей формой

служилого землевладения в Вяземском, Бельском, Дорогобужском уездах. Сюда же можно отнести осваиваемые степные территории, где вотчинное землевладение отсутствовало или было представлено незначительно, – Каширский и Тульский уезды. Поместные раздачи в Каширском уезде начались в конце XV в. В 1519 г. было выдано несколько жалованных грамот на поместья в Тульском уезде с перечислением имен прежних помещиков [Бенцианов, 2013а, с. 109–112; АСЗ, т. 1, № 155, с. 129; АСЗ, т. 4, № 453, с. 334].

«Поместная колонизация» имела организованный характер. Поместья раздавались на стратегически важных направлениях, где необходимо было постоянное присутствие воинских контингентов [Бенцианов, 2015, с. 37]. Перманентный кадровый дефицит приводил к нецелесообразности сосредоточения помещиков вдалеке от театров военных действий, например, в Вятской земле. Присутствие помещиков оговаривалось в наказе к наместнику И. В. Шадре Вельяминову: «чтобы еси отпустил ко мне [Ивану III] Василья Злобина, а иные бы поместчики из Вязмы бес слова не ездили никуда, жили бы по своим поместьем в Вязме» [Сборник русского исторического общества, т. 35, с. 428].

Переходным вариантом было создание поместных субкорпораций в рамках существующих объединений служилых людей. В Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. упоминалось несколько подобных групп: «из Ярославля же помещики», «в Стародубе помещики», «помещики тверские» [Кобрин, 1985, с. 97–100]. Среди «ярославских помещиков» фигурировали князья П., В. И. Телятевские. Их появление здесь относится к концу XV – первому десятилетию XVI в. [АСЗ, т. 1, № 146, с. 120]. Поместья в 1511 г. получила целая группа детей боярских: Ф. и А. С. Видовы, О. Б. Суслов, Д., Я., А. Сушковы, С. В. и К. С. Чириковы, а также К. Д. Селифонтов с детьми [АСЗ, т. 1, № 37–38, с. 35–36, 327–328; № 274, с. 248; АСЗ, т. 4, № 460, с. 339; № 480–481, с. 352–353]. «Ярославские помещики» не пересекались в Дворовой тетради с «литвой дворовой», еще одной обособленной группой, созданной во втором десятилетии XVI в.

«Стародубские помещики» князья Мецецкие были переселены на новое место службы в конце XV в. [Кобрин, 1985, с. 100]. В Тверской земле первые поместья начали раздаваться Иваном Молодым уже в конце 1580-х гг. Жалованные грамоты этого князя позднее предъявили Крекшины-Теприцкие и Родионовы [ПМТУ, с. 251, 277]. Затем эта традиция была продолжена Иваном III. К началу XVI в. в число тверских помещиков входили не менее нескольких десятков человек.

Очевидны причины создания этих субкорпораций. В Тверской земле продолжал существовать «двор тверской». Тверская канцелярия выдавала жалованные грамоты [Флоря, с. 281–290; Антонов, 1998, с. 112–113]. Такая автономность должна была иметь контролируемый характер. Помещики играли роль стабилизирующего фактора, удерживая

живая представителей тверского боярства от сепаратистских настроений. Близкой была ситуация на территории бывшего ярославского княжества. Местные вотчинники были упомянуты в духовной Ивана III: «А бояром и детем боярским ярославским с своими вотчинами и с куплями от моего сына от Василья не отъехати никому никуде. А хто отъедет, и земли их сыну моему» [ДДГ, № 80, с. 356]. Благонадежность ярославцев, видимо, также вызывала вопросы.

Помимо перечисленных групп, существовали другие переселенцы. Среди них были новгородские и псковские бояре, «вятчане», получившие поместья в «московских городах». Выходцы из западно-русских территорий, а также соратники князя М. Л. Глинского, образовавшие прослойку «литвы», получали поместья (в ряде случаев – вотчины) взамен конфискованных у них земель.

В обособленные субкорпорации постепенно проникали местные вотчинники. Тверская дозорная книга начала 1550-х гг. содержит подобные примеры. Уже в 1520 г. поместьями были пожалованы представители Епишевых [ПМТУ, с. 301], позднее к ним присоединились Бороздины, Свибловы, Затыкины, Бибиковы и др. Некоторые из них получали поместья по спискам вместе с выходцами из других уездов. Большое количество жалованных грамот с их участием было датировано 1524–1527 гг. В других случаях имели место индивидуальные пожалования.

Определяющие принципы поместной системы были выработаны при массовых организованных раздачах, когда одновременно приходилось наделять поместьями большие группы людей. Эта задача вызывала необходимость развития центрального делопроизводственного аппарата и выработки объективных критериев деления на группы – «статьи» служилых людей, закладывая тем самым контуры будущего развития служебных отношений как применительно к отдельным корпорациям, так и в рамках всего государства в целом. Система окладов стала со временем краеугольным камнем в организации «служилого города», унифицирующим признаком, объединяющим служилых людей различного происхождения.

Вне зависимости от места раздач исходный импульс по их проведению исходил от великокняжеской власти. Сами раздачи проводились под контролем одних исполнителей из центрального аппарата, представляя локальные варианты общерусского процесса, реализуемого по схожим моделям и шаблонам. Характерные для поместной системы черты не могли появиться одновременно. Их развитие и совершенствование проходило на разных территориях, имеющих свои особенности, в условиях влияния ряда внутри- и внешнеполитических факторов.

Потенциал создания поместной системы был понят далеко не сразу. Традиционализм, опора на «старину» и отсутствие развитого аппарата, который мог бы контролировать организацию службы, сдерживали ее развитие. Во многом стремительность поместных раз-

дач была вызвана сочетанием случайных факторов. Ключевую роль в этом процессе сыграло присоединение Новгородской земли.

Далеко не сразу Новгородская земля была подвергнута массовым конфискациям. Необходимо принимать во внимание отсутствие единого плана, определявшего ее судьбу. Начавшиеся в 1478 г. выселения местных бояр осуществлялись в несколько приемов. Изначально при их проведении не была поставлена задача ликвидации боярского землевладения. Сценарий развития событий предполагал интеграцию новгородцев в действующую схему организации службы. «Новгородская сила» участвовала в 1481 г. в походе «на немцы», а в 1485 г. – в завоевании Тверского княжества. Кое-кто из местных бояр, вероятно, даже смог увеличить свои владения за счет конфискованных земель [Бенцианов, 2015, с. 42].

Первые немногочисленные раздачи (фиксируются с 1482 г.) не имели системного характера. Основной массив конфискованных земель перешел в дворцовое ведомство. Ситуация начала меняться по мере увеличения числа «выводов», когда была сделана ставка на приток служилых людей из центральных районов. Ставилась задача максимально быстро передать «освобожденные» земли в другие руки. Поместья этого времени имели исключительно большие размеры. У некоторых служилых князей и ряда вотчинников родовые земли обменивались на поместья. Известны были примеры перехода «боярщин» некоторых новгородцев в качестве приданого в руки «москвичей» [Бенцианов, 2015, с. 42–43].

Эффект от подобных раздач, однако, не оправдал ожиданий. Многие представители знати и лиц, связанных с придворной службой, не стремились перебираться сюда на постоянное жительство. К началу 1490-х гг. число служилых людей в Новгородской земле было недостаточным даже для организации защиты собственных границ. Это наглядно продемонстрировал эпизод шведского вторжения 1496 г., закончившегося сожжением Ивангорода. Несмотря на прошедшие уже к тому времени полтора десятилетия с начала поместных раздач, здесь «служивых людей не было» [Разрядная книга, с. 52].

Во второй половине 1490-х гг. переселения производились целыми семьями и фамилиями. Зачастую охватывались целиком некоторые отдельные группы. Непропорционально большим было, например, число помещиков-«луховцев», выходцев из небольшого поволжского городка Лух, переданного в «отчину» князю Ф. И. Бельскому. При необходимости резко нарастить массу служилых людей в их ряды группами зачислялись бывшие слуги представителей московской аристократии и новгородских бояр. Из последних была сформирована группа «ивангородцев». Некоторые помещики были выходцами из дворцовых слуг – ключников, посельских, тиунов, подьячих и т. д. За короткий промежуток времени удалось создать полноценную служилую корпорацию (порядка 2,5 тыс. человек), ставшую основой для военных действий на западном направлении [Бенцианов, 2013, с. 40–43].

В ходе массовых раздач были выработаны требования обязательной службы. Анализ служб новгородских помещиков показывает, что разрядные поручения стали выполнять представители известных боярских родов, прежде десятилетиями остававшиеся в неизвестности. Переселение в Новгород и обязанность служить с поместий активизировала их службу. Учитывая масштабность новгородских переселений, подобная встряска затронула большую часть боярских фамилий Северо-Восточной Руси. Была постепенно сформирована и система окладов – соотнесения по статьям различных групп служилых людей в зависимости от их статуса, предопределившая в будущем развитие служебной организации. Появился делопроизводственный аппарат, который мог проводить подобные мероприятия в жизнь, был получен опыт форсированного развития служебных отношений. Поместная служба знаменовала собой своеобразный договор между государственной властью и массой лиц, задействованных в службе. Государство гарантировало всем сыновьям служилых людей, годным к несению службы, предоставление поместных наделов, в то время как они обязались нести регулярную воинскую повинность в определенных для них местах. С этого началось формирование дворянства как социальной страты, осознающей свои права и обязанности.

Стремительное развертывание поместной системы в дальнейшем столкнулось с объективными проблемами, главной из которых было отсутствие питательной среды для появления новых служилых людей. Новгородские переселения затронули значительную часть вотчинников центра страны. Для масштабной колонизации других территорий в распоряжении у центрального правительства почти не осталось ресурсов. Рост числа помещиков стал реальностью в следующем поколении, спустя 15–20 лет после массовых раздач рубежа XV–XVI вв. Видимо, именно эта причина привела к консервации сложившихся поземельных отношений в Тверском и Рязанском княжествах, где местные бояре после присоединения к Москве сохранили за собой свои вотчины.

Новгородский опыт организации службы оказал влияние на развитие поместного землевладения в других частях Русского государства. Анализ развития каширской корпорации показывает, что первоначально здесь, как и на территории Новгородской земли, большую роль в поместных раздачах играли пожалования представителям знати. В завещании князя И. Ю. Патрикеева при перечислении «серебра на руках» встречается село «на Безпуте на Иванкове», а также деревни Пилюгино и Сидоровское, которые не передавались его сыновьям и жене. В 1522 г. поместье Г. Ф. Хромого было пожаловано Ф. Г. Хмырову. Писцовая книга конца 70-х гг. XVI в. говорит об одной из церквей как о «поставлении» М. Я. Русалки, дворецкого Ивана III [ДДГ, № 86, с. 348; АСЗ, т. 1, № 287, с. 274–275; Писцовые книги XVI века, с. 1390]. Со временем представители «боярской аристократии», не будучи задействованы в службе на этой южной окраине, потеряли здесь

земли. По-другому сложилась судьба князей Мещерских. Общим предком всех каширских представителей этого рода был живший в конце XV в. К. Б. Мещерский. На рубеже веков князья Мещерские получили также поместья в Новгородской земле. Очевидно, переселение этих мелких служилых князей в разные регионы страны было частью единого плана. Как и в Новгороде, потомки «людей» князя И. Ю. Патрикеева стали родоначальниками семей каширских детей боярских (Трубниковы-Хинские, Родичевы, а также, видимо, Пещеревы и Архаровы). В дальнейшем все они заняли скромные места в структуре местной корпорации. Существовали и прямые переселения из Новгородской земли в Каширский уезд. Истоме Оладину (Шишмареву) принадлежало в начале XVI в. поместье в Шелонской пятине, которое к концу 1530-х гг. уже перешло в руки новых владельцев. В каширской десятне 1556 г. отмечен был его сын Г. Истомин Оладьин [Бенцианов, 2013а, с. 109–111].

Недостаток источников не позволяет оценить распространение системы окладов, выработанной в ходе новгородских испомещений. Видно, что размеры поместий, раздававшихся в первые десятилетия XVI в., уступали «новгородскому образцу». В Новгородской земле «правильные» оклады рубежа веков составляли не менее 15 беж (150 четвертей по позднему соотношению). Сопоставление упомянутых в жалованных грамотах 1511 г. в Ярославском уезде населенных пунктов со сведениями писцовой книги 1568–1569 гг. позволяет оценить количество переданной помещикам земли. Ф. С. Видову были пожалованы деревни Кузолцово, Онисимцево и Корелово. В 60-е гг. XVI в. его сын Угрим Ф. Видов владел теми же участками (деревнями Кузовцево, Онисимцево и пустошью Кореково) без каких-либо придач. Всего ему принадлежало 28 четвертей земли, «худая» земля и «перелог». Во втором десятилетии это владение могло быть несколько большим, но очевидно, что разница не была принципиальной. Тот же вывод применим к А. С. Видову. В 1568–1569 гг. двум его сыновьям И. и С. Верещаге принадлежало 54 четверти земли (С. Верещаге – семь четвертей земли и семь четвертей перелога). Несколько большим по размеру было поместье К. С. Чирикова, перешедшее к его потомку Третьяку Гневашеву Чирикову. Здесь насчитывалась 81 четверть [АСЗ, т. 1, № 37, с. 35–36; т. 4, № 481, с. 353–354; Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века, с. 268–269, 275, 281–283]. Видовы и Чириковы были полноценными детьми боярскими, хотя переданные им владения имели весьма скромный характер.

В соседних Суздальском и Галицком уездах в жалованных грамотах фигурировали также небольшие надель. В 1515 г. К. и Д. В. Репьевы получили поместье своего отца – деревню Тиманово. В том же году галичане Ф. и Неклюд Моклоковы Черевины были пожалованы отцовским поместьем – двумя деревнями и починком. В Устюжне по выписке из писцовой книги 1537 г. поместье Нечая Бирилева составляло 34 четверти [АСЗ, т. 4, № 398, с. 294; № 479, с. 352; т. 1, № 26, с. 28].

Дозорная книга Тверского уезда 1551–1554 г. перечисляет имевшиеся на руках у различных землевладельцев документы на право владения. В ряде случаев указывались и точные даты выдачи поместных грамот, на основании которых можно проследить некоторые особенности процесса поместных раздач. Окулина Фирсова Ширяева предъявила писцам жалованную грамоту мужа, датированную «7013» (1504–1505) г. Всего в ее поместье было 80 четвертей земли. В «7014» г. поместье получил Я. С. Кудрявцев. В 1539–1540 г. в его поместье насчитывалось 87 четвертей земли [ПМТУ, с. 105, 187, 242]. Учитывая большие запасы земель, перешедших в дворцовое ведомство после завоевания Тверского княжества, вряд ли допустимо говорить о дефиците здесь свободных земель.

Приведенные примеры свидетельствуют о желании уменьшить размеры наделов и за счет этого теснее связать помещиков со службой. Эта политика позволяла быстро увеличить число служилых людей, но в перспективе вела к противоположным результатам. С небольшого поместья трудно было нести «далнюю» службу, особенно учитывая его раздробление между несколькими наследниками. Для функционирования системы требовались постоянные новые пожалования и контроль над перераспределением «выморочных» участков. Это, в свою очередь, требовало совершенствования делопроизводственного аппарата.

Первые сбои были зафиксированы уже в 20-е гг. XVI в. В деле муромца Ф. Крыжина 1523–1524 гг. (видимо, из «литвы») упоминалось о его неоднократном уклонении от службы. Несмотря на это, он продолжал в полном объеме владеть своим поместьем. Здесь же говорится о деятельности князя А. Прозоровского: «князь Андрей жил тогда в Муроме, имал тех, которые збежат с службы и которые не поехали на службу» [АСЗ, т. 4, № 502, с. 386–388]. При недостаточности числа служилых людей репрессивные методы воздействия не могли быть достаточно эффективными, что заставляло мириться с такими мерами.

Целостность системы нарушалась за счет пожалований индивидуального характера, что не давало возможности последовательно проводить намеченные изменения. При постоянном недостатке средств для выдачи жалования и увеличении круга претендентов на получение кормлений раздачи поместий компенсировали возникавшие прорехи. Помимо служилых людей, поместья жаловались и другим лицам. Крупным поместьем владел, например, В. К. Протопопов, протопоп Благовещенского собора в Москве, духовник Василия III [Кобрин, 2008, с. 205–206].

Индивидуальный характер пожалований отчетливо проявился после смерти Елены Глинской при новых поместных раздачах в Тверской земле. Исключительно крупные поместья были пожалованы представителям аристократии и виднейших дьяческих фамилий [Кром, 2010б, с. 551]. Анализ тверской писцовой книги показывает неразвитость

в функционировании поместной системы. При перечислении владений отсутствовали ссылки на земли в других частях уезда или даже страны. Раздачи не преследовали цель соответствовать определенным окладам. Подавляющее большинство «старых» помещиков служило с земель, переданных им в предшествующие десятилетия без «придач», хотя зачастую их владения в 1530-е гг. принадлежали нескольким совладельцам. Привлечение данных дозорной книги 1551–1554 г. показывает, что некоторые помещики не служили «государеву службу», в других случаях (конюхи К., Ф. Г. Софроновские) их поместья были фактически отобраны соседями из числа знати. Пример Окулины Ширяевой свидетельствует об отсутствии механизма перераспределения «вдовьих» наделов. Полноценными поместьями владели также О. Ларионова и С. Юрлова [ПМТУ, с. 99, 104].

Учитывая разновременность проводившихся раздач на различных территориях и влияние на этот процесс ряда других факторов, к концу 30-х гг. XVI в. поместная система была представлена в нескольких вариациях. В новоосваиваемых уездах, где массовые испомещения начали проводиться сравнительно недавно, существовала реальная возможность строить служебные отношения на единых «правильных» основаниях, не считаясь со сложившимися традициями. В «старых» поместных уездах, к которым относились Новгородская земля и Тверской уезд, проводить перераспределение земельного фонда было значительно труднее. И если в новгородских пятинах система продолжала функционировать более или менее исправно за счет мобилизации земель и новых раздач [Бенцианов, 2015, с. 48–49], то в Твери ситуация требовала более радикального решения.

Более запутанной была ситуация в уездах, где поместные раздачи проводились в индивидуальном порядке, в качестве дополнения к имеющимся вотчинам. В этом случае вряд ли приходилось говорить о единообразии и контроле со стороны правительства [Кобрин, 1987, с. 94]. Очевидно, уже в ходе «большого поместного верстанья» конца 1530-х гг. была сделана попытка унификации окладов. Об этом свидетельствует выпись из писцовой книги, выданная в 1540 г. Я. С. Колотиловскому «по наказному списку и по окладу боярина князя Ивана Михайловича Шуйского». Всего он получил 25 четвертей пашни и 10 четвертей пашенного и непашенного леса. Обращает на себя внимание кратность этого оклада, которая в целом находила соответствие с новгородскими «образцами», хотя и отличалась от них в меньшую сторону [АСЗ, № 4, т. 4, с. 7]. Позднее Колотиловские, несмотря на незначительность этого владения, утверждали, что упомянутый Я. С. Колотиловский и его племянники служили «по Вологде по дворовому» [Гневашев, с. 186]. Это свидетельство прямо противоречит предположению Г. В. Абрамовича о распространении на территории всего Русского государства этого времени минимального поместного оклада в 100 четвертей [Абрамович, с. 195–196]. Ошибочно мнение Н. П. Лихачева о верстании брянчан 1545 г., основанное

на местнических данных XVII в. Деятельность фигурировавших здесь воевод князя А. Тростенского и В. Белеутова относится к концу 70-х гг. XVI в. [Татищев, с. 16; Лихачев, с. 451]. В других жалованных грамотах 1530–1540-х гг. ссылки на оклады отсутствуют, а сам их формуляр не претерпел изменений.

Унифицированные оклады не получили широкого распространения и, как и многие другие начинания конца 1530-х гг. (например, проект проведения «тысячной реформы»), были отложены до лучших времен. Тем не менее, это начинание не было забыто. В проектах вопросов к Стоглавому собору 1550 г. прямо поднималась тема несоответствия номинального и фактического окладов: «А у которых отцов было поместья на сто четвертей, ино за детми ныне втрое, а иной голоден; а в меру дано на только по книгам, а сметить, ино вдвое, а инь-деболши» [ПРП, с. 577]. В 1556 г. при принятии «Уложения о службе» именно 100 четвертей рассматривались в качестве минимального поместного оклада. Как видно из этого сообщения, с момента проведения последнего верстанья и фиксации его итогов в книгах (писцовых или «служебных», как это было в Новгородской земле) прошло значительное количество времени. Трудно сказать, какое распространение получило отмеченное верстанье в действительности. В Новгородской земле оно было составлено перед проведением писцовых описаний конца 1530-х гг. «Валовая» перепись земель затронула в конце 1530 – начале 1540-х гг. большое количество уездов Русского государства, но, очевидно, далеко не всегда преследовала цель упорядочить имеющиеся поместные оклады [Кром, 2010б, с. 552].

Сведения об окладах содержатся в сочинении Ермолая Еразма «Правительница», написанном в конце 1540-х – начале 1550-х гг. Как и в более поздних десятиях, здесь последовательно перечисляются оклады: 1000 четвертей – боярский оклад, 750 – воеводский, и оклады «воинов» – 500, 400, 300 и 125 четвертей. Деление детей боярских на статьи по окладам (200, 150 и 100 четвертей) было предусмотрено указом 1550 г. об испомещении 1000 «лутчих слуг» [Библиотека литературы Древней Руси, с. 560; ТКДТ, с. 53–54]. Анализ каширской десяти 1556 г. и «боярской книги 1556/57 г.» показывает, что в середине века велась работа по унификации окладов, которая, однако, в эти годы еще не была доведена до конца.

Первый общевоинской смотр армии, нашедший отражение в комплексе десятен, был проведен в 1556 г. в Серпухове. В «боярской книге 1556/57» г. упоминается «старый смотр в Казани в зимнем походе». Ссылки на него содержат сведения о сопровождавших «людях» и их вооружении без сведений о землевладении, которое, очевидно, не было зафиксировано. По размаху серпуховский смотр не имел аналогов: «И свезли к государю списки изо всех мест, и государь сметил множество воинства своего, еще прежде сего не быть так, многия бо крышася, от службы избываше» [ПСРЛ, т. 13, с. 270]. К этому смотру относится составление каширской десяти. Список каширян в ней

был построен по принципу постепенного убывания поместных и денежных окладов. Большая часть поместных окладов отличалась единообразием, основанном на 50-кратном делении. В этом ряду были и свои исключения. Поместный оклад Ю. Г. Тутолмина составлял 230, Третьяка Истомина Солнцева – 295, а С. Первова Болотова – 36 четвертей. В случае с Ю. Г. Тутолминым в десятне получил отражение фактический размер его поместья. Все случаи «нетипичных» окладов находились за пределами Ростовецкого стана, дети боярские которого сформировали ядро каширской корпорации. Для выходцев из этих станов (Беспутский, Туров, Тешилов, Мстиславль) у проводивших верстание лиц, видимо, не было сведений об окладах, поэтому данные по их землевладению записывались с их слов. В отрывках новгородской десятни смотра того же 1556 г. прямо говорится об этой процедуре: «И поместья их писаны, что которой за собою в памяти написал» [Бенцианов, 2013а, с. 104; РГАДА. Ф. 388. К. 846. Л. 544].

Такая же ситуация была описана в «боярской книге 1556/57 г.». У многих детей боярских государева полка отсутствовали поместные оклады, и отражение в этом источнике получило фактическое количество находящейся в их распоряжении земли. М. Т. Шетнев владел 147 четвертями земли, Я. И. Кузьмин – 1184, а И. Шапкин Рыбин – 503. Удастся насчитать несколько десятков подобных примеров [Антонов, 2004, с. 82, 109]. Обращает внимание несоответствие принадлежащего Я. И. Кузьмину количества земли его не слишком высокому статусу. В «Правительнице» Ермолая Еразма это боярский оклад. В случае князя М. Ф. Бахтеярова Ростовского упоминается поместный оклад – полсохи со ссылкой на «старое письмо». Характерно, что уже валовая перепись конца 1530-х гг. описывала поместья в четвертях, то есть в этом случае отсылка шла к более ранним описаниям. В сохах было описано поместье Н. С. Вельяминова, который, правда, сам перевел его в четверти [Колычева, с. 18; Антонов, 2004, с. 86, 110].

Все перечисленные дети боярские, как и другие носители «нетипичных» окладов, не принимали участия в серпуховском «смотре». Отсутствие сведений по более ранним смотрам, фиксирующим размеры поместных окладов, приводило к необходимости опираться на «сказки» служилых людей, что вело к множественным искажениям. Н. С. Вердеревский сказал, что «не ведает» о размерах собственной рязанской вотчины [Антонов, 2004, с. 91]. При описании окладов заметно влияние писцовых книг, которые, видимо, были затребованы по этому случаю. Поместье А. И. Сабурова составляло «его выть треть 1784 четверти» и, очевидно, в свое время принадлежало его отцу, от которого перешло в руки трех его сыновей. Сам А. И. Сабуров в Дворовой тетради был записан по Торжку. Здесь же служил В. Г. Яхонтов, который в 1556–1557 гг. распоряжался доставшейся ему частью отцовского поместья «ево выти на 567 чети с третником» [Антонов, 2004, с. 112, 117; ТКДТ, с. 198]. Данные о землевладении этих лиц, скорее всего, восходят к материалам писцовых описаний конца 1530-х гг.

В ряде случаев видно бытование практики индивидуальных верстаней или верстаней для ограниченных групп служилых людей, не затрагивавших весь «город». Существенно разнились поместные оклады у костромичей государева полка. Некоторые оклады были унифицированы еще до момента составления книги денежной раздачи: во время смотра в Свияжске 1555 г. Ю. П. Федчищев «сказал поместья 400 чети», а в Нижнем Новгороде в 1556 г. Б. Д. Карташев был отмечен с окладом в 250 четвертей. Часть помещиков была верстана уже в 1550-е гг. – велено было учинить оклады Чудину Лобанову Пелепелицыну, его родственникам Меншику и Н. Г. Пелепелицыным, а также Образцу Гневашеву Рогатого и князю И. В. Вяземскому. Последнему из них новый оклад был положен уже после смотра в Нижнем Новгороде 1556 г. [Антонов, 2004, с. 92, 95, 97, 98, 105, 106]. Индивидуальный характер такого рода верстаней раскрывается на примере Чудина Пелепелицына. Ему полагался оклад в 250 четвертей «по окладу бояр князя Дмитрея Курлятева с товарищи... до верстанья». Очевидно, весь костромской «город» не был верстан, что подтверждается нетипичными окладами других детей боярских. Из них Я. Гневашев Рогатого Бестужев (119 четвертей) пропустил все смотры 1550-х гг., поскольку являлся губным старостой [Антонов, 2004, с. 98, 99–100].

Уже были отмечены «нетипичные» оклады в каширской десятне 1556 г. Большая часть каширян, однако, обладала к моменту смотра «правильными» окладами, то есть верстание для них (представителей Ростовецкого стана) было произведено еще до серпуховского смотра.

Раздача поместий по унифицированным окладам получила отражение в актовых материалах. В 1554 г. А. С. Сазонов получил поместье в Тульском уезде. Ему был присвоен отцовский поместный оклад: «велено по окладу учинить 100 четвертей». В рассматриваемом акте содержится ссылка на письмо В. Фомина и Я. Старого 1551–1552 гг. Скорее всего, одновременно с этим «письмом» (или несколько ранее) проводилось верстание тульских детей боярских. В 1557 г. прибавку к тульскому же поместью получил Третьяк Сухотин: «велено учинити поместья на 300 четей». ВМценском уезде поместья П. П. и Б. С. Жиленковым были отданы в соответствии с их поместными окладами – 100 и 50 четвертей. В 1550–1551 г. поместье в 600 четвертей в Дорогобужском уезде было пожаловано новгородцу князю И. Б. Корецкому, а «на Велиже» в 300 четвертей – торопчанину Вериге Ушакову [АСЗ, т. 4, № 133, с. 98; № 412, с. 306; № 458, с. 337; ДАИ, № 52, с. 93, 110].

Жалования земли по окладам (статьям) стали регулярными в 1550-х гг. Жаловалось номинальное число четвертей, а не конкретное село или деревни. Проект указа об испомещении тысячников в 1550 г. предполагал раздачу «тысячникам» земли в соответствии с их статьями. После присоединения Казани 2000 четвертей было пожаловано архиепископу Гурию. Согласно звенигородской писцовой книге 1558–1560 гг., бояре и дети боярские Симеона Касаевича получали поместья по окладам [ТКДТ, с. 53–54; Акты исторические, с. 298;

Материалы для истории Звенигородского края, с. 57–58, 109–111]. Позднее эта практика была взята за основу при казанских раздачах 1560-х гг.

Из этого ряда, казалось бы, выпадают известные по сотной 1555 г. примеры раздачи поместий серпуховским детям боярским. Значительная их часть получила «правильные» оклады – по 100 и 50 четвертей. Встречались, однако, и странные пожалования – по 33, 77, 94, 44, 37 и даже 86 с осминою четвертей. Эти оклады раздавались «по поме-там», которые, очевидно, были внесены в документ во время верстан-ия. Применительно к И. С. Соимонову использовался смотренный список новиков 1554 г., где он упоминался в рубрике «Серпуховичи ж новики, поместьем верстаны в 62 году, а поместья им не даны» [Воронцова, с. 339–343; Кротов, с. 84]. Перечисленные раздачи, скорее всего, были вызваны подсчетами имевшейся в распоряжении у упомянутых лиц земли, к которым для достижения окладной суммы и требовалось добавить нужное количество четвертей. В 1562 г. Соимоновы получили земли «нетчиков» В. и Ф. В. Цвиленевых «к старым их поместьям серпуховским в их оклады, Беклемиша да Истомку к четыремстам к сороку к одной четверти в их оклад в пятьсот четвертей, а Молчанка ко сту к девяносто к осми четвертям с осминою в его оклад в полтретьяста четвертей...» [АСЗ, т. 4, № 432, с. 321]. Сведения о земельных наделах в этом случае, скорее всего, были взяты из писцовой книги князя В. С. Фуникова и И. Т. Бухарина 1551–1552 гг.

В середине века унификация окладов в соответствии с едиными служебными нормами еще не была закончена. В Новгороде при разборе поместных дел в 1555–1556 гг. дьяки делали характерную оговорку «до поместного верстания», которая свидетельствовала о нерешенности этого вопроса [ДАИ, № 52, с. 87, 88 и далее]. В Торопецком уезде в 1550–1551 гг. боярин М. Я. Морозов «смотрел и окладывал поместья детей боярских торопчен». Этот смотр отразился лишь на новых пожалованиях: четвертные оклады были присвоены для поместий, расположенных возле недавно отстроенного Велижа. Поместья собственно торопецких помещиков по-прежнему измерялись в обжах и вытях и были далеки от единых стандартов. В «боярской книге 1556/57» г. упоминается В. А. Меньшой Вельяминов-Сабуров, владевший 23,3 вытями [ДАИ, № 52, с. 91; Антонов, 2004, с. 92]. Это поместье, очевидно, когда-то принадлежало его отцу, а затем было разделено между тремя наследниками, что подтверждает бытование прежней системы распределения поместных наделов. Отсутствовали упоминания об окладах в челобитных торопецких детей боярских середины 50-х гг. XVI в.

Запоздалое распространение унифицированных окладов для Новгородской земли, видимо, была связано с бытованием обежной системы. Затянувшаяся перепись начала – середины 1560-х гг., состоявшая из нескольких писцовых комиссий и переводившая обжи в четверти, преследовала в том числе цель верстания. В 1562 г. поместье в Шелон-

ской пятине было отделено Ф. Д. Головину и Б. Д. Пустошкину, в 1563 – Злобе и С. В. Узкому и т. д. [АСЗ, т. 4, № 108, с. 80; № 373, с. 278; № 469, с. 344–345]. Тексты ввозных грамот говорят о раздаче поместий этого времени «по окладам». В 1561 г. во ввозной грамоте князю Л. И. Белосельскому упоминается его оклад: «мера его доделити по окладу». Впоследствии эта фраза стала более определенной. В 1562 г. поместье получил Б. Д. Пустошкин: «А по окладу за Богдашкою велено учинити на полторасти чети, и не дошло его меры 66 чети с осминою доброй земли» [АСЗ, т. 4, № 39, с. 31–32; № 373, с. 278].

Процедура испомещения по окладам окончательно сложилась ко второй половине 1560-х гг. Переселенные в 1568 г. в Бежецкую и Деревскую пятины костромичи получали поместья по статьям в соответствии с их поместным окладом «по верстальному списку».

Судя по «боярской книге», верстание уже к середине 1550-х гг. в полном объеме было произведено для Рязани, Калуги, Каширы, Тулы, Коломны, Вязьмы, Тарусы. Все представители этих «городов» обладали унифицированными окладами, полученными ими до серпуховского смотра. Обращает внимание пример С. И. Наумова, калужского губного старосты. Он, как и его костромской коллега Я. Гневашев Бестужев, не участвовал в серпуховском смотре. Тем не менее, его оклад был унифицирован – 400 четвертей земли [Антонов, 2004, с. 114]. Для большинства отмеченных корпораций отмечается соответствие поместного и денежного окладов: чем больше был размер поместья, тем больше было денежное жалование.

Верстания служилых людей и писцовые переписи были взаимосвязаны: перед проведением переписей обычно производились общий смотр и верстание. В начале 1550-х гг. была проведена серия писцовых описаний, затронувшая в том числе Рязанский, Серпуховский, Каширский, Коломенский и Тульский уезды. Несколько позднее перепись затронула Калужский и Вяземский уезды [АСЗ, т. 1, № 114, с. 85; Павлов, с. 24]. Для некоторых других уездов перепись началась в последующее десятилетие. Отмеченный Новоторжский уезд был описан в 1560 г. (писец – князь А. Дашков), а Костромской – в 1560–1562 г. (писцы – В. Наумов и Инай Ордынцев). Не был описан в 1550-е гг. Бежецкий Верх, о чем можно судить из челобитной 1566 г. вдовы С. Н. Нелединского. Согласно этому документу, поместье ее мужа составляло 93 четверти. При розыске по этой челобитной использовались писцовые книги Рычко Плещеева 1544 г., по которым указанное поместье составляло те же 93 четверти [АСЗ, т. 1, № 189, с. 155].

Оклады 1550-х гг. имели вполне реальное значение, и их обладатели должны были со временем получить причитающееся им земельное обеспечение. Серпуховский городской приказчик В. Ситчин, производивший в 1555 г. отделение поместий, добросовестно относился к своему заданию: практически все фигурировавшие в списке лица получили земельные наделы в соответствии с их окладами. Тщательно был организован процесс испомещения в Звенигородском

езде бояр и детей боярских Симеона Касаевича. Эта работа отражала планы правительства по приведению в порядок окладной системы: «поверстати по достоинству безгрешно... ино недостаточного пожаловати» [ПРП, с. 577]. На унифицированные оклады было ориентировано Уложение о службе 1556 г., предписывавшее выставлять одного воина со 100 четвертями доброй земли.

Реализовать это положение на практике было практически невозможно. Свободных земель для новых раздач в центре страны осталось немного. Анализ писцовых книг Ярославского и Рузского уездов 1567–1569 гг. показывает, что размеры большинства старых поместий существенно не достигали до минимальной нормы, не говоря уже о качестве земли. По данным полоцкой писцовой книги, многие помещики Невельского уезда довольствовались наделами в 30–40 четвертей (при окладе в 200–250 четвертей).

Проведенная унификация окладов предполагала возможность фиксированного вознаграждения за успешную службу. Новгородец князь Кудеяр Мещерский в 1568 г. должен был получить 50 четвертей земли за «невелскую послугу». В итоге из его оклада в 350 четвертей (с учетом выслуги) ему «не дошло» две трети – 247 четвертей [АСЗ, т. 4, № 172, с. 142]. Уложение о службе 1556 г. было выстроено в соответствии с номинальными поместными окладами, что приводило к противоречию: требуемое число воинов не было подтверждено необходимым количеством земли. Именно это обстоятельство привело к быстрому нивелированию его норм. Уже к началу 1570-х гг. «Уложение» было практически отменено, а проведение верстаней отдано в руки окладчиков – представителей служилых корпораций.

Вростание и переход к системе унифицированных поместных раздач растянулись на полтора десятилетия и заканчивались уже в других внутривластных условиях, что не могло не отразиться на их характере.

Процесс становления и окончательное оформление системы унифицированных окладов затянулись на несколько десятилетий, что было обусловлено объективной слабостью делопроизводственного аппарата, необходимого для проведения масштабных ревизий и последующего контроля над функционированием служебной системы, а также существовавшими различиями в организации службы в разных частях Русского государства. Недостаток людей и индивидуальный характер многих жалований не давали возможности претворять в жизнь намеченные планы. Начавшееся при раздачах в Новгородской земле складывание единых стандартов долгое время не находило прямого продолжения на других территориях. В самих новгородских пятинах унифицированные оклады были практически сведены на нет истощением фонда земель для новых раздач, отсутствием до определенного времени механизма перераспределения поместных земель и, главное, неготовностью правительства изымать «лишки» у помещиков. В общероссийском масштабе необходимость

проведения унификации окладов встала на повестку дня в конце 1530-х гг. в связи с проводимыми реформами службы. В 1650-е гг. это начинание было продолжено, а его завершение было закончено уже в годы опричного «террора», наложившего отпечаток на развитие окладной системы.

Со всеми недостатками и недоработками единая унифицированная система поместных окладов начала функционировать в рамках всей страны со второй половины XVI в. Трудно переоценить значение этого факта в организации дворянства – страты «служилых землевладельцев», организованных и упорядоченных в соответствии с их военным потенциалом. Вне зависимости от места нахождения поместий, происхождения и существовавших традиций службы все они были соотнесены друг с другом в единой чиновно-иерархической системе. Окладная система была своеобразной «табелью о рангах» и именно в этом качестве воспринималась московским правительством. Показателен случай с разменом пленных в 1566 г. В обмен на Д. Корсакова предлагались «дети боярские мещане городовые Темка Трубников да Митка Оладин, а верстаны поместьем оба по осьмидесяти чети, и те дети боярские молотчие». В этом случае оклад был критерием статуса [Сборник русского исторического общества, т. 71, с. 423].

Не менее важную роль проведение унификации имело при переселениях служилых людей. Оклад имел личный характер, что позволяло безболезненно (по мнению ведавших этим процессом лиц) переводить служилых людей из одного уезда в другой, получая на новом месте причитающийся им надел. Его появление дало основу для опричных и последующих «дворовых» переселений «городом» и обусловило активизацию поместной колонизации новых уездов.

Список литературы

Абрамович Г. В. Поместная политика в период боярского правления в России (1538–1543 гг.) // История СССР. 1979. № 4. с. 192–199.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею : в 5 т. СПб. : Изд-во имп. археограф. комиссии. 1841–1842. Т. 1.

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века : в 4 т. Т. 1. М. : Памятники исторической мысли, 1997. Т. 4. М. : Древлехранилище, 2008.

Антонов А. В. «Боярская книга» 1556/57 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М. : Древлехранилище, 2004. С. 80–118.

Антонов А. В. Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV – середины XVI века // Русский дипломатарий. М. : Археограф. центр, 1998. Вып. 3. С. 91–155.

Бенцианов М. М. Каширская десятина 1556 г. и проблема формирования «служилого города» // Проблемы истории России. Вып. 10. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013а. С. 97–120.

Бенцианов М. М. Новгородские источники Тысячной книги 1550 г. : Опыт ретроспективного анализа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2013б. № 4 (54). С. 34–48.

Бенцианов М. М. Формирование поместной системы в Новгородской земле в конце XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2015. №. 1 (59). С. 37–49.

Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 2000. Т. 9. 688 с.

Воронцова Л. Д. Рукописи Серпуховского Высоцкого монастыря // Тр. археографич. комиссии императ. Моск. археол. общ-ва. СПб. : Изд-во моск. археологич. общ-ва, 1902. Т. 2. Вып. 2. Древности.

Гневашев Д. Е. «Сыскные списки» вологодских дворян и детей боярских 1606–1613 гг. // Исторический архив. 2007. № 5. С. 184–196.

Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. СПб. : Изд-во императ. археограф. комиссии, 1846. Т. 1.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950.

Зимин А. А. Из истории поместного землевладения на Руси // Вопр. истории. 1959. № 11. С. 130–142.

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М. : Мысль, 1985. 280 с.

Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М. : Изд-во РГГУ, 2008. 372 с.

Колычева Е. И. Аграрный строй России XVI века. М. : Наука, 1987, 234 с.

Кром М. М. «Вдовствующее царство» : Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. СПб. : Новое лит. обозрение, 2010. 888 с.

Кром М. М. Меж Русью и Литвой : Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М. : Объединенная редакция МВД России, 2010. 318 с.

Кротов М. Г. Опыт реконструкции десятен по Серпухову и Тарусе 1556 г., по Нижнему Новгороду 1569 г., по Мещере 1580 г., по Арзамасу 1589 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М. : Изд-во ин-та истории Академии наук СССР, 1985. С. 69–83.

Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1888. 759 с.

Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 1. Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560 гг. М. : Археографич. центр, 1992. 156 с.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб. : Наука, 1992. 280 с.

Памятники русского права. М. : Гос. изд-во юридич. лит., 1956. Вып. 4.

Писцовые книги XVI века : в 3 ч. СПб. : Изд-во рус. географич. общ-ва, 1877. Ч. 1. Отд. 2.

Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М. : Дрвлекхранилище, 2005.

Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века : Поместные земли. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000.

Полное собрание русских летописей : Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб. : Изд-во императ. археограф. комиссии. 1904. Т. 13.

Разрядная книга 1475–1605 гг. : в 4 т. М. : Изд-во Ин-та истории АН СССР, 1977–1984. Т. 1. Ч. 1.

Сборник императорского русского исторического общества : в 148 т. СПб. : Изд. рус. историч. общ-ва, 1867–1916. 1882. Т. 35; 1892. Т. 71.

Татищев Ю. В. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М. ; Л. : Изд-во Акад. Наук СССР, 1950.

Флоря Б. Н. О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России. М. : Наука, 1975. С. 281–290.

References

Abramovich, G. V. (1979). *Pomestnaya politika v period boyarskogo pravleniya v Rossii (1538–1543 gg.)* [Conditional Land System Policy in the Board of Boyars Period in Russia (1538–1543)]. In *ISSSR*, 4, pp. 192–199.

Akty istoricheskie, sobrannye i izdанные Arkheograficheskoyu komissieyu [Historical Acta Collected and Published by the Archaeographic Commission]. (1841). Vol. 1. 614 p. Sankt Petersburg, Izd-vo imp. Arkheograf. Komissii.

Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka [Acts of Landed Servicemen of the 15th – Early 17th Centuries]. (1997). Vol. 1. 432 p. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli (2008). Vol. 4. 632 p. Moscow, Drevlekhranilishche.

Antonov, A. V. (2004). "Boyarskaya kniga" 1556/57 goda [A Book of Boyars of 1556/57]. In *Russky diplomatary*. Iss. 10, pp. 80–118. Moscow, Drevlekhranilishche.

Antonov, A. V. (1998). *Iz istorii velikoknyazheskoy kantselyarii: kormlennyye gramoty XV – serediny XVI veka* [From the History of Government Office: "Feeding" Diplomas of the 15th – mid-16th Centuries]. In *Russky diplomatary*. Iss. 3, pp. 91–155. Moscow, Arkheografichesky tsentr.

Bentsianov, M. M. (2013). *Kashirskaya desyatnya 1556 g. i problema formirovaniya "sluzhilogo goroda"* [The Military List of Kashira of 1556 and Problem of Gentry Corporations Formation]. In *Problemy istorii Rossii*. Iss. 10, pp. 97–120. Yekaterinburg, Izd-vo Ural'sk. un-ta.

Bentsianov, M. M. (2013). *Novgorodskie istochniki Tysyachnoy knigi 1550 g. Opyt retrospektivnogo analiza* [Novgorod Sources of the Tysyachnaya Book of 1550. A Retrospective Analysis]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 4 (54), pp. 34–48.

Bentsianov, M. M. (2015). *Formirovanie pomestnoy sistemy v Novgorodskoy zemle v kontse XV v.* [The Formation of the Conditional Land System in the Novgorod Republic in the Late 15th Century]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 1 (59), pp. 37–49.

Biblioteka literatury Drevney Rusi [The Library of Old Russian Literature]. (2000). Vol. 9. 688 p. Sankt Petersburg, Nauka.

Florya, B. N. (1975). *O putyakh politicheskoy tsentralizatsii Russkogo gosudarstva (na primere Tverskoy zemli)* [About Ways of Political Centralization of the Russian State (with Reference to Tver Principality)]. In *Obschestvo i gosudarstvo feodal'noy Rossii* (pp. 281–290). Moscow, Nauka.

Gnevashev, D. E. (2007). "Systnye spiski" vologodskikh dvoryan i detey boyarskikh 1606–1613 gg. [Search Lists of the Vologda Gentry. 1606–1613]. In *Istorichesky arkhiv*, 5, pp. 184–196.

Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannym i izdannym arkheogr. Komissieyu [Addenda to Historical Acta Collected and Published by the Archaeographic Commission]. (1846). Vol. 1. 446 p. Sankt Petersburg, Izd-vo imp. Arkheograf. Komissii.

Dukhovnye i dogovornyye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv. [Spiritual and Contractual Documents of Grand and Appanage Princes of the 14th–16th Centuries]. (1950). 585 p. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR.

Zimin, A. A. (1959). *Iz istorii pomestnogo zemlevladieniya na Rusi* [On the History of the Conditional Land System in Russia]. In *Voprosy istorii*, 11, pp. 130–142.

Kobrin, V. B. (1985). *Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoy Rossii* [Power and Property in Medieval Russia]. 280 p. Moscow, Mysl'.

Kobrin, V. B. (2008). *Oprichnina. Genealogiya. Antroponimika* [Oprichnina. Genealogy. Anthroponymy]. 372 p. Moscow, Izd-vo RGGU.

Kolycheva, E. I. (1987). *Agrarnyy stroy Rossii XVI veka* [The Agrarian System of Russia of the 16th Century]. 234 p. Moscow, Nauka.

Krom, M. M. (2010). "Vdovstvuyushchee tsarstvo": Politichesky krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka ["A Widow Tsardom": Political Crisis in Russia of the 1530s–1540s]. 888 p. Sankt Petersburg, Novoe literaturnoe obozrenie.

Krom, M. M. (2010). *Mezh Rus'yu i Litvoy. Pogranichnyye zemli v sisteme russko-litovskikh otnosheniy kontsa XV – pervoy trety XVI v.* [Between Russia and Lithuania. Boundary Lands in the System of the Russian-Lithuanian Relations of the Late 15th – 1st 1/3 of the 16th Centuries]. 318 p. Moscow, Ob'edinennaya redaktsiya MVD Rossii.

Krotov, M. G. (1985). *Opyt rekonstruktsii desyaten po Serpukhovu i Taruse 1556 g., po Nizhnemu Novgorodu 1569 g., po Meshchere 1580 g., po Arzamasu 1589 g.* [A Reconstruction of Military Lists of Serpukhov and Tarusa of 1556, for Nizhny Novgorod of 1569, for Meshchore of 1580, for Arzamas of 1589]. In *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'skogo perioda* (pp. 69–83). Moscow, Izd-vo inta istorii Akademii nauk SSSR.

Likhachov, N. P. (1888). *Razryadnye d'yaki XVI veka* [Military Clerks of the 16th Century]. 759 p. Sankt Petersburg, Tip. V. S. Balasheva.

Materialy dlya istorii Zvenigorodskogo kraya. Vyp. 1. Pripravochnyy spisok s pistovyykh knig Zvenigorodskogo uezda 1558–1560 gg. [Materials for the History of Zvenigorod District. Issue 1. The Revision Lists of Zvenigorod Uyezd Cadastre Books between 1558 and 1560]. (1992). 156 p. Moscow, Arkheografichesky tsentr.

Pavlov, A. P. (1992). *Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove* [The Royal Court and Political Struggle during the Times of Boris Godunov]. 280 p. Sankt Petersburg, Nauka.

Pamyatniki russkogo prava [Monuments of Russian Law]. (1956). Iss. 4. 632 p. Moscow, Gos. Izd-vo yurid. lit.

Pistsovye knigi XVI veka [16th Century Cadastre Books]. (1877). Part 1, Otd. 2. Sankt Petersburg, Izd-vo russkogo geograficheskogo ob-va.

Pistsovye materialy Tverskogo uyezda XVI veka [16th Century Tver Uyezd Cadastre Books]. (2005). 760 p. Moscow, Drevlekhranilishche.

Pistsovye materialy Yaroslavskogo uyezda XVI veka. Pomestnye zemli [16th Century Yaroslavl Uyezd. Manors.]. (2000). 360 p. Sankt Petersburg, Izd-vo "Dmitriy Bulanin".

Polnoe sobranie russkikh letopisey. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu [The Complete Collection of Russian Chronicles. The Chronicles Collection Known as the Patriarch's or Nikon Chronicle.] (1904). Vol. 13. 302 p. Sankt Petersburg, Izd-vo imp. Arkheograf. Komissii.

Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. [Razryad Books]. (1977). Vol. 1, Part 1. Moscow, Izd-vo In-ta istorii AN SSSR.

Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva [A Collection of the Imperial Russian Historical Society]. (1882). Vol. 35. 870 p. Sankt Petersburg, Izdanie russkogo istoricheskogo obshchestva.

Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva [A Collection of the Imperial Russian Historical Society]. (1892). Vol. 71. 807 p. Sankt Petersburg, Izdanie russkogo istoricheskogo obshchestva.

Tatishchev, Yu. V. (1909). *Mestnichesky spravochnik XVII v.* [A 17th Century Reference Book on *Mestnitchestvo*]. 105 p. Vil'na, Gubernskaya tip.

Tysyachnaya kniga 1550 g. i Dvorovaya tetrad' 50-kh gg. XVI v. [A List of *Tysyatskys* of 1550 and List of House Slaves of the 1550s]. (1950). 449 p. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. Nauk SSSR.

Vorontsova, L. D. (1902). *Rukopisi Serpukhovskogo Vysotskogo monastyrya* [The Manuscripts of the Vysotsky Monastery in Serpukhov]. In *Trudy arkheogr. komissii imp. moskovskogo arkheol. ob-va*. Vol. 2, Iss. 2. Drevnosti. Sankt Petersburg, Izd-vo moskovskogo arkheol. ob-va.

The article was submitted on 27.10.2015

DOI 10.15826/QR.2016.1.140

УДК 94(47)"13"+28+271.2+316.647

**МУСУЛЬМАНСКАЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО
ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ ИВАНА ГРОЗНОГО:
ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ**

Максим Моисеев

Музейное объединение «Музей Москвы»
Москва, Россия

**THE MUSLIM POLICY OF THE RUSSIAN STATE UNDER
IVAN THE TERRIBLE: CONTROVERSIAL ASPECTS***

Maksim Moiseev

Museum Complex "Museum of Moscow"
Moscow, Russia

The article studies the history of interaction between Orthodox Christians belonging to the Russian state and Muslims. The available data demonstrate that, as early as the 14th century, Muslims started living in a number of Russian cities. With the collapse of the Golden Horde and the confrontation between its successor states, the influx of migrants to the Russian lands was constantly growing. The conquest of the Kazan and Astrakhan khanates in the 16th century and then Siberia completely changed the ethnic and religious composition of the region. One state united Russians, Tatars, and various Finno-Ugric peoples: now under its aegis were both Orthodox Christians and Muslims. This influenced state ideology and policy. To study the aforementioned issue, historians have referred to a multitude of documentary and narrative sources. However, non-Russian scholars have focused on ambassadorial books which mention interaction between Christians and Muslims. The author maintains that these sources may prove very useful. First, referring to these books, the author reveals the specificities of the relations between the native Muslim

---

* *Citation:* Moiseev, M. V. (2016). The Muslim Policy of the Russian State under Ivan the Terrible: Controversial Aspects. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4, № 1, p. 37–54. DOI 10.15826/QR.2016.1.140.

Цитирование: Moiseev M. V. The Muslim Policy of the Russian State under Ivan the Terrible: Controversial Aspects // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 1. P. 37–54. DOI 10.15826/QR.2016.1.140 / Моисеев М. В. Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: дискуссионные аспекты // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 1. С. 37–54. DOI 10.15826/QR.2016.1.140.

population and the outside Russian administration in conquered Astrakhan. Secondly, the author traces the routes of voluntary and forced migrants and the elite of the Nogai Horde into Russia. The author describes the details of Christian-Muslim relations and argues that the Kazan war was not a “crusade”. The resettlement of part of the Kazan nobility to Novgorod did not automatically mean their conversion to Christianity. After the conquest of Astrakhan, its government was a diarchy consisting of the military administration and the local elites. Siberian archival materials provide no information about policies of intentionally converting the conquered population to Christianity. The analysis of ambassadorial books proves that Tatar prisoners were christened irregularly. Hence, the author concludes that the Russian state under Ivan the Terrible was rather indifferent to its residents’ religious views. The epoch in question can be characterised by the absence of a policy of converting the Muslim population to Christianity *en masse*. It was only the misbalance between religious freedom and state security that led to the repression and conversion of part of the Muslim population.

Keywords: eastern policy of the Russian state; 16th century; conversion to Christianity; Islam; Orthodox Christianity; tolerance; Christian-Muslim interaction.

Исследование посвящено истории взаимодействия православных христиан Русского государства и мусульман. Существующие данные позволяют говорить о том, что уже в XIV в. мусульмане начинают проживать непосредственно в ряде русских городов. С распадом Золотой Орды и углублением борьбы между ее государствами-наследниками поток эмигрантов в русские земли увеличивался. Завоевание в середине XVI в. Казанского и Астраханского ханств, а позднее Сибири в корне изменило этническую и религиозную ситуацию. В рамках одной страны были объединены русские, татары, представители различных финно-угорских народов и верующие двух мировых религий – христианства и ислама. Это должно было повлиять на государственную идеологию и практику. Для изучения обозначенной проблемы историки привлекали многочисленные документальные и нарративные источники. Однако за границей внимания оставались посольские книги, где сосредоточена информация по христианско-мусульманскому взаимодействию. По мнению автора, данный вид источников представляется весьма перспективным. На основании этих книг, во-первых, выявляются особенности взаимоотношений коренного мусульманского населения с пришлой русской администрацией на территории покоренной Астрахани, во-вторых, прослеживаются потоки добровольной и насильственной миграции населения и элиты Ногайской Орды в Россию. Автор раскрывает своеобразие христианско-исламских отношений, обращаясь к характеру Казанской войны, которая не имела «крестоносного» характера. Переселение части казанской знати в Новгородчину не повлекло за собой обязательной ее христианизации.

* The images published in this article are provided courtesy of Shchusev State Museum of Architecture (MUAR) and OMA respectively.

В покоренной Астрахани, по сути, образовался режим двоевластия: наряду с воеводской администрацией, в управлении городом принимала участие местная знать. Сибирские материалы тоже не дают оснований говорить о целенаправленной политике христианизации покоренного населения. Анализ данных посольских книг позволяет сказать, что случаи крещения пленных татар оставались единичными. Все это позволило автору сделать выводы, что русская государственная практика периода правления Ивана Грозного была достаточно индифферентна к вероисповеданию своих подданных. Для изучаемого времени не характерна целенаправленная политика христианизации мусульманского населения. И только нарушение баланса религиозной свободы и государственной безопасности приводило к репрессиям и крещению части мусульманского населения.

Ключевые слова: восточная политика Русского государства, XVI в., крещение, ислам, православие, толерантность, христианско-исламское взаимодействие.

Проблема взаимоотношений различных религий, носители которых были объединены в единое государственное пространство, уже давно привлекает внимание историков. Все чаще исследователи рассматривают связь миссионерства с государственной политикой по созданию новой идентичности [Волкова, 2013а, с. 39–50; Волкова, 2013б, с. 57–65]. Естественно, особое внимание уделяется взаимоотношениям ислама и христианства [Варьяш; Клюева; Макаров; Рязанова, с. 16–23; Ткалич, с. 14–22]. В последнее время исследователи разрабатывают очень интересное направление «горизонтальных» связей между христианами и мусульманами. Выявленные факты позволяют оспорить традиционную точку зрения об агрессивной христианизации или, наоборот, мусульманизации покоренных народов [Беляков, 2011б, с. 107–115; Главацкая, 2003, с. 26–35; Главацкая, 2004, с. 75–83; Зайцев, 2003, с. 58–77; Конев, с. 101–107; Шукуров, 1995, с. 68–103; Шукуров, 1999, с. 194–234; Шукуров, 2001; Шукуров, 2005, с. 214–233; Шукуров, 2013, с. 30–34]. В целом же на данный момент накоплено уже достаточное количество данных для того, чтобы перейти к рассмотрению проблемы христианско-мусульманского взаимодействия в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. В предлагаемой работе пойдет речь о времени Ивана Грозного, и вот почему.

Включение в состав Русского государства в середине XVI столетия Казанского и Астраханского ханств коренным образом изменило этническую и конфессиональную карту царства. Впрочем, не будем забывать, что мусульмане на территории Центральной России никогда не были явлением экзотичным. Уже во времена господства Золотой Орды мусульмане проживали в русских землях небольшими группами. К XIV в. относятся образование «ксений» мусульман в Москве и Нижнем Новгороде [Асадулин; Чулошников, с. 62].

Уже на рубеже XIV–XV столетий в Москве, по всей видимости, существовала татарская диаспора. В 2007 г. московские археологи обнаружили берестяную грамоту, представляющую собой опись имущества некоего татарина Турабея [Гиппиус, Зализняк, Коваль, с. 452–455]. Сохранились сведения и о татарском землевладении в окрестностях Москвы. С распадом Орды процесс эмиграции в северо-восточную Русь только усилился. Образовалось так называемое «Касимовское царство» [подробнее см.: Беляков, 2011а; Рахимзянов], но с середины XVI в. это явление становится крайне активным, и охватывает оно уже не только группы элиты, но и более низкие социальные страты.

Источники формирования мусульманской диаспоры вполне традиционны и уже неоднократно упоминались в историографии. Это плен, ссылка, добровольный отъезд. И все-таки до середины XVI в. совместное проживание мусульманского и православного населения в Московской Руси имело ограниченный характер, казанское же и астраханское «взятия» перевели ситуацию в кардинально новую плоскость. В это же время начался глубокий политический и экономический кризис в некогда мощной степной Ногайской Орде [Трепавлов, 2002, с. 270–311]. Все это привело к значительным миграциям мусульман, а в итоге – и к заметному увеличению их числа на коренных русских землях. В связи с этим закономерен вопрос о том, как сосуществовали мусульмане и христиане и нашло ли это отражение в исторических источниках.

Предложенную проблему можно исследовать на довольно широком круге источников. Это писцовые и разрядные книги, актовый материал, литературное наследие церковных деятелей, князя А. М. Курбского и царя Ивана Грозного; весьма важное значение имеют и дипломатические материалы. В первый существенный блок информации посольских книг по интересующему нас спектру вопросов можно выделить группу данных о сосуществовании коренного мусульманского населения с пришлой русской администрацией на территории покоренной Астрахани. Вторым заметным массивом является информация по выездам и ссылкам ногайских мирз в Россию. Третьим – отъезд и плен различных групп из Ногайской Орды в Россию. Рассмотрим некоторые из этих сюжетов через призму проблемы отношений мусульман с православными.

В середине XVI столетия одной из наиболее важных удач Русского государства в восточной политике стала победа в «Казанской войне». В историографии это противостояние довольно часто рассматривают как некое цивилизационное столкновение, придавая ему крестонный характер. Объясняется это тем, что, по мнению ряда историков, ведущая роль в обосновании правомерности завоевания Казанского ханства отводится церковным книжникам – «осифлянам» круга митрополита Макария [Зимин, с. 71, 75–76, 78]. Инициативой митрополита Макария объяснял казанские походы Г. Хаттенбах в специальном разделе коллективной монографии «Российская колониальная

экспансия до 1917 г.» [Huttenbach, p. 58]. Так, А. И. Филюшкин даже пишет о «доктрине Макария» применительно к внешнеполитической доктрине Русского государства середины XVI в. Однако анализ конкретных текстов заставляет осторожно относиться к этой гипотезе. В своем широко известном послании в Свияжск митрополит упоминает слово «Казань» (и производные от него) всего лишь пять раз, тогда как само послание насчитывает 1670 слов. Для Макария характерно подчеркивание бескровности взятия Казани в 1551 г., не допускает он и негативных коннотаций по отношению к исламской идентичности казанцев. Более всего святителя волновала нравственная и религиозная чистота русского гарнизона в недавно построенной крепости, а вовсе не идея обращения мусульман в христианство [ПСРЛ, т. 13, с. 180–183]. По сути, перед нами типичное «учительское послание», и ничего более! Важно, что и последующее послание митрополита, отправленное царю во время казанского похода 1552 г., тоже не выходит за рамки церковной традиции духовного укрепления на брань [Макарий, с. 69]. В этом произведении Макарий несколько усиливает антиказанскую риторiku. Так, казанцы уже «безбожные», «изменники и отступники» [ПСРЛ, т. 13, с. 193]. Однако и здесь Казань, казанцы, «поганые языки» суть редкие констатации, конкретизирующие наставление. Получается, что идеолог «казанской войны» Макарий обосновывает ее *post factum*. Он шлет «учительное послание» в Свияжск в 1551 г. после капитуляции Казани и наставляет царя в момент похода на столицу мятежного ханства в 1552 г. Еще больше вопросов возникает при рассмотрении «казанской переписки» царя и митрополита в свете «Отрывка русской летописи». В. В. Шапошник, подробно изучавший этот сюжет, пришел к следующим заключениям. Данные «Отрывка русской летописи» о переписке более достоверны, чем помещенные в Летописце начала царствования, и важно, что при известии о походе крымского хана (отраженного под Тулой) митрополит призывал царя вернуться в Москву [Шапошник, с. 214–223]. Итак, можно с определенной осторожностью сказать, что роль митрополита Макария в обосновании «казанского взятия» и придании ему крестоносного характера сильно преувеличена. Анализ казанских произведений архиепископа Нифонта также не подтверждает гипотезы об особой роли «осифлян» в разработке казанской политики Москвы [Кунцевич, с. 26–29]. Напротив, они скорее создавали тексты, посвященные конструированию пространства идеального православного Московского царства – идеи «Святорусского царства», «Святой Руси» – концепта абсолютно книжного, не имевшего в то время реального политического воплощения.

Еще более серьезные сомнения в антиисламском характере восточной политики Ивана Грозного появляются в ходе рассмотрения разнообразных данных о непосредственном ходе Казанской войны. Так, в Казанской войне активное участие на стороне русских принимали татары, и не только касимовские, но и казанские. После репрессий 1546 г.,

устроенных в Казани ханом Сафа-Гиреем, в Россию эмигрировала заметная часть казанской аристократии. Смерть хана весной 1549 г. спровоцировала очередной виток борьбы внутри казанской знати, что снова привело к бегству проигравших в сопредельные страны. Постепенно все недовольные установившимся режимом в Казани перебрались в Москву. Во главе казанской эмиграции с 1548 г. был Табай-бек, с 1551 г. казанскую диаспору возглавил Хосров-бек. Роль казанских эмигрантов в этой войне, вероятно, была немалой. Официальная летопись зарегистрировала наиболее важные моменты этого противостояния. Так, именно Хосров входил в число советников, советовавших строить будущий Свяжск на Крулой горе на устье Свияги. Он же входил в число сопровождающих Сююн-бике с сыном на пути из Свяжска в Москву, куда они прибыли 5 сентября 1551 г. Собственно, и мятеж марта 1552 г. спровоцировали те казанские беки и мирзы, что служили царю Ивану Грозному, заявив населению Казани: «...дополна ведают всем быти побитым, а слышали, сказывают, от городецких татар, и иные говорят, и от самого Шигалея» [ПСРЛ, т. 13, с. 176]. Многие казанские аристократы мятеж не поддержали и остались в русском Свяжске. Худайкул-оглан и Бурнаш-бек пытались успокоить горожан и убедить их в безопасности, но все оказалось безуспешно. После этого аристократов перевели в Свяжск, где они находились под наблюдением. Измена одних беков и мирз спровоцировала недоверие к другим [Моисеев, 2006, с. 498–499; Моисеев, 2013а, с. 27–28; Моисеев, 2013б, с. 43–46]. 21 или 22 августа 1552 г. на сторону царя Ивана IV Васильевича перешел Камай-мирза, сын казанского бека Хусейна. Вместе с Камаем приехали семь воинов. Всего же, по их рассказам, было около 200 человек, желавших покинуть мятежную Казань, однако, узнав об этом, казанцы большую их часть «переимали». Камай был в числе перебежчиков и пленников, которые указали осаждавшим на тайный источник воды [ПСРЛ, т. 13, с. 202, 209]. Привлекает внимание тот факт, что активным участником казанской осады 1552 г. был касимовский сейид Ак-сейид Черевсеев [Там же с. 199, 210]. Это обстоятельство тем интереснее, что *сейиды* – люди, чья родословная восходит к Пророку. В мусульманском мире они считались главными представителями религиозных идей, имели право безнаказанно говорить монархам правду, обличать их в несправедном поведении, не подлежали смертной казни [Трепавлов, 2002, с. 570; Исхаков]. Следовательно, сложно представить, что столь разные представители мусульманского мира могли бы поддержать саму идею крестоносного похода. Сомнительно, что касимовский сейид Ак Черевсеев, возглавлявший касимовских мусульман, не заметил антиисламских целей казанского похода (о касимовских сейидах см.: [Исхаков, с. 104–114]). Очевидно, что для большинства участников Казанской войны это была «простая» «рутинная» борьба государств за превосходство в регионе, и говорить о крестоносном характере покорения Казани не приходится. Но насколько общим было это мнение и какую позицию занимал юный царь по вопросу христианско-исламских отношений?

Ответить на этот вопрос нам позволяют переписка царя Ивана Грозного с князем А. М. Курбским и «История о князя великого московского делех», написанная знатным эмигрантом. Иван Васильевич, отвечая на первое послание беглого князя, писал следующее: «Егда же Алексеева и ваша сабацкая власть преста, тогда и та царствия нашему государству во всем послушны учинишася, и множае треюдесять тысяч бранных исходит в помощь православию» [Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с. 37]. Итак, венценосный автор указывает на наличие определенного конфликта внутри русской правящей элиты по отношению к покоренным мусульманам. В чем он заключался, становится ясно из сочинения князя А. М. Курбского. Описывая совет о политике в покоренном крае, автор отмечает, что на нем было высказано несколько точек зрения. Некие «мудрые и разумные» предлагали царю, чтобы он «до конца выгубил бы воинство бусорманское» [Ерусалимский, с. 68]. Кто именно эти мудрые и разумные, князь не разъясняет, но Иван Грозный среди прочих указывает на Алексея Адашева, в свою очередь, противниками такой «мудрой» политики Курбский называет царских шуринов Данилу и Никиту Романовичей Захарьиных. А. Г. Бахтин относил к сторонникам плана царских родственников «еще нескольких воевод и священников» [Бахтин, с. 135]. В целом же неясность по этому вопросу сохраняется, но важно, что дискуссия о методах послевоенного устройства завоеванных территорий была. Это обстоятельство показывает более сложный характер принятия решений двором первого царя и, ко всему прочему, свидетельствует о том, что сторонники насильственной христианизации отнюдь не составляли большинства в его окружении. Впрочем, ставка, сделанная на местную элиту, оправдала себя не вполне. С конца 1552 г. казанская знать вместе с русскими воинами участвовала в подавлении восстаний «луговых людей». Камай-мирза сражался на территории Арской даруги, направленный казанским воеводой князем М. В. Глинским против мятежных Тугаевых детей. Однако летом 1554 г. ряд представителей казанской знати переходит на сторону восставших [ПСРЛ, т. 13, с. 245]. После этого царское правительство перешло к репрессиям. В 1557 г. новокрещенные были помещены на пустующих землях возле Казани, затем на ханских землях; земли казанских беков тоже поступили в раздачу [Там же, с. 282–283]. Часть же казанской знати была переведена в Новгород. Судьбы этих новых новгородцев еще предстоит изучать, но общий вектор можно проследить на примере жизни Хосров-бека. Новгородские татары составили корпорацию, возглавляемую Хосровом. Они несли совместную службу, военно-учетные документы выделяли их особо. Сохранение исламской идентичности для них, оторванных от родной почвы, оказалось возможным, но затруднительным. Часть переселенцев приняла православие, а часть сохранила

ислам, среди них был и Хосров-бек. Данных, позволяющих говорить о том, что среди этой группы активно насаждали христианство, нет [Моисеев, 2013б, с. 45–46].

Не менее неожиданным образом развивались события в Астрахани после ее присоединения к Русскому государству в 1556 г. Русская администрация в недавно покоренном Хаджи-Тархане попала в эпицентр застарелых местных проблем: это были споры о «тумаках» (оседлом населении), улусах, принадлежности рукавов волжской дельты, о рыбной ловле. Учитывая значительную удаленность от метрополии, воеводам, их аппарату и гарнизону приходилось проявлять недюжинные дипломатические способности и умение, чередовать «кнут» и «пряник».

Материалы ногайских посольских книг дают нам основание утверждать, что в период с 1556 по 1569 г. в делах местного управления заметную роль играла местная знать. Глава Ногайской Орды бий Исмаил неоднократно жаловался Ивану Грозному, что астраханцы ссорят его с воеводой [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 120; Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 4об. – 5, 9, 11, 81–81об., 93]. Он сообщал, что астраханцы нападают на ногайские улусы, кочевавшие по реке Эмбе в западном Казахстане [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 167]. При этом сам бий не знал, делают ли они это по приказу И. Г. Выродкова или по собственному желанию [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 167об.]. Тогда же определился круг лиц, связанных с этой деятельностью: Халк-Аман, Саркочкар, Малтобар и Булкун. Из жалоб ногаев становится ясно, что в Астрахани, выражаясь современными словами, процветала коррупционная схема. Указанные лица после нападений на ногайские улусы делились добычей с толмачами и воеводой, благодаря этому последний «им норовит» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 172об.].

Важно отметить, что Халк-Аман, упоминаемый Исмаилом как едва ли не глава этого астраханского кружка его недоброхотов, являлся его личным представителем при астраханских воеводах, направленным им еще к И. С. Черемисинову [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 192]. В конце 1560 г. царское правительство решительно вмешалось в ситуацию: И. Г. Выродков был смещен с воеводской должности, а Халк-Аман и Молтобар сосланы в Великий Новгород [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 203об. – 204, 205об. – 206об., 207, 210об. – 211].

Однако эти меры не принесли успеха, вместо сосланного Халк-Амана кружок ногаев возглавил Достай-хафиз. Более того, кружок расширился: в него вошли Тиниш-бек, Чалым-оглан, Иванча-бек, Девеш, Девлет-килди, Корьян-бек, Худай-берди [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 217–217об.]. Легко заметить, что его персональный состав полностью обновился, и что произошло с «группой» Халк-Амана, остается неясным. Возможно, их вместе с предводителем тоже сослали, но в связи с отсутствием документальных свидетельств мы не можем сказать ничего определенного.

По мнению ногаев, астраханские воеводы потакали «речам» астраханцев, и именно в этом кроется главная проблема. Так, Урус-мирза писал, что астраханские воеводы «верят астороханским людям» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 38об.], то есть русская администрация в своей деятельности оказалась в определенной зависимости от местного населения.

Меры, принимаемые центральным правительством, очевидно, были малоэффективны. Астраханская знать успешно сопротивлялась притязаниям Исмоила. Ногайский бий был до крайности раздражен и, возможно, напуган ее деятельностью. Он полагал, что астраханцы, находясь под защитой русских, активно пособничают его личным врагам, особенно известному Казыеву улусу. Для нормализации ситуации Исмоил предлагал вывести в метрополию четверых-пятерых астраханских беков, что подорвало бы влияние его противников и привело бы к утере боеспособности Казыева улуса [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 176об., 177–177об.]. Однако это предложение натолкнулось на препятствие. Оказывается, Иван Грозный пообещал местной знати, что «разводу и убивства» не будет. В результате это простое решение оказалось неприемлемым [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 183об. – 184об.].

В целом мы можем утверждать, что в Астрахани того времени существовала группа, представлявшая интересы местного населения перед воеводами. Стоит отметить, что она прошла определенную эволюцию. Первоначально группировку противников Исмоила в Астрахани составляли его же представители, прикрепленные к первому воеводе И. С. Черемисинову. После их ссылки на авансцену вышла местная элита. Старая знать сумела отстоять интересы астраханцев не только перед воеводами, но и перед Исмоилом. Более того, под влиянием местной элиты русские воеводы последовательно защищали территориальные интересы астраханцев и одновременно с этим попустительствовали противоправным действиям новых подданных.

Астраханские власти в конфликте между ногаями Исмоил-бия и местного населения неизменно оказывались на стороне последнего. Подобная ситуация имела место и позднее, во время русского освоения Сибири. Такая позиция представителей царских властей на местах легко объяснима: для сохранения своего влияния на приобретенных территориях царские власти шли на определенные уступки местной знати. Создавалось известное двоевластие, которое при определенных условиях могло привести к иллюзии собственной силы у местной знати и спровоцировать выступление против царской власти. Это и произошло в Астрахани в 1569 г., когда именно астраханская знать вступила в связь с турками и попробовала добиться независимости от России [Садиков, с. 165]. Как известно, эта попытка окончилась провалом. Иван Грозный больше не был связан обещанием не допускать «разводу и убивства» местной знати, и ее представители были сосланы в Новгородчину (землевладение астраханских

татар, высланных с родины, регистрируется в Отдельной книге Удомельской волости по отделу подьячего Василия Коломенского (в 7080 году) [см.: Самоквасов, с. 190, 191, 193, 194 и др.]).

В данном контексте очевидно, что русские власти не принимали активных шагов по христианизации региона. В Астрахани и ее округе сохранялись мечети, исламская культура. В частности, в материалах Посольского приказа сохранилось важное упоминание мечети, расположенной неподалеку от Астрахани, связанное с историей жизни Мурад-Гирея: «И ноября в 12 день был, государь, у царевича праздник, и царевич ездил к мечети молитца, а мечеть от города менши полуверсты...» [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1 (1586 г.) Л. 27; Зайцев, 2004, с. 183–202]. Вялость русских в деле крещения татар вызвала резкую критику Энтони Дженкинсона [Дженкинсон, с. 207]. Однако надо признать, что контакты с единоверцами, проживавшими за пределами Русского государства, и совершение хаджа значительно затруднялись по многим объективным причинам [Трепавлов, 2011, с. 24–33].

Сходным образом развивалась ситуация и в завоеванном Сибирском ханстве. Русские власти сосредоточились на «охоте» за Чингизидами, стремясь взять под свой контроль максимальное их число. В 1582 г. попал в плен племянник Кучума Мухаммед-Кул, позднее к нему выехали жена (в 1586–1587 г.) и мать (в 1595 или 1596 г.). В 1591 г. был пленен сын Кучума Абул-Хайр, 20 августа 1598 г. русские захватили большую группу жен, детей и внуков Кучума [Беляков, 2011а, с. 67–68]. Такое пристальное внимание к родственникам Кучума понятно, так как и он и его потомки на долгие годы станут центром притяжения для сил сопротивления царской власти [Трепавлов, 2012]. Однако даже в этой ситуации власти отнюдь не спешили христианизировать этих опасных претендентов. Это, к примеру, подтверждает исследование Д. Н. Маслюженко и Е. А. Рябиной о повседневной жизни плененных Кучумовичей в 1598–1599 гг. [Маслюженко, Рябина, с. 75–93]. Интересно, что из всей этой массы только Абул-Хайр принял православие 23 сентября 1599 г. [Беляков, 2011а, с. 85]. Не заметно особой активности в деле христианизации и собственно населения покоренного Сибирского ханства. А. Ю. Конев, анализируя наказания церковным иерархам, указывает на тот факт, что принцип добровольности при принятии православия в конфессиональной политике Российского царства отмечается уже с середины XVI в. Более того, автор указывает на практику отселения новокрещенов в русские слободы, дабы они не возвращались под влиянием соседей обратно в ислам [Конев, с. 103]. Сама по себе политика христианизации в Западной Сибири имела скромные результаты. Так, в конце 20–30-х гг. XVII в. среди татар новокрещенов насчитывалось 530 человек обою пола [см.: Конев, с. 104]. Таким образом, и на территории покоренного Сибирского ханства московские власти воздерживались от политики бескомпромиссной христианизации местного населения.

Другим значительным пластом информации посольских книг являются данные об эмиграции (временной и постоянной), ссылке и плене татар. Причем если обстоятельства выезда, пленения и ссылки татарской знати, прежде всего Чингизидов [Беляков, 2011а] и Эдегеивечей [Трепавлов, 2003, с. 320–353], уже нашли свое отражение в современной науке, то те же явления для иных социальных страт пока не изучены. Однако анализ данных посольских книг позволяет сделать следующие наблюдения. Во-первых, очевидно, что в Ногайской Орде имели хотя и не полную, но все же достаточную информацию о своих плененных соплеменниках. Во-вторых, и для эмигрантов, и для ссыльных, и даже для пленных сохранялась возможность вернуться домой, хотя и не все ею пользовались. В-третьих, в Москве проводились проверки, на основании которых ногай мог быть отпущен в степь. В этом контексте примечательна история Гирея, слуги Дин-Ахмеда. Он ездил в Крымское ханство с торгом, оттуда попал в Литву, после чего оказался в русском плену [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 182об.]. По результатам проверки в освобождении ему было отказано, так как Гирей «служил» польскому королю [Там же. Л. 190]. Однако Гирей настойчиво продолжал обращаться по поводу своего освобождения. Его господин отводил от него обвинение в службе полякам, утверждая, что его слуга бежал из Литвы, а не участвовал в боевых действиях на ее стороне [Там же. Л. 228]. Интересно, что подобная настойчивость была обыкновенной практикой для ногайской стороны в вопросе об освобождении своих соотечественников. В этом смысле показательна история борьбы за Аигилди. Еще в 1561 г. ногайская сторона обратилась к царю Ивану Грозному с просьбой отпустить его, уточнив его происхождение (он был сыном имлдеша Тагиекши) [Там же. Л. 60б.], а также обстоятельства пленения [Там же. Л. 10]. Русские власти, как и ожидалось, его не разыскали, и тогда ногайские власти уточнили, что его знает Тягри-бердикипчак [РГАДА Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 180об. – 181]. Ответ вновь был неутешителен: «не сыскали» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 188]. Тогда ногаи самостоятельно выяснили судьбу пленника: как оказалось, он содержался у толмача Карача, проживавшего у Ивана Шереметева [Там же. Л. 215].

Приведенная история вызывает два вопроса: чем объясняется такая настойчивость ногайского бия и каким образом осуществлялся сбор информации о судьбе ногайских полоняников. Ответ на первый вопрос ясен. Это иллюстрирует казус 1551 г., когда после неудачного набега Арслан-мирзы родственники плененных ногаев осаждали русского посла П. Д. Тургенева, высказывая обеспокоенность судьбой пленных [Посольские книги, с. 54]. Исмаил, правитель (бий) Ногайской Орды, при посещении дипломата просил освободить нескольких ногаев и отдать ему: «...царь и великий князь пожаловал, дал мне тех татар человек пять или шесть, которые приходили с Арслан мирзою, чтоб деи мне не сором перед моими племянники...» [Там же, с. 58]. Указанные факты

свидетельствуют в пользу того, что настойчивая забота ногайской знати во многом диктовалась давлением родни пленников. Очевидно, для поддержания своего авторитета бию и мирзам приходилось добиваться освобождения плененных степняков. Сбор информации о них осуществлялся ногайскими ордобазарцами в России и, как было показано выше, мог быть довольно подробным. Впрочем, степень подробности собранных сведений не стоит преувеличивать. Например, в 1577 г. о двух пленниках, находившихся в Москве у Михаила Срывкова, знали лишь, что «один грамоте умеет, а другово в ухе и носе по колцу» [См.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 72]. Все это позволяет предположить, что эта информация довольно адекватно отражала судьбы ногаев в плену. В степи знали, где, у кого содержатся их несчастные земляки и, что немаловажно, в каких религиозных условиях. Интересно, что случай со сменой веры, причем насильственной, в данной выборке был зафиксирован единожды. Не повезло сыну Кул-сейида, насильно крещенному своим хозяином Иваном Черемисиновым [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 217], позднее (около 1577 г.) фиксируется еще один случай насильственного крещения [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 43] (крестили ногай по имени Кутуй). Однако подобная информация встречается довольно редко. В целом же выяснение судьбы пленных татар представляется сложной задачей. В контексте религиозного сосуществования обращают на себя внимание факты, содержащиеся в духовных и деловых грамотах. Так, в них есть указания на обращение в православие: «Караул новокрещен нагайского полону» [Акты служилых землевладельцев, т. 2, с. 333, № 387]. Иногда в актах встречается определение «крепостной басурман», и хотя значение такого словоупотребления представляется не до конца ясным, все-таки можно предположить, что таким образом фиксировалась мусульманская идентичность крепостного [Там же, т. 1, с. 242, № 268].

Необходимо отметить, что плененные ногаи нередко содержались у единоверцев (Яндевлет жила у казанца Дервиша, «безымянный паробок» – у астраханца Кулчуры-улана и т. д.), что позволяло им сохранять свою веру в неприкосновенности.

Таким образом, посольские книги фиксируют различные моменты из истории православно-мусульманских отношений XVI в. Причем уникальность их данных во многом зиждется на удивительном сочетании фактов вертикальных и горизонтальных взаимодействий. Приведенные факты со всей очевидностью вскрывают картину, далекую от однозначной интерпретации. Во-первых, мы видим, что государство утверждало принцип неприкосновенности мусульманской идентичности для своих подданных. Воеводские власти, например в Астрахани, воздерживались от силового давления на местные элитные группы. Их безопасность была гарантирована царем: «от нас розводу и убивства не боялись». Очевидно, что само управление покоренным краем было далеко от авторитарного центристского стиля, которого логично было бы ожидать от администрации Ивана Грозного.

Во-вторых, представители мусульманских стран имели право свободного отъезда, и оно реализовывалось на практике. В-третьих, масса данных о пленных ногаях позволяет говорить о сохранении ими исламского вероисповедания. В-четвертых, безразличие русских к идее крещения мусульман фиксировалось иностранцами. Таким образом, мы можем считать, что Россия в XVI столетии была терпима к исламу. Однако есть и группа других фактов. Во-первых, это казанская ситуация, когда все-таки ставка делалась на более жесткий сценарий. Во-вторых, имеются факты (хотя и редкие) насильственного крещения пленными мусульман. Все это не позволяет безоговорочно согласиться с допущением идеи веротерпимости к исламу в Московском царстве.

По всей видимости, корни такого своеобразного отношения надо искать в Византии. Так, например, протопресвитер Иоанн Мейндорф отмечал отсутствие в империи планомерного и организованного миссионерства, подчеркивая ее спонтанный характер [Мейндорф, с. 166]. Современные исследователи отмечают ситуативную толерантность византийского мира к мусульманам при сохранении общего вектора на итоговое обращение их в православие. В общих чертах эта схема повторялась и в Московской Руси: мы можем вести речь не о целенаправленной миссии, а скорее об индивидуальном рвении. Вероятнее всего, определяя политику Московского государства XVI столетия по мусульманскому вопросу, мы должны говорить не столько о веротерпимости, сколько о прагматизме и в определенной степени о равнодушии к религиозным проблемам. Главный тренд в политической практике может быть сформулирован так: сохранение мусульманской идентичности возможно до тех пор, пока это не угрожает государственной безопасности. Как только баланс религиозной свободы и подданства нарушен, то наказание неотвратимо. Причем в содержание репрессий входили не только казни, а чаще всего ссылка и крещение иноверцев. Именно поэтому говорить о политике веротерпимости все-таки не приходится.

Список литературы

- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / сост. А. В. Антонов. Т. 1. М. : Археограф. центр, 1997. 432 с.
- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / сост. А. В. Антонов. Т. 2. М. : Памятники историч. мысли, 1998. 608 с.
- Асадуллин Ф. А. Ислам в Москве. М. : Логос, 2007. 128 с.
- Бахтин А. Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола : Марийский полиграфич.-изд. комбинат, 1998. 191 с.
- Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков : Просопографическое исследование. Рязань : Мир, 2011а. 512 с.
- Беляков А. В. Крещение служилых Чингисидов в России XVI–XVII вв. // Российская история. 2011б. № 1. С. 107–115.
- Варьяш И. И. Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII–XV вв. М. : УРСС, 2001. 188 с.
- Волкова Е. Ю. Характер влияния европейской культуры на аборигенную культуру индейцев Южной Америки в XVI веке // Вестн. МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер. История и политология. 2013а. № 3. С. 39–50.

Волкова Е. Ю. Католическая церковь в вице-королевстве Перу: этапы и специфика процесса христианизации аборигенного населения Южной Америки в XVI веке // Вестн. МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер. История и политология. 2013б. № 4. С. 57–65.

Гиттиус А. А., Зализняк А. А., Коваль В. Ю. Берестяная грамота из раскопок в Московском Кремле // Московский Кремль XV столетия. М. : Арт-Волхонка, 2011. Т. 1. С. 452–455.

Главацкая Е. М. «...И смехотворения, и безчинства никакого не чинили»: из опыта религиозной терпимости в Северо-Западной Сибири в XVII – начале XVIII в. // Уральский сборник : История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2003. Вып. 5. С. 26–35.

Главацкая Е. М. «...И Сибирскому государству какого повреждения не учинить...» : (Власть и миссионерство в Северо-Западной Сибири в XVII–XIX вв.) // Изв. Урал. гос. ун-та. 2004. № 31. С. 75–83.

Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию 1558–1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань : Александрия, 2007. С. 201–231.

Ерусалимский К. Ю. Сборник Курбского : в 2 т. / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Знак, 2009. Т. 2. Исследование книжной культуры. 536 с.

Зайцев И. В. Ислам и христианство в Нижнем Поволжье в XV–XVII вв. // Сборник Русского исторического общества / под редакцией Д. Ю. Арапова. М. : Рус. панорама, 2003. Т. 7. С. 58–77.

Зайцев И. В. Астраханское ханство. М. : Вост. лит., 2004. 303 с.

Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники : Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М. : Изд-во АН СССР, 1958. 498 с.

Исхаков Д. М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднесолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань : Фэн, 2011. 225 с.

Клюева В. П. Православие и ислам в Западной Сибири (конец XVII – середина XVIII в.): проблемы взаимодействия // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 5. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/doc0/DA/a5/3-klu.htm> (дата обращения: 27.10.2015).

Конева А. Ю. Правовые аспекты конфессиональной политики в отношении народов Сибири в конце XVI – начале XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : Вопросы теории и практики : в 3 ч. Тамбов : Грамота, 2013. № 12 (38). Ч. 3. С. 101–107.

Куницевиц Г. З. Два рассказа о походах царя Ивана Васильевича Грозного на Казань в 1550 и 1552 годах // Памятники древней письменности и искусства. Вып. 130. Отчеты о заседаниях императорского общества любителей древней письменности в 1897–1898 году с приложениями. СПб. : Б. и., 1898.

Макарий, арх. (Веретенников). Из истории русской иерархии XVI века. М. : Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2006. 317 с.

Макаров Д. М. Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья: XVI–XVIII вв. : монография. Чебоксары : Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2000. 280 с.

Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Особенности повседневной жизни пленных Кучумовичей в Московском государстве осенью 1598 – зимой 1599 г. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 3. Казань, 2011. С. 75–93.

Мейендорф И., прот. Единство империи и разделения христиан : Церковь в 450–680 годах. М. : Православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-т, 2012. 520 с.

Моисеев М. В. Выезд «татар» и восточная политика России в XVI веке // Иноземцы в России в XV–XVII веках : сб. материалов конф. 2002–2004 гг. / под ред. А. К. Левыкина. М. : Древлехранилище, 2006. С. 484–504.

Моисеев М. В. Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюрко-татарские государства : сб. ст. Вып. 5. Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань, 2013а. С. 20–30.

Моисеев М. В. Представители политических элит покоренных татарских ханств в России второй половины XVI в. : Хосров-бек // Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы : материалы междунар. науч. семинара. СПб. : НИУ ВШЭ, 2013б. С. 43–46.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / подг. текста Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыкова. М. : Наука, 1993. 430 с.

- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М. : Языки русской культуры, 2000. Т. 13. 544 с.
- Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. : Публикация текста / сост. Д. А. Мустафина, В. В. Трепавлов. Казань : Татарар. книж. изд-во, 2006. 391 с.
- Рахимзянов Б. Р.* Касимовское ханство (1445–1552 гг.) : Очерки истории. Казань : Татар. книж. изд-во, 2009. 207 с.
- РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 5.
- РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 6.
- РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. 1586 г. Д. 1.
- РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 8.
- Рязанова С. В.* Межкультурные отношения и эпоху Средневековья: христианство и ислам // В круге культуры : сборник научных статей по проблемам культуры, посвященный памяти В. Л. Соболева. Пермь, 2003. С. 16–23.
- Садиков П. А.* Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. М., 1947. Вып. 22. С. 132–166.
- Самокасов Д. Я.* Архивный материал : в 2 т. М. : Б. и., 1905–1909. Т. 2. Новоткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М. : Б. и., 1909. 590 с.
- Ткалич А. И.* Становление межэтнических отношений на Крайнем Северо-Востоке Сибири и крещение коренного населения (XVII – начало XX в.) // Вестн. МГТУ им. М. А. Шолохова. Сер. История и политология. 2012. № 2. С. 14–22.
- Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М. : Вост. лит., 2002. 752 с.
- Трепавлов В. В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник 2002 : Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 320–353.
- Трепавлов В. В.* Хадж из Дешт-и Кипчака в XIII–XVII вв. // Трепавлов В. В. Тюркские народы средневековой Евразии : избр. тр. Казань : Фолиант, 2011. С. 24–33.
- Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака : Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М. : Вост. лит., 2012. 231 с.
- Чулошников А.* Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI–XVII вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVIII вв. // Тр. ист.-археографич. ин-та и Ин-та востоковедения. Материалы по истории СССР. Вып. 3. Л. 1932. С. 61–86.
- Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2006. 569 с.
- Шукуров Р. М.* Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в Средние века. М., 1995. Вып. 2. С. 68–103.
- Шукуров Р. М.* Имя и власть на Византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое: опыты преодоления : Очерки из истории культуры Средиземноморья. М. : Алетей, 1999. С. 194–234.
- Шукуров Р. М.* Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб. : Алетей, 2001. 448 с.
- Шукуров Р. М.* Крипто-мусульмане Анатолии // Причерноморье в Средние века. М. : Алетей, 2005. Вып. 6. С. 214–233.
- Шукуров Р. М.* Россия, Византия и чужаки // Рос. история. 2013. № 3. С. 30–34.
- Huttenbach H. R.* Muscovy's Conquest of Muslim Kazan and Astrakhan, 1552–56 : The Conquest of the Volga: Prelude to Empire // Russian Colonial Expansion to 1917. L. ; N. Y., 1988.

References

- Antonov, A. V. (Comp.). (1997). *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka* [Acts of Landed Servicemen of the 15th – Early 17th Centuries]. Vol. 1. 432 p. Moscow, Arkheograficheskyy tsentr.
- Antonov, A. V. (Comp.). (1998). *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka* [Acts of Landed Servicemen of the 15th – Early 17th Centuries]. Vol. 2. 608 p. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli.
- Asadullin, F. A. (2007). *Islam v Moskve* [Islam in Moscow]. 128 p. Moscow, Logos.

Bakhtin, A. G. (1998). *XV–XVI veka v istorii Mariyskogo kraya* [The 15th – 16th Centuries in the History of Mari District]. 191 p. Yoshkar-Ola, Mariyskiy poligrafichesko-izdatel'skiy kombinat.

Belyakov, A. V. (2011). *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov : Prosopograficheskoe issledovanie* [Genghisids in 15th – 16th Centuries Russia : A Prosopographical Study]. 512 p. Ryazan, Mir.

Belyakov, A. V. (2011). Kreshchenie sluzhilykh Chingisidov v Rossii XVI–XVII vv. [The Genghisid Servicemen's Conversion to Christianity in 16th – 17th Centuries Russia]. In *Rossiyskaya istoriya, 1*, pp. 107–115.

Jenkinson, A. (2007). Puteshestvie v Srednyuyu Aziyu 1558–1560 gg. [A Journey to Central Asia between 1558 and 1560]. In *Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* (pp. 201–231). Ryazan, Aleksandriya.

Erusalimsky, K. Yu. & Shmidt, S. O. (Ed.). (2009). *Сборник Курбского: Исследование книжной культуры Sbornik Kurbskogo : v 2 t.* [Kurbsky's Literary Collection: A Study of Russian Book Culture, 2 Volumes]. Vol. 2. Issledovanie knizhnoy kul'tury. 536 p. Moscow, Znak.

Chuloshnikov, A. (1932). *Torgovlya Moskovskogo gosudarstva s Sredney Aziey v XVI–XVII vv.* [Trade between Muscovy and Central Asia between the 16th and 17th Centuries]. In *Trudy istoriko-arkheograficheskogo instituta i instituta Vostokovedeniya. Materialy po istorii SSSR*. Iss. 3. *Materialy po istorii Uzbekskoy, Tadzhikskoy i Turkmenkoy SSR*. Ch. 1. *Torgovlya s Moskovskim gosudarstvom i mezhdunarodnoe polozhenie Sredney Azii v XVI–XVIII vv.* (pp. 61–86). Leningrad.

Gippius, A. A., Zaliznyak, A. A. & Koval', V. Yu. (2011). *Berestyanaya gramota iz raskopok v Moskovskom Kremle* [A Birch Bark Manuscript Found during Excavations in the Moscow Kremlin]. In *Moskovskiy Krem' XV stoletiya*. Vol. 1, pp. 452–455. Moscow, Art-Volkhonka.

Glavatskaya, E. M. (2003). “...I smekhotvoreniya, i bezchinstva nikakogo ne chinili”: iz opyta religioznoy terpimosti v Severo-Zapadnoy Sibiri v XVII – nachale XVIII v. [“...And No Ridiculousness, and No Rowdiness Was Made”: Religious Tolerance in North-Western Siberia between the 17th and Early 18th Centuries]. In *Ural'skiy sbornik : Istoriya. Kul'tura. Religiya*. Iss. 5, pp. 26–35. Yekaterinburg.

Glavatskaya, E. M. (2004). “...I Sibirskomu gosudarstvu kakogo povrezhdeniya ne uchinit'...” : (Vlast' i missionerstvo v Severo-Zapadnoy Sibiri v XVII–XIX vv.) [“...And No Harm Shall Be Done to the State of Siberia...”: (Authority and Missionary Work in North-Western Siberia between the 17th and 19th Centuries)]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 31, pp. 75–83.

Huttenbach, H. R. (1988). Muscovy's Conquest of Muslim Kazan and Astrakhan, 1552–56 : The Conquest of the Volga: Prelude to Empire. In *Russian Colonial Expansion to 1917*. London, N. Y.

Iskhakov, D. M. (2011). *Institut seyidov v Uluse Dzhuchi i pozdnezolotoordynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstvakh* [The Institute of Sayyds in Ulus of Jochi and the Late Golden Horde of Turkic Tatar States]. 225 p. Kazan, Fen.

Klyueva, V. P. (2005). *Pravoslaviye i islam v Zapadnoy Sibiri (konets XVII – seredina XVIII v.): problemy vzaimodeystviya* [Orthodoxy and Islam in Eastern Siberia (Late 17th – mid-18th Centuries)]. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 5. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/doc0/DA/a5/3-klu.htm> (mode of access: 27.10.2015).

Konev, A. Yu. (2013). *Pravovye aspekty konfessional'noy politiki v otnoshenii narodov Sibiri v kontse XVI – nachale XVIII v.* [Legal Aspects of Confessional Policy in Relation to Siberian Peoples in the Late 16th – Early 18th Centuries]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie : Voprosy teorii i praktiki (v 3 ch.)*, 12 (38), Part 3, pp. 101–107. Tambov, Gramota.

Kuntsevich, G. Z. (1898). *Dva rasskaza o pokhodakh tsarya Ivana Vasil'evicha Groznago na Kazan' v 1550 i 1552 godakh* [Two Stories about Ivan the Terrible's Kazan Campaigns of 1550 and 1552]. In *Pamyatniki drevney pis'mennosti i iskusstva. Iss. 130. Otchet o zasedaniyakh imperatorskogo obshchestva lyubiteley drevney pis'mennosti v 1897–1898 godu s prilozheniyami*. Sankt Petersburg.

Lur'e, Ya. S. & Rykov, Yu. D. (Comp.). (1993). *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [Correspondence between Ivan the Terrible and Andrey Kurbsky]. 430 p. Moscow, Nauka.

Makary, arkh. (Veretennikov). (2006). *Iz istorii russkoy ierarkhii XVI veka* [From the History of the Russian Hierarchy of the 16th Century]. 317 p. Moscow, Podvor'e Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry.

Makarov, D. M. (2000). *Samoderzhavie i khristianizatsiya narodov Srednego Povolzh'ya: XVI–XVIII vv.: monografiya* [Autocracy and the Christianization of the Middle Volga Peoples: 16th – 18th Centuries]. 280 p. Cheboksary, Izdatel'stvo Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta.

Maslyuzhenko, D. N. & Ryabinina, E. A. (2011). *Osobennosti povsednevnoy zhizni plennykh Kuchumovichey v Moskovskom gosudarstve osen'yu 1598 – zimoy 1599 g.* [The Daily Life of Kuchum Khan's Descendants in Captivity in Muskovy between Autumn 1598 and Winter 1599]. In *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva*. Iss. 3, pp. 75–93. Kazan.

Meyndorf, I., prot. (2012). *Edinstvo imperii i razdeleniya khristian: Tserkov' v 450 – 680 godakh* [Imperial Unity And Separations of Christians. The Church between 450 and 680]. 520 p. Moscow, Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy gumanitarnyy universitet.

Moiseev, M. V. (2006). *Vyezd "tatar" i vostochnaya politika Rossii v XVI veke* [The "Departure" of Tatars and Russian Policy in the East in the 16th Century]. In Levykin, A. K. (Ed.) *Inozemtsy v Rossii v XV–XVII vekakh: sbornik materialov konferentsiy 2002–2004 gg.* (pp. 484–504). Moscow, Drevlekhranilishche.

Moiseev, M. V. (2013). *Politicheskaya bor'ba kazanskoj znati: istoriografiya i russkie istochniki* [The Political Struggle of Kazan Noblemen: Historiography and Russian Sources]. In *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva: sbornik statey*. Iss. 5. *Voprosy istochnikovedeniya i istoriografiya istorii srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv* (pp. 20–30). Kazan.

Moiseev, M. V. (2013). *Predstaviteli politicheskikh elit pokorenykh tatarskikh khanstv v Rossii vtoroy poloviny XVI v.: Khosrov-bek* [Representatives of Political Elites of the Conquered Tatar Khanates in Russia in the 2nd ½ of the 16th Century: Khosrov-bek]. In *Istoricheskie biografii v kontekste regional'nykh i imperiskikh granits Severnoy Evropy: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminaru* (pp. 43–46). Sankt Petersburg, NIU VShE.

Mustafina, D. A. & Trepavlov, V. V. (Comp.). (2006). *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy. 1551–1561 gg.: Publikatsiya teksta* [Ambassadorial Books on Russia's Relations with the Nogai Horde. 1551–1561]. 391 p. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Polnoe sobranie russkikh letopisey [A Complete Collection of Russian Chronicles]. (2000). Vol. 13. 544 p. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury.

Rakhimzyanov, B. R. (2009). *Kasimovskoe khanstvo (1445–1552 gg.): Ocherki istorii* [Qasim Khanate (1445–1552): Historical Essays]. 207 p. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 127 (*Snosheniya Rossii s nogayskimi tatarami*). List 1. Book 5.

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 127 (*Snosheniya Rossii s nogayskimi tatarami*). List 1. Book 6.

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 123 (*Snosheniya Rossii s Krymom*). List 1. 1586 g. Dossier 1.

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 127 (*Snosheniya Rossii s nogayskimi tatarami*). List 1. Book 8.

Ryazanova, S. V. (2003). *Mezhkul'turnye otnosheniya I V epokhu Srednevekov'ya: khristiansvo i islam* [Intercultural Relations in the Middle Ages: Christianity and Islam]. In *V krug kul'tury: sbornik nauchnykh statey po problemam kul'tury, posvyashchenny pamyati V. L. Soboleva* (pp. 16–23). Perm.

Sadikov, P. A. (1947). *Pokhod tatar i turok na Astrakhan' v 1569 g.* [The Tatars and Turks' March on Astrakhan in 1569]. In *Istoricheskie zapiski*. Iss. 22, pp. 132–166. Moscow.

Samokvasov, D. Ya. (1909). *Arkhivnyy material: v 2 t.* [Archive Material: 2 Volumes]. Vol. 2. *Novootkrytye dokumenty pomestno-votchinnnykh uchrezhdeniy Moskovskogo tsarstva*. 590 p. Moscow, B. i.

Tkalich, A. I. (2012). *Stanovlenie mezhetnicheskikh otnosheniy na Kraynem Severo-Vostoke Sibiri i kreshchenie korennoogo naseleniya (XVII – nachalo XX v.)* [The Formation of Interethnic Relations in the Extreme Northeast of Siberia and Indigenous Population Conversion to Christianity (17th – Early 20th Centuries)]. In *Vestnik MGGU im. M. A. Sholokho-va. Ser. Istoriya i politologiya*, 2, pp. 14–22.

Trepavlov, V. V. (2002). *Istoriya Nogayskoy Ordyy* [The History of the Nogai Horde]. 752 p. Moscow, Vostochnaya literatura.

Trepavlov, V. V. (2003). *Rossiyskie knyazheskie rody nogayskogo proiskhozhdeniya (genealogicheskie istoki i rannaya istoriya)* [Russian Princely Families of Nogai Origin (Genealogy Sources and Early History)]. In *Tyurkologichesky sbornik 2002 : Rossiya i tyurkskiy mir* (pp. 320–353). Moscow.

Trepavlov, V. V. (2011). *Khadzh iz Desht-i Kipchaka v XIII–XVII vv.* [A Hajj from Desht-i Qipchaq between the 13th and 17th Centuries]. In *Trepavlov, V. V. Tyurkskie narody srednevekovoy Evrazii : izbrannyye Trudy* (pp. 24–33). Kazan, Foliant.

Trepavlov, V. V. (2012). *Sibirskiy yurt posle Ermaka : Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh* [The Khanate of Sibir after Yermak: Kuchum Khan and His Descendants Struggling for Revenge]. 231 p. Moscow, Vostochnaya literatura.

Shaposhnik, V. V. (2006). *Tserkovno-gosudarstvennye otnosheniya v Rossii v 30–80-e gody XVI veka* [Church-State Relations in Russia between the 1520s and 1580s]. 569 p. Sankt Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.

Shukurov, R. M. (1995). *Tyurki na pravoslavnom Punte v XIII–XV vv.: nachal'nyy etap tyurkizatsii?* [Turks in Byzantine Pontus between the 13th and 15th Centuries: The Beginning of Turkization?]. In *Prichernomor'e v Srednie veka*. Iss. 2, pp. 68–103. Moscow.

Shukurov, R. M. (1999). *Imya i vlast' na Vizantiyskom Punte (chuzhoe, prinyatoye za svoe)* [The Name and Power in Byzantine Pontus (the Unfamiliar Mistaken for the Familiar)]. In *Chuzhoe: opyty preodoleniya : Ocherki iz istorii kul'tury Sredizemnomor'ya* (pp. 194–234). Moscow.

Shukurov, R. M. (2001). *Velikie Komniny i Vostok (1204–1461)* [The Grand Komnenoi and the East]. 448 p. Sankt Petersburg, Aleteyya.

Shukurov, R. M. (2005). *Kripto-musul'mane Anatolii* [Anatolian Crypto-Muslims]. In *Prichernomor'e v Srednie veka*. Iss. 6, pp. 214–233. Moscow.

Shukurov, R. M. (2013). *Rossiya, Vizantiya i chuzhaki* [Russian, Byzantium and Strangers]. In *Rossiyskaya istoriya*, 3, pp. 30–34.

Var'yash, I. I. (2001). *Pravovoe prostranstvo islama v khristianskoy Ispanii XIII–XV vv.* [Islamic Legal Framework in Christian Spain between the 13th and 15th Centuries]. 188 p. Moscow, URSS.

Volkova, E. Yu. (2013). *Kharakter vliyaniya evropeyskoy kul'tury na aborigennuyu kul'turu indeytsev Yuzhnoy Ameriki v XVI veke* [The Nature of European Cultural Influence on the Aboriginal Culture of the Indians of South America in the 16th Century]. In *Vestnik MGGU im. M. A. Sholokhova. Ser. Istoriya i politologiya*, 3, pp. 39–50.

Volkova, E. Yu. (2013). *Katolicheskaya tserkov' v vitse-korolevstve Peru: etapy i spetsifika protsessa khristianizatsii aborigennogo naseleniya Yuzhnoy Ameriki v XVI veke* [The Catholic Church in the Viceroyalty of Peru: Stages and Specificity of the Process of the Native Population of South America's Conversion to Christianity in the 16th Century]. In *Vestnik MGGU im. M. A. Sholokhova. Ser. Istoriya i politologiya*, 4, pp. 57–65.

Zaytsev, I. V. (2003). *Islam i khristianstvo v Nizhnem Povolzh'e v XV–XVII vv.* [Islam and Christianity in the Low Volga Region between the 15th and 17th Centuries]. In Arapov, D. Yu. (Ed.) *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*. Vol. 7, pp. 58–77. Moscow, Russkaya panorama.

Zaytsev, I. V. (2004). *Astrakhanskoe khanstvo* [The Khanate of Astrakhan]. 303 p. Moscow, Vostochnaya literatura.

Zimin, A. A. (1958). *I. S. Peresvetov i ego sovremenniki : Ocherki po istorii russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysli serediny XVI veka* [I. S. Peresvetov and His Contemporaries: Essays on the History of Russian Social and Political Beliefs of the mid-16th Century]. 498 p. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR.

The article was submitted on 28.10.2015

DOI 10.15826/QR.2016.1.141
УДК 94(470)"18"+910.4(493:470)

**ТРАВЕЛОГ БЕЛЬГИЙСКИХ МОНАРХИСТОВ
О НИКОЛАЕВСКОЙ РОССИИ VS СОЧИНЕНИЕ
АСТОЛЬФА ДЕ КЮСТИНА**

Эммануэль Вагеманс
Институт славистики,
Католический университет,
Лёвен, Бельгия

**TRAVELOGUES ABOUT NICHOLAS I'S RUSSIA:
BELGIAN MONARCHISTS VERSUS ASTOLPHE
MARQUIS DE CUSTINE***

Emmanuel Waegemans
Institute of Slavonic Studies, Catholic University of Leuven,
Leuven, Belgium

The article focuses on the account of Belgian traveller Jan Nolet of his trip to Russia published in 1843 and known as *A Trip to the North*. In 1842 two Belgians went on a trip to Russia, a far-away country, still rarely visited by Europeans. They were Jean-Baptist David, a renowned representative of Flemish culture and a canon, and his younger fellow traveller, Dutchman Jan Nolet de Brauwere van Steeland. They both were opposed to the Belgian revolution of 1830 which led to the establishment of constitutional monarchy in the country with it later becoming a model to follow for the leading European countries. In Russia under Nicholas I they found the kind of rule that complied with their views, i. e. that characterized by discipline but also justice, absolute rule combined with trust in a beneficent tsar that rules the country without a conflicting opposition or insolent parliament. They visited Moscow and Saint Petersburg and saw things unfamiliar to them, and were amazed by what they discovered. They write respectfully and with a deep understanding about Russia and

---

* *Citation*: Waegemans, E. (2016). Travelogues about Nicholas i's Russia: Belgian Monarchists versus Astolphe Marquis de Custine. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4, № 1, p. 55–78. DOI 10.15826/QR.2016.1.141.

Цитирование: Waegemans E. Travelogues about Nicholas i's Russia: Belgian Monarchists versus Astolphe Marquis de Custine // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 1. P. 55–78. DOI 10.15826/QR.2016.1.141 / Вагеманс Э. Травелог бельгийских монархистов о николаевской России vs сочинение Астольфа де Кюстина // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 1. С. 55–78. DOI 10.15826/QR.2016.1.141.

Russians, and they appreciate the majestic ruler Nicholas I. It is all the more noteworthy, because after the suppression of the Polish uprising of 1831, the West's favourable attitude to Russia (after Peter the Great's reforms and Catherine II's regime, after Alexander I's victory over Napoleon) was exhausted. It is this event that marks the start of constant criticism of Russia's ways and actions by western journalists and travellers which continued until as long as 1917. The perception of Russia expressed by the Belgian travellers is also interesting because the same period is marked by the publication of a book by Astolphe de Custine, a French publicist, who criticised many sides of the Russian reality.

Keywords: Nicholas I; Russia under Nicholas I; foreigners' trips to Russia; Astolphe de Custine; Jean-Baptist David; Jan Nolet de Brauwere van Steeland.

Основной предмет исследования автора составляет отчет бельгийского путешественника Яна Нолета де Браувере ван Стееланда о путешествии в Россию, вышедший в свет в 1843 г. под названием «Поездка на север». В 1842 г. два бельгийца предприняли путешествие в далекую, мало еще посещавшуюся европейцами Россию. Это были видный деятель фламандской культуры каноник Ян-Баптист Давид и его более молодой спутник голландец Ян Нолет де Браувере ван Стееланд. Оба были противниками бельгийской революции 1830 г., давшей стране конституционную монархию, скоро ставшую образцом всей передовой Европы. В России царя Николая I наши путешественники нашли как раз ту страну, то правление, что им было по душе, – строгую, но справедливую власть, единовластие, веру в доброго царя, который управлял страной без крикливого парламента и оппозиции. Они были в Петербурге и Москве, видели много того, что было им не знакомо, удивлялись на каждом шагу увиденному. Они с уважением и пониманием пишут о России и русских, им очень нравится величественная фигура царствующего царя Николая I. Это тем более удивительно, потому что после подавления польского восстания 1831 г. симпатии Запада по отношению к России (после Петровских реформ и режима Екатерины II, после победы Александра I над Наполеоном) были совершенно исчерпаны. Именно с этого события начинается постоянная критика российских порядков западными путешественниками и журналистами, которая будет продолжаться до 1917 г. Восприятие России глазами бельгийских путешественников интересно еще и потому, что в то же время вышла в свет книга известного французского публициста Астольфа де Кюстина, который критиковал многие стороны российской действительности.

Ключевые слова: Николай Первый; николаевская Россия; путешествия иностранцев в Россию; Астольф де Кюстин; Ян-Баптист Давид; Ян Нолет де Браувере ван Стееланд.

В 40-х гг. XIX в. в Европе были напечатаны два интереснейших описания путешествий европейцев в Россию, которой в то время правил император Николай I. Они были противоположны по тональности и писательским оценкам. И хотя описывали одно исто-

рическое время, рассчитывали на различные читательские чувства и вызвали полярную реакцию российской власти. Путешествия были совершены с разницей в три года. Первое в 1839 г. предпринял француз маркиз Астольф де Кюстин (1790–1857). Его записки, изданные в 1843 г. в четырех томах, были нейтрально озаглавлены «La Russie en 1839» («Россия в 1839 году»)¹. Маркиз де Кюстин был небезызвестным литератором. Его отец и дед окончили свои дни на гильотине Робеспьера; сам он был убежденным клерикальным монархистом. Он отправился в Россию в поисках аргументов в пользу авторитарического правления, но два месяца пребывания в самодержавной России Николая I сделали его убежденным сторонником конституционных свобод. Талантливая книга имела кассовый успех в Европе и неоднократно переиздавались, во многом предопределив восприятие и оценку России европейцами. Российское правительство пришло в ярость и инициировало появление разнообразных опровержений и критики как в России, так и на Западе. Сочинение Кюстина, на протяжении истории неоднократно воспринимавшееся в российском обществе, вместе с тем выражало не единственное мнение, прозвучавшее в сложную эпоху правления Николая I, так и не сумевшего преодолеть свое неприятие дворянского восстания 1825 г. и разочарование сословным предательством.

Иную оценку и иное видение исторического пути России оставила пара бельгийских путешественников, совершивших совместную поездку в Россию в 1842 г. Одним из них был видный деятель фламандской культуры каноник Ян Баптист Давид (1801–1866), который преподавал в Левенском университете нидерландскую литературу и отечественную историю. Он был председателем первого «Языкового конгресса», созванного «Обществом покровительства нидерландскому языку и литературе» и рассматривавшегося как начало Фламандского движения. Я.-Б. Давид принимал участие в составлении «Словаря нидерландского языка», написал «Граматику нидерландского языка» и работал над грандиозно задуманной «Отечественной историей». В 1875 г. в его честь был учрежден Фонд имени Давида. О той поездке в Россию Давид написал отчет: в 1849 г. вышел в свет его рассказ о пребывании в Москве².

Ян Баптист Давид
(1801–1866)

Jan Baptist David
(1801–1866)

¹ Первое полное издание Астольфа де Кюстина в русском переводе появилось только в 1996 г. Его путевые записки были опубликованы под названием «Россия в 1839 году» [Кюстин].

² Текст Я.-Б. Давида *Moscow* впервые появился в журнале *De Moedertaal* I (1849. P. 9–42). Далее ссылки на него будут даваться по этому изданию с указанием номеров страниц в круглых скобках.

Ян Нолет де Браувере
ван Стееланд (1815–1888)

Johannes Nolet de
Brauwere van Steeland
(1815–1888)

Его спутником был голландец Ян Нолет де Браувере ван Стееланд (1815 г., Роттердам – 1888 г., Бельгия, Вилворд). Он происходил из голландской католической семьи и всегда был гражданином Нидерландов, хотя почти всю жизнь провел в Бельгии. Родители отправили его на учебу в гимназию в Турне, а позже – в Брюгге. Во время бельгийского переворота 1830 г. родители призвали его обратно в Роттердам. В 1832 г., когда в Южных Нидерландах восстановилось спокойствие, он отправился в Гент изучать в университете право. В 1835 г. Нолет сменил Гент на Левен и решил целиком посвятить себя литературе. На каникулах 1842 г. вместе с профессором Яном-Баптистом Давидом он совершил путешествие по Дании, Норвегии, Швеции и России.

В 1844 г. Нолет с женой обосновался в окрестностях Брюсселя. С тех пор он принимал очень активное участие во Фламандском движении. Так, он стал одним из основателей «Фламандско-немецкого певческого общества» (1846) и руководил сотрудничеством между Севером и Югом, то есть между Голландией и Фландрией; он входил в состав президиума «Языкового и литературного конгресса» (Брюссель, 1851; Утрехт, 1854; Роттердам, 1865, Маастрихт, 1875). Будучи горячим почитателем германской культуры, он предупреждал о тлетворности «французских веяний» и питал симпатии к пангерманизму.

Рассказ Яна Нолета о путешествии в Россию вышел в свет в 1843 г. под названием «Поездка на север»³. В этом отчете, который составляет предмет данного исследования, открыто проявляются политические взгляды путешественников: они показали себя ревностными сторонниками абсолютной монархии, не скрывая своего неприятия парламентской демократии [см.: Waegemans, 2000, p. 9–11].

В первой главе своих путевых заметок Нолет проливает свет на цель путешествия:

Naer Italië? Maer zeg eens, mijn geliefde, wie gaet thans niet naer Italië? Dat is een zeer gemeen alledaegs werk, en ik wil mijn schoenen niet slijten om die laers te bezoeken. Na rijp overleg, besloten wij het gure Noorden in te dringen; wij zouden ons aen die barbaersche streken wagen, dat was tenminste iets nieuws (4).

(В Италию? Но скажите-ка, любезный мой читатель, кто нынче не ездит в Италию? Это обыденная повседневная работа, и я не хочу изнашивать свои бабашки ради посещения этого сапога. По зрелом размыш-

³ Nolet de Brauwere van Steeland // Een reisje in het Noorde. Leuven ; Rotterdam, 1843. Здесь и далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номеров страниц в круглых скобках.

лении мы решили вторгнуться на суровый север; мы рискнули оказаться в этих варварских краях, и в этом хотя бы было что-то новенькое).

Здесь Нолет упоминает также «общество некоего профессора из Католического университета в Левене (Я.-Б. Давида. – Э. В.)», с которым он «несколько лет имеет честь дружить» (3).

Нолет и Давид выехали из Левена 1 августа 1842 г. [см.: Van Damme, 17–27]. Они переночевали в Антверпене, сели там на пароход до Роттердама, в почтовой карете добрались до Амстердама, оттуда морем отправились в Гамбург, затем дилижансом в Любек, откуда приплыли в Копенгаген. Через три дня они отправились в Гётеборг, откуда морем отбыли в Стокгольм. В Швеции их принимали в королевском дворце, они имели беседу с Карлом XIV Иоанном, а затем выехали в Финляндию, которая с 1809 г. входила в состав России. После строгого таможенного досмотра они поплыли дальше – в Петербург, куда прибыли 31 августа 1842 г. Десять дней спустя они выехали в Москву, откуда через Петербург вернулись в Бельгию. В общей сложности друзья пробыли в России четыре недели.

Первое, что бросается в глаза, это то, что Нолет и его спутник Давид были жизнерадостными, заинтересованными и образованными путешественниками. Они осматривали все, что хоть в малейшей степени заслуживало внимания, зачастую в сопровождении местного переводчика или иностранца, владеющего русским языком. Друзья не чурались неизвестного, их путевые заметки полны новых для их современников реалий: “mujik”, “Iwan Velikoi”, “Petrofskoi”, “den Kremlin”, “drowischky”, “Nevskoi-Prospect”, “Zarskoje Selo”, “Pawlofsky”, “hospodar”, “boyard”, “kopecks”, “de kathedraal van Vasili Blazjennyj op het Rode Plein”, “de Czaers”, “Krim-Tartaren” и т. д. В обеих столицах они выполнили впечатляющую «туристическую программу». Зная себя, Нолет пишет, что они «с петушиным задором» стремились оказаться повсюду, а также хотели оставить «путевые заметки» о своем «северном путешествии». Иногда Нолет бывал так поражен великолепием увиденного, что не находил слов, которыми можно было бы передать эту красоту: ‘Iets oostersch, dat men zien moet maer niet navertellen kan’ (184) («Что-то восточное, это надо видеть, но невозможно пересказать»).

Вторая отличительная черта – это юмор, которым пронизаны путевые заметки Нолета. Когда путешественники прибыли в Петербург, оба они были разбиты усталостью, а Давид серьезно болен. Вызвали врача. Нолет описывает это так:

Doctor Machinikoff of Dingsky voelde den prof. den pols, bezag de tong, hoorde wat den zieke deerde. Na rijpe overweging schreef hij een recipe voor van den volgenden inhoud: Een lating van sta vast; vier en twintig bloedzuigers aen de keel; drie lave-menten; eene purgatie; een spuwdrankje; zuerdeeg met mostaerd en azijn aen beide voeten; een compres op de maeg; twee trekpleisters

achter de ooren en een zweetdrankje. ‘Voor het oogenblik kunnen wij ons daerbij bepalen, sprak de vent; later zullen wij zien wat verder te doen staet.’ – ‘Dat zal niet noodig zijn (hernam ik, want de prof. kon van schrik niet spreken), dit is ineens genoeg om een christen mensch ad majores te zenden’ (181–182).

(Доктор – Машиеникофф или Дингски – пощупал пульс профессора, осмотрел язык, выслушал, что больного беспокоит. Поразмыслив, он выписал рецепт следующего содержания: обильное кровопускание; двадцать четыре пиявки на горло; три клистира; очищение кишечника; отхаркивающее питье; кислое тесто с горчицей и уксусом к обеим ступням; компресс на желудок; два вытяжных пластыря за ушами и потогонное питье. «В данный момент можно этим ограничиться, – проговорил этот субъект, – а дальше посмотрим, что еще надо будет сделать». – «В этом не будет необходимости, – ответил я, поскольку профессор от испуга лишился дара речи, – потому что прописанного уже достаточно, чтобы отправить христианскую душу ad majores» (к праотцам (лат.). – Прим. пер.)).

Таких пассажей в книге Нолета множество. Они создают образ иронизирующего путешественника, что смягчает панегирический пафос текста, и придают его путевым заметкам особую прелесть.

Примечательно, что оба образованных господина, по-видимому, еще никогда не слышали об иконах. Даже для Давида, лица духовного, иконы были *terra incognita*. О посещении Успенского собора в Кремле он пишет:

...Men dient te weten dat de Grieken geen standbeelden in hunne kerken dulden, noch engelen, noch figuren in ‘t algemeen die met den beitel gemaekt zyn; zy willen alleen geschilderde beeldtenissen, doch met deze gaen zy dan weêr op eene zonderlinge wys te werk. Zy kleeden hunne voornaemste schilderyen, het zy met kostbare stoffen, het zy met zilveren en gouden platen, kunstig geplooid en gedrapeerd. <...> Met zulke schilderyen zyn de russische kerken versierd; het volk gaet er voor buigen en kruisen maken, en kust het de voeten en de handen... (18–19).

(...Следует знать, что греки не допускают в своих церквах никаких статуй: ни ангелов, ни вообще каких-либо фигур, изготовленных с помощью резца; они хотят только живописных изображений, однако используют в работе диковинный метод. Они обертывают самые важные свои картины или дорогими тканями, или серебряными и золотыми пластинами, искусно сложенными и задранированными. <...> Такими картинами украшены русские церкви; народ перед ними кланяется, и крестится, и целует им ноги и руки...).

В пути между Москвой и Петербургом они делили «скоростную карету» с русским дворянином, который говорил по-французски:

Over 't algemeen zyn in Rusland de lieden van goeden huize zeer wel gemanierd, hebben veel onderrigt, en spreken beter fransch dan wy Belgen (35).

(Обычно в России представители хороших семей весьма благовоспитанны, многому обучены и говорят по-французски лучше, чем мы, бельгийцы).

Под последними Нолет, пожалуй, имел в виду фламандцев. О русских дворянах, с которыми он познакомился во время своего путешествия, он отзывался с похвалой: они не только очень хорошо говорили по-французски (в то время это считалось обязательным), но и были готовы прийти на помощь. «Русский дворянин», вместе с которым они ехали в карете, обладал большим «человеколюбием»:

Een groote zak vol kopermunt lag aen zijn zijde, en de hele tijd deelde hij groote aelmoesen aen de armen uit: 'De brave man gaf ons eenigen uitleg over de levenswijze zijner slaven, die zich onder het beheer van zulk eenen meester regt gelukkig mogen noemen, en zelfs, had hij hen willen in vrijheid stellen, hem op de kniën om het behoud van den slavenstand zouden gesmeekt hebben (200).

(Возле него лежал большой мешок медных монет, и он всю дорогу раздавал щедрую милостыню бедным. Этот добрый человек дал нам некоторые пояснения относительно образа жизни своих рабов, которых под управлением такого хозяина поистине можно было назвать счастливыми и которые, даже если бы он захотел отпустить их на свободу, на коленях умоляли бы его оставить их у себя в рабстве).

Интересно сравнение судьбы русского крепостного и бельгийского крестьянина:

Het woord slaef heeft iets hard in zich, dat begrijp ik zoo goed als iemand. Maer wat ik moeilijker zal doen gelooven, en wat toch zoo klaer is als het daglicht is dat het wezen der Russische slaven dikwijls te verkiezen is boven dat onzer Belgische landlieden; altijd boven dat onzer arme fabrieksgasten. En geen wonder, want zie, in Rusland zijn er geen kleine grondeigenaers; een heer van tien, twintig, dertig dorpen is niets ongewoons; al wat de grond voortbrengt, al wat op dien grond ademt en geboren wordt, is van hem; het is derhalve in zijn belang al die zaken in zuiveren staet te bewaren, en ook de boeren, zoowel als hunne woningen, goed te onderhouden. Brandt een dorp af? de heer bouwt het wederom op; strekt het veld, bij ongunstig saisoen, niet eens tot voedsel der arme dienaren? De heer opent de milde handen is voor die zelfde slaven eene gezegende voorzienigheid (176).

(В слове «раб» есть что-то жестокое, я понимаю это не хуже других. Но что мне будет труднее доказать и что все-таки ясно как день,

так это то, что судьба русских рабов зачастую предпочтительна перед судьбой наших бельгийских деревенских жителей и всегда предпочтительна перед судьбой наших бедных заводских рабочих. И ничего удивительного, потому что в России нет мелких землевладельцев; помещик, владеющий десятью, двадцатью, тридцатью деревнями, вполне обычен; все, что приносит земля, все, что на его земле дышит и рождается, принадлежит ему; следовательно, в его интересах хранить все эти вещи в чистоте, а также хорошо содержать крестьян и их жилища. Сгорит ли деревня – помещик снова ее отстроит. Даст ли поле в неблагоприятный год недостаточно пропитания бедным слугам? Помещик раскроет щедрую руку – вот и будет тем же рабам Божий промысел).

От «состоятельного собственника» Нолет слышал:

De slaef leeft zonder zorg, zonder achterdocht. Zijne toekomst, zijn leven, dat zijner vrouw en kinderen is verzekerd. Geen onbarmhartige leenheer zet hen op straat, of dompelt huisgezinnen in wanhoop en armoede. Geene kwelling van staetslasten, geen ontvanger verkoopt hun inboedel. Kunnen onze arme boeren dat ook zeggen? Het is waer, de Russische slaef bezit niets in eigendom... Onze boeren integendeel bezitten... de vrijheid. Doch met alleen vrijheid loopt men niet ver, en wie daervan leven moet, kookt een schralen pot (177).

(Раб живет без забот, без недоверия. Его будущее, его жизнь, жизнь и будущее его жены и детей обеспечены. Никакой немилосердный сеньор не выставит их на улицу, не доведет семью до отчаяния и нищеты. Никаких мучений от государственных налогов, никакой сборщик не будет продавать их имущество. Могут ли сказать то же наши бедные крестьяне? Правда, русский раб не владеет никакой собственностью...) Наши крестьяне, напротив, владеют... свободой. Однако на одной свободе далеко не уедешь, а кто должен с нее жить, кипятит худой горшок).

Такого мнения определенно придерживался не один Нолет. Его русский современник Александр Пушкин в своем ответе на мрачную книгу Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» приводит мнение путешественника XVIII в. Дениса Фонвизина, который позитивно оценивал положение русских крестьян: «Фонвизин, лет за пятнадцать пред тем путешествовавший по Франции, говорит, что, по чистой совести, судьба русского крестьянина показалась ему счастливее судьбы французского земледельца. Верю» [см.: Пушкин, т. 6, с. 348]. Русская императрица Екатерина II тоже высказывалась в таком же смысле (хотя, конечно, она не была беспристрастна): в опровержении на книгу Шаппа д'Отроша «Путешествие по Сибири» (Париж, 1768), которая, по ее мнению, содержала слишком много критики в отношении России [Tavernier], Екатерина утверждала, что

русский «деспотизм» превосходит, а русский крестьянин счастлив, и умирает он от несварения желудка, а не от голода [Екатерина II, с. 25, 29, 129]⁴. И это утверждали не только русские.

Чем Нолет остался недоволен, так это нечистоплотностью русских. На одном постоялом дворе он встретил мальчика-слугу, в обязанности которого входило «набивать и разжигать» постояльцам турецкие трубки,

...Maer wij vonden die vieze manier al te onsmakelijk, en daer de gemeenschap van goederen voor ons nog geen geloofspunt was, weigerden wij te rooken uit een roer, waeraen Jan en alleman gezogen had (186).

(...Но мы сочли этот нечистый способ отвратительным и, поскольку общность имущества не была для нас догмой, отказались курить трубку, которую сосал неизвестно кто).

Эта 'ingekankerde vuile aerd is de eenige vlek welke ik in het karakter der Russen heb kunnen bespeuren' («грязная натура – единственное пятно, которое можно было подметить в русском характере»):

De haaren en langen baerd zijn niet altijd vrij van kruipende gasten, die hier hun tabernakels hebben opgeslagen, en meer dan eens zag ik werklieden die elkander zekeren pluisdienst bewezen. Maer hoe zal het u verwonderen, als gij zult hooren, dat het gemeen volk gedurende de geheele week kaftan, broek en laerzen aenhoudt, zelfs daermeê slaept, en eerst den zaterdag uittrekt om in het bad te kruipen? (199).

(Волосы и длинная борода не всегда свободны от нашедших там пристанище ползучих гостей, и я не раз видел рабочих, убаглотворяющих друг друга ловлей блох. Но как этому удивляться, если слышишь, что простой народ всю неделю одет в кафтан, штаны и сапоги и даже спит в них, и только в субботу снимает их, чтобы забраться в баню?)

Не без юмора описывает Нолет русскую баню:

...In een sierlijk gemeubileerd vertrek ontdoet men zich van al zijne kleederen. Aldus in naturabilis, hetgeen verneêrduitscht wil zeggen, gekleed zoals onze eerste vader Adam, vóór de instelling der erfzonde, begeeft gij u in eene zijkamer. Niets dan de vier muren, en te midden eene viertrappige verhevenheid, waerboven een houten rustbed, in den vorm van eene soldatenbrits. De dampbadienlieffhebber legt zich met de bloote billen op die plank, en nu wordt de kamer door de stoom vervuld, welke langs kleine en onzichtbare gaten en reten door den vloer heendringt. Als dit zweet- en stikpartijtje lang genoeg heeft geduurd, en gij half gekookt zijt, komt een dienstbode te voorschijn, die u leukweg een paer emmers

⁴ Это поистине бессмертное замечание она сделала в письме своему корреспонденту барону Мельхиору Гримму от 13 мая 1796 г.

water over 't hoofd giet, in een koud bad dompelt en met een' bezeepten borstel schrobt en wrijft, als ware uw persoon het eerste het beste meubel. Na nog eene afspoeling van een paer tobben water te hebben ondergaen, strekt gij u op een canapé uit en denkt: zie zoo, dat is eene gedane zaak. Maer neen, dan begint men u eerst al de ledematen te kraken, te knijpen en te kneden als brooddeeg. Bij die Russen is dit bad algemeen in zwang (142–143).

(...В нарядно обставленном помещении снимают с себя всю одежду. Так, in naturalis (в природном виде (лат.)) – Прим. пер.), или, на нидерландском языке говоря, в костюме праотца нашего Адама до совершения первородного греха, направляются в боковую комнату. Ничего, кроме четырех стен, а в середине – четырехступенчатое возвышение с деревянной лежанкой на нем вроде солдатских нар. Любитель парной бани ложится голым задом на эти доски, и комната наполняется паром, проникающим через маленькие незаметные отверстия и щели в полу. Когда потение и удушение продолжаются уже достаточно долго, и вы оказываетесь сварены до полуготовности, появляется прислужник, который, не моргнув глазом, обливает вас с головой несколькими ведрами воды и погружает в холодную ванну, а потом принимается скоблить и тереть намыленной щеткой, как будто ваша особа – какой-нибудь предмет мебели. Подвергнувшись еще одному обливанию несколькими ушатами воды, вы растягиваетесь на канаве и думаете: смотри-ка, дело сделано. Но не тут-то было: теперь вам принимаются с хрустом выламывать конечности, щипать и мять вас, как тесто. У этих русских такая баня повсюду в моде).

В экипаже между Петербургом и Москвой Нолет размышлял о России и русских:

Indien gij voor evangelie houdt en voor zoete koek aenneemt al wat sommige schrijvers, vooral zekere Fransche dagbladen over Rusland vertellen, zult gij menige pil te slikken hebben. Men moet op de plaets zelve zijn om een grond oordeel te vellen (171).

(Если принимать за чистую монету и заглатывать все, что рассказывают о России некоторые писатели, особенно определенные французские газеты, придется проглотить немало пилюль. Чтобы вынести обобщенное суждение, надо самому побывать на месте).

Нолету русские представляются самым незлобивым народом из всех, которые он знал:

Ik bedoel hier niet alleen de lagere klasse, bij wie de gewoonte van blinde gehoorzaamheid en afhankelijkheid grote invloed op het karakter uitoefent; maer ook de hooge standen, zij die gewoon zijn te gebieden. Petersburg alléén, door den toevloed van vreemdelingen reeds bedorven, moge uitzondering op den regel maken, maer niemand kan de volksaerd uit de samenleving der salons afleiden;

deze toch zijn te Petersburg en te Parijs, te Londen en te Amsterdam overal dezelfde; overal dezelfde valsche ingetogenheid, en hoofsche manieren. Men moet het volk uit het volk leeren kennen, en dan ja is Rusland bewonderenswaardig (171–172).

(Здесь я имею в виду не только низший класс, на характер которого большое влияние оказывает привычка к слепому повиновению и зависимости, но и высшие сословия, которые привыкли повелевать. Один Петербург, уже испорченный наплывом иностранцев, может составить исключение из этого правила, но нельзя же делать заключение о национальном характере по салонному обществу; оно повсюду одинаково, в Петербурге и в Париже, в Лондоне и в Амстердаме; повсюду одна и та же притворная добропорядочность и куртуазные манеры. Знакомиться с народом надо через народ, и в таком случае Россия достойна восхищения).

Религиозностью русских Полет также удовлетворен, хотя и замечает, что «кое-где под ней кроется суеверие» (172). От его внимания не ускользает почитание Богоматери и то, что

Geen woning, geen boeren herberg, of in den hoek van elke kamer hangt een klein schilderijtje [= icoon], dezen of genen heiligen voorstellende, waervoor een lamplicht brandt, en de bewoner meermael daegs buigt en kruisen maekt (172).

(В каждом жилище, на каждом крестьянском постоялом дворе или в углу каждой комнаты висит маленькая картинка [икона], изображающая какого-нибудь святого, перед ней горит лампада, а обитатель по несколько раз в день кланяется ей и крестится).

Но самая яркая, наверное, эта картина:

Als laetste proef [van vroomheid] kan ik aenhalen dat wij in een koffijhuis te midden van Petersburg, op eenen Woensdag geen vleeschnat [bouillon] konden bekomen, omdat deze dag bij de Russen een vastendag was! In het katholijk België had men ons, zonder de minste gewetenswroeging, een hele os voorgezet! (172).

(В качестве последнего доказательства [набожности] могу сослаться на то, что в кофейне посреди Петербурга нам в среду было отказано в мясном соке [бульоне], потому что в России этот день постный! В католической Бельгии нам без зазрения совести подали бы целого вола!)

На Давида такая принципиальная позиция также произвела глубокое впечатление:

Ei! bouillon was er evenmin; want, voegde men er by, het is heden woensdag, en op dien dag mogen de Russen daer geen gebruik van maken. Dit antwoord trof en stichtte ons. Wy konden ons niet beletten die nauwgezetheid

der schismatieke Russen te vergelyken met de roekeloosheid der catholyke volkeren, by wie de kerkelyke wetten geheel verwaerloosd worden, ja zoo goed als vergeten zyn. Daer, aen de poorten van Moscow, weigert men, om godsdienstige redenen, wat men by ons en in Frankryk, ondanks de wet en de betamelykheid, den reiziger ongevraagd opdient. Welk eene les! (22).

(Эй! Бульона тоже не было, потому что, как было добавлено, сегодня среда, а в этот день русским нельзя употреблять его в пищу. Такой ответ нас поразил и послужил назиданием. Мы невольно сравнивали эту добросовестность русских схизматиков с дерзостью католических народов, у которых церковные законы в полном пренебрежении, если не сказать, забыты. Там, у врат Москвы, по религиозным мотивам отказывают в том, что у нас и во Франции, вопреки закону и приличию, подают путешественникам без лишних просьб. Каков урок!)

Одним словом,

Van den zedelyken kant beschouwd, is Rusland onberispelyk... en door de zoogenaemde zedebeschaving nog niet bedorven. Zijne inwoners bezitten nog al de voorvaderlijke deugden: Zij zijn gastvrij jegens den vreemde, medelijdend, en kennen het stoïsch *primo mihi* niet (173).

*(С точки зрения нравственности Россия безупречна... и еще не испорчена так называемой цивилизованной моралью. Ее жители еще обладают всеми прадедовскими добродетелями: они гостеприимны по отношению к чужеземцам, сострадательны и не знакомы со стоическим *primo mihi* (*Primo mihi* (лат.) – принцип «мне первому». – Прим. пер.))*

Здесь Нолет с большим удовольствием изливает свою антифранцузскую желчь:

Ik heb het eenen Franschman vlak in zijn gezigt gezegd, toen hij op Rusland smaelde: “Qui, mon cher monsieur, ces diables de Russes sont éminemment religieux, d’une haute moralité, honnêtes, laborieux, hospitaliers, confiants! que voulez-vous? *Ces barbares ne sont pas civilisés!*” (173).

(Одному французу я сказал прямо в лицо, когда он с презрением отозвался о русских: «Да, мой дорогой мсье, эти русские черти в высшей степени религиозны, обладают высокой нравственностью, честностью, трудолюбием, гостеприимством, доверчивостью! Чего ж вы хотите? Эти варвары нецивилизованны!»)

Это заключение прямо противоположно той оценке, которая сформировалась у Нолета относительно России до его путешествия: «суровый север», «эти варварские края» (4). В Петербурге он был ошеломлен тем, как далеко продвинулась Россия в своем развитии с XVIII в.:

Als men de lompe wapenen, grove kleederen, met een woord al het barbaersche van Rusland voor den tijd van Peter den Grooten, aen den verfiinden smaek van zijne eeuw wil toetsen, en de vorderingen na-spoort welke dit land in zulk een kort tijdbestek in kunsten en wetenschappen heeft gemaekt, dan staet men verwonderd over de snellen voortgang in volksbeschaving, en bedenkt welk groot genie er noodig was om eene natie, op min dan anderhalve eeuw, tot die hoogte te leiden (163).

(Если сравнить неуклюжее вооружение, грубую одежду – одним словом, все варварство России до времени Петра Великого – с утонченным вкусом его века и проследить успехи в искусствах и науках, сделанные этой страной за столь короткий срок, остается только удивляться быстрому прогрессу в просвещении народа и думать, сколь великий гений нужен был для того, чтобы менее чем за полтора века поднять нацию на такую высоту).

Санкт-Петербург произвел на Нолета большое впечатление; он называет этот город «гордой столицей огромной России» (139):

Hoe u een juist denkbeeld gegeven van die hoofdstad, waerdige vertegenwoordigster van het uitgestrekt Russisch gebied? Hoe grootsch, hoe trotsch, hoe vol majesteit kwam zij ons voor! Overal breede en lange straten, gebouwen van onafzienbare lengte; nergens kleine smalle steegjes; men zou zweren dat Petersburg enkel door schatrijken wordt bewoond. Wie zou het gelooven dat de schoonste stad van Europa, welke thans boven de 500.000 inwoners telt, eerst in 1703, op eenen moerassigen grond werd aengelegd? (143–144).

(Как составить себе правильное представление об этой столице, истинной представительнице обширных российских владений? Какой большой, какой гордой, какой полной величия предстала она перед нами! Повсюду широкие и длинные улицы, здания необозримой длины, нигде нет маленьких узких переулков; можно поклясться, что Петербург населен только богачами. Можно ли поверить, что красивейший город Европы, в котором ныне более 500 000 жителей, был заложен на болотистой почве только в 1703 году?)

De hoofdstraat van de stad – de 'Newskoi-Prospect' – telt talloze kerken: de hoofdkerk der heilige Moeder Gods van Kasan; nog eene andere Russische kerk; eene kapel van Russische oud-geloovigen; de Armeniaensche, Roomsch-katholijke, Luthersche, Duitsch-Fransch- en Hollandsch Gereformeerde, en eindelijk de Zweedsche en Finlandsche kerken. Dit doet de enthousiaste Nolet de verkeersader van de hoofdstad uitroepen tot de straat van de verdraagzaamheid (Toleranzstrasse) (151–152).

(Главная улица города – Невский проспект – насчитывает множество церквей: собор Казанской иконы Божией Матери, ещё какая-то другая

русская церковь, часовня русских староверов, армянская, римско-католическая, лютеранская, немецко-французская и голландская реформатская, а также, наконец, шведская и финская церкви).

Это заставляет полного энтузиазма Нолета провозгласить главную транспортную артерию столицы «улицей Толерантности» ('Toleranzstrasse'). Необычность и пестрота публики тоже приходится ему по вкусу:

Het krioelde daer van allerlei menschen; Christenen, Joden, Heidenen, Mahomedanen, elk in zijne bijzondere kleedij, een opregt specimen van alle volkeren der wereld, wandelden door elkander. Vooral bespeurden wij veel krijgsvolk, en dat zal niet verwonderen, als men weet dat Petersburg 60.000 man garnizoen telt, waarvan twee derden de keizerlijke lijfwacht uitmaakt. De verscheidenheid van hun rijke kleeding behaegde ons zeer; vooral het oostersch kostuum der 100 man sterke lijfwacht van Circassische prinsen, met den zilveren tulband, blauwen kaftan, wijde broek, zilveren gordel, en met edelgesteenten versierden sabel, kwam ons zeer fraei voor (148).

(Там кишело самыми разными людьми: христиане, евреи, язычники, магометане, каждый в своей особенной одежде, настоящие образцы всех народов мира, разгуливали вперемешку. Особенно много мы замечали военных, и это неудивительно, если знать, что петербургский гарнизон насчитывает 60 000 человек, две трети которых составляет императорская гвардия. Разнообразие их богатой одежды нам очень понравилось, особенно красивыми показались нам восточные одеяния сотни гвардейцев из числа черкесских князей – с серебряными тюрбанами, синими кафтанами, широкими штанами, серебряными кушаками и саблями, украшенными драгоценными камнями).

Нолет только констатировал, что Россия – мультикультурная страна, а Давид вникал в различия. О евреях он не смог сказать ничего хорошего. На московском базаре он едва ли заметил какое-либо отличие в одежде русских и евреев:

...Maar de Joden verraden zich door de loosheid van hunnen blik en door eene zekere geslepenheid afstekende by het ronde en lachende gelaet der Tartaren en de schynbare ongevoeligheid der echte Russen (31).

(...евреи выдавали себя хитрецей во взгляде и неким лукавством, отличным от выражения круглых улыбчивых татарских лиц и мнимого равнодушия настоящих русских).

В другом месте он пишет:

Daer zwierven ook veel Joden tusschen, gelyk wy gissen konden uit de loosheid hunner blikken en den drift van hun gesnater (41).

(Между ними слонялось также множество евреев, коих можно угадать по хитреце их взглядов и напористой трескотне).

Местный русский помог путешественникам разобраться в лабиринте базара и подсказал, где можно сделать выгодные покупки «с наименьшей опасностью быть обманутыми». Давид при этом добавил: «Однако не надо из-за этого избегать евреев, потому что обмануть могут и другие». Затем он продолжает:

‘Een Rus is dief geboren, gelyk alle wilden en halfwilden, en hoe onnoozel [= onschuldig] hy er uit zie[t], hy is doortrapt als de duivel om roofplannen te bedenken, en behendig zonder weêrgâ om ze uit te voeren. Hy bekreunt zich om straf noch gevangenis; hy heeft geenen schrik voor den knoet noch voor de verbanning naer Siberië; het eenigste wat hem wederhouden kan is het godsdienstig gevoel, en inzonderheid de vrees van te mishagen aen Sint-Nikolaes’ (31–32).

(«Русский рожден вором, подобно всем диким и полудиким, и каким бы простодушным [читай – невинным] он ни выглядел, он хитер, как дьявол, когда замышляет кражи, и не имеет себе равных в ловкости, когда их совершает. Его не напугать ни наказанием, ни тюрьмой, он не боится ни кнута, ни ссылки в Сибирь; единственное, что может его остановить, это благочестие, особенно страх прогневить Святого Николая»).

Остается только сожалеть, что Давид не рассказывает, на каком личном опыте основаны эти обобщения.

Sint-Nikolaes is de patroon van alle opregte Russen; nimmer werd een heilige meer vereerd dan deze het is in zyne door geheel Rusland verspreide beeltenissen [iconen]. Daer is geen winkel in den bazaar, geen huis in de stad, geen kamer in de herbergen, geen kajuit in de schepen, geen zael in de paleizen, of men ziet zyn geschilderd beeld, met goud of zilver versierd, in een of anderen hoek (32).

(Святой Николай – покровитель всех честных русских; никогда ни одного святого не почитали больше, чем этого, помещенного на образах [иконах] по всей России. Нет ни одной лавки на базаре, ни одного дома в городе, ни одной комнаты на постоялом дворе, ни одной каюты на корабле, ни одной залы во дворце, где бы не было его живописного изображения, украшенного золотом или серебром, в каком-нибудь углу.)

Незадолго до приезда Нолета и Давида в Санкт-Петербург там пострадал от пожара Зимний дворец. Для Нолета это послужило поводом сделать некоторые политические комментарии:

Het is bijna onmogelijk de groote droefheid af te schilderen, welke dit ongeval bij het volk verwekte; en deze droefheid laat zien hoezeer de Keizer algemeen

bemind is. Het was, als had eenieder zijn eigen huis verloren. Bij de duizend inwoners vroegen de gunst het paleis op hunne kosten te mogen herbouwen. Een graef bood den Vorst een millioen; een arm koopman 1.500 roebels aen. Maer de wreede dwingeland (niet waer ?) weigerde deze edele giften, en het paleis werd voor zijne eigen rekening en op weinige maenden herbouwd (145–146).

(Почти невозможно описать огромную печаль, вызванную в народе этим несчастьем; и эта печаль показывает, какова всеобщая любовь к императору. Как будто каждый лишился своего дома. Почти тысяча жителей, как о милости, просила дозволения отстроить дворец за их счет. Один граф предложил монарху миллион; бедный купец – 1 500 рублей. Но беспощадный деспот (не так ли?) отверг эти благородные дары, и дворец был в считанные месяцы отстроен за его собственный счет).

О царе Николае I Нолет неизменно отзывается с похвалой:

Keizer Nikolaes is vast de schoonste man van zijn rijk. Van eene rijzige gestalte, trotsche houding, fier gelaet ; zijne adelaersblik is zoo scherpdoordringend, dat men onwillekeurig de oogen moet neêrslaen. Hij is een Vorst, voor den troon geboren en van het zelfgevoel zijner grootheid doordrongen. Hij weet dat hij de mag-tige Alleenheerscher is, die over millioenen den gebiedenden sceppter zwaait. Slechts één bevel, en de vermogendste onderdaen wordt balling in Siberiën; één wenk, en de nederigste slaef is tot de grootste waardigheid verheven; met één woord's Keizers wil is het hoogste gebod. Dit heet opregt eenheid in het Bestuer (158).

(Император Николай – определенно самый красивый мужчина своей империи. Рослый, с горделивой осанкой, благородными чертами лица; его орлиный взгляд настолько пронизателен, что невольно приходится опустить перед ним глаза. Он монарх, рожденный для трона и преисполненный сознанием собственного величия. Он знает, что он могущественный самодержец, который властно повелевает миллионами. Один приказ – и могущественнейший из подданных сослан в Сибирь; один знак – и покорнейший из рабов возвеличен до высшего достоинства; одним словом, воля императора – высший приказ. Это называется прямым единоличным правлением).

Нолету и Давиду посчастливилось, будучи в Москве, собственными глазами увидеть русского царя в Кремле. Прежде всего им бросилось в глаза, что император находится среди народа без телохранителей:

Maer waer zijn de talrijke lijftrawanten die het leven van den wreeden dwingeland moeten verzekeren? die den noordschen tyran eenen veiligen doortogt zullen banen? ik zie ze niet, o Journal des Débats!⁵ de Keizer is moederziel alleen, zonder wachten, maer omringd van duizende onderdanen (187).

⁵ *Journal des Débats Politiques et Littéraires* – влиятельная французская консервативная газета; выходила в Париже с 1789 г.

(Но где же многочисленные телохранители, которые должны обеспечить защиту беспощадного деспота? которые должны прокладывать северному тирану безопасный проход? я их не вижу, о, Journal des Débats! император один как перст, без охраны, но окруженный тысячами подданных).

Thans konden wij zien hoezeer Keizer Nikolaes door zijn volk bemind wordt. Maer onder al die ongeveinsde blijken van trouw, eerbied en liefde, is er eene welke ik nimmer vergeten zal. Z. M. groette namelijk met de regterhand, terwijl hij den linkerarm bezijds uit het rijtuig liet hangen, opdat zijne geliefde onderdanen die hand mogten vatten en kussen; en het waren geen opgesmukte hovelingen welke die hand drukten: neen, het waren arme duivels, bedelaers, met smerige lompen overdekt; niet de grooten, maar het volk. Tranen van aendoening schoten mij uit de oogen... de zogenaamd barbaersche Alleenheerscher die als een vader onder zijne kinderen wandelt! Bij het afstijgen van den wagen werd de Keizer als op de handen voortgedragen (187–188).

(Теперь мы могли увидеть, сколь император Николай любим своим народом. Но среди всех этих искренних проявлений преданности, почтения и любви было одно, которое мне никогда не забыть. Дело в том, что Его Величество салютовал правой рукой, а левую свесил из кареты, чтобы его возлюбленные подданные могли эту руку хватать и целовать; и это не были изысканные придворные, кто пожимал его руку: нет, то были бедняки, нищие, покрытые грязными лохмотьями; не сильные мира сего, а народ. Слезы умиления брызнули из моих глаз... Так называемый варварский самодержец, который как отец прогуливается среди своих чад! По выходу из кареты императора понесли бы дальше на руках).

Это выражение народной любви становится для Нолета поводом хорошенько поддеть настроенные против России французские газеты:

Het is louter waarheid wat ik u daer neërschrijf... en spel u geen leugens op de mouw zoals zeker fransch dagblad, waerin ik eenige dagen te voren, in 't lang en breed, met al den noodigen uitleg van tijd, plaets, omstandigheid eene uitgebreide samenzwering tegen 's Keizers leven vernomen had. Maer had de opsteller zich hier ter plaetse bevonden, hij had zijne domme aentijging onwedersprekelijk door feiten gelogenstraft gezien. Ik kon mij niet genoeg verwonderen, hoe zulk een prulblad hier in koffijhuizen en openbare plaetsen zelfs gedoogd werd (188–189).

(Все, что я здесь записываю, чистая правда... а не выдумки, как в некоей французской газете, из которой я за несколько дней до того во всех подробностях, со всеми необходимыми пояснениями о времени, месте и обстоятельствах узнал о широком заговоре против жизни императора. Но если бы сочинитель находился здесь, на месте, он увидел бы, как его глупая ложь вдребезги разбивается о факты. Я не переставал удивляться попустительству, с коим такой никудышный листок появляется здесь в кофейнях и других общественных местах).

Давид тоже обстоятельно описывает появление русского царя на публике по случаю годовщины вступления Наполеона в Москву:

Het gepeupel stond in menigte aen de voornaemste poort van den Kremlin de wachten, en men zeide ons dat het niet wyken zou voor dat het den Tzar gezien en welkom gegroet had, want Nikolaes is een god in de oogen van het gemeen. De geestdrift waer wy 's anderendaags getuigen van waren, deed zulks ten overvloede blyken (20–21).

(Чернь в ожидании толпилась у главных ворот Кремля, и нам сказали, что она разойдется не прежде, как увидит и поприветствует царя, потому что Николай – бог в глазах простонародья. Воодушевление, коему мы в другие дни были свидетелями, служило тому лишним доказательством).

Tegen de middag hoorden wy, aen het gejoel des volks, dat de keizer naderde : en inderdaed wy zagen hem aenkomen in een eenvoudig rytuig, bespannen met twee peerden. Aen zyne zyde zat een aide-de-camp, en voorts was de wagen omgeven van eenen zwerm van lieden uit de werkende klas, die vochten om zich aen het rytuig vast te klampen, en de lucht deden weërgalmen van hun geschreeuw. Wy zagen daer hoe zeer Nikolaes de Eerste van de Russen bemind is : het was een geestdrift, eene dronkenschap, waer men zich moeijelyk een denkbeeld van maken kan. Wat my inzonderheid trof, was het vriendelyk gelaet waermeë de keizer de betuigingen van liefde ontving: met ééne hand begroette hy de dames ; maer zyne andere hand liet hy hangen op den kant van het rytuig, opdat al wie wilde haer zou kunnen drukken. Ook zag men die wildemans, met lompen bedekt of met dierenhuiden omhangen, grypen om het eerst naer de keizerlyke hand die allen ten minste wilden aenraken. Dat schouwspel deed my de tranen in de oogen komen (24–25).

(К полудню мы по крикам толпы услышали, что император приближается, и в самом деле увидели, что он подъезжает в простой карете, запряженной двумя лошадьми. Рядом с ним сидел aide-de-camp⁶, а еще его коляску окружала ватага людей из рабочего сословия, которые дрались, чтобы ухватиться за карету, и оглашали воздух своими воплями. Тут мы увидели, как любят русские Николая I: то был восторг, опьянение, которое трудно вообразить. Что меня особенно тронуло, так это любезность, с которой император принимал такое изъявление любви: одной рукой он приветствовал дам, а другую руку свесил из кареты, чтобы любой желающий мог ее пожать. Можно было видеть покрытых лохмотьями или обернутых звериными шкурами дикарей, первыми хватавшихся за императорскую руку, к которой все желали хотя бы прикоснуться. От этого зрелища у меня навернулись слезы).

Эпизод, который Нолет не мог обойти молчанием, относится к знаменитому холерному бунту 1831 г. Народ обвинил врачей в ненадлежащем лечении и восстал:

⁶ Aide-de-camp (франц.) – адъютант.

Reeds had het volk, ten getale van 10.000 man op de hooimarkt vergaderd, het groot hospitaal aengerand, geplunderd, al de meubelen, de bedden, zelfs de zieken en gezonden te samen uitgeworpen, en begon het gebouw aftebreken, toen de Keizer, die deze schrikwekkende tijding ontving, te paerd sprong, spoorlags naer de hoofdstad rende, en alleen onder dezen woedenden volkshoop verscheen. Gebiedend strekte de vorst zijnen arm uit, en de muitelingen, als door de hand Gods geslagen, vielen den onversaegde bevelhebber te voet. Maer hij, met een vlammd oog en donderende stem riep hun toe: 'Niet voor mij moet gij de kniën buigen, maer God om vergeving smeeken voor uwe zondige euveldaed!' Hierop trok de Keizer naer de bijgelegene hoofdkerk, door de getroffen menigte gevolgd; de muiterij versmolt in een smeekgebed, en de aengerukte krijgsmagt werd als onnoodig afgedankt. Welk een treffend voorbeeld van onverschrokkenheid, kalmte en zelfbetrouwen! (201–202).

(Народ в количестве 10 000 человек уже собрался на Сенном рынке, напал на большую больницу, разгромил ее, выбрасывая всю мебель, кровати, даже больных и здоровых вместе, и начал сносить здание, а император, получивший эту страшную весть, вскочил на коня, во весь опор помчался в столицу и в одиночку предстал перед взбесившейся толпой. Монарх повелительно простер руку, и бунтовщики, как от Божьей десницы, пали в ноги бесстрашному повелителю. А он с горящими глазами громовым голосом крикнул им: «Не передо мной должны вы преклонить колена, а Бога молить о прощении вашего греховного злодеяния!» Затем император, сопровождаемый пораженной толпой, направился в ближайший собор; бунт вылился в молебен, а стянутые войска были за ненадобностью распущены. Какой убедительный пример бесстрашия, хладнокровия и уверенности в себе!»⁷

При посещении «дома призрения найденышей» в Москве нашим бельгийским путешественникам очень понравились опрятность, обстановка и содержание этого приюта, а также результаты даваемого в нем воспитания:

Waerlijk, nergens heb ik zulk een prachtig gesticht ontmoet, en ongetwijfeld kost het onderhoud zeer groote sommen aen het bestuer. Maer de alvermogen-de wil des Keizers voorziet in deze behoefte. In een constitutionneel land, waer de belangen van ieder dorp en gehucht boven het algemeen welzijn zoo vaek de voorkeur hebben, zouden die gelden moeijelijk toegestemd worden, terwijl in landen, zoo als dit, alles van 's Keizers wil afhangt, die 's rijks inkomsten naer welgevallen besteedt, en driewerf gelukkig dan de gewesten, waer de Vorst op zulk eene edele wijze het algemeen welzijn behartigt! (196).

(В самом деле, нигде я не встречал такого прекрасного заведения, и несомненно, его содержание стоит правительству больших денег. Но волей всемогущего императора эта потребность удовлетворяется. В конституционной стране, где интересы каждой деревни и поселка

⁷ Ср.: [Riasanovsky, p. 196; см. также: Шильдер, с. 306–311, 362–370].

частенько ставятся выше всеобщего блага, такие расходы едва ли были бы позволены, тогда как в странах вроде этой все зависит от воли императора, который тратит государственные доходы по своему усмотрению, и трижды счастливый тогда те края, где монарх великодушно печется о всеобщем благе!

Они посетили также императорские заводы, которыми остались довольны: «Все на одной ступени совершенства... так же хорошо, как во Фландрии» (202–203). Одним словом, правящий царь ‘als gebiederaen het hoofd der algemeene volksbeschaving’ (204) («как повелитель стоял во главе всеобщего народного просвещения»). Давид также особо отметил дом призрения найденышей, но он поместил при описании любезного приема критическую сноску:

Op goed onthael mag men rekenen in al de openbare gestichten van Rusland. De keizer wil dat de vreemdeling begoocheld worde, en een groot gedacht van zyn ryk opvatte. Doch alle gemaektheid hindert, en hier is zy overal dusdanig opvallend dat zy walg verwekt (37).

(На теплый прием можно рассчитывать во всех общественных учреждениях России. Император хочет ввести иностранцев в заблуждение, чтобы они получили грандиозное впечатление от его государства. Однако вся эта нарочитость мешает и повсюду здесь бросается в глаза до такой степени, что вызывает отвращение).

Для Давида это было свидетельством «духа очковтирательства, которое просвечивает во всем», то есть попыток выставить себя напоказ, щегольнуть собственными достижениями – одним словом, того, что в истории русской культуры называется «потемкинскими деревнями».

Нолет демонстрирует стремление оправдать ситуации, которые обыкновенно подвергались порицанию. О любовнике Екатерины II он пишет:

Catharina II schonk dit prachtig gebouw [het Taurisch Paleis] aen haren lieveling Potemkin... Catharina, die bij al hare goede gaven, toch ook zekere zwakheden kende, had het nog al hoog op met dien mijnheer Potemkin. Nu, dit zijn huisselijke zaken, die noch u noch mij raken, en waerover ik het gordijntje schuif (164).

(Екатерина II подарила это прекрасное здание [Таврический дворец] своему любимцу Потемкину... Екатерина, которая при всех своих добрых качествах все же не была лишена некоторых слабостей, довольно высоко чтила этого господина Потемкина. Ну, это дела семейные, которые ни вас, ни меня не касаются и за которыми я задергиваю занавеску).

В отношении бюрократической волокиты с паспортами комментарию Нолета также мягки:

Hoe vervelend al die omslag zijn moge, keur ik den maetregel toch niet af... want verre van eenige moeijelijkheid te ontmoeten, of deze bij middel van handvulling te vereffenen [= corruptie], troffen wij overal de uitgezochtste beleefdheid en vriendelijkste voorkomendheid aen (207).

(Как бы досадны ни были все эти хлопоты, я не осуждаю такие меры... потому что мы повсюду встречали отменное обхождение и самую дружескую предупредительность, не сталкиваясь ни с какими трудностями или улаживая таковые посредством наполнения рук [читай – подкупа]).

Хотя восхищение Нолета правлением Николая I не составляет исключения среди его современников в Нидерландах, все же его консерватизм, наверное, заходит далеко. На аудиенции у шведского короля он не скрывал своих консервативных убеждений. Король 'beklaegde zich met eene zachte weemoedigheid dat eenige woelgeesten zijne goede inzigten niet wilden begrijpen' («с легкой грустью посетовал, что некоторые беспокойные умы не хотят понять его добрых намерений»). Когда король объявил себя сторонником новых свобод, Нолет «в душе рассердился» и «схватил Его Величество за руку»:

Sire, – zegde ik, – het zij mij vergund van een ander gevoelen te zijn dan uwe Majesteit: De vrijheid is fraei op papier, maer voor de menigte verkeert zij slechts in dartele losbandigheid en woeste uitspatting. Het volk weet niet wat vrijheid is dan om ze te misbruiken, en heeft den toom van goede wetten en het bestuer eener wijze regeering noodig om opregt gelukkig te zijn. De koning scheen over mijne vrijpostigheid niet ontevreden, en mij de hand vriendelijk op de schouderen drukkend, gaf hij ten antwoord : 'Wij meenen dat gij gelijk hebt: De hevigheid der ziekte zal de genezing ervan voortbrengen; en, het is aen u lieden gegeven, die de pen voert, het volk van zijne pligten te onderrigten (123).

(«Сир, – сказал я, – мне суждено чувствовать иначе, чем Вашему Величеству. Свобода прекрасна на бумаге, но для толпы она превращается только в игривую распущенность и варварский разгул. Народ умеет только злоупотреблять свободой, и ему необходима узда из хороших законов и власти мудрого правительства, чтобы быть поистине счастливым». Король, казалось, не был недоволен моей прямою и, дружески положив руку мне на плечо, сказал в ответ: «Мы считаем, что вы правы: тяжесть болезни должна породить исцеление от нее; и вам, людям, властвующим пером, дано обучать народ его обязанностям»).

Судя по всему, бельгийская революция еще была свежа в памяти русских, потому что когда Нолет и Давид прибыли в финский порт Або (совр. Турку. – Прим. пер.) и проходили контроль на российской

таможне, то их спросили, поскольку они приехали из Бельгии, не являются ли и они «мятежниками» и «вольнодумцами». Нолет пишет:

Wij antwoordden even regtuit dat wij met zulk eene ketterij niet besmet waren, en er toch alles behalve oproerig en belhamerig uitzagen: de douanier scheen te begrijpen dat het groot keizerrijk niets van onze tegenwoordigheid te vreezen had, groette zeer beleefd en liet ons met vrede (128).

(Равно без обиняков мы ответили, что не заражены такой ересью и вовсе не похожи на мятежников и зачинщиков; таможенник как будто бы понял, что наше присутствие ничем не угрожает великой империи, весьма учтиво поклонился и отпустил нас с миром).

Предвосхищая знаменитое высказывание Маркса, Нолет установил, что по Европе бродит призрак конституции, но, похоже, для него было облегчением узнать, что этот призрак еще не проник в Россию:

Er bestaet [in Rusland] nog geene gelijkheid voor de wet; de standen der Maetschappij zijn juist afgeteekend, ieder blijft in zijnen staet. De zoon is slaef even als de vader, en zijne kinderen zullen het zijn even als hij. Dat op deze wijze veel groote geesten in herbis verloren gaen, trek ik niet in twijfel... opgeblazen gekken, waenwijze schoften, winderige warkoppen, die nergens toe deugen, dan om het vuer der tweedragt aen te blazen, twist en beroerten te zaeijen, orde, wet, staet en bestuer van den dijk in de sloot te helpen. Wat ware nu de verkiezelijkste der beide regeringsvormen? Ik wil niet beslissen, lieve lezer, maer laet de oplossing aen uw bescheiden oordeel over (178).

([В России] еще не существует равенства перед законом; сословия общества точно очерчены, каждый остается в своем разряде. Сын раба будет рабом, как его отец, и его дети тоже будут рабами. Я не ставлю под сомнение, что таким образом многие великие умы теряются in herbis (еще не созревшими (лат.) – Прим. пер.)... надутые глупцы, высокомерные жулики, хвастливая бестолочь, ни на что не годные, кроме как подливать масло в огонь раздора, раздувать споры и волнения, подрывать устой порядка, закона, государства и правительства. Какова же, однако, предпочтительная из двух форм правления? Я не хочу решать, любезный читатель, но оставляю решение на ваш снисходительный суд).

Путешествие в самодержавную Россию периода правления Николая I убеждает Нолета и Давида в пригодности старых ценностей прежнего режима, который во всем блеске и великолепии развернулся в Петербурге, но на Западе был сметен Великой французской революцией. По сравнению с пронизательным Кюстином Нолет – легкомысленный поверхностный путешественник, который охотно верил рассказам своего аристократического спутника, в розовом свете изо-

бражавшего жизнь русских крестьян. Два человека, современники, оба просвещенные, оба в поисках ценностей «доброе старого времени», попали в одну и ту же страну, но сделали совершенно разные выводы. Рассказы об их пребывании в России служат прекрасным примером того, как западноевропейцы продолжали в России свои внутрисполитические дискуссии.

Список литературы

- Екатерина II (имп.). Сочинения : в 12 т. СПб., 1901. Т. 7.
- Вагеманс Э. Князь де Линь как свидетель потемкинских деревень // *A Window on Russia : Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia*. Gargnano, 1994. Roma, La Fenice Edizioni, 1996. P. 91–97.
- Кюстин А., де. Россия в 1839 году // пер. В. Мильчиной, И. Стаф. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 528 с.
- Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М., 1976. Т. 6.
- Шильдер Н. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. СПб., Б. и., 1903. URL: <http://johannesnoletdebrauwerevansteeland.blogspot.be/> (дата обращения: 28.10.2015).
- De Vogelaere W. Johannes Nolet de Brauwere van Steelant // *Nationaal Biografisch woordenboek*. Vol. 1. Brussel, 1964. Col. 725–728.
- Janssens P. Entre le general Dourakine et Michel Strogoff: des livres belges sur la Russie de 1830 à 1988 // E. Waegemans & E. Stols (ed.). *Montagnes Russes : La Russie vécue par des Belges*. Bruxelles, 1989. P. 287–383.
- Riasanovsky N. Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825–1855. Berkeley ; Los Angeles, 1961.
- Tavernier R. Le Voyage en Sibérie de l'abbé Chappe et Gerhard Dumbar, son traducteur hollandais // E. Waegemans (red.). *Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century*. Groningen, 1998 (*Baltic Studies* 5). P. 263–283.
- Van Damme J. Le voyage de Jan B. David et Jan Nolet en Russie (1842) // E. Montagnes Russes : La Russie vécue par des Belges / ed. by E. Waegemans. Bruxelles : Ed. EPO, 1989. 408 p.
- Rusland – België 1900–2000 : Honderd jaar liefde-haat [Россия – Бельгия 1900–2000 : Сто лет любви-ненависти] / red. by E. Waegemans. Antwerpen, 2000. 206 p.
- Willems L. Jan Nolet de Brauwere van Steelant // *Biographie nationale de Belgique*. T. 15. Brussel, 1899. Col. 809–813.
- Wils L. Jan-Baptist David // *Nieuwe Encyclopedie der Vlaamse Beweging*. Tiel ; Lannoo, 1998. Vol. 1. P. 862–863.
- Wouters N. Nolet De Brauwere Van Steelant // *Nieuwe Encyclopedie der Vlaamse Beweging*. Tiel ; Lannoo, 1998. Vol. 2. P. 2210–2211.

References

- Biographie de Johannes Nolet de Brauwere, académicien néerlandais. URL: <http://johannesnoletdebrauwerevansteeland.blogspot.be/> (mode of access: 28.10.2015).
- De Vogelaere, W. (1964). Johannes Nolet de Brauwere van Steelant. In *Nationaal Biografisch woordenboek*, Vol. 1, col. 725–728. Brussel.
- Ekaterina II, (imp.). (1901). *Sochineniya : v 12 t.* [The works of Empress Catherine II, 12 Vol.]. (Vol. 7). Sankt Petersburg, izdanie Imperatorskoy akademii nauk.
- Janssens, P. (1989). Entre le general Dourakine et Michel Strogoff: des livres belges sur la Russie de 1830 à 1988. In Waegemans, E. & Stols, E. (Eds.). *Montagnes Russes. La Russie vécue par des Belges* (pp. 287–383). Bruxelles.
- Kyustin, A., de. (Mil'china, V. & Staf, I., Trans.). (1996). *Rossiya v 1839 godu* [Russia in 1839]. 528 p. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh.
- Pushkin, A. S. (1976). *Puteshestvie iz Moskvy v Peterburg* [A Journey from Moscow to Petersburg]. In Pushkin, A. S. *Sobranie sochineny v 10 tt.* Vol. 6. Moscow, Nauka.

Riasanovsky, N. (1961). *Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825–1855*. VIII + 296 p. Berkeley ; Los Angeles.

Shil'der, N. (1903). *Imperator Nikolay Pervyy, ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Nicholas I, His Life and Reign]. Sankt Petersburg.

Tavernier, R. (1998). Le Voyage en Sibérie de l'abbé Chappe et Gerhard Dumbar, son traducteur hollandais. In Waegemans E. (Ed.). *Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century* (Baltic Studies, 5, pp. 263–283). Groningen.

Van Damme, J. (1989). Le voyage de Jan B. David et Jan Nolet en Russie (1842). In Waegemans, E. & Stols, E. (Eds.). *Montagnes Russes. La Russie vécue par des Belges*. 408 p. Bruxelles.

Waegemans, E. (Ed.). (2000). *Rusland – België 1900–2000. Honderd jaar liefde-haat* [Россия – Бельгия 1900–2000. Сто лет любви-ненависти]. Antwerpen.

Waegemans, E. (1996). Knyaz' de Lin' kak svidetel' potemkinskikh dereven' [Prince de Ligne as a Witness of Potemkin Villages]. In *A Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia* (Gargnano 1994). Pp. 91–97. Roma, La Fenice Edizioni.

Willems, L. (1899). Jan Nolet de Brauwere van Steelant. In *Biographie nationale de Belgique, Vol. 15*, col. 809–813. Brussel.

Wils, L. (1998). Jan-Baptist David. In *Nieuwe Encyclopedie der Vlaamse Beweging, Vol. I*, pp. 862–863. Tiel, Lannoo.

Wouters, N. (1998). Nolet De Brauwere Van Steeland. In *Nieuwe Encyclopedie der Vlaamse Beweging, Vol. II*, pp. 2210–2211. Tiel, Lannoo.

The article was submitted on 10.09.2015

Translated by Dutch Irina Bassina

DOI 10.15826/QR.2016.1.142

УДК 342.843+340.130.5+316.351

**«НА 20 РАБОЧИХ – 120 ПОПОВ...»:
НЕПРОЛЕТАРСКИЕ СЛОИ НАСЕЛЕНИЯ НА ВЫБОРАХ
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-е гг.**

Марина Саламатова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления,
Новосибирск, Россия

**“120 PRIESTS PER 20 WORKERS”:
NON-PROLETARIAN POPULATION IN THE ELECTIONS
OF 1920s SOVIET RUSSIA***

Marina Salamatova

Novosibirsk State University
of Economics and Management,
Novosibirsk, Russia

The author studies the participation of the non-proletarian urban population in elections during the New Economic Policy in Soviet Russia. The analysis of the urban population's participation in election campaigns is made referring to a wide range of sources, materials of official statistics, Soviet press, unpublished archival documents kept in Russia's central and regional archives. An analysis of typical documents of the highest and central Soviet and party bodies (order documents, protocols and resolutions, reports, statements and informational documents) retrieved from the funds of the People's Commissariat of Internal Affairs, All-Russian Central Executive Committee, Central Committee of the Soviet Party as well as sources of personal character (voters' complaints about

---

* *Citation:* Salamatova, M. (2016). “120 Priests per 20 Workers”: Non-Proletarian Population in the Elections of 1920s Soviet Russia. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4, № 1, p. 79–102. DOI 10.15826/QR.2016.1.142.

Цитирование: Salamatova M. “120 Priests per 20 Workers”: Non-Proletarian Population in the Elections of 1920s Soviet Russia // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 1. P. 79–102. DOI 10.15826/QR.2016.1.142 / Саламатова М. «На 20 рабочих – 120 попов...»: непролетарские слои населения на выборах в Советской России в 1920-е гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 1. С. 79–102. DOI 10.15826/QR.2016.1.142.

election irregularities) enables the author to reconstruct models of electoral behaviour of non-proletarian strata of the population, and the peculiarities of their relations with the authorities during the 1920s. The article introduces previously unstudied materials of the boards of the Politburo and Orgburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks presided by V. M. Molotov (March – July, 1926) which help substantiate the process of political decision-making by the highest party organs as to the non-proletarian strata of the Soviet society in the election process. Additionally, referring to the critical analysis of official statistical data of the first half of the 1920s, the author concludes about the low reliability of data on the number and structure of the urban electorate, which considerably impedes the study of unorganized voters in elections and calls for additional research of the issue. The non-proletarian strata of the population were a numerous and diverse group in the urban electorate of the 1920s, outnumbering the other groups in provincial towns. Aiming for loyal City Soviets (City Councils), they used a number of approaches, e. g. excluded non-proletarian groups from the electorate, increased the number of *lishentsy* (persons stripped of the right of voting), and introduced differentiated representation norms in favour of workers and Red Army men. Reactions of the non-proletarian public to the political changes varied depending on their background from absenteeism to protesting. The most common forms of protest were refusal to vote for the candidates approved by the authorities, claims of various kinds, and nomination of their own deputies for the Soviets. Though not infrequent per se, such forms of protests were considerably overestimated by the local Soviet and Party representatives, who opposed the expansion of the New Economic Policy and exaggerated the threat coming from the *socially alien* groups of the Soviet public and their potential seizure of power in the Soviets. Part of the representatives of the non-proletarian population were dissatisfied with the authorities, and the electoral system, but this, however, did not reach the scale of oppositional parties or movements. Open protests were uncommon, with modestly-sized groups of entrepreneurs and craftsmen being relatively united but aiming for integration rather than confrontation with the Soviet political system. The lack of loyalty in city-dwellers during elections was used by the Bolshevik authorities as an important leverage in their fight for the toughening of the political course and the cessation of the New Economic Policy.

Keywords: Soviet election campaigns; city Soviets; electoral behaviour; absenteeism; protest behaviour; non-proletarian strata of urban population.

Предметом исследования автора является участие непролетарских городских слоев на выборах в Советской России в годы нэпа. Особенности участия горожан в избирательных кампаниях изучаются на основе широкого круга источников: законодательных актов, материалов официальной статистики, советской печати, неопубликованных архивных документов, находящихся на хранении в центральных и региональных российских архивах. Анализ традиционных для делопроизводства высших и центральных советских и партийных органов видов документов

(распорядительных, протоколно-резолютивных, отчетных, докладных, информационных) из фондов Наркомата внутренних дел, Всероссийского центрального исполнительного комитета, Центрального комитета партии, а также источников личного происхождения (жалоб избирателей на нарушения, допущенные в ходе выборов) позволяет реконструировать модели электорального поведения непролетарских слоев населения, особенности взаимоотношений с властью на протяжении 1920-х гг. Впервые вводимые в научный оборот материалы комиссий Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б) по подведению итогов выборов под председательством В. М. Молотова (март-июль 1926 г.) конкретизируют процесс выработки политических решений высшими партийными органами в отношении непролетарских слоев советского общества в электоральном процессе. Наряду с этим на основе критического анализа официальных статистических сведений первой половины 1920-х гг. автор делает вывод о невысокой степени достоверности данных о численности и структуре городского электорального корпуса, серьезно осложняющих изучение «неорганизованных» избирателей в выборах, и актуализирует проведение дополнительных исследований в этом направлении. Непролетарские слои населения составляли многочисленный и разрозненный контингент в электоральном корпусе городов 1920-х гг., численно преобладая в небольших провинциальных городах. Большевики, желая обеспечить лояльный состав городских советов, использовали различные административные подходы: исключали непролетарские слои из электорального корпуса, расширяли круг «лишенцев», устанавливали дифференцированные нормы представительства в пользу рабочих и красноармейцев. Реакция непролетарских городских слоев на политические изменения обуславливалась разнородностью их состава и варьировалась от абсентеизма до протестного поведения. Наиболее распространенными формами протеста являлись отказ голосовать за утвержденных властью кандидатов, выдвижение требований и собственных депутатов в советы. Протестные формы, хотя и не являлись редкими, но масштабы такого протеста существенно преувеличивались местными советскими и партийными работниками, которые, будучи недовольны расширением нэпа, нагнетали угрозу захвата советов «социально чуждыми» слоями советского общества. У части непролетарских слоев населения существовало недовольство властью, избирательной системой, однако протестные настроения не достигали уровня организации оппозиционных партий или движений. Открытые формы протеста являлись редкостью, относительную сплоченность демонстрировали немногочисленные группы предпринимателей и кустарей, но они стремились к интеграции в советскую политическую систему, а не к конфронтации с ней. Нелояльное поведение горожан на выборах использовалось в качестве значимого аргумента во внутривнутрипартийной борьбе большевистского руководства в пользу ужесточения политического курса и сворачивания нэпа.

Ключевые слова: советские избирательные кампании; городские советы; электоральное поведение; абсентеизм; протестное поведение; непролетарские слои городского населения.

Прямые, равные, всеобщие и тайные выборы стали общепринятыми принципами избирательной системы сравнительно недавно. 80 лет назад выборы депутатов в Советской России происходили совершенно по-иному: голосование осуществлялось на открытых избирательных собраниях, проводившихся по месту работы или жительства, избиратели не только заслушивали отчет о деятельности совета и составляли наказ, но и обсуждали кандидатуры своих представителей непосредственно на собраниях, при этом советы переизбирались каждый год.

Для советской избирательной системы, возникшей в 1918 г., были характерны многоступенчатость, неравенство представительства жителей города и деревни, действие трудового и политического цензов, производственно-территориальный порядок организации избирательных собраний и открытое голосование. Это вполне соответствовало практике европейской выборной системы в подавляющем большинстве стран в первой трети XX в., где выборы также были ограничены большим числом избирательных цензов. В начале XX в. общепринятыми являлись высокий возрастной, гендерный, профессиональный (для военнослужащих и государственных служащих) цензы, а также ценз оседлости¹.

Избирательная система, существовавшая в России с 1918 по 1936 г., имела глубокие исторические корни и в трансформированном виде воспроизводила многие традиционные черты (цензовость, неравное и непрямое представительство). Большевики вводили и ряд новаций, характерных только для советской избирательной системы 1920-х гг., – наделение избирательным правом лиц, признаваемых властью «трудящимися», и проведение выборов по производственным коллективам.

1920-е гг. вписывают особую страницу в электоральную историю Советской России. Выборы в советы являлись важной частью формирования механизмов взаимодействия населения с властью, нередко задавали вектор внутрипартийных дискуссий, оказывали влияние на изменение политического курса большевиков. При этом избирательные кампании 1920-х гг. никогда не являлись центральным сюжетом как советских, так и современных исторических исследований. К одной из наименее изученных проблем относится участие непролетарских слоев городского населения в выборах. И если в советской историографии отсутствие интереса объясняется в первую очередь методологической ограниченностью марксистской концепции, изучение промежуточных непролетарских городских слоев было затруднено в силу сложной классовой идентификации [Андреев; Лепешкин].

---

¹ В европейских государствах женщины получили избирательные права в результате длительной борьбы за свои права: в Англии – в 1918 г., в Германии – в 1919 г., в Венгрии – в 1925 г., в Испании – в 1931 г., во Франции и Италии – в 1945 г., в Бельгии – в 1948 г., в Швейцарии – в 1971 г. [Выборы во всем мире : Электоральная свобода и общественный прогресс. С. 11, 31, 73, 89, 101, 174, 192, 297, 373].

Для современных же исследований характерно смещение акцента в направлении электоральной деятельности дискриминированных властью групп, лишенных избирательных прав [Валуев; Красильников и др.; Серокурова; Морозова]. Эта тенденция свойственна и западной историографии, при этом лишение избирательных прав исследователями рассматривается не как элемент советской избирательной системы, а в более широком контексте изучения динамики социальной стратификации послереволюционного общества 1920–1930-х гг. [Alexopoulos, 1996, 1997; Fitzpatrick, 1993, 1999]. Несмотря на появление в последнее десятилетие работ, посвященных региональным аспектам избирательного процесса [Офицерова; Петрищева; Сухарев; Тютюник], участие непролетарской части горожан в выборах, особенности их политического поведения не становились объектом специального исследования. Настоящая публикация призвана отчасти восполнить данный пробел.

Численность и структура непролетарской части городского электората

Несмотря на немногочисленность городского населения в РСФСР (по переписи 1926 г. – около 18 %), исход выборов в Городские советы был чрезвычайно важным для большевиков, позиционировавших себя как партию «авангарда пролетариата» [Всесоюзная перепись, с. 2–13]. При этом значительную часть городского населения 1920-х гг. составляли непролетарские слои населения.

Следует пояснить, что понятие «непролетарские слои городского населения» в избирательной практике 1920-х гг. не использовалось. Городские избиратели делились властью на «организованных» и «неорганизованных». К числу «организованных» в трудовые коллективы относились рабочие и служащие, состоявшие в профсоюзах, и красноармейцы. Для них собрания проводились по месту работы или службы.

В рамках избирательного процесса непролетарские городские слои в 1920-е гг. охватывали две основные категории: избирателей, не организованных в профсоюзы, и лиц, лишенных избирательных прав, – «лишенцев». К «не организованным в профсоюзы» относились разрозненные группы избирателей: кустари, ремесленники, кузнецы, извозчики, крестьяне, домашние хозяйки, до 1926 г. – мелкие торговцы, лица свободных профессий и т. д. Для них избирательные собрания проводились по территориальному принципу, как правило, в помещениях близлежащих школ, клубов. «Лишенцами» в советской избирательной системе стали торговцы; лица, использовавшие наемный труд, жившие на нетрудовые доходы; священнослужители; служащие карательных органов царской России; офицеры белых армий и т. д. В настоящей публикации рассматривается только часть не-

пролетарских городских слоев, которую большевики наделили избирательными правами (не организованные в профсоюзы избиратели).

Соотношение этих групп в значительной степени диктовало поведение избирателей, влиявшее на исход выборов, а следовательно, и реакцию власти, поэтому чрезвычайно важно определить численность и состав непролетарской части электорального корпуса. Попытка оценить ее численность и соотношение с другими слоями в первой половине 1920-х гг. серьезно осложняется низким качеством избирательной статистики. При этом дефектность статистики касается как отсутствия сведений о выборах в значительной части городов, так и недоучета интересующей нас группы в структуре городских избирателей. Согласно официальным сведениям, в начале 1920-х гг. многие города игнорировали указания центральных и высших советских органов и не предоставляли сведения об итогах выборов. Так, данные по выборам в городские советы представили в НКВД в 1920 г. 122 города и поселка городского типа, в 1921 г. – 150, в 1922 г. – 94, в 1923 г. – 212, в 1924 г. – 3052 [Выборы в Советы РСФСР, с. 1]. Ситуация принципиально изменилась только в середине 1920-х гг., когда качеству учета данных на выборах стало уделяться больше внимания, сведения представлялись по большинству существовавших в то время городов [Выборы в Советы РСФСР, с. 1; Итоги выборов в Советы РСФСР, с. 1].

В структуре электорального корпуса, по данным НКВД, «неорганизованное население» в городах в 1920 г. составляло 3,9 %, в 1921 г. – 16,3 %, в 1922 г. – 10,9 %, в 1923 г. – 42,5 %, в 1924 г. – 44,2 %, в 1925 г. – 44,4 % [Выборы в Советы РСФСР, с. 41]. Столь существенные колебания объясняются двумя основными причинами: организационными – отсутствием избирательных собраний для неорганизованных избирателей, следствием чего было их автоматическое исключение из состава избирательного корпуса, и техническими – плохо налаженным учетом избирателей. В последующих избирательных кампаниях показатели численности неорганизованного населения стабилизируются на уровне 42–44 %, в кампанию 1926–1927 гг. число неорганизованных избирателей составило 41,5 %, в 1928–1929 гг. – 44,2 % [Итоги выборов в Советы РСФСР, с. 44]. Это демонстрирует относительную достоверность данных о соотношении различных слоев в электоральном корпусе.

Данные общероссийской статистики в полной мере подтверждаются анализом первоначальных данных выборов в городские советы, поступавших в НКВД в первой половине 1920-х гг. В значительной

---

² С 1918 по 1924 гг. на Наркомат внутренних дел РСФСР было возложено оперативное руководство выборами, включая ведение избирательной статистики. Руководство выборами НКВД являлось продолжением сложившейся дореволюционной традиции: с 1906 по 1917 г. общая организация и контроль над проведением выборов были возложены на структурно входивший в МВД отдел особого делопроизводства департамента полиции. НКВД РСФСР в 1920-е гг. имел широчайший круг полномочий: помимо милиции и мест заключения, ведал коммунальным хозяйством, местным благоустройством и даже выполнял ветеринарные функции, он являлся административно-хозяйственным, а не репрессивным органом, каковым стал НКВД СССР после реорганизации в 1934 г.

части городов в это время не проводились избирательные собрания для неорганизованных избирателей. Однако число городов, где в электоральный корпус включали неорганизованное население, постепенно увеличивалось. Если в 1920 и 1921 г. неорганизованное население заявлено среди избирателей менее чем в четверти от общего числа карточек выборов, то в 1922 г. число таких городов составляло уже около трети [ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 29. Д. 10а. Л. 4–80]. В 1922 г. в ряде губернских центров неорганизованное население стали включать в электоральный корпус, в числе таких городов были Нижний Новгород, Екатеринбург, Уфа, Тверь, Ставрополь, Пермь. Наряду с этим оставалось множество городов, которые проводили выборы только для рабочих и красноармейцев. К их числу, например, относились Барнаул, Самара, города Тамбовской и Саратовской губерний и т. д. [ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 36. Д. 6. Л. 4–40].

Общей тенденцией динамики электорального корпуса неорганизованных избирателей стало его постепенное увеличение. В кампанию 1924 г. по 305 городам, предоставившим сведения, общее число неорганизованных избирателей составило 1 330 805 чел., в кампанию 1925–1926 гг. по 365 городам – 1 631 204 чел. [Выборы в Советы РСФСР, с. 241, 243] (при этом в статистическом сборнике отмечено, что на 1 мая 1926 г. в РСФСР числилось 538 городов). В кампанию 1926–1927 гг. в 584 городах было учтено 3 297 730 чел.; в кампанию 1928–1929 гг. в 705 городах – 4 158 250 чел.³ [Итоги выборов в Советы РСФСР, с. 44–45]. Судя по данным НКВД, только начиная с кампании 1925–1926 гг. неорганизованные избиратели были повсеместно включены в состав электорального корпуса, до этого по ряду городов стоят прочерки в категории неорганизованных избирателей.

Сознательным ли было исключение из избирательного процесса в начале 1920-х гг. представителей неорганизованного населения? С одной стороны, прямых указаний советских органов или директив партии, направленных на ограничение участия непролетарского населения в выборах, нижестоящим советам не давалось. Но и указаний об обязательности их участия в выборах также не было. В общероссийском и региональном избирательном законодательстве 1920–1924 гг. регламентировалось только проведение избирательных собраний по производственному принципу, порядок организации собраний для неорганизованного по профсоюзам населения не регламентировался и оставался на усмотрение организаторов выборов на местах. Как и многие другие избирательные процедуры, не установленные в законодательстве 1920–1924 гг., участие и организация избирательных собраний для неорганизованного населения регулировались на основе

³ Столь значительное увеличение числа «неорганизованных избирателей» руководители статистического отдела ВЦИК (авторы статистического сборника) объясняли: «образованием новых городских поселков; естественным приростом населения; значительно улучшившимся учетом избирателей» [Итоги выборов в Советы РСФСР. С. 8].

сложившейся практики на местах. Это в значительной степени объясняет разнородную картину участия непролетарских слоев населения в выборах. Исходя из ситуации на местах, с учетом соотношения пролетарского и непролетарского населения в городах и, возможно, других локальных факторов, в каждой губернии или области принималось свое решение об организации избирательных собраний для неорганизованного населения, норм представительства для различных категорий и т. д.

Технической причиной дефектности электоральной статистики первой половины 1920-х гг. стало крайне медленное совершенствование учета населения в городах. Учет избирателей в 1920-е гг. имел слабо формализованный порядок, составление списков избирателей так и не стало обязанностью избирательных комиссий, поименный список избирателей в формы избирательной отчетности был включен только в 1930 г. Проверявшие ход избирательной кампании инструкторы ВЦИК в 1926 г. отмечали «неправильный подход к составлению списков в большинстве городов» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 22. Л. 318]. В стране отсутствовал унифицированный порядок этого учета. Так, в Нижнем Новгороде и Туле проводились «специальные переписи» избирателей (что отмечалось в качестве положительного опыта), в Саратове был зафиксирован еще более оригинальный порядок учета избирателей по специальным заявлениям: «всем кустарям-одиночкам и состоящим в организации предложено подать лично в комиссию заявление о включении их в списки избирателей. Члены семей кустарей, имеющие избирательные права, должны обращаться с просьбой о включении их в списки избирателей в соответствующие комиссии по перевыборам, женщины – в комиссию от домохозяек, безработные – в комиссию от безработных» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 22. Л. 319]. При таком способе учета избирателей, носившем заявительный порядок, степень достоверности данных о численности городского электорального корпуса не могла быть высокой.

Особую значимость для исхода выборов в городах имел вопрос о соотношении непролетарской части с другими социальными слоями горожан. Общероссийские данные свидетельствуют о благоприятном для власти соотношении на протяжении 1920-х гг. Однако это соотношение в различных городах было неодинаковым. Статистика показывает четкую зависимость от общей численности населения: чем крупнее город, тем меньше число неорганизованных избирателей. Наибольшие проблемы с численностью пролетарского населения были в небольших провинциальных городах с населением до 5 тыс. и от 5 до 10 тыс. человек. В. М. Молотов с пренебрежительной иронией охарактеризовал электоральный корпус «обывательских» городов: «На 20 рабочих – 120 попов» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 41–43]. Неорганизованных избирателей в этих городах насчитывалось 56,5 и 50,0 % соответственно, при этом следует учитывать, что в РСФСР в 1920-е гг. преобладали небольшие провинциальные города, ко-

торые составляли 54,3 % (292 из 538 городов в 1926 г.). В городах с численностью населения более 10 тыс. неорганизованного населения было менее половины (44,7 %), в крупных городах с численностью более 50 тыс. – 42,4 %, однако последние составляли 9,5 % от общего числа городов в 1926 г. [Итоги выборов в Советы РСФСР, с. 8].

В целом неорганизованные избиратели составляли значительный контингент в электоральном корпусе городов в 1920-е гг. независимо от их численности, преобладая в небольших провинциальных городах. Это создавало реальные предпосылки для возникновения проблемы обеспечения пролетарского состава городских советов.

Важное значение для власти имел состав не организованных в профсоюзы избирателей. На протяжении 1920-х гг. руководство страны неоднократно вмешивалась в процесс определения круга лиц, обладавших избирательными правами, то расширяя число избирателей от непролетарских слоев населения, то, напротив, резко его сужая. Определение круга избирателей являлось частью общеполитического процесса и партийных дискуссий 1920-х гг. Сложная социальная идентификация этого населения в контексте марксистской парадигмы позволяла в разных политических ситуациях причислять их то к полупролетарским, то к мелкобуржуазным слоям. Большевики оценивали «неорганизованных» избирателей как пережиток дореволюционного времени, презрительно называя их «мещанским населением» городов. По сути, это были традиционные слои городского населения, многие из них работали в собственных небольших мастерских, трудились в артелях или, будучи выходцами из крестьян, занимались огородничеством и садоводством и владели собственным жильем в городе (жилье могло сдаваться внаем и выступать дополнительным источником дохода). По мнению советских и партийных работников, эти слои населения обладали «мелкобуржуазной психологией», были несознательными, предпочитая как идеал буржуазный образ жизни, *являвшийся пережитком буржуазного или скорее даже феодального общества*. Советская пресса зачастую карикатурно изображала эти слои населения как отсталые, полубуржуазные, «прихвостней» нэпманов [На городском участке классовой борьбы, с. 10].

Начиная с кампании 1926–1927 гг. в советской избирательной статистике была детализирована информация о составе неорганизованных избирателей [Выборы в Советы РСФСР, с. 52]. Ниже представлена структура не организованных в профсоюзы избирателей в кампаниях 1926–1927 и 1928–1929 гг. (табл. 1). Самую массовую группу составляли домохозяйки (около 50 %), остальные группы были чрезвычайно разнородными, и ни одна из них не превышала 10 %. Наиболее значительными среди них были группы кустарей, ремесленников и учащихся. Значительная численность группы «прочих» и «не распределенных по группам» была вызвана отсутствием четкой классификации у местных властей, затруднявшихся с определением их социального положения.

Таблица 1

**Структура не организованных в профсоюзы избирателей
в 1926–1929 гг. [Итоги выборов в Советы РСФСР, с. 8–17]**

Категория избирателей	Кампания 1926–1927 гг.		Кампания 1928–1929 гг.	
	Численность	Доля среди не-организованных избирателей (%)	Численность	Доля среди не-организованных избирателей (%)
Домашние хозяйки	1 714 314	52,7	1 932 590	46,7
Кустари и ремесленники	269 058	8,3	388 139	9,4
Учащиеся	279 681	8,6	320 658	7,7
Крестьяне	191 403	5,9	216 048	5,3
Чернорабочие и батраки	13 974	0,4	5 863	0,1
Инвалиды и пенсионеры	112 977	3,5	240 179	5,8
Безработные	144 465	4,5	344 694	8,3
Прочие	265 693	8,2	170 155	4,1
Не распределены по группам	258 189	7,9	523 114	12,6
<i>Итого</i>	<i>3 249 753</i>	<i>100</i>	<i>4 141 350</i>	<i>100</i>

Неоднородность состава неорганизованных избирателей создавала сложности для местных властей в части проведения агитации и организации мероприятий, но при этом имела и существенные плюсы для власти, поскольку такой состав серьезно осложнял установление и координацию внутригрупповых связей. Трудно представить, защита каких интересов могла объединять кустарей, учащихся, безработных, крестьян и инвалидов. В целом этот фактор определял высокую степень пассивности группы и помешал в дальнейшем организации масштабных протестных действий.

**Непролетарские слои населения на выборах:
от апатии до протеста**

Вариативность электорального поведения не организованных в профсоюзы избирателей предопределялась их разнородным составом. Наиболее распространенными стали четыре поведенческие модели: активное лояльное к власти поведение; пассивное поведение; протестное поведение, связанное с выдвижением требований и забаллотированием утвержденных списков кандидатов; протестное поведение, выраженное в форме открытых выступлений горожан против власти.

Одной из самых распространенных стратегий городского населения стало пассивное электоральное поведение, при этом апатия проявлялась как в абсентеизме, так и пассивности на избирательных собраниях. Н. В. Офицерова полагает, что основными причинами апатии являлись «складывающаяся однопартийная система и общее ужесточение политического контроля» [Офицерова, с. 146]. Представляется, что автор преувеличивает влияние названных факторов, причины пассивности горожан на выборах были многограннее и сложнее, чем обозначает исследователь. Значимыми причинами абсентеизма являлись как организационные и технические проблемы, так и социально-психологические, проявлявшиеся в принципиальном нежелании участвовать в выборах.

Советские работники, пытаясь повысить явку населения на выборы, выявили многочисленные организационно-технические проблемы [Балабан; Чугунов]. В качестве технических недочетов назывались неудобные время и сроки проведения избирательных собраний, дальность расположения участков, маломестительные неотопливаемые помещения, отсутствие информации о месте и времени проведения выборов и т. д. Местные руководители оперативно реагировали на организационные проблемы. Были найдены оптимальные сроки проведения выборов и помещения для их проведения, определены оптимальные размеры избирательных участков, что позитивно отразилось на явке избирателей в РСФСР.

Сложнее было с информированностью не организованных в профсоюзы избирателей, традиционные для большевиков способы оповещения и информирования – проведение митингов, собраний, издание газет и листовок – были совершенно неэффективны. Разрозненность проживания непролетарских слоев не позволяла проводить массовые мероприятия. Неграмотность становилась помехой для печатной агитации. Но и в данном случае большевикам в короткий срок удалось найти оптимальный набор предвыборных агитационных средств, позволивших существенно поднять явку неорганизованного населения. Традиционное использование в качестве средств агитации печатных изданий, радио дополнилось различными формами наглядной агитации (плакатами, листовками, лозунгами), демонстрациями, ледовыми представлениями, факельными шествиями, состязаниями-маскарадами, театральными инсценировками («агитационными судами»), различными мероприятиями, направленными на информирование населения (обходы домов и квартир, посылка «глашатаев» по окраинам накануне выборов, различные праздники, концерты, устраиваемые комсомольцами) и т. п. [Сорокин, с. 9].

Влияние социально-психологических факторов на абсентеизм являлось неоднозначным. Значительная часть избирателей игнорировала выборы из-за отсутствия интереса к политическим и общественным процессам. В первую очередь это было характерно для женщин-домохозяек, составлявших более половины неорганизо-

ванных избирателей. Напомним, что женщины до революции не обладали избирательным правом, а до середины 1920-х гг. во многих городах собрания по территориальному принципу не проводились, и они не имели возможности принять участие в выборах. К середине 1920-х гг. значительная часть домохозяек не обладала опытом участия в выборах, для них было характерно индифферентное отношение к политической жизни. Предоставленное женскому населению избирательное право оказалось невостребованным, значимость выборов ими не осознавалась. Апатичное, пассивное поведение было широко распространено и среди пожилых людей (пенсионеров, инвалидов), многие из них не понимали смысла происходящего, не интересовались политикой и т. д.

В то же время для части горожан абсентеизм являлся формой пассивного протеста против Советской власти. Такое поведение демонстрировали жители небольших провинциальных городов. В Угличе, Владимире, Суздале, Великом Новгороде советские работники постоянно жаловались на социальный состав населения: «неорганизованное население – старое мещанство и чиновничество с уклоном религиозности, безразлично относящееся к выборам» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 22. Л. 29]. Несмотря на меры, принимаемые местными властями, горожане отказывались участвовать в выборах, и советские работники констатировали, что «продолжать до бесконечности созыв избирательных собраний бессмысленно» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 22. Л. 29]. Возможности для преодоления абсентеизма неорганизованных избирателей у властей были весьма ограничены. Государственные и партийные органы не располагали реальными рычагами воздействия на них, в отличие от работы с красноармейцами или рабочими на заводах. Однако, несмотря на недопустимо низкую явку, ВЦИК утверждал итоги выборов: в 1926 г. в Угличе признали выборы состоявшимися при явке избирателей в 17 %, в Великом Новгороде – 16 % [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 21. Л. 97; Д. 22. Л. 28].

Несмотря на обозначенные сложности, властям удалось существенно снизить уровень абсентеизма непролетарских слоев населения к концу 1920-х гг., его явка на выборы в 1927 г. составила 43,2 %, в 1929 г. – 58,5 % [Итоги выборов в Советы РСФСР, с. 7–9]. Существенных результатов большевики добились в работе с женщинами-домохозяйками, в 1927 г. их явка составила 40,1 %, в 1929 г. – 56,3 % [Там же, с. 17]. Правда, в большинстве случаев попытки активизировать их деятельность осуществлялись через работающих мужей или сыновей, которых обязывали к этому. Также существенно поднялась явка кустарей, крестьян, пенсионеров, составив в 1929 г. соответственно 63,3, 63,0 и 56,7 % [Там же]. И все-таки в большей степени власти смогли преодолеть организационные и технические проблемы, в меньшей – воздействовать на пассивное протестное поведение.

Другим типом отношения к выборам стало проявление лояльного поведения без выраженных протестных настроений. Характе-

ристика такого поведения нечасто встречается в сводках советских и партийных органов, поскольку оно считалось нормой, и авторы сводок сосредотачивались на «искривлениях линии партии», разного рода отклонениях. В сводках ОГПУ такое поведение характеризовалось как «удовлетворительное». Лояльное поведение предполагало заслушивание отчетного доклада, его активное обсуждение и одобрение, высказывание предложений в пределах «деловой самокритики», то есть замечаний, не выходящих за границы дозволенных властью хозяйственных и социальных предложений, не переходящих в политическую плоскость [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 40–41]. Проявление лояльного поведения предполагало одобрение и голосование за заранее утвержденный партийным комитетом список кандидатов и участие в обсуждении наказа городскому совету [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 124–127]. В наибольшей степени лояльную активность демонстрировали собрания учащихся и часть домохозяек на объединенных собраниях с трудовыми коллективами. Весьма сложно установить степень ее распространенности, поскольку активное лояльное поведение нередко переходило в протестное поведение.

В городах Европейской России, значительную часть населения которых составлял «непролетарский» контингент (Великий Новгород, Углич, Суздаль, Владимир, Весьегонск, Тверь и т. д.), в ходе кампании 1925–1926 гг. избиратели восприняли принципы демократизации «слишком буквально» и стали демонстрировать высокую активность на собраниях, выдвигать различные требования, создавать инициативные группы и т. д. Выборные собрания неорганизованного населения проходили не по запланированному сценарию. Избиратели не желали слушать огромные многочасовые доклады уполномоченных, депутатов и председателей исполкомов о свершениях Советской власти, либо возмущаясь и прерывая докладчиков, либо покидая помещение собрания. Жители городов желали прямого диалога, они активно задавали вопросы представителям власти, присутствовавшим на собраниях, выражали свое мнение, принимали участие в обсуждении. Такое поведение рассматривалось как допустимое в рамках реализации политики «оживления Советов» и активизации «трудящихся».

Однако в ряде случаев допустимая властью активность на избирательных собраниях перерастала в выраженное протестное поведение. Самой распространенной формой проявления протеста стало выдвижение различных требований, не согласованных с властью. Популярностью пользовались требования об уравнивании в правах кустарей с рабочими, предоставлении налоговых льгот кустарям и ремесленникам, создании профсоюзов кустарей, улучшении бытовых условий в городах (строительстве школ, больниц, прачечных, бань и т. д.) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 5. Л. 19]. В ряде городов звучали и политические требования. В частности, в Великом Новгороде, Нижнем Новгороде, Угличе, Весьегонске распространенными стали требования

независимой организации выборов, неучастие партии большевиков в подготовке выборов и предварительном утверждении списков кандидатов в депутаты [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 37].

Наиболее распространенной формой протестного поведения являлся отказ от голосования за утвержденный соответствующим комитетом партии список кандидатов в депутаты. Информаторы ВЦИК сообщали, что «неорганизованное население повсеместно не желало голосовать за списки, предпочитая персональное голосование» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 103. Д. 637. Л. 111]. Представители непролетарских слоев населения настаивали на том, что депутатами могут быть только местные жители – плательщики налогов, заявляя: «как могут защищать наши интересы члены профсоюзов и пришельцы (присланные из центра партийные работники. – М. С.), когда они сами налогов не платят или же имеют льготы» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 46]. Это мнение жителей Весьегонска, но подобные настроения были характерны и для жителей многих других городов (Великого Новгорода, Минусинска, Барнаула, Калуги и т. д.).

При обсуждении кандидатов в депутаты представители неорганизованного населения исключали из списков представителей пролетариата, ответственных советских и партийных работников. Кустари, ремесленники и домохозяйки выдвигали своих кандидатов и формировали наказы. Так, на выборах в горсовет Новониколаевска (ныне – Новосибирск) в октябре 1925 г. произошел настоящий скандал, выступление нэпманов нарушило весь ход заранее спланированного мероприятия. Неожиданное появление новой политической силы повергло в шок большевистских руководителей. Они даже не успели ничего предпринять, чтобы помешать нэпманам. В результате несколько частных торговцев прошли в горсовет Новониколаевский горсовет. В нем депутаты от предпринимателей активно защищали интересы частного капитала [ГАНУ. Ф. 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 26об.].

Сравнительно редкой формой протестного поведения на выборах были открытые выступления горожан против власти, избиения представителей власти, угрозы в их адрес. В материалах центральных архивов нам встретилось единственное дело, в котором разбирался открытый конфликт между горожанами и представителями власти – это выборы в г. Весьегонске Тверской губернии. Представляется, что это был не единичный случай, однако в большинстве ситуаций местные власти стремились погасить конфликт, не доводя до жалоб в высшие советские и партийные органы и приезда представителей ВЦИК или ЦК ВКП(б).

Весьегонск – небольшой город Тверской губернии (по переписи 1926 г. в нем проживало 4 639 человек [Всесоюзная перепись населения, с. 129]), сотрудники ВЦИК описывали его как «город обывательский с преобладанием бывших домовладельцев, торгашей и купечества» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 36]. Избирательный корпус характеризовался как враждебно настроенный к Советской власти:

«пролетариат отсутствует, партия может опереться только на объединенных в профсоюзы совслужащих (856 чел.), преобладает неорганизованное население (1418 чел.)» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 36]. При этом сами избиратели характеризовались как «проявлявшие большую активность обыватели, имевшие своих лидеров в городском совете» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 37]. До сентября 1925 г. в Вёсьегонске не было своего городского совета, жители избирали депутатов в уездный совет, однако горожане в сентябре 1925 г. смогли добиться создания собственного горсовета. Как отмечалось в деле, «при активном содействии горожан с сентября 1925 г. выбран горсовет, в его создании были заинтересованы и активно участвовали местные жители» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 38]. Лидером неорганизованного населения в Вёсьегонске был Мастенников, в справке ОГПУ он характеризовался «как политическая фигура, настроенная антисоветски», в ходе предвыборной кампании агитировавшая против коммунистов и лично против секретаря уездного комитета партии [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 44].

Накануне выборного собрания 27 декабря 1925 г., где Мастенников должен был выступать с отчетом, ОГПУ произвело его арест. Этот арест спровоцировал открытый конфликт населения и власти в ходе собрания, состоявшегося 28 декабря 1925 г. В жалобе членов городского совета Вёсьегонска отмечалось: «В назначенное время 28 декабря явились избиратели в полном составе и требовали у председателя уездного исполкома выпуска из-под ареста члена горсовета. Просьба избирателей не была уважена, поднялся страшный шум, все кричали об освобождении арестованного, но т. к. в просьбе было отказано, и граждане избиратели все того района оставили зал собрания, отказываясь голосовать за предложенные кандидатуры, была вызвана милиция, которая начала запугивать и разгонять избирателей (текст документа цитируется с сохранением стиля оригинала. – М. С.)» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 46]. Оставшиеся на свободе члены горсовета вместе с жителями требовали освобождения Мастенникова, проведения свободных выборов («без всякого давления») и советов без коммунистов [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Д. 20. Л. 36–39].

Представляется, что непродуманные действия местных властей и ОГПУ в Вёсьегонске обострили конфликт и спровоцировали горожан на выступление. В других городах с аналогичным составом населения и высокой активностью горожан местным властям удалось не допустить открытых выступлений на выборах. Там, где местные власти растерялись и ничего не предпринимали, в городские советы могли быть избраны представители «неорганизованного населения» (например, это Юхнов, Таруса, Спас-Деменск, Златоуст) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 57]. В других городах власти пытались убедить, уговорить избирателей, найти компромисс, избрать приемлемый состав советов, включив в них как рабочих, членов партии, так и представителей неорганизованного населения (например, это Саратов,

Калуга, Смоленск, Пенза) [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 104. Д. 13. Л. 108–127]. В последнем случае советские работники после окончания выборной кампании 1925–1926 гг., желая избежать подобных проблем на следующих выборах, стали массово обращаться в Центризбирком с просьбой изменить нормы представительства в пользу членов профсоюзов.

В современном понимании в Весьегонске формировалось гражданское общество, и очевидно, что активная часть горожан обладала достаточно развитым политическим сознанием, готова была отстаивать интересы городского населения в представительном органе, решать проблемы своего города. Горожане не были согласны с формированием однопартийной модели, формализацией избирательного процесса, среди них находились лидеры, способные возглавить это противостояние. Не считая большевиков выразителями своих интересов, они стремились к выдвижению собственных кандидатов, которые должны были отстаивать в советах интересы непролетарской части населения. Однако не стоит преувеличивать уровень развития политического сознания жителей Весьегонска, оно проходило стадию становления, их требования сводились к свободным от административного давления выборам, отсутствию утвержденных уездным комитетом партии списков, избранию в депутаты плательщиков налогов и местных жителей, освобождению из ОГПУ своего лидера. Протестные настроения непролетарской части населения Весьегонска не доходили до уровня организации или поддержки оппозиционных партий или движений. При наличии легальных оппозиционных партий в советской избирательной системе эти слои могли бы потенциально стать их электоратом. При отсутствии альтернативы поведение непролетарской части городов сводилось к протестным настроениям, выраженным различными способами.

Власть и непролетарские слои населения на выборах: сложный компромисс

Итоги избирательной кампании 1925–1926 гг. вызвали серьезную обеспокоенность у высшего руководства страны. Реакция последовала незамедлительно. В духе того времени после завершения избирательной кампании 15 марта 1926 г. была создана комиссия Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б) по подведению итогов выборов под председательством В. М. Молотова [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 10]. В докладе, подготовленном для этой комиссии об итогах выборов в городские советы в 1925–1926 гг., делался неутешительный вывод о серьезных проблемах с социальным и партийным составами избранных горсоветов. В документе отмечалось, что при снижении доли рабочих (с 46 % в 1924 г. до 36,4 % в 1925 г.) в городских советах выросла доля представителей неорганизованного населения (с 13,2 % в 1924 г. до 18,9 % в 1925 г.). И если обобщенные цифры не давали

повода для беспокойства, то составы городских советов в отдельных городах и губерниях вызвали панические настроения у партийных функционеров. Наибольшую тревогу вызывали составы советов «в мелких обывательских городах Саратовской, Самарской, Тамбовской, Рязанской, Воронежской, Курской, Калужской, Брянской, Нижегородской, Ярославской, Владимирской, Иваново-Вознесенской губерний» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 54].

Партийный состав многих городских советов и вовсе обескуражил партийное руководство. В ряде городов коммунистов в новые советы не избрали или их было менее 10 %. Так, в Спас-Деменске коммунисты не попали в состав городского совета, в Юхнове из 49 депутатов только четверо были коммунистами (8,1 %), в Тарусе из 64 депутатов коммунистов оказалось тоже всего четверо [Там же. Л. 57]. В докладе констатировалось, что «понижение доли коммунистов, так же как и рабочих, приходится отнести за счет мелких обывательских, полукрестьянских городов и городишечек, которых у нас значительно больше, чем средних и крупных городов» [Там же]. Главными причинами «резкого ухудшения состава городских советов» назывались расширение круга избирателей за счет непролетарских элементов и их «неконтролируемая активность» [Там же. Л. 20].

Обсуждение итогов выборов вызвало ожесточенные дискуссии и взаимные обвинения сторонников и противников либерализации и расширения нэпа. Уже на первом заседании комиссии Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б), состоявшемся 10 апреля 1926 г., звучали чрезвычайно резкие оценки итогов выборов горсоветов. В. М. Молотов и Л. М. Каганович, констатировав «превращение ряда городских советов в советы мещанского типа», обвинили в искажении директив партии и непонимании политики «оживления советов» наркома внутренних дел РСФСР А. Г. Белобородова, а также верхушку ЦИК СССР и ВЦИК в лице М. И. Калинина, Я. В. Полуяна, А. С. Енукидзе, руководивших выборами в стране [Там же. Д. 54. Л. 12–54].

В более широком контексте результаты избирательной кампании 1925–1926 гг. интерпретировались руководством ВКП(б) в рамках внутрипартийных дискуссий о границах экономической и политической либерализации, о возможности «термидора». Многие исследователи справедливо отмечают исключительную противоречивость позиции большевиков относительно институциональных границ нэпа, ведь либерализация в экономической сфере не сопровождалась политической [Павлюченков, с. 382–390; Гимпельсон, с. 39–43]. Несмотря на все надежды оппозиционных партий и сменовеховцев, за объявлением нэпа не последовало *политической либерализации*, большевики продолжали осуществлять власть испытанными методами «военного коммунизма» и не собирались делиться властью [Павлюченков, с. 390–392]. Но верно и наблюдение Е. Г. Гимпельсона о том, что «расширявшийся нэп толкал на политические уступки» [Гимпельсон, с. 39]. Массовая кассация выборов 1924 г., объявление политики

«оживления советов», запрет на использование административного ресурса на выборах свидетельствовали о победе в 1925 г. линии на политическую либерализацию.

Эта политика была созвучна определенным ожиданиям, настроениям населения, которые фиксировались ОГПУ, советскими и партийными органами. Так, в «Докладной записке о требованиях различных слоев населения на перевыборах 1925–1926 гг.», составленной информационным отделом ОГПУ 16 апреля 1926 г., отмечалась высокая активность, проявленная мелкими городскими собственниками (кустарями) и торговцами. Эти слои рассчитывали на расширение политических свобод: «предоставление избирательных прав торговцам первого разряда рассматривается всей торговой средой как уступка со стороны власти, которая в дальнейшем будет расширяться», – отмечалось в указанной сводке [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 5. Л. 19].

Подобные настроения населения стали основанием «термидорианских» опасений, способствовали обострению внутрипартийных дискуссий об удержании власти. Насколько они были обоснованы? Как отмечалось выше, значительная часть непролетарских слоев населения была недовольна новой властью, избирательной системой и позитивно отнеслась к некоторой либерализации режима в 1925 г. Однако эти слои были крайне разрозненными, разнородными, не оформленными в движения и партии и в целом они не демонстрировали готовности бороться за власть. Для их политической консолидации требовалось время, и потому прямой «угрозы захвата власти в городских советах буржуазными элементами» в 1926 г. не существовало, ужесточение политики, произошедшее в 1926 г. и приведшее к постепенному сворачиванию нэпа, носило в значительной степени превентивный характер.

Меры для исправления ситуации с социальным составом городских советов были озвучены уже 10 апреля 1926 г. на первом заседании комиссии Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б). Основной мерой должно было стать сужение круга избирателей за счет непролетарских слоев городского населения, а также предоставление преимущества пролетариату в нормах представительства [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 41–44, 74–80]. В части обеспечения преимущества в нормах представительства предлагалось использовать сложившуюся в начале 1920-х гг. практику установления различных норм для пролетарского и непролетарского населения городов [Там же. Л. 18]. В начале 1920-х гг. дифференциация в таких нормах в ряде городов между различными социальными слоями достигала двадцатикратного преимущества [ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 36. Д. 6. Л. 32]. В дальнейшем эта практика была расширена и в ряде случаев находила законодательное закрепление. ВЦИК и Центризбирком устанавливали нормы для различных городов в зависимости от соотношения пролетарского и непролетарского населения и политической ситуации [СУ РСФСР. 1927. № 2. Ст. 10; № 36. Ст. 50].

На объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), проходившем в июле 1926 г., были поддержаны предложения комиссии Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б) и принято решение о существенном расширении круга лиц, лишенных избирательных прав, потенциально неloyальных к Советской власти [Там же. Л. 83]. В постановлении пленума указывалось на необходимость «предохранить советы в деревне и в городе от засорения их эксплуататорскими элементами» путем исключения из числа избирателей «растущих капиталистических элементов» [Там же. Л. 83–84]. Директивы партии нашли отражение в избирательной инструкции, принятой ВЦИК 4 ноября 1926 г., и дальнейшей избирательной практике [СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577].

В рамках реализации директив партии в кампании 1926–1927 и 1928–1929 гг. был существенно расширен круг лиц, подлежавших лишению избирательных прав. Численность «лишенцев» в городах РСФСР в 1926–1927 г. увеличилась вдвое – с 284 600 чел. в 1925 г. до 590 048 чел. в 1927 г., достигнув в 1929 г. 711 753 чел. В относительных показателях доля «лишенцев» увеличилась с 4,4 % в 1925 г. до 7,2 % в 1929 г. среди учтенных горожан старше 18 лет. Помимо этого, с помощью дополнительных ограничений в правах и общественного ostrакизма большевикам удалось дискредитировать в глазах сослуживцев, соседей, окружающих небольшую по численности, но весьма влиятельную часть представителей непролетарских слоев города – лиц, лишенных избирательных прав [Маргиналы в социуме, с. 97].

Манипуляции с нормами представительства обеспечили промышленному пролетариату и красноармейцам значительный перевес в представительстве в городских советах. Преференции красноармейцев и рабочих были существенны уже во время выборной кампании 1925–1926 гг., на каждую тысячу избирателей было избрано 11 депутатов от красноармейцев, 12 – от рабочих, 5 – от неорганизованного населения [Выборы в Советы РСФСР, с. 56–57]. В 1926–1927 и 1928–1929 гг. этот перевес уже стал пятикратным (14 депутатов от рабочих, 12 депутатов от красноармейцев против трех от неорганизованной части населения) [Итоги выборов в Советы РСФСР, с. 26–27].

Общий курс избирательных кампаний в городские советы 1926–1927 и 1928–1929 гг. предлагал корректировку политики «оживления советов»: при сохранении и повышении активности городского населения на выборах необходимо было обеспечить пролетарский состав городских советов. В циркулярном письме ВЦИК региональным исполкомам от 27 ноября 1926 г. особо отмечалось: «Наряду с усилением роли рабочих в городских советах необходимо принять меры к более широкому охвату работой городских советов неорганизованных групп городского населения, недопустимы факты отказа от работы с неорганизованным населением» [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 105. Д. 28. Л. 18]. На практике это означало, что перед местными властями стояла непростая задача: при обеспечении высокой явки и активности

всех слоев горожан (имевших избирательные права) не допустить распространения антисоветских настроений и избрать заранее утвержденный список кандидатов.

Насколько принятые меры способствовали решению проблем с обеспечением лояльного поведения непролетарского населения городов и составом советов? Общая электоральная статистика показывает, что в 1926–1927 и 1928–1929 гг. составы городских советов претерпели существенные изменения по сравнению с предыдущей кампанией. В 1927 г. доля рабочих в составах городских советов поднялась до 47,2 %, в 1929 г. – до 54 % [Итоги выборов в Советы РСФСР, с. 46]. Партийный состав также изменился: в 1927 г. 46,5 % избранных в горсоветы составили члены ВКП(б), в 1929 г. их доля была уже 47,2 % [Там же, с. 47]. Традиционно в крупных городах ситуация с составом городских советов выглядела для большевиков более благополучной, доля рабочих в горсоветах составила в 1927 г. 57,5 %, в 1929 г. – 59,6 %. Менее благоприятной ситуация складывалась в небольших городах с численностью жителей до 10 тыс., доля рабочих в 1927 г. составляла 40,6 %, в 1929 г. – 47,5 % [Там же, с. 22–25]. В целом следует признать, что власти удалось изменить ситуацию с составами городских советов в кампании 1927 и 1929 г. по сравнению с выборами 1925 г., обеспечив более лояльный состав депутатов в них. Изменение составов было достигнуто преимущественно за счет использования административного ресурса, расширения круга «лишенцев», манипуляций с нормами представительства, совершенствования организации и агитационных методов.

Административные меры мало повлияли на поведение горожан на избирательных собраниях. Факты нелояльного поведения на выборах оставались массовыми, «управляемая активность» населением оставалась скорее мифом, основанным на отчетах советских руководящих работников, однако в тот период контроль партии над населением был далек от тотального. Большинство протестных форм электорального поведения неорганизованного населения остались характерны и для кампаний 1926–1927 и 1928–1929 гг. Выборы в городах все еще не являлись формальностью и простым утверждением списков кандидатов. По статистике, имеющейся в отчетах Сибкрайисполкома, в ходе выборной кампании 1928–1929 гг. при обсуждении кандидатов в депутаты от ячеек ВКП(б) не прошли 36,2 % кандидатов, от профсоюзов – 84,5 %, от выборных собраний – 85 % [ГАНУ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 619. Л. 15].

Как и ранее, представители неорганизованного населения при обсуждении кандидатов исключали из списков не только представителей пролетариата, но и ответственных советских и партийных работников. Так, в декабре 1928 г. на выборном собрании неорганизованного населения в Новосибирске была забаллотирована кандидатура председателя Сибирского краевого исполнительного комитета

Р. И. Эйхе⁴ [ГАНУ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 643. Л. 48]. Аналогичные факты фиксировались в отношении председателя окружного исполнительного комитета в Щегловске, секретаря райкома партии и заместителя председателя горсовета в Красноярске и т. д. [ГАНУ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 643. Л. 14–15].

Непролетарские слои населения, составляя многочисленный и разрозненный контингент в избирательном корпусе городов 1920-х гг., не являлись базовым электоратом коммунистов. Отсутствие коллективного мандата и лояльности определило сложные взаимоотношения с властью в ходе избирательных кампаний на протяжении 1920-х гг. Приоритетная задача для местных властей на выборах – избрание лояльных партии составов городских советов в первой половине 1920-х гг. – обеспечивалась сложившейся практикой исключения из электорального корпуса неорганизованных слоев населения. Решение об участии «неорганизованного населения» на выборах принималось исходя из политической ситуации в конкретном городе или губернии, соотношения пролетарского и непролетарского населения в городах и других факторов. При этом единой политики государства в отношении участия непролетарских слоев на выборах до 1925 г. еще не сформировалось, высшее руководство не придавало значения способам обеспечения лояльных составов городских советов в этот период.

Либерализация политического курса страны в 1925 г. привела, с одной стороны, к массовому участию непролетарских городских слоев на выборах, с другой, обозначила проблемы с партийным и рабочим составом городских советов. Начиная с 1926 г. высшие органы формируют единые административные подходы в обеспечении необходимых большевикам составов советов, к числу которых относились более жесткие меры по расширению круга лиц, подлежащих лишению прав, и установление дифференцированных норм представительства с выраженными преференциями для рабочих промышленных предприятий и красноармейцев.

Реакция непролетарских слоев городского населения на политические изменения и выборы обуславливались разнородностью их состава и варьировалась от абсолютного равнодушия до выраженного нелояльного поведения к власти. В электоральном поведении это выражалось в высоком уровне абсентеизма, с одной стороны, и протестных формах поведения на выборах, с другой. Подчеркнем, что протестные формы, хотя и не являлись редкими, но масштабы этого протеста существенно преувеличивались местными советскими и партийными работниками, которые, будучи недовольны

---

⁴ Эйхе Роберт Индрикович (1890–1940) – с 1929 г. – первый секретарь Сибирского краевого комитета ВКП(б), с 1930 г. – кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), с 1937 г. – нарком земледелия СССР. 29 апреля 1938 г. арестован и обвинен в создании «латышской фашистской организации», 2 февраля 1940 г. расстрелян. 14 марта 1956 г. реабилитирован военной коллегией Верховного суда СССР.

расширением нэпа, нагнетали идею угрозы «захвата» советов «социально-чуждыми» слоями советского общества. Для части непролетарских слоев населения были характерны недовольство властью, избирательной системой и в целом ожидания демократизации режима, однако протестные настроения не достигали уровня организации оппозиционных партий или движений и, как правило, не выходили за очерченные властью рамки возможного выражения протеста. Говорить о существовании реальных претензий на власть, готовности бороться за нее у непролетарской части населения не приходится. Относительную сплоченность демонстрировали только немногочисленные группы предпринимателей и кустарей, но они стремились к интеграции в советскую политическую систему, а не конфронтации с ней. Представляется, что прямой угрозы «захвата» городских советов непролетарскими слоями не существовало даже в 1925 г. в разгар политической нэповской либерализации. Другой вопрос, что итоги выборов в советы в 1925–1926 гг. стали серьезным аргументом во внутрипартийной борьбе для сторонников ужесточения политического курса и сворачивания нэпа и дали возможность признать либерализацию 1925 г. неудачным политическим и экономическим экспериментом.

Избирательные кампании 1920-х гг. занимают особое место в электоральной истории Советской России, отражая сложный процесс формирования тоталитарного политического режима. Поиски приемлемой модели существования режима проявлялись в экспериментах и компромиссах во взаимоотношениях с населением. Тактические отступления 1925 г. продемонстрировали способность большевиков чутко реагировать на настроения и недовольство населения, однако опасения «термидора» привели к ужесточению форм взаимодействия с населением, основанных на доминировании административных методов, заорганизованности и безальтернативности, ставшими стандартом проведения советских выборов в 1930–1980-е гг. Выборы, результаты которых были заведомо известны, оказались значительно более органичными для советской политической системы.

Список литературы

Андреев В. П. Руководство Коммунистической партией городскими советами РСФСР (1926–1937). Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1990. 227 с.

Балабан Н. Новое в технике выборов : (Оповещение избирателей путем повесток) // Власть Советов. 1926. № 1. С. 2–4.

Валуев Д. В. Лицензы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2003.

Всесоюзная перепись населения 1926 года: краткие сводки : в 10 т. М. : Изд. ЦСУ Союза ССР, 1927–1929. Т. 9. 378 с.

Выборы во всем мире : электоральная свобода и общественный прогресс : энцикл. словарь / сост. А. А. Танин-Львов. М., 2001.

Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. (городские советы, сельские советы, волсезьды, волисполкомы) : статистич. сб. : в 2 ч. / под ред. С. М. Гурвича, Н. А. Котова. М. : Изд-во НКВД, 1926. Ч. 1. 256 с.

Гимпельсон Е. Г. НЭП: была ли возможность «выжить»? // НЭП в контексте исторического развития России XX века. М. : Изд. центр Ин-та рос. истории РАН. 2001. С. 39–56.

Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. : статистич. сб. М. : Власть Советов. 1930. Вып. 2. Выборы в городские советы. 153 с.

Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. А. Корни или щепки : Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. 2-е изд. М. : РОССПЭН ; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. 360 с.

Лепешкин А. И. Советы – власть трудящихся (1917–1936 гг.). М. : Юрилич. лит., 1966. 575 с.

Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-е – 1930-е годы). Новосибирск : Сибир. хронограф, 2004. 456 с.

Морозова Н. М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005.

На городском участке классовый борьбы // Власть Советов. 1929. № 14. С. 10–11.
Офицерова Н. В. Апатия как жизненная стратегия городского населения на выборах во второй половине 1920-х гг. // Власть. 2014. № 5. С. 145–148.

Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»: партия и власть после революции : 1917–1929 гг. М. : Собрание, 2008. 463 с.

Петрищева Н. С. Исторические основы и практика реализации избирательных кампаний в органы Советской власти в 1920-е гг. (на материалах Курского края) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013. 21 с.

Серокурова Л. А. «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов (1921–1936 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 24 с.

Сорокин А. Работа с неорганизованными избирателями // Власть Советов. 1929. № 6. С. 9–11.

Сухарев А. А. Состав Тюменского городского Совета в годы нэпа // Казанская наука. 2014. № 9. С. 43–50.

Тютюник М. В. Региональный избирательный процесс и формирование системы местных Советов РСФСР в 1920–1924 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2009. 24 с.

Чугунов С. Как проводились выборы Советов // Власть Советов. 1925. № 7. С. 5–8.

Alexopoulos G. The Ritual Lament // *Russian History*. 1997. Vol. 24. № 1–2.

Alexopoulos G. Rights and Passage : Marking Outcasts and Making Citizens in Soviet Russia, 1926–1936 : Ph. D. diss. University of Chicago, 1996. 276 p.

Fitzpatrick S. Ascribing Class : The Construction of Social Identity in Soviet Russia // *J. of Modern History*. 1993. Vol. 65. № 4.

Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times : Soviet Russia in the 1930s*. Oxford, 1999. 326 p.

References

Alexopoulos, G. (1996). *Rights and Passage: Marking Outcasts and Making Citizens in Soviet Russia, 1926–1936: Ph. D. diss.* 276 p. University of Chicago.

Alexopoulos, G. (1997). The Ritual Lament. In *Russian History*, 24/1–2.

Andreev, V. P. (1990). *Rukovodstvo Kommunisticheskoy partiiy gorodskimi sovetami RSFSR (1926–1937)* [Communist Party's Management of the Russian SFSR City Soviets (1926–1937)]. 227 p. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta.

Balaban, N. (1926). *Novoe v tekhnike vyborov (Opoveshchenie izbirateley putem povestok)* [New Techniques in Elections (Notification of Voters through Summons)]. In *Vlast' Sovetov*, 1, pp. 2–4.

Chugunov, S. (1925). *Kak provodilis' vybory Sovetov* [How Elections of Soviets Were Held]. In *Vlast' Sovetov*, 27, pp. 5–8.

Ergina, N. M. (2011). *Sotsial'nyy portret lits, lishennykh izbiratel'nykh prav za svyaz' s religioznym kul'tom v 1918–1936 gg. na territorii Mordovii* [The Social Portrait of Persons Disfranchised because of Their Involvement with the Religious Cult in Mordovia between 1918 and 1936]. In *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk*, 5, pp. 61–67.

- Fitzpatrick, S. (1993). Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia. In *Journal of Modern History*, 65/4.
- Fitzpatrick, S. (1999). *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. 326 p. Oxford.
- Gimpel'son, E. G. (2001). *Nep: byla li vozmozhnost' "vyzhit'?"* [The NEP: Was there a Chance to 'Survive'?). In *NEP v kontekste istoricheskogo razvitiya Rossii XX veka* (pp. 39–56). Moscow, Izdatel'skiy tsentr Instituta rossiyskoy istorii RAN.
- Gurvich, S. M. & Kokotov, N. A. (Eds.). (1926). *Vybory v Sovety RSFSR v 1925–1926 gg.* [Elections to the Russian SFSR Soviets between 1925 and 1926]. Part 1. *Gorodskie sovery, sel'skie sovery, vols"ezdy, volispolkomy. Statistichesky sbornik*. 256 p. Moscow, Izd-vo NKVD.
- Itogi vyborov v Sovety RSFSR v 1929 g.* [Soviets Election Results in the Russian SFSR in 1929]. (1930). Iss. II. *Vybory v gorodskie sovery. Statisticheskiy sbornik*. 153 p. Moscow, Izd-vo "Vlast' Sovetov".
- Krasil'nikov, S. A., Salamatova, M. S. & Ushakova, S. A. (2010). *Korni ili shchepki. Krest'yanskaya sem'ya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri v 1930-kh – nachale 1950-kh gg.* [Roots or Chips. Peasant Family in a Special Settlement in Western Siberia between the 1930s – Early 1950s]. (2nd ed.). 360 p. Moscow, ROSSPEN, Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina.
- Lepeshkin, A. I. (1966). *Sovety – vlast' trudyashchikhsya (1917–1936 gg.)* [Soviets – The Power of Toiling Masses]. 575 p. Moscow, Yurid. lit-ra.
- Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920-e – 1930-e gody)* [Marginal People in a Society. Marginal People as a Society. Siberia (1920s – 1930s)]. (2004). 456 p. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf.
- Na gorodskom uchastke klassovoy bor'by* [In the City as a Place for Class Struggle]. (1929). In *Vlast' Sovetov*, 14, pp. 10–11.
- Ofitserova, N. V. (2014). *Apatiya kak zhiznennaya strategiya gorodskogo naseleniya na vyborakh vo vtoroy polovine 1920-kh gg.* [Apathy as an Urban Population's Life Strategy in the Elections of the 2nd Half of the 1920s]. In *Vlast'*, 5, pp. 145–148.
- Pavlyuchenkov, S. A. (2008). *"Orden mechenostsev": partiya i vlast' posle revolyutsii. 1917–1929 gg.* [The Order of the Brothers of the Sword: The Party and Authorities after the Revolution. 1917–1929]. 463 p. Moscow, Sobranie.
- Petrishcheva, N. S. (2013). *Samaya ser'eznaya politicheskaya kampaniya: istoricheskiy opyt organizatsii i provedeniya izbiratel'nykh kampany v Kurskoy gubernii vo vtoroy polovine 1920-kh gg.* [The Most Serious Political Campaign: The History of Election Campaigns in Kursk Governorate in the 2nd Half of the 1920s]. In *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 11, pp. 330–333.
- Serokurova, L. A. (2010). *Politiko-pravovye aspekty lisheniya izbiratel'nykh prav grazhdan Krymskoy ASSR v 1920-e gg.* [Political and Legal Aspects of Disfranchisement in the Crimean ASSR during the 1920s]. In *Vestnik MGU. Ser. "Istoriya"*, 1, pp. 76–84.
- Sorokin, A. (1929). *Rabota s neorganizovannymi izbiratelyami* [Work with Unorganized Voters]. In *Vlast' Sovetov*, 6, pp. 9–11.
- Sukharev, A. A. (2014). *Sostav Tyumenskogo gorodskogo Soveta v gody nepa* [The Structure of the Tyument City Soviet during the New Economic Policy]. In *Kazanskaya nauka*, 9, pp. 43–50.
- Tyutyunik, M. V. (2009). *Fenomen sovetskikh izbiratel'nykh kampany 1921–1924 gg. (opyt Dona i Kubani)* [The Phenomenon of Soviet Election Campaigns of 1921–1924]. In *Nauka i shkola*, 6, pp. 65–69.
- Valuev, D. V. (2012). *Lishentsy v sisteme sotsial'nykh otnosheniy (1918–1936 gg.) (na materialakh Smolenskoy gubernii i Zapadnoy oblasti)* [Lishentsy in the System of Social Relations (1918–1936)]. 155 p. Smolensk, Madzhenta.
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda* [The All-Union Census of 1926]. (1928). Vol. 9. 378 p. Moscow, Izdanie TsSU Soyuzu SSR.

The article was submitted on 24.10.2015

DOI 10.15826/QR.2016.1.143

УДК 327.82(73)+327.82(470)+94(470)"1941/1945"

АМЕРИКАНСКИЕ ДИПЛОМАТЫ НА RENDEZ-VOUS С СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРОЙ (1941–1945)

Василий Христофоров
Российский государственный
гуманитарный университет
Москва, Россия

AMERICAN DIPLOMATS ON A RENDEZVOUS WITH SOVIET POLICY AND RUSSIAN CULTURE (1941–1945)*

Vasily Khristoforov
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia

The article studies the activity of American diplomats in the USSR during World War II, the protagonist being Llewellyn Thompson (1904–1972), who worked for the US Embassy between February 1941 and October 1944. The period was marked by the activity of three American ambassadors, with several diplomats acting as Chargé d’Affaires. Referring to a number of previously unknown documents in the Central Archive of the Security Service of the Russian Federation, it has become possible to consider some of the peculiarities of American diplomats’ service in the Soviet Union during World War II. The historical sources create an image of this diplomat that reflects his sincere love for Russian culture, a deep sympathy for the suffering of the Russian people, and intensive activity to establish connections between the two countries. The

---

* *Citation:* Khristoforov, V. (2016). American Diplomats on a Rendezvous with Soviet Policy and Russian Culture (1941–1945). In *Quaestio Rossica*. Vol. 4, № 1, p. 103–119. DOI 10.15826/QR.2016.1.143.

Цитирование: Khristoforov V. American Diplomats on a Rendezvous with Soviet Policy and Russian Culture (1941–1945) // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 1. P. 103–119. DOI 10.15826/QR.2016.1.143 / Христофоров В. Американские дипломаты на rendez-vous с советской политикой и русской культурой (1941–1945) // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 1. С. 103–119. DOI 10.15826/QR.2016.1.143.

first part of the article discusses Thompson's career prior to the Great Patriotic War (his arrival in the USSR and work for the embassy). After the evacuation of the US Embassy to Kuybyshev in October 1941, Thompson stayed in Moscow for property reasons and to protect British and Belgian interests. Since he often had no notification of his status from the US, he acted intuitively, but managed to cope with his duties. Working for the US Embassy when the majority of the staff had been evacuated to Kuybyshev gave Thompson an opportunity to obtain great experience of diplomacy. The second part of the article is devoted to Thompson's work after the embassy staff returned from Kuybyshev.

Keywords: World War II; USSR; USA; American diplomacy; Llewellyn Thompson; Central Archive of the Security Service of the Russian Federation.

Статья посвящена деятельности американских дипломатов в Советском Союзе в годы Второй мировой войны, а главным ее героем является Льюэллин Томпсон (1904–1972), работавший в посольстве США с февраля 1941 г. до октября 1944 г. За этот период сменились три американских посла, несколько дипломатов исполняли обязанности временных поверенных в делах. На основе ранее неизвестных документов Центрального архива ФСБ России представляется возможным рассмотреть особенности работы американских дипломатов в Советском Союзе в годы Второй мировой войны. Исторические источники раскрывают интересный облик дипломата, его искреннюю любовь к русской культуре, глубокое сочувствие к страданиям русских людей и энергичную деятельность по налаживанию контактов между странами. В первой части статьи рассказывается о карьере Томпсона накануне Великой Отечественной войны (прибытие в СССР и его работа в посольстве). После эвакуации посольства США в Куйбышев в октябре 1941 г. Томпсон оставался в Москве для охраны имущества и защиты британских и бельгийских интересов. В это время он зачастую не имел указаний из США относительно своего статуса, действовал интуитивно, но неизменно справлялся с возложенными на него обязанностями. Работая в американском посольстве в тот период, когда большая часть сотрудников была эвакуирована в Куйбышев, Томпсон получил прекрасную дипломатическую практику. Вторая часть статьи будет посвящена периоду работы Томпсона после возвращения посольства США из эвакуации.

Ключевые слова: Вторая мировая война; СССР; США; американская дипломатия; Льюэллин Томпсон; Центральный архив ФСБ России.

Более 80 лет назад 16 ноября 1933 г. были установлены дипломатические отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. В 1930-х гг. и США, и СССР были заинтересованы в улучшении отношений, которые вполне благополучно развивались до 1946 г. 11 декабря 1933 г. в Москву прибыл первый посол США в СССР Уильям Буллит. Уже 20 декабря он встретился со Сталиным и вскоре приступил к формированию американского посольства.

Президент Рузвельт поддерживал идею налаживания отношений между США и СССР. И хотя все послы Рузвельта, за исключением Дэвиса, возражали против такой политики, каждый из них, выполняя распоряжения президента, работал с целью улучшения взаимоотношений двух стран. В предвоенные годы в государственном департаменте США было всего несколько человек, которые считались признанными специалистами по России: это Чарльз Болен, Лой Гендерсон, Джордж Кеннан и американский военный атташе Филипп Фэймонвилл. Они бегло говорили по-русски, хорошо знали историю, экономику и культуру России, были прекрасными аналитиками.

Советская историография неоднократно обращалась к истории дипломатии. Достаточно назвать имена таких исследователей по теме советско-американских отношений как А. Аничкина, О. Быков, Дж. Гасанлы, Б. Гончар, А. Данилова, Н. Егорова, Т. Жданова, Ю. Жуков, А. Кунина, В. Мальков, П. Подлесный, В. Поздняков, В. Сафронов, Г. Стуруа и др. Из трудов зарубежных исследователей несомненный интерес представляет работа американского автора Д. Данна «Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве» (2004), в которой он исследовал историю пяти первых послов США в СССР, эволюцию их взглядов на фоне советско-американских отношений и политической истории второй четверти XX в. Вместе с тем в российской и зарубежной историографии недостаточно разработана тема влияния личности и профессиональной деятельности Л. Томпсона, хотя ряд сведений присутствует в газетных источниках (газета «Time» в период 1954–1972 гг.) и в биографической базе данных Хатчинсона [Hutchinson].

В начале войны

В первых числах февраля 1941 г. с трапа парохода, прибывшего во Владивосток, сошел 36-летний американский дипломат Льюэлин Томпсон, который, как и любой иностранец, приезжавший в СССР, рассматривался советской контрразведкой, входившей в состав Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР, в качестве возможного разведчика, прибывшего для сбора информации [Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне, т. 2, кн. 1, с. 489–492; кн. 2, с. 27–28, 112, 133–135, 275–276, 357–358, 385–387]. К моменту приезда Томпсона в СССР о нем было известно, что он родился в 1904 г. в Лас-Анимасе (штат Колорадо), имел высшее образование и степень бакалавра искусств. После окончания университета в 1928 г. Томпсон недолго проработал в одной из частных фирм, а в 1929 г. поступил на службу в государственный департамент США. С 1933 по 1939 г. он работал в Женеве, вначале консулом, затем в Международном бюро труда. Возвратившись в США, до конца 1940 г. трудился в госдепартаменте. Томпсон характеризовался как интеллигентный, культурный человек, проявлявший интерес к изобразительному искусству, театру, музыке, не злоупотреблял спиртными напитками и был холост.

Посол Льюэллин Томпсон в Австрии в аэропорту Рейн-Майна во время остановки на пути в Вашингтон

Ambassador to Austria Llewellyn Thompson at the Rhein-Main airport during a stopover on his way to Washington

Из Владивостока до Москвы Томпсон добрался на поезде. В американском посольстве ему было поручено заниматься консульскими вопросами и организацией культурных связей с советскими учреждениями. Когда Томпсон приехал в СССР, он практически не говорил по-русски и был мало знаком с советской действительностью. Однако вскоре он заинтересовался культурой и историей страны пребывания, у него появилось страстное желание стать настоящим специалистом по Советскому Союзу. Он часто посещал музеи, картинные галереи, выставки, увлекся русским театром и балетом, подчеркивая, что в Москве для этого есть все возможности.

Однако посол США в Москве Лоуренс Штейнгардт (1939–1941) несколько иначе оценивал культурную жизнь Москвы. Он утверждал, что его культурные запросы подвергались серьезным испытаниям, так как «советские власти изолировали дипломатическое сообщество», кроме того, в Москве «нет ночных клубов, никакой ночной жизни, никаких развлечений, разве что опера да балет, которые очень хороши, но когда побываешь на всех двадцати представлениях, больше делать нечего». Штейнгардт утверждал, что советская тайная полиция делает его жизнь совершенно невыносимой, а ее сотрудники следуют за ним на расстоянии в два-три метра и заходят даже в парикмахерскую [цит. по: Данн, с. 163–165]. Информацию Штейнгардта о том, что за ним установлено наблюдение советской тайной полицией, подхватили американские журналисты. В нью-йоркских газетах появились публикации на эту тему. При этом нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия сообщал наркому иностранных дел В. М. Молотову, что «за Штейнгардтом никакого специального наблюдения не ведется. К нему так же, как и к послам других крупных иностранных государств, приставлена персональная охрана из отдела охраны дипломатического корпуса НКВД СССР. Охрана сопровождает на машине Штейнгардта во всех его поездках. <...> Если вы считаете необходимым отменить персональную охрану Штейнгардта, прошу ваших указаний» [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5689. Л. 7]. Однако никаких указаний о снятии персональной охраны Штейнгардта не последовало, и сотрудники НКВД продолжали неизменно следовать за американским послом.

Постепенно Штейнгардт настолько привык к персональной охране, что иногда даже пользовался ее машиной, когда его автомобиль в пути получал повреждение. Во время войны, когда Москва подвергалась бомбардировкам, Штейнгардт предлагал сотрудникам персональной охраны заходить в американское бомбоубежище.

Американские дипломаты, находившиеся в СССР, достаточно часто обсуждали то, как НКВД контролирует деятельность иностранцев, пытались выяснить, кто из русских служащих посольства работает на советскую контрразведку. Томпсон в подобных беседах всегда был спокоен и выдержан. Он говорил, что его лично совсем не беспокоит, работает кто-то в НКВД или нет. Томпсон подчеркивал, что никогда не скрывал и не собирается скрывать, чем он занимается в посольстве. По его мнению, убеждение иностранцев, что половина советских граждан работает в НКВД, было неправильным. Он задавал вопросы: «Что может сказать девушка-переводчик? Что она знает?» И сам же давал на них ответы: «Она может знать, что тот или иной сотрудник посольства кретин или что кто-то был пьян». Томпсон считал, что такая информация не может быть интересна НКВД [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5689. Л. 8]. Он иронизировал, что во многих шифрованных телеграммах американского посольства, в которых с виду решались судьбы мира, очень часто после расшифровки оказывалось распоряжение: «Пришлите ночной горшок мадам и господину Штейнгардту». Он считал, что для советско-американских отношений было бы лучше, если бы и американцы, и русские были более открыты. Тогда было бы «и меньше работы, и меньше недоверия».

Забегая вперед, можно сказать, что Томпсон, не высказывая антисоветских взглядов, критически относился к форме правления в СССР, считая, что после войны Советский Союз повернет в сторону «большой демократизации своего режима». Советские эксперты пришли к заключению, что взгляды Томпсона нельзя назвать «ни антисоветскими, ни просоветскими». За время пребывания Томпсона в Москве с 1941 по 1944 г. советская контрразведка сделала однозначный вывод, что он был «чистым дипломатом» и не принадлежал к разведывательным службам США.

Постепенно круг знакомых Томпсона расширился, вначале за счет представителей дипломатических миссий Великобритании, Германии, Италии и американских журналистов, затем в него вошли

Лоуренс Штейнгардт (1892–1950)

Laurence Steinhardt (1892–1950)

представители московской творческой интеллигенции – художники, артисты театров, балерины, переводчики. Хорошие отношения сложились у него со многими американскими корреспондентами, в частности, с Генри Шапиро. До закрытия в июне 1941 г. германского и итальянского посольств Томпсон общался с дипломатами этих стран. В кругу его знакомых появился московский художник-реставратор В. А. Александров, они сблизились на основе интереса к русским иконам и сохраняли дружеские отношения на протяжении долгих лет. Александров располагал широкими возможностями, и со временем хорошими знакомыми американца стали артист балета С. Г. Корень, певцы В. А. Козин и С. Я. Лемешев, балерины С. Н. Головкина и С. М. Мессерер, пианист, дирижер и композитор А. Н. Цфасман. Московские друзья относились к Томпсону с душевной теплотой и симпатией и называли его просто Томми. Это объяснялось тем, что он был радушным хозяином, легко устанавливал дружеские отношения, обладал здравым смыслом, чувством юмора и тактом, но не любил скупых и избалованных людей. Традиционно 25 декабря, в день католического Рождества, Томпсон устраивал в особняке посла обед для американцев, а 31 декабря – вечер для московских друзей, посвященный встрече Нового года. Гостеприимность и доброжелательность Томпсона не оставались незамеченными. Он сам был неизменным гостем на праздничных мероприятиях московских друзей и обедах, которые устраивались в миссии снабжения США и британской военной миссии.

В апреле 1941 г. Томпсон выезжал из Москвы в командировку в Швецию и возвратился очарованный ее столицей. Кроме шуточных рассказов о красоте шведок, Томпсон привез и серьезное известие о том, что в дипломатических и политических кругах Швеции открыто говорят о скором начале войны между Германией и СССР [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5689. Л. 11–12].

Ранним утром 22 июня 1941 г. без объявления войны и предъявления каких-либо претензий соединения германского вермахта на широком фронте от Балтийского до Черного моря вторглись на территорию Советского Союза. Правительства Великобритании и США понимали, что победа Германии в войне с СССР приведет к безраздельному господству фашизма в Европе и создаст угрозу всему миру. Позиция США была озвучена в заявлении государственного департамента, которое 23 июня 1941 г. зачитал на пресс-конференции исполняющий обязанности госсекретаря Сэмнер Уэллес. Армии Гитлера представляли главную опасность для Америки. В качестве основного ставился вопрос, будет ли сорван гитлеровский план завоевания мира [Вторая мировая война. День за днем, с. 108]. 24 июня президент США Рузвельт в кратком выступлении подчеркнул, что американское правительство «намерено оказать России помощь, какую только сможет». Хотя самая важная задача Америки, как акцентировал в своей речи, Рузвельт, заключалась в том, чтобы ускорить поставки по ленд-

лизу в Великобританию и таким путем усилить наступательную мощь английских войск на западе, пока советские войска сражаются с гитлеровцами на востоке [Мировые войны XX века, кн. 3, с. 231].

В первые дни после нападения Германии на СССР в США как в военных кругах, так и в обществе в целом не верили в продолжительность советского сопротивления, предполагая, что Россия сдастся к 1 августа. В условиях войны Штейнгардт принял решение провести оптимизацию численности персонала американского посольства в СССР и возвратить в США большую часть сотрудников. В посольстве США в Советском Союзе оставались лишь те, кто желали и были способны эффективно работать в военных условиях. 26 и 27 июня из Москвы во Владивосток и далее в США убыли 20 сотрудников американского посольства, десять членов их семей и значительная часть личных вещей посла [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5689. Л. 14].

Среди оставшихся немногочисленных сотрудников американского посольства был Томпсон, которому поручалось собирать информацию о настроениях советского населения, продовольственном положении, подготовке граждан к защите от воздушных нападений противника, эвакуации жителей и промышленных предприятий. В начале июля 1941 г. Томпсон пришел к выводу, что в Москве ведется лишь частичная эвакуация, при этом она проходит организованно. 28 июня в посольстве США стало известно, что советские войска оставили Минск, и город занят немцами. Американские дипломаты считали, что для СССР положение стало очень серьезным. Штейнгардт, основываясь на различных слухах, полагал, что германские армии быстро добьются успеха и окажутся в Москве, поэтому в этот же день он дал указание уничтожить архивные документы. Однако сотрудники посольства не разделяли мнение посла о скором поражении Красной армии. Они считали, что в связи с быстрым продвижением германских армий к Москве у Штейнгардта возникло «паническое настроение», поскольку он боялся быть захваченным германскими военными. По мнению Томпсона, Штейнгардта вводил в заблуждение Вашингтон, так как в некоторых телеграммах «не совсем правильно освещалось положение в Москве» [Там же. Л. 15].

Штейнгардт постарался лично убедиться в том, что немцы еще не подошли к Москве. С этой целью в сопровождении других дипломатов он неоднократно в августе – первой половине октября 1941 г. выезжал на Минское шоссе и вел личное наблюдение, пытаясь определить, где проходит линия обороны, обращая при этом внимание на красноармейцев и эвакуированное население, двигавшееся по направлению к Москве.

8 июля Штейнгардт и Томпсон были на приеме у заместителя наркома иностранных дел С. А. Лозовского и пытались выяснить, не готовится ли советское правительство к эвакуации. 17 июля посол направил в Казань несколько человек, чтобы подобрать помещение для

работы и проживания сотрудников посольства на период их эвакуации из Москвы [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5689. Л. 15]. В ночь на 23 июля во время бомбардировки вблизи Спасо-хауса¹ разорвалось несколько бомб. От взрыва вылетели почти все стекла в особняке посла. Штейнгардт заявил, что немцы хотели разрушить Спасо-хаус. Он говорил, что давно предвидел бомбежки, что в дальнейшем налеты на Москву будут сильнее, а немцы будут сбрасывать более крупные бомбы. Штейнгардт считал «невероятным и неожиданным то, что русские войска выдержали напор немцев более месяца», повторяя, что немцы «будут в Москве через месяц» [Там же. Л. 16].

Фактически с первых недель войны СССР и США стали поддерживать постоянные контакты. В Москве и Вашингтоне велись переговоры по поводу оказания помощи. С 30 июля по 1 августа 1941 г. в Москве находился личный представитель президента США Гарри Гопкинс (1890–1946). Накануне его приезда Штейнгардт вел активные консультации в НКВД СССР, с 27 по 29 июля ежедневно встречался с Лозовским, посещал британское посольство и консульство, большую помощь ему оказывал Томпсон. 30 июля Гопкинс и Штейнгардт посетили английское посольство, где обменялись мнениями с послом Стаффордом Криппсом, затем совершили поездку по Москве, проехав по Садовому кольцу, улице Осипенко, Кремлевской и Кропоткинской набережным, через Крымский мост на Октябрьскую площадь, через площадь Свердлова на улицу Моховую. Гопкинса интересовали не достопримечательности Москвы, а обстановка в городе, внешний вид улиц и домов, настроение населения, словом, все то, что могло свидетельствовать о подготовке к обороне и эвакуации [Там же. Л. 17].

Вечером 30 июля состоялась первая встреча Гопкинса со Сталиным. Советская запись их беседы свидетельствует о том, что в Белом доме и Кремле придавали особое значение совпадению взглядов о положении в мире и о той угрозе цивилизации, которую представлял германский фашизм как антисоциальное и враждебное мировому сообществу явление [Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945, с. 80–82]. В первую ночь пребывания Гопкинса на московской земле прошла очередная бомбардировка германской авиации, в результате которой были повреждены общежитие британского посольства на улице Вахтангова и здание театра имени Вахтангова.

Вторая встреча Гопкинса со Сталиным состоялась 31 июля и продолжалась около двух с половиной часов. По мнению Гопкинса, на встречах со Сталиным он получил совершенно откровенную, точную и исчерпывающую информацию о положении на фронте, сильных и слабых сторонах вермахта, причинах временных неудач Красной армии, стратегических планах советского командования и проблемах материально-технического снабжения войск. Больше всего Гопкинса

---

¹ Спасо-хаус – особняк, расположенный по адресу: Спасо-Песковская площадь, дом 10 (постоянная резиденция американских послов в СССР с 1933 г.).

поразили твердость и убежденность, с которыми Сталин говорил о стабилизации фронта в ближайшие два-три месяца. В свою очередь, Гопкинс заверил Сталина в том, что США поддержат Советский Союз в его борьбе с Германией [Мальков, с. 217]. За время пребывания в Москве у Гопкинса сложилось положительное впечатление о высоком моральном духе советского народа и возможностях Красной армии противостоять вермахту, а также убежденность в том, что СССР не будет сломлен во время летней кампании 1941 г.

Гарри Гопкинс, переводчик и Иосиф Сталин.
Тегеран. 1943

Harry Lloyd Hopkins, translator and Josef Stalin.
Teheran. 1943

Гопкинс отмечал, что в Москве война не чувствовалась, если не считать, что повсюду работали женщины. Он обратил внимание на высокий уровень организованности и планирования, на то, как каждую ночь в сторону фронта в строгом порядке отправлялись большие колонны автомашин с военными грузами. Основываясь на личных наблюдениях и сведениях, полученных от Сталина, Гопкинс сделал вывод о том, что информация, поступавшая в Вашингтон от американского посла и военного атташе США о положении на советско-германском фронте и обстановке в Москве, мало соответствовала реальной ситуации. У Гопкинса сложилось впечатление, что Штейнгардт либо не объективен в оценках, либо не располагает достоверной информацией [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5689. Л. 17–19]. Приезд Гопкинса положительно повлиял на настроение Штейнгардта и ситуацию в американском посольстве. Практически прекратились все разговоры о скором взятии Москвы и переезде в тыловые районы Советского Союза. После отъезда Гопкинса Штейнгардт сказал, что посольство переходит к «оседлой жизни» [Там же. Л. 19].

Вопрос об оказании США помощи СССР активно обсуждался и в различных слоях советского населения, и в дипломатическом корпусе в Москве. Томпсон, отвечая на вопросы своих московских друзей, говорил, что «драться с немцами никогда не будет поздно, даже если немцы и возьмут Москву, то это еще не будет означать конца войны», что «оккупация Москвы нежелательна для СССР, так как Москва – сердце Советского Союза, здесь сосредоточено очень много важнейших учреждений, гражданских и военных предприятий, и их потеря будет очень чувствительна. А доставка грузов из Америки

в Россию занимает много времени из-за географической удаленности, и пока пароходы США доставят самолеты, танки и другие военные материалы, пройдет немало времени, не менее трех недель» [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5690. Л. 19].

Приближение в августе 1941 г. линии советско-германского фронта к Москве вызывало тревогу у американских дипломатов, но Томпсон был уверен, что немцы проиграют эту войну, поскольку у них не хватит ни сил, ни средств довести ее до конца. Одной из причин, по которой, по мнению Томпсона, Германия проиграет войну, будет союз, заключенный СССР с Великобританией, – «сильный оплот против Германии»².

Одной из важнейших военно-политических целей в войне Германии против СССР стал захват Ленинграда. Во второй половине августа 1941 г. Томпсон, называя военное положение Ленинграда критическим, все-таки надеялся, что «Ленинград продержится еще три недели, а если продержится, то, значит, будет спасен, так как наступает осень, дороги будут плохие, и тяжелые орудия и танки противника не смогут продвигаться» [Там же. Л. 22].

Основываясь на собранной информации, Томпсон положительно оценивал деятельность советского правительства по эвакуации населения, важных промышленных предприятий и имущества из зоны боевых действий. В конце августа он сделал прогноз, что «немцы приблизятся к Москве до 15 октября». Как оказалось, прогноз был точным. Именно 15 октября началась эвакуация из Москвы основных советских правительственных учреждений и иностранных посольств [Там же].

Несмотря на военную обстановку и большой объем работы, в августе и сентябре 1941 г. Томпсон продолжал встречаться со своими московскими друзьями, посещал театры, британское посольство и военную миссию. Томпсон в тот период был еще холост, и среди его знакомых появились молодые красивые балерины из московских театров, он ухаживал за ними и приглашал в посольство. 7 сентября в театре имени Станиславского и Немировича-Данченко Томпсон смотрел балет «Ночь перед Рождеством», 19 сентября в театре «Эрмитаж» – оперетту «Сильва», 21 сентября в театре имени Моссовета – спектакль «Трактирщица». После эвакуации иностранных посольств в Куйбышев Томпсон уже сам организовывал приемы, вечера и просмотры кинофильмов в особняке посла, на которые приглашал своих соотечественников и московских друзей. Он посещал вечера в американской миссии снабжения и британской военной миссии, где присутствовали советские артисты, художники, балерины. Его регулярно приглашали в мастерские московских художников. Иногда по-

² 12 июля 1941 г. в Москве было подписано соглашение «О совместных действиях правительств СССР и Великобритании в войне против Германии». 26 мая 1942 г. в Лондоне В. Молотов и А. Иден подписали договор между СССР и Великобританией «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и сотрудничестве и взаимной помощи после войны» сроком на 20 лет.

сле окончания частных вечеров компании друзей не хотелось расходиться, в таких случаях Томпсон часто брал инициативу в свои руки и приглашал всех продолжить общение в особняке посла.

29 сентября – 1 октября 1941 г. в Москве проходила международная конференция представителей СССР, США и Великобритании. НКВД собирал информацию о реакции населения на подготовку и проведение конференции. Так, в докладной записке НКВД от 20 августа на имя Сталина и Молотова отмечались некоторые высказывания: «Будет затяжная война, так как Америка и Англия не любят тратить свои человеческие ресурсы и предложат машины взамен людей. Наши генералы не умеют командовать, и их стратегические планы никуда не годятся. Доходит до того, что массами расстреливают средний командный состав, среди которого очень много недовольных высшим командованием». «Нынешние правители Англии и США – не менее опасные враги коммунизма и Советской власти, чем Гитлер, но более умные и проницательные, которые собираются не ударить нас дубинкой, как это делает Гитлер, а задушить коммунизм пушистыми перчатками, потребовав за свою помощь определенных политических и экономических уступок». «Англия и Америка, не мирясь с существованием коммунизма, так же как и фашизма, решили кажущейся помощью ослабить нас. Когда СССР и Германия дойдут до обморочного состояния, тогда Англия и Америка будут диктовать нам свои условия. Конференция трех держав кладет начало такой политике Англии и Америки» [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5690. Л. 24].

Томпсон готовил аналитические и справочные материалы для конференции, присутствовал на официальных приемах в наркомате иностранных дел СССР и посольствах, участвовал во встречах и проходах делегаций. 1 октября 1941 г. СССР, Великобритания и США подписали в Москве секретный протокол о взаимных военных поставках с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 г., для их финансирования американское правительство распространило на Советский Союз с 7 ноября 1941 г. действие закона о передаче вооружения и других материалов взаймы или в аренду (ленд-лиз) и объявило о предоставлении беспроцентного займа в 1 миллиард долларов.

К началу октября 1941 г. положение Москвы ухудшилось. 10 октября бои шли в 80–100 километрах от столицы. Сталин поручил Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они эвакуировались в Куйбышев, обеспечив при этом необходимое количество железнодорожных составов и охрану. 16 октября основная часть сотрудников посольства США во главе с послом специальным поездом выехала из Москвы. Путь до Куйбышева занял почти четверо суток, спецпоезд прибыл на станцию назначения 20 октября. Американское посольство разместилось по адресу: улица Некрасовская, дом 62. В Москве под руководством Томпсона осталась небольшая группа сотрудников посольства.

22 октября 1941 г. Молотов, также по указанию Сталина эвакуировавшийся в Куйбышев, встретился с Штейнгардтом. Основными во-

просами их беседы были положение на советско-германском фронте и ход поставок американской военной помощи в СССР. Молотов интересовался самочувствием Штейнгардта и пожеланиями американцев в связи с переездом. Хотя посольство нуждалось в некоторых бытовых предметах³, посол, понимая трудности, связанные с переездом советского правительства на новое место, выразил готовность подождать. Штейнгардт предложил освободить советское правительство от забот об обеспечении посольств, но попросил предоставить в распоряжение Томпсона, оставшегося для защиты американской и английской собственности в Москве, некоторое количество грузовых автомобилей и два товарных вагона для отправки предметов домашнего обихода в Куйбышев, а также оказать содействие в упаковке, погрузке и быстрой отправке багажа. Молотов согласился с предложением Штейнгардта [Советско-американские отношения: 1939–1945, с. 159].

3 ноября среди сотрудников американского посольства в Куйбышеве стало известно, что Рузвельт вызывает Штейнгардта в Вашингтон в связи с окончанием срока его службы. Истинная причина состояла в том, что Штейнградт критически относился к вопросам оказания помощи Советскому Союзу, считая, что США должны проводить сбалансированную политику, а не практику, как ему казалось, базировавшуюся на иллюзиях, неведении и наивности. Президент США Рузвельт и его ближайший помощник Гопкинс были полны решимости оказать помощь СССР. Рузвельт считал, что ему «было бы полезно иметь в качестве посла в Советском Союзе кого-то, кто в полной мере знаком с вопросами производства и снабжения в США» [Данн, с. 216–217].

В начале декабря 1941 г. произошли два события, которые существенно повлияли на дальнейший ход Второй мировой войны. 5 декабря 1941 г. началось контрнаступление советских войск под Москвой, в результате которого удалось отеснить армии вермахта от Москвы и снять угрозу захвата столицы. Германские армии потерпели первое крупное поражение во Второй мировой войне. 7 декабря 1941 г. авиасоединения японских вооруженных сил без предварительного объявления войны разгромили крупнейшую военно-морскую базу США на Тихом океане Перл-Харбор. Утром 8 декабря Рузвельт выступил перед обеими палатами Конгресса США и сообщил о вероломном нападении Японии. Конгресс США принял резолюцию об объявлении войны Японии. 11 декабря союзники Японии Германия и Италия объявили войну США. В этот же день Конгресс США объявил о том, что США вступили в войну с Германией и Италией.

Советская контрразведка внимательно следила за настроениями советского населения. 13 декабря 1941 г. Берия направил Сталину

---

³ Штейнгардт заявил, что посольство ощущает недостаток в постельном белье, кухонной посуде и некоторых других предметах домашнего обихода. Кроме того, для американского посольства был необходим еще один дом из 12–15 комнат.

и Молотову информацию, подготовленную в НКВД, об откликах и настроениях людей в связи с этими событиями: «Вступление Японии в войну – крайне неблагоприятный факт для СССР, так как этим затрудняется доставка материалов из США. С другой стороны, военные материалы, которые США могли послать нам, будут нужны теперь ей самой». «Война Японии с Америкой ускорит гибель Германии, мы опять выкарабкаемся на поверхность. Немцы принудили Японию выступить в ответ на объявление Англией войны Финляндии». «Японо-американская война нас не заденет, а лишь облегчит положение на Западном фронте». «За нападением на Америку последует нападение и на СССР, в результате чего японцы, по-видимому, займут не только Сибирь, но дойдут и до Средней Азии». «Объявление Японией войны США и Англии – кульминационная точка войны, последний козырь гитлеризма. Дальше никаких резервов у него нет». «Нет никакого сомнения, что Япония будет раздавлена Америкой, но одно отрадно, что Америка, которая привыкла обогащаться за счет войны других стран, сама сейчас отведаёт вкус войны». «Если в войне США и Англии в водах Тихого океана будут взяты темпы Красной армии, то, безусловно, Японию разобьют. Вообще Японию можно уничтожить только с приморья Советского Союза». «Коалиция государств должна победить. После войны останутся только три государства – СССР, Америка и Англия. Германская нация должна быть уничтожена». «Возникновение войны между Японией, Америкой и Англией – событие огромной важности. Эта война устраняет возможности возникновения для нас Дальневосточного фронта и обеспечит укрепление военного сотрудничества между СССР, Англией и Америкой» [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5690. Л. 29].

Перед оставшимся в Москве Томпсоном были поставлены задачи «защищать американские и британские интересы как можно дольше в том случае, если немецкие войска войдут в Москву». В его ведении находились особняк американского посла на Спасо-Песковской площади и здание посольства на улице Моховой вместе с обслуживающим персоналом, оборудованием, имуществом, материалами, мебелью, а также дачи в Некрасовке и Немчиновке. В 1941–1942 гг. Спасо-хаус стал пунктом эвакуации американцев. Отсюда штатные сотрудники посольства и журналисты отправлялись на железнодорожный вокзал и уезжали в Куйбышев [Там же. Л. 30].

Сложность положения Томпсона заключалась в том, что зачастую он не имел указаний из США относительно своего статуса и действовал интуитивно. Его обязанности расширились после образования в Москве американской военной миссии, занимавшейся вопросами поставок вооружения в СССР, и административного отдела. Военная миссия через группу Томпсона получала телеграфные указания из Вашингтона и из других иностранных столиц. Американский посол направлял в Москву телеграммы, на которые нужно было своевременно давать ответы. От Томпсона требовалось держать посла в курсе дел

и событий, происходивших в Москве и представлявших интерес для правительства США. В первую очередь это были события военного и внешнеполитического характера. Наряду с решением этих задач, Томпсон занимался и судьбами конкретных людей, нуждавшихся в его помощи. Он руководил работой оставшейся группы сотрудников посольства, установил дружественные отношения с американцами, находившимися в Москве, большинство из которых были журналистами, с членами дипломатического корпуса и представителями НКВД [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5690. Л. 30–31].

По всем вопросам персонал американского посольства обращался к Томпсону за разрешениями или указаниями. С ним согласовывались не только общие вопросы по линии внешнеполитической деятельности, но и административно-хозяйственные. Несмотря на продовольственные трудности в осажденной Москве, Томпсон сумел организовать для всех сотрудников одноразовое питание. Вся корреспонденция исходила из Москвы только за его подписью. Документы, которые направлялись в Вашингтон государственно-

му секретарю, Томпсон обычно подписывал так: «С почтением, за посла Л. Томпсон».

В феврале 1942 г. советское правительство дало согласие на назначение адмирала Уильяма Стендли послом США в СССР. Сотрудники американского посольства ничего не знали об этом до сообщения по радио и очень удивились назначению, поскольку Стендли не был ни дипломатом, ни политиком. Назначение послом адмирала было, видимо, продиктовано обстановкой военного времени. Но Стендли было трудно разобраться сразу во всех хитросплетениях внешнеполитической жизни. Вместе с ним в Москву в качестве секретаря посольства был направлен Эдуард Пейдж, уже имевший опыт работы в Москве до войны, он также

Адмирал Уильям Стендли. 1935

Admiral William Standley. 1935

сопровождал А. Гарримана на международной конференции в сентябре 1941 г. Стендли полностью доверял Пейджу и пользовался его рекомендациями. Сотрудники посольства считали Пейджа карьеристом и интриганом. По мнению Томпсона, Пейдж в первые недели своего пребывания в Куйбышеве предоставлял Стендли информацию о деятельности посольства в искаженном виде. В связи с этим сотрудники

посольства в Куйбышеве «получали проборки на словах, а в Москве – в телеграммах».

Американскому послу понадобилось много времени, чтобы разобраться в особенностях американской дипломатии. Летом 1942 г. Стендли пришел к выводу о том, что «Томпсон, находившийся в Москве, прекрасно выполняет работу в тяжелых условиях», и целесообразно, чтобы Томпсон продолжал работать в американском посольстве в Москве. Сам Томпсон с сожалением говорил, что адмирал Стендли был человеком, «ничего не понимавшим, кроме своего корабля и моря», к тому же пристрастным к спиртному и не желавшим платить ни за приемы в посольстве, ни за карты, в которые он всегда проигрывал.

8 апреля новый посол созвал американских корреспондентов на пресс-конференцию и проинформировал их о внутреннем положении в США, военных событиях на Тихом океане и положении на европейском театре военных действий. Часть беседы он разрешил опубликовать в печати, некоторые вопросы назвал конфиденциальными и предназначенными только для личного сведения корреспондентов. Говоря об оказании помощи Великобритании и СССР, Стендли отметил, что США должны и будут снабжать Советский Союз, а лучшая помощь Великобритании, по его мнению, «дать возможность русским уничтожать немцев» [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 36].

(Продолжение публикации – в следующем номере).

Список литературы

Борисов А. Ю. СССР – США – союзники в годы войны 1941–1945 гг. М. : Международ. отношения, 1983. 288 с.

Быков О. Новое политическое мышление в действии // *Мировая экономика и международ. отношения.* 1988. № 2. С. 8–20.

Вторая мировая война : День за днем. М. : Сибирский цирюльник, 2005. 480 с.

Гасанлы Дж. СССР – Иран: азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М. : Герои Отечества, 2006. 556 с.

Гончар Б. М. Американская политология о советско-американских отношениях в 80-е годы : (Регион. аспекты) // *Вопросы новой и новейшей истории.* Вып. 33. Киев, 1987. С. 52–60.

Данилова А. В. Советско-американский симпозиум в Москве // *Совет. славяноведение.* 1988. № 6. С. 121–123.

Данн Д. Между Рузвельтом и Сталиным : Американские послы в Москве. М. : Три квадрата, 2004. 472 с.

Егорова Н. И. Москва – Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921–1941 : архивные документы // *Новая и новейшая история.* 2010. № 6. С. 88–95.

Жуков Ю. А. СССР – США: дорога длиною в семьдесят лет, или Рассказ о том, как развивались советско-американские отношения. М. : Политиздат, 1988. 319 с.

Кунина А. Е. Конференция по истории советско-американских отношений в 1945–1950 гг. // *Новая и новейшая история.* М., 1988. № 1. С. 239–242.

Мальков В. Л. Проблемы внутренней политики и дипломатии : Историко-документальные очерки. М. : Мысль, 1988. 348 с.

Международное положение глазами ленинградцев. 1941–1945. СПб. : Европейский дом, 1996. 168 с.

Мировые войны XX века : в 4 кн. М. : Наука, 2005. Кн. 3. Вторая мировая война : ист. очерк. 597 с. Кн. 4. Вторая мировая война : документы и материалы. 677 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : в 5 т. М., 2000–2007.

На приеме у Сталина : Тетради (журналы) записи лиц, принятых Сталиным (1924–1953) : справочник. М., 2010. 784 с.

Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн : СССР и США в 1940-х годах : документ. очерки. М. : Терра, 2006. 752 с.

Подлесный П. Т., Аничкина В. Ф., Жданова Т. Д. и др. Советско-американские отношения в современном мире. М. Наука, 1987. 304 с.

Позняков В. В. II коллоквиум по истории советско-американских отношений в годы Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 225–228.

Сафронов В. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане (1931–1945 гг.). М. : Ин-т истории РАН, 2001. 453 с.

Советско-американские отношения : 1939–1945. М.: Междунар. фонд «Демократия», 2004. 792 с.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 : документы и материалы : в 2 т. М., 1984.

Стуруа Г. Советско-американские отношения на новом этапе // Мировая экономика и междунар. отношения. 1988. № 9. С. 24–34.

Центральный архив ФСБ России. Ф. КПИ. № 5689–5692.

Ambassadors? // Time. 02 Febr. 1961.

Comings & Goings // Time. 06 May 1957.

Diplomats at Work // Time. 17 March 1961.

Grand Slam // Time. 27 June 1960.

Hutchinson's Biography Database, 2011.

Man at the Keyboard // Time. 03 March 1961.

Next Stop Moscow // Time. 11 Nov. 1966.

Secret Negotiations // Time. 21 June 1954.

Talks About Talks // Time. 03 March 1967.

The Old Pros // Time. 14 Oct. 1966.

Toward Meeting // Time. 26 Jan. 1962.

Untitled // Time. 21 Febr. 1972.

Without Solutions // Time. 29 Dec. 1961.

References

Ambassadors? (1961). In *Time*, Febr. 3.

Borisov, A. Yu. (1983). *SSSR – SShA – soyuzniki v gody voyny 1941–1945 gg.* [The USSR and the USA – allies during the war (1941–1945)]. 288 p. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya.

Bykov, O. (1988). *Novoe politicheskoe myshlenie v deystvii* [The new political thought on stream]. In *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2, pp. 8–20.

Comings & Goings. (1957). In *Time*, May 06.

Danilova, A. V. (1988). *Sovetsko-amerikanskiy simpozium v Moskve* [Soviet-American symposium in Moscow]. In *Sovetskoe Slavyanovedenie*, 6, pp. 121–123.

Dann, D. (2004). *Mezhdru Ruzvel'tom i Stalinym : Amerikanskiye posly v Moskve* [Caught between Roosevelt and Stalin : America's ambassadors to Moscow]. 472 p. Moscow, Tri kvadrata.

Diplomats at Work. (1961). In *Time*, March 17.

Egorova, N. I. (2010). *Moskva – Vashington: politika i diplomatiya Kremlya, 1921–1941* : Arkhivnye dokumenty [Moscow – Washington: Kremlin policy and diplomacy, 1921–1941 : Archival documents]. In *Novaya i noveyshaya istoriya*, 6, pp. 88–95.

Gasanly, Dzh. (2006). *SSSR – Iran: azerbaydzhanskiy krizis i nachalo kholodnoy voyny (1941–1946 gg.)* [The USSR – Iran: Azerbaijanian crisis and the “cold war” beginning (1941–1946)]. 556 p. Moscow, Geroi Otechestva.

Gonchar, B. M. (1987). *Amerikanskaya politologiya o sovetsko-amerikanskikh otnosheniyakh v 80-e gody : (Region. aspekty)* [American political science about Soviet-American relations in 1980s : (Regional aspects)]. In *Voprosy novoy i noveyshey istorii*, Vol. 33, pp. 52–60. Kiev.

Grand Slam. (1960). In *Time*, June 27.

Hutchinson's Biography Database (2011).

Kunina, A. E. (1988). *Konferentsiya po istorii sovetsko-amerikanskikh otnosheniy v 1945–1950gg.* [The conference of Soviet-American relations history in 1945–1950]. In *Novaya i noveyshaya istoriya*, 1, pp. 239–242.

Mal'kov, V. L. (1988). *Problemy vnutrenney politiki i diplomatii : Istoriko-dokumental'nye ocherki* [The internal policy and diplomacy problems: historical and documentary essays]. 348 p. Moscow, Mysl'.

Man at the Keyboard. (1961). In *Time*, March 3.

Mezhdunarodnoe polozhenie glazami Leningradtsev 1941–1945 [Leningrad residents' opinion on the international situation in 1941–1945]. (1996). 168 p. Sankt Petersburg, Evropeyskiy dom.

Mirovye voyny XX veka: v 4 kn. Kn. 3: Vtoraya mirovaya voyna: ist. ocherk. Kn. 4: Vtoraya mirovaya voyna: dokumenty i materialy [World wars in the XX century: in 4 volumes. Book 3: World War II: historical essay. Book 4: World War II: the documents and materials]. (2005). 597 p. Moscow, Nauka.

Na prieme u Stalina : Tetradi (zhurnaly) zapisi lits, prinyatykh Stalinym (1924–1953) : spravochnik [At Stalin's reception : The notebooks (registers) with the notes of people received by Stalin (1924–1953) : Handbook]. (2010). 784 p. Moscow.

Next Stop Moscow. (1966). In *Time*, November 11.

Organy gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne. T. 1–5. [The state security of the USSR in the Great Patriotic war]. (2000–2007). Vol. 1–5. Moscow.

Pechatnov, V. O. (2006). *Stalin, Ruzvel't, Truman : SSSR i SShA v 1940-kh godakh : dokumental'nye ocherki* [Stalin, Roosevelt, Truman: the USSR and the USA in 1940s. : Documentary essays]. 752 p. Moscow, Terra.

Podlesnyy, P. T., Anichkina, V. F. & Zhdanova T. D. (1987). *Sovetsko-amerikanskije otnosheniya v sovremennom mire* [Soviet-American relations in the modern world]. 304 p. Moscow, Nauka.

Poznyakov, V. V. (1988). *II kollokvium po istorii sovetsko-amerikanskikh otnosheniy v gody Vtoroy mirovoy voyny* [The second colloquium of Soviet-American relations in the World War II]. In *Novaya i noveyshaya istoriya*, 4, pp. 225–228.

Safronov, V. P. (2001). *SSSR, SShA i yaponskaya agressiya na Dal'nem Vostoke i Tikhom okeane (1931–1945 gg.)* [The USSR, the USA and Japanese aggression in the Far East and the Pacific ocean (1931–1945)]. 453 p. Moscow, In-t istorii RAN.

Secret Negotiations. (1954). In *Time*, June 21.

Sovetsko-amerikanskije otnosheniya : 1939–1945 [Soviet-American relations : 1939–1945]. (2004). 792 p. Moscow, Mezhdunarodnyy fond "Demokratiya".

Sovetsko-amerikanskije otnosheniya vo vremena Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 : Dokumenty i materialy : v 2 t. [Soviet-American relations in the Great Patriotic war 1941–1945 : the documents and materials : in 2 volumes]. (1984). Moscow.

Sturua, G. (1988). *Sovetsko-amerikanskije otnosheniya na novom etape* [Soviet-American relations at the new stage]. In *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 9, pp. 24–34.

Talks About Talks. (1967). In *Time*, March 31.

The Old Pros (1966). In *Time*, October 14.

Toward Meeting. (1962). In *Time*, January 26.

Tsentral'nyy arkhiv FSB Rossii. F. KPI. № 5689–5692 [The Central archive of FSB of Russia. F. PPC. № 5689–5692].

Untitled (1972). In *Time*, February 21.

Vtoraya mirovaya voyna : Den' za dnev [World War II. Day by day]. (2005). 480 p. Moscow, Sibirskiy tsiryul'nik.

Without Solutions. (1961). In *Time*, December 29.

Zhukov, Yu. A. (1988). *SSSR – SShA: doroga dlinoyu v sem'desyat let, ili Rasskaz o tom, kak razvivalis' sovetsko-amerikanskije otnosheniya* [The USSR – the USA: the way 70 years long or the story how the Soviet-American relations were developing]. 319 p. Moscow, Politizdat.

The article was submitted on 24.08.2015

DOI 10.15826/QR.2016.1.144

УДК 323(470)+342.51+929Горбачев

**МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ:
ЛИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА
ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ**

Дмитрий Победаш

Дмитрий Калинин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**THE PERSONAL AND THE POLITICAL:
MIKHAIL GORBACHEV THROUGH THE EYES OF HIS
CONTEMPORARIES***

Dmitry Pobedash

Dmitry Kalinin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article reviews the memoirs of Gorbachev's Russian and foreign political contemporaries. In our opinion, these ego-documents reflect the views of their authors not only as individuals, but also as members of certain social groups embedded in a specific historical, social, and political context. We also assume that, when describing a politician, authors of ego-documents describe themselves as well. We discovered the following pattern: while foreign memoirs tend to assess Gorbachev's personality positively, their assessment of him as a politician can be quite ambiguous. On the one hand, foreign politicians highly appreciate what Gorbachev did to end the bipolar confrontation between the two superpowers. On the other hand, they point out the inconsistencies and contradictions in his political behaviour.

---

* *Citation:* Pobedash, D., Kalinin D. (2016). The Personal and Political: Mikhail Gorbachev through the Eyes of His Contemporaries. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4, № 1, p. 120–136. DOI 10.15826/QR.2016.1.144.

Цитирование: Pobedash, D., Kalinin D. The Personal and Political: Mikhail Gorbachev through the Eyes of His Contemporaries // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 1. P. 120–136. DOI 10.15826/QR.2016.1.144 / Победаш Д., Калинин Д. Михаил Горбачев: личность и политика главы государства глазами современников // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 1. С. 120–136. DOI 10.15826/QR.2016.1.144.

Russian memoirs are much more polarised. Those who criticise Gorbachev are censorious of both his political and personal qualities. His adherents praise him both as a politician and as a person. Interpreters and others who worked directly under Gorbachev tend to be among his supporters, while diplomats and members of the military and of the intelligence services are critical both about the policies and personal qualities of Gorbachev. Interpreters and some other people who worked directly under Gorbachev tend to be among his supporters, while diplomats, members of the military and of the intelligence are critical both about policies and about personal qualities of Gorbachev. In their self-righteous indignation, they go as far as accusing Gorbachev of betrayal of their country, even of working for the American intelligence service.

Keywords: Mikhail Gorbachev; demise of the Soviet Union; memoirs.

В статье рассматриваются воспоминания современников о М. С. Горбачеве как политике и человеке. Проводится обзор воспоминаний зарубежных и отечественных политических деятелей. Высказывается положение, что данный тип эго-документов отражает не просто личностные оценки, но мнения представителей социальных групп, встроенных в конкретный исторический, социальный и политический контекст. Выявлены определенные закономерности: в зарубежных мемуарах М. С. Горбачева, как правило, достаточно положительно оценивают как личность, отмечают его открытость, готовность к диалогу. Политическая же оценка его деятельности менее однозначна. Зарубежные политики высоко оценивают заслуги Горбачева в окончании биполярного противостояния сверхдержав, но отмечают непоследовательность и противоречивость его политического поведения, особенно в проведении внутривнутриполитических реформ. При этом люди, занимавшие высшие государственные посты, более позитивны в своих оценках. В отечественных мемуарах характеристики более полярны: критики М. С. Горбачева негативно относятся как к его политическим, так и к личностным качествам, а сторонники, соответственно, характеризуют его положительно и как политика, и как человека. При этом к сторонникам М. С. Горбачева можно отнести работавших с ним переводчиков и других подчиненных ему непосредственно лиц, тогда как дипломаты, военные и представители спецслужб осуждают деятельность и личностные качества М. С. Горбачева. В своей категоричности они доходят до прямых обвинений М. С. Горбачева в предательстве своей страны, даже в работе на американскую разведку, а также возлагают на него ответственность за развал Советского Союза. Выделяется группа авторов, которые признают крайнюю необходимость и своевременность начатых М. С. Горбачевым реформ, однако осуждают его за то, как эти реформы проводились, обуславливая политические провалы Горбачева в том числе его личностными качествами.

Ключевые слова: Михаил Горбачев, распад Советского Союза, мемуары.

М. С. Горбачев вошел в российскую и мировую историю как один из самых противоречивых политических деятелей. Его представления о возможности реформирования советского общества по-прежнему остаются недостаточно изученными как в отечественной, так и в мировой историографии. Отчасти этот факт объясняется хронологической близостью событий перестройки и явной политизированностью темы, что, по-видимому, мешает попыткам взглянуть на недавние события истории объективно и непредвзято и дает простор для политически ангажированной псевдоаналитической публицистики и поверхностных выводов.

Вместе с тем, к настоящему моменту для характеристики «горбачевской эры» накоплен достаточно своеобразный источниковый материал, различный по авторским позициям, жанрам, глубине изложения и степени популярности¹.

Как никакой другой период, распад самого большого государства в мире привлекал внимание большинства граждан ныне не существующей страны – Советского Союза. Прилавки российских книжных магазинов и полки библиотек в конце XX – начале XXI в. были буквально наводнены разнообразными мемуарами политических деятелей той эпохи. Основной упор в этих воспоминаниях был сделан именно на удовлетворении «потребительского запроса» – определении степени участия отдельных политиков в крушении советского государства. Близость мемуаристов к событиям и их участникам рождает как привлекательные моменты – детализацию, выявление взаимоотношений людей, живые черты личности, так и определенную аберрацию – невозможность оценить геополитический ракурс в событиях того поворотного времени и, соответственно, роль личности Горбачева.

Представляется возможным предположить, что оценки деятельности и личности М. С. Горбачева в воспоминаниях соответствовали нарастающей социальной поляризации в осмыслении распада СССР. Получивший больше свободы условный «средний класс» увидел много надежд и возможностей для самореализации в новой политической обстановке и позитивно относился к политическому наследию М. С. Горбачева, в то время как потерявшие великую державу (и свои посты в ней) условные «высший» слой партийных функционеров и ближайшего персонала чиновников и «низший» слой, которому была свойственна люмпенская психология, придерживались крайне негативных оценок его правления.

Несмотря на постоянный общественный интерес к эпохе Горбачева, в современной отечественной историографии не так много работ, посвященных системному изучению взглядов и историко-психологическому анализу его личности. В центре внимания исследователей находились преимущественно проблемы освещения образа Совет-

---

¹ Практика выделения именно «эры» Горбачева больше относится к англоязычной традиции историописания, связывающей исторические события с политическими лидерами эпохи.

ского Союза и лично М. С. Горбачева в западных источниках и исследованиях [Дроконова; Петухова; Секеринский], вопросы внешней политики Советского Союза и советско-американских отношений, соотношение внутренних и внешних факторов перестройки. Проблематике изучения эго-документов уделяли внимание, например, Н. В. Суржикова, Ю. Л. Троицкий [История в эго-документах]. При этом мы полагаем, что существует лакуна в изучении отечественных эго-документов, освещающих личность М. С. Горбачева и его политическую деятельность.

Именно для сегодняшнего этапа изучения прошедшего и в определенной степени завершившегося периода важен тот факт, что люди, знавшие М. С. Горбачева лично, работавшие с ним и просто заставшие его во власти или «около» нее, оставили значительное количество воспоминаний. Возможности современных средств массовой информации позволяют проследить динамику взглядов людей поколения Горбачева. Эта постановка задачи, перспективная и актуальная в общетеоретическом плане для вопроса о функционировании исторической памяти при изменении аксиологической парадигмы, делает необходимой классификацию воспоминаний о М. С. Горбачеве, крайне скудно представленную в современных изысканиях². Понимая сложность и многоаспектность этой задачи, попытаемся систематизировать основные концепции, преобладающие в мемуаристике, посвященной личности М. С. Горбачева.

Политический феномен М. С. Горбачева в мемуарной литературе наиболее ярко был освещен начиная с середины 1990-х гг., хотя некоторые работы были изданы уже в начале последнего десятилетия XX в. Это обстоятельство, вероятно, связано с желанием дать свое понимание произошедших в стране событий, учитывая политический контекст времени. Однако попытка отделить себя от прожитой эпохи оказалась явно обреченной на неудачу, так как большинство воспоминаний, по словам самих авторов, были созданы либо на основе дневниковых записей, либо, по выражению В. А. Медведева, «по горячим следам событий» [Медведев].

Отечественные мемуаристы, в отличие от западных, в большинстве своем с некоторым опозданием решались напечатать свои воспоминания об эпохе М. С. Горбачева, определив тем самым отставание в характере изучения самого феномена перестройки и одного из главных ее действующих лиц. Сказывалось неумение преодолеть традицию закрытости реальной информации о людях, стоящих у власти, свойственное всему периоду правления коммунистической партии.

Западная мемуаристика получила совершенно определенное направление с момента появления фактически первых воспоминаний

---

² Исключение, пожалуй, можно сделать для работ О. Н. Дроконовой, где сделан анализ некоторых воспоминаний западных политических деятелей, и И. М. Батуриной, дающей авторскую классификацию мемуарной литературы в контексте своего диссертационного исследования [Дроконова; Батурина].

об эпохе Горбачева – автобиографии 40-го Президента США Р. Рейгана в 1990 г. [Reagan]. Во многом эта работа заложила основы характера последующего изложения событий перестройки в СССР другими отставными политическими деятелями Запада. Р. Рейган, автор знаменитой характеристики СССР как «империи зла», имел совершенно определенные негативные представления о советском строе и желал его скорейшей кончины. Не случайно он характеризовал политику Горбачева, в первую очередь как «отступление Советов» [Рейган, с. 12]. Пером экс-президента США были заложены основы широко растиражированной затем другими мемуаристами и исследователями концепции «победы» Запада в холодной войне. Необходимо отметить, что Р. Рейган не только положил начало мифу о победе Запада и разгроме Советского Союза, он еще и великодушно признает заслуги М. С. Горбачева в стабилизации международных отношений на договорной основе. Вот такую характеристику дает Р. Рейган М. С. Горбачеву: “He was a tough, hard bargainer. He was a Russian patriot who loved his country. We could – and did – debate from opposite sides of the ideological spectrum. But there was a chemistry that kept our conversations on a man-to-man basis, without hate or hostility. I liked Gorbachev even though he was a dedicated Communist and I was a confirmed capitalist. But he was different from the Communists who had preceded him to the top of the Kremlin hierarchy... He was the first not to push Soviet expansionism, the first to agree to destroy nuclear weapons, the first to suggest a free market and to support open elections and freedom of expression” («Он был жестким переговорщиком, патриотом России, любившим свою страну. Мы спорили с противоположных идеологических позиций. Однако на личностном уровне между нами было понимание, которое позволяло нам вести диалог без вражды и ненависти. Мне нравился Горбачев, хотя он был идейный коммунист, а я – убежденный капиталист. Но он отличался от других коммунистов, которые до него занимали высшие посты в Кремле. Он был первым, кто отошел от советского экспансионизма, первым, кто согласился уничтожить ядерное оружие, первым, кто предложил свободу рынка, открытые выборы и свободу слова») [Reagan, p. 797].

Характерной чертой западной мемуаристики об эпохе Горбачева стала некая двойственность описания советского руководителя. С одной стороны, в ней положительно характеризуется сама попытка реформирования СССР, с другой – достаточно нелицеприятно оцениваются практические действия М. С. Горбачева в этом направлении. Так, например, в воспоминаниях американского посла в СССР Дж. Мэтлока, изданных в 1995 г. и эпатажно названных “Autopsy on an Empire” («Вскрытие трупа империи»³), М. С. Горбачев и его политическое видение представляются автором противоречивыми, а сама концепция реформ – неполной и слишком амбициозной [Matlock, p. 66].

³ В 2003 г. книга Дж. Мэтлока была переведена на русский язык и названа «Смерть империи» [Мэтлок].

Эта же линия описания продолжена в автобиографии директора ЦРУ при администрации Дж. Буша Р. Гейтса [Gates]. Хотя в целом Михаил Горбачев как политик предстает у Гейтса в ипостаси великого реформатора, политическая судьба его органично доказывает концепцию поражения СССР в холодной войне с Западом в силу недооценки советским президентом ряда ключевых факторов [Ibid., p. 388]. Мотив не просто проигрыша Советского Союза, но и личного «поражения» М. С. Горбачева так или иначе содержится практически во всех рассмотренных воспоминаниях западных политических деятелей.

Показательную и интересную интерпретацию М. С. Горбачева как политика и человека дают воспоминания бывшего премьер-министра Великобритании М. Тэтчер “The Downing Street Years” («Годы на Даунинг стрит») [Thatcher]. «Железная леди» подчеркивает, что советский президент был в первую очередь коммунистом, а уже потом реформатором, и это накладывало серьезный отпечаток на стиль общения мирового сообщества с ним. Сама автор подчеркивает, что главной задачей для неё как политика было сокрушение коммунизма, но желательно мирными способами [Ibid., p. 676]. Вместе с тем, по её собственному признанию, с М. С. Горбачевым можно было иметь дело (“This was a man with whom I could do business”) [Ibid., p. 452]. Тем не менее, в оценках советского лидера у М. Тэтчер прослеживается уже отмеченная нами двойственность: по ее мнению, он растерял свой политический авторитет, проводил малопродуктивные реформы, не имеющие особого смысла и зачастую непонятные западным партнерам, что приводило к изменениям внешнеполитической конъюнктуры не в его пользу.

Однако все-таки наследие М. С. Горбачева было пополнено некоторыми неоспоримыми с точки зрения западных политиков заслугами. И в первую очередь, как отмечает в своих мемуарах бывший президент Финляндии М. Койвисто, не может быть умалена роль советского руководителя в объединении Германии и всей Европы [Koivisto].

Еще один перманентный сюжет в воспоминаниях подавляющего большинства западных политиков – сравнение Президента СССР М. С. Горбачева и набиравшего популярность в народе российского лидера Б. Н. Ельцина. Тот же М. Койвисто в своих мемуарах дал краткую характеристику двум лидерам: “Gorbachev was a great statesman with a large vision of both society and world affairs, while Yeltsin was the right man when there was a need to mobilise the country” («Горбачев был великим политиком, стратегически мыслящим об обществе и международной политике, тогда как Ельцин сумел мобилизовать страну, когда это было нужно»). М. Коивисто в своих мемуарах более иронично писал о Б. Ельцине как о человеке, по его мнению, меньше думающем, однако от того более решительном, чем М. С. Горбачев [Ibid., p. 166].

В мемуарах 41-го Президента США Дж. Буша-старшего и его советника по национальной безопасности Б. Скоукрофта много внимания уделяется противопоставлению Б. Н. Ельцина М. С. Горбачеву.

По мнению Дж. Буша, М. С. Горбачев был новым типом советского лидера, стремившимся изменить отношение западных стран к СССР [Bush, Scowcroft, p. 9]. Вместе с тем, в отношении к Борису Ельцину у авторов явно сквозит недоверие. Во многом это обуславливалось дружескими отношениями президентов СССР и США, которые завязались у них в результате многочисленных личных контактов. Все же администрация Дж. Буша столкнулась в период 1989–1991 гг. с серьезной дилеммой – на кого из политических лидеров делать ставку. Как видно, например, из записи разговора Дж. Буша и его помощника по национальной безопасности Brenta Скоукрофта с канадским премьер-министром Брайаном Малруни 13 марта 1991 г., предполагалось, что Горбачева могли сменить политики более правого толка, чем Ельцин (“if Gorbachev were replaced it would be by someone from the Right, not by Yeltsin”). При этом подчеркивалась предпочтительность именно Горбачева (“Gorbachev is our best bet”), поскольку не было уверенности в том, что Ельцин не окажется демагогом, ограничивающимся нападками на существующую систему. Скоукрофт даже сомневался в способности Ельцина предложить что-либо конструктивное: “Yeltsin may be a true demagogue. It’s very easy to attack the system, which is what he does. It’s not clear what he would actually create. Yeltsin does not appear to be a constructive force” («Возможно, Ельцин – всего лишь демагог. Очень просто нападать на систему, чем он и занимается. Непонятно, что он действительно мог бы создать. Ельцин, похоже, не является конструктивной силой»). Ельцин представлялся президенту США фигурой неизвестной, а потому опасной из-за своей непредсказуемости. Именно поэтому Дж. Буш, как минимум, до августовского путча 1991 г. однозначно предпочитал поддерживать уже известного ему М. С. Горбачева, хотя данная позиция Дж. Буша подвергалась серьезной критике внутри американской политической элиты [Bush, Scowcroft, p. 541–543].

Черта, которая объединяет рассмотренные мемуары глав государств, – стремление показать собственную значимость в исторических процессах. Это скорее автобиографии, где главное действующее лицо – сам автор. Тем самым роль М. С. Горбачева в мировых исторических процессах ими преуменьшается, а в описании его личности и деятельности доминантным является авторское отношение. Этот момент необходимо учитывать при использовании данных источников в историческом исследовании.

В этом контексте значительный интерес представляют мемуары советского переводчика И. Д. Корчилова “Translating History” («Переводя историю»), изданные в США в 1997 г. [Korchilov]. Эффективное название хорошо передает смысл изложения автора, непосредственно присутствовавшего при принятии важнейших исторических решений. И. Д. Корчилов, работавший бок о бок с мировым политическим истеблишментом, тем не менее, оставался в тени в силу своей специализации и наблюдал как бы со стороны, находясь при этом

в самой гуще событий. Естественно, в его мемуарах содержится много разнообразной информации, открывающей закулисную жизнь мировой политики. И. Д. Корчилов однозначно положительно относится к М. С. Горбачеву, считает последнего советского президента выдающейся исторической личностью и отдает должное его внешнеполитической деятельности. По мнению автора, “Gorbachev accomplishments in foreign policy are truly great and numerous. Perhaps his great achievement is that he took his country away from the impending conflict with the West and almost single-handedly curtailed the ruinous arms race, thereby creating a golden opportunity to reallocate resources to peaceful uses” («Горбачев добился значительных и многочисленных успехов. Возможно, наибольшим достижением Горбачева стало то, что он вывел страну из противостояния с Западом, практически единолично прекратил гонку вооружений, тем самым предоставив своей стране прекрасную возможность перераспределить ресурсы на мирные цели»). Советский Союз именно благодаря М. С. Горбачеву смог сбросить с себя груз противостояния холодной войны и чуть ли не впервые в истории остался без врагов [Ibid., p. 382–383]. В схожем русле написаны воспоминания еще одного знаменитого переводчика – П. Р. Палажченко [Palazchenko]. Его книга, как и мемуары И. Д. Корчилова, была издана в США в том же 1997 г. Отношение автора к Горбачеву ещё более позитивно – П. Р. Палажченко сохранил верность ему даже после конца политической карьеры Горбачева и до сих пор работает в Горбачев-фонде⁴. Воспоминания П. Р. Палажченко отличает очень личный эмоциональный подход к описанию событий эпохи перестройки. Сравнивая М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина, автор отдает безусловное предпочтение первому. Если Горбачев в описании П. Р. Палажченко предстает ярким оратором, глубоким политиком и искренним человеком, то сильнейшей стороной Б. Н. Ельцина автор называет его безошибочное политическое чутье [Palazchenko, p. 372].

Необходимо отметить, что социальный статус, возможности профессионального роста, востребованность и благосостояние ведущих российских переводчиков изменились в лучшую сторону после распада Советского Союза. Возможно, открывшиеся перспективы обусловили их положительное отношение к Горбачеву и нескритический настрой отзывов. С другой стороны, Виктор Суходрев, относящийся к предыдущему поколению переводчиков, работавших на высшем уровне, ко времени прихода Горбачева к власти уже заканчивал свою карьеру и не получил каких-либо дивидендов от распада СССР. В его опыте общения были примеры поведения многих представителей дипломатического корпуса, как отечественных, так и зарубежных. Ему было с чем сравнивать, и, в отличие от своих более молодых коллег,

---

⁴ По состоянию на июль 2015 г. П. Палажченко занимает пост руководителя отдела международных связей и контактов с прессой Горбачев-фонда. URL: http://www.gorby.ru/gorbi_fund/staff/show_27460/ (дата обращения: 28.07.2015).

Суходрев весьма критически относится к Горбачеву, упрекает его за грубость, высокомерие, чванство, а также нежелание выслушивать собеседника, то есть фактически за политическую недалковидность в обретении союзников [Суходрев].

В среде отечественной мемуаристики прослеживаются и другие тенденции. Если воспоминания западных деятелей по своему смысловому содержанию достаточно однородны, то в стремительно написанных и напечатанных отечественных мемуарах конца XX в. преобладают негативные представления о периоде пребывания М. С. Горбачева у власти и об итогах этого периода. Лишь в некоторых из них звучит понимание смысла реформаторской деятельности Горбачева⁵. Остальные же с разной степенью неприязни описывают М. С. Горбачева как недостаточно профессионального политика из среды партийных функционеров и малодостойного человека. Одни видят в нем «агента» западных разведок и предателя, другие – слабого политика и человека, у которого не получилось воплотить в жизнь задуманное.

Самые негативные воспоминания о Горбачеве – мемуары В. Болдина, А. Коробейникова и В. Казначеева – были изданы достаточно большими тиражами в 1995 и 1996 г., в разгар президентской кампании 1996 г., в которой принимал участие и М. С. Горбачев [Дроконова, с. 107–108]. Мемуары в данном случае использовались в качестве оружия в текущей политической борьбе. Так, В. Казначеев в заключении своих воспоминаний прямо пишет: «предатель Горбачев нацелился на власть» [Казначеев, с. 238].

Тема перестройки и вклад в нее советского президента оставались в рамках жесткой политической конъюнктуры, что делало ее очень сложной для анализа. Именно этим можно объяснить сравнительно небольшое количество работ на русском языке, детально анализирующих эпоху Горбачева и мемуары о нем как составную часть объекта исследования. В отличие от российской историографии, западная уделяла достаточно пристальное внимание детальному анализу выходящей мемуарной литературы. В частности, те оценки М. С. Горбачева, которые были изложены в воспоминаниях руководителя аппарата Президента СССР В. И. Болдина «Крушение пьедестала», вышедших на английском языке под названием “Ten Years That Shook The World: The Gorbachev Era As Witnessed By His Chief Of Staff” («Десять лет, которые потрясли мир») [Boldin], были поставлены под сомнение известным английским исследователем А. Брауном [Brown], а историографический дискурс был продолжен в 2003 г., когда свет увидела книга Д. Арбела и Р. Эделиста “Western Intelligence and the Collapse of the Soviet Union: 1980–1990: Ten Years that did not Shake the World” («Западная разведка и распад Советского Союза 1980–1990: десять лет, которые не потрясли мир») [Arbel, Edelist]. Само название было призвано указать на несостоятельность концепции В. Болдина о роли М. С. Горбачева в распаде СССР.

⁵ Показательны в данном отношении воспоминания А. С. Черныева и А. С. Грачева.

В. И. Болдин рисует читателю портрет человека, не заинтересованного в процветании государства, а полностью сфокусированного на своем авторитете и месте в истории, чувства «дружеской привязанности» которого целиком и полностью «атрофировались» [Болдин, с. 296]. В общем и целом автор признает за Горбачевым некоторые заслуги: изменения, которые он начал, автор считал необходимыми, но в конечном итоге, по мнению Болдина, М. С. Горбачев неумело выпустил джинна из бутылки, а затем подменил провозглашенные им же правильные лозунги разрушительными действиями или преступным бездействием.

Достаточно предсказуемое описание Горбачева как предателя предлагает бывший председатель КГБ В. А. Крючков в своих мемуарах «Личное дело», изданных в 1996 г. и переизданных в 2003 г. [Крючков]. Он активно продвигает точку зрения об отсутствии объективных факторов в крушении советского государства и всю вину перекладывает, по сути, на двух конкретных людей – М. С. Горбачева и А. Н. Яковлева [Крючков, с. 326]. Формируя конспирологическую теорию, последнего автор в своих мемуарах косвенно называет агентом западных спецслужб, а усилия спецслужб, им возглавляемых, по разоблачению предателя, во многом сводят на «нет» действия именно М. С. Горбачева [Там же, с. 327–332]. Характерно, что глава ЦРУ в 1991–1993 гг. Р. Гейтс в своих мемуарах, также изданных в 1996 г., категорически отрицает причастность М. С. Горбачева к структурам американской разведки. По его словам, в тот период он сам, будучи в 1986–1989 гг. заместителем директора ЦРУ, а также тогдашние директор ЦРУ Уильям Кейси, министр обороны Каспар Уайнбергер и советологи, как работающие в правительственных структурах, так и независимые, считали, что Горбачев – “a new and more clever and subtle proponent of Soviet global imperialism abroad and communism at home” («более умный и тонкий сторонник глобального империализма Советского Союза во внешней политике и коммунизма во внутренней») и что, будь советский лидер завербован ЦРУ, так безболезненно развалить СССР ему бы не удалось [Gates, p. 335].

Воспоминания одного из «архитекторов» перестройки А. Н. Яковлева об эпохе Горбачева стали одной из частей его обширной работы о политической истории России [Яковлев]⁶. В мемуарах можно проследить эволюцию его взглядов от полной поддержки личности Горбачева в период 1985–1991 гг. до некоторого переосмысления его феномена во время написания книги. Усилия последнего советского генсека автор причисляет, конечно же, к реформам, при этом свою роль он видит в конструировании этих реформ, но не завершенных, не удавшихся. «Без всяких колебаний и с чистой совестью утверждаю, что Михаил Сергеевич искренне хотел самого доброго для своей страны, но не сумел довести до конца задуманное, а главное – понять,

⁶ По выражению В. А. Крюčkова, у перестройки были «архитекторы» и «прорабы», а А. Н. Яковлева он причислял скорее к первым. См.: [Крючков, с. 268–364].

что если уж поднял меч на такого монстра, как Система, то надо идти до конца», – пишет А. Н. Яковлев [Яковлев].

Мемуары Э. А. Шеварднадзе были в 1991 г. изданы и в СССР, и в США [Шеварднадзе, 1991; Shevardnadze]. Автобиография человека, бывшего при М. С. Горбачеве министром иностранных дел и одновременно одного из главных акторов изменений советской политики, по своей природе была апологетична в отношении эпохи Горбачева, и в первую очередь в отношении самого автора. Э. Шеварднадзе на страницах своей книги отмечал, что сама советская система к настоящему времени стала нежизнеспособной, и естественным выходом из сложившейся ситуации автор считал переориентацию отношений с западными странами в сторону кооперации и проведение внутрисоветских реформ [Shevardnadze, p. 5–6]. Понятно, что Э. А. Шеварднадзе тем самым пытался повлиять именно на западную читающую публику, поднимая свой собственный авторитет и оправдывая занимаемую им позицию в глазах англо-американской общественности. Воспоминания такого человека, непосредственного участника событий, изданные в период незавершенных политических процессов, в которых он участвовал, наводят на мысль о попытке получить политические дивиденды с публикации или же убеждают в явной ангажированности автора. Издавая в 1991 г. эту книгу, автор, скорее всего, преследовал политические цели. Не случайно в 2009 г. Э. А. Шеварднадзе, словно понимая, что нужны «новые» мемуары, пишет книгу «Когда рухнул железный занавес», где демонстрирует более жесткое отношение к М. С. Горбачеву [Шеварднадзе, 2009].

Идею о непродуманности и незавершенности реформ продолжают воспоминания Председателя Совета министров СССР при М. С. Горбачеве и бывшего директора завода «Уралмаш» Н. И. Рыжкова [Рыжков, 1992, 1995]. Автор, по его собственным словам, стремится дать полный и объективный анализ событиям перестройки. Позиция Н. И. Рыжкова заключается в том, что советскую систему необходимо было реформировать, но то, что сделал М. С. Горбачев, иначе как провалом назвать трудно.

Закономерно, что существуют мемуары о М. С. Горбачеве, в которых рисуется положительный портрет человека и политика. К числу представителей этой группы относятся и воспоминания помощника Президента СССР по международным делам А. С. Черняева. Президент СССР предстает в них как, безусловно, великий человек, решившийся на кардинальные изменения, необходимые советскому государству. Несмотря на эту однозначность оценки Горбачева-реформатора, автор признает за ним ряд слабостей как политика – неспособность реалистично оценивать ситуацию и свои возможности, самоуверенность, доходящую до смешной и даже нелепой самонадеянности. Впрочем, в распаде Советского Союза, по мнению Черняева, следует винить путчистов, действия которых он прямо называет преступлением, а также политических оппортунистов,

равшихся к власти в РСФСР и подрывавших своими действиями реформы М. С. Горбачева [Черняев]. Интересно, что самого Черняева С. М. Меньшиков, несправедливо и безосновательно, по его собственному мнению, уволенный из международного отдела ЦК КПСС в 1986 г., называет двурушником, во время всей своей работы в ЦК втайне исповедовавшим антисоциалистические взгляды. Примечательно, что, по мнению С. М. Меньшикова, именно поэтому Горбачев сделал Черняева своим помощником. При этом политический курс Горбачева Меньшиков считает фактической сдачей позиций и во внешней политике, и внутри страны [Меньшиков, с. 26].

Воспоминания председателя идеологической комиссии ЦК КПСС В. А. Медведева (1988–1990), входившего в близкий к М. С. Горбачеву круг, также не поддерживают обвинительную позицию многих отечественных мемуаристов. В частности, автор оспаривает широко растиражированный тезис о нерешительности и медлительности М. С. Горбачева как политика, а основную причину его неудач видит в сложившейся вокруг него политической обстановке. Тем не менее, и с самого президента СССР он не снимает вины за случившийся распад Советского Союза, признавая ряд его ошибок. В. А. Медведев также подметил и характерную черту практически всей мемуарной литературы – попытки преувеличить свои заслуги. Эта черта особенно ярко проявилась в среде отечественной мемуаристики и была воплощена, по меткому выражению автора, в простой схеме: «Вот если бы Горбачев следовал моим советам, все было бы по-другому и с экономикой, и с партией, и с международными отношениями» [Медведев].

В целом в отечественной мемуаристике о М. С. Горбачеве сложился ряд перманентных тенденций. Ярко выраженная эмоциональная окраска сделала большинство мемуаров прекрасным источником по отношению тогдашних политических деятелей к самому М. С. Горбачеву как политику и личности. Вместе с тем, подобная эмоциональная наполненность не позволила авторам, что называется, «воспарить» над эпохой и дать беспристрастный и вдумчивый анализ, хотя эта цель зачастую и оговаривалась авторами в предисловиях.

Другой тенденцией стало преобладание крайне негативных оценок Горбачева как политика и человека. Одной из постоянных его характеристик является определение его как виновника распада СССР. Этой точки зрения придерживается, к примеру, секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев (1983–1990) [Лигачев, с. 275].

Несомненно, на характер воспоминаний накладывают отпечаток место работы автора и характер его приближенности к М. С. Горбачеву. Так, позиция дипломатов, таких как А. Ф. Добрынин, Г. М. Корниенко, часто совпадает со взглядами военных (С. Ф. Ахромеева) или сотрудников КГБ В. А. Крючкова, Л. В. Шебаршина [Шебаршин]. Определяющей их отношение к Горбачеву как к политику становится его позиция в отношении прошлых завоеваний ведомств, к которым авторы принадлежали. Так, А. Ф. Добрынин прямо говорит в своих мемуарах

о поспешности принимавшихся Горбачевым решений, приводит примеры его уступок американцам [Добрынин, с. 656–657]. Г. М. Корниенко в соавторстве с погибшим к тому времени маршалом С. Ф. Ахромеевым пишет, что первоначальная поддержка им реформаторских идей М. С. Горбачева сменилась в его душе осознанием их непродуманности и разрушительности [Ахромеев, Корниенко, с. 305–310].

Еще один известный советский дипломат, посол СССР в ФРГ Ю. А. Квицинский (1986–1990), в своих мемуарах и статьях приводит свои объяснения причинам распада СССР и роли в нем М. С. Горбачева. Они заключались в том, что, «затевя безо всякой подготовки и предварительного плана так называемую “перестройку”, Горбачев вскоре выпустил из рук вожжи управления государством и партией, а сам с перепугу предпочел выброситься в кювет» [Квицинский, с. 189].

Люди, приближенные к М. С. Горбачеву, чаще имеют другую позицию (в качестве исключения из этого «правила» можно назвать негативную оценку М. С. Горбачева В. И. Болдиным [Болдин]). Выше мы уже говорили о восприятии перестройки В. А. Медведевым, А. Н. Яковлевым и Э. А. Шеварднадзе. Еще один из членов команды Горбачева Г. Х. Шахназаров также поддерживает тезис о позитивном желании Горбачева реформировать государственное устройство страны и даже причисляет себя к «поклонникам» президента СССР, «человека, которому суждено изменить ход мировой истории» [Шахназаров, с. 292, 302]. Распределяя ответственность за неудачи «реформации» между М. С. Горбачевым и окружавшей его политической элитой, Г. Х. Шахназаров признавал в большей степени вину последней.

Один из старейших работников партийного аппарата А. М. Александров-Агентов проработал в качестве помощника М. С. Горбачева всего около года (1985–1986). В своих мемуарах он отдает должное новаторству Горбачева, который смог привнести новизну в устоявшуюся за многие годы внешнюю политику СССР, однако подчеркивает, что впоследствии его отношение к М. С. Горбачеву стало меняться «не в лучшую сторону». А. М. Александров-Агентов подметил у Президента СССР неприятную черту – неумение слушать собеседника [Александров-Агентов, с. 290].

Подводя итог данному обзору мемуаров политических деятелей о М. С. Горбачеве, можно выделить ряд общих закономерностей. Если брать за критерий классификации этих воспоминаний именно оценки советского президента как политика, то в западной мемуаристике, более однородной по своей сути, складывается разделение воспоминаний на более положительные в отношении деятельности М. С. Горбачева в качестве политика-миротворца, например, мемуары Р. Рейгана и М. Тэтчер, и несколько более сдержанные его оценки (Дж. Мэтлок, Р. Гейтс).

Отечественная же мемуаристика отличается большей пестротой. Отечественных авторов можно условно разделить на три группы. Первая группа высоко оценивает как личностные качества М. С. Гор-

бачева, так и его политику. Вторая группа отмечает необходимость и важность начатых М. С. Горбачевым реформ, считает его «человеком, который хотел, как лучше» [Грачев], но критикует его политические провалы, обусловленные в том числе и его личностными качествами. Третья группа дает крайне негативную оценку и личных качеств, и роли первого и последнего президента СССР, а также проводит разбор «анатомии предательства» этого «Иуды», что и обусловливает название коллективного труда, объединяющего воспоминания Б. Олейника, В. Павлова и Н. Рыжкова [Иуда: анатомия предательства Горбачева]. Странники позитивной оценки политического наследия М. С. Горбачева работали непосредственно под его началом, получили новые возможности, в то время как представители армии, Министерства иностранных дел, КГБ, высших эшелонов власти при СССР по большей части с разной степенью неприязни оценивали «горбачевскую эру», подрывавшую их статус. Особый интерес представляет дальнейший анализ мемуаров тех, кто признавал необходимость реформ, но осуждал начавшего их М. С. Горбачева.

В силу противоречивости существующих оценок и характеристик мемуары советских политиков, близких к М. С. Горбачеву, требуют более внимательного источниковедческого анализа. Отдельным сюжетом может стать подробное изучение того, как в упомянутых эго-документах освещались личность Раисы Максимовны Горбачевой и ее роль в политической жизни страны. По нашему мнению, мемуары в данном отношении делятся на две группы. В первую группу входят те мемуары, авторы которых четко ставят перед собой задачу очернить личность и деятельность М. С. Горбачева и, соответственно, крайне резко критикуют Р. М. Горбачеву за «вмешательство» в политические события. Вторую группу составляют претендующие на объективность эго-документы, созданные мужчинами, проработавшими всю свою жизнь в маскулинном мире политики с позиции силы. В данной группе эго-документов личность Р. М. Горбачевой и ее деятельность практически игнорируются.

Список литературы

Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева. М. : Междунар. отношения, 1994. 304 с.

Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата : Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 г. М. : Междунар. отношения, 1992. 320 с.

Болдин В. И. Крушение пьедестала : Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М. : Республика, 1995. 447 с.

Грачев А. С. Человек, который хотел, как лучше. М. : Вагриус, 2001. 496 с.

Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. М. : Междунар. отношения, 1996. 688 с.

Дроконова О. Н. «Феномен М.С. Горбачева» и его эпоха в американско-британских источниках и исследованиях 1980-х – 1990-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2006. 195 с.

История в эго-документах : Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург : АСПУр, 2014. 368 с.

Казначеев В. А. Последний генсек. М. : Гудок, 1996. 239 с.

- Квицинский Ю. А. Внешняя политика СССР в годы перестройки // Наш современник. 2005. № 1. С. 185–202.
- Коробейников А. А. Горбачев: другое лицо. М. : Республика, 1996. 207 с.
- Крючков В. А. Личное дело. М. : ЭКСМО, 2003. 480 с.
- Лигачев Е. К. Кто предал СССР. М. : ЭКСМО, 2010. 288 с.
- Медведев В. А. В команде Горбачева: взгляд изнутри. М., 1994. URL: <http://www.lib.ru/MEMUARY/GORBACHEV/medvedev.txt> (дата обращения: 25.10.2015).
- Меньшиков С. М. На Старой площади // Слово. 2006.
- Мэтлок Дж. Ф. Смерть империи : Взгляд американского посла на распад Советского Союза. М. : Рудомино, 2003. 579 с.
- Олейник Б. И., Павлов В. С., Рыжков Н. И. Иуда : Анатомия предательства Горбачева. М. : ЭКСМО, 2010. 240 с.
- Петухова И. А. Итальянская пресса о встрече М. С. Горбачева и Р. Рейгана в Женеве (1985 г.) // Вестн. Помор. уни-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 13. С. 66–70.
- Рейган Р. Жизнь по-американски. М. : Новости, 1992. 742 с.
- Рыжков Н. И. Перестройка: история предательств. М. : Новости, 1992. 400 с.
- Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М. : ЭКСМО, 1995. 576 с.
- Секиринский Д. С. СССР периода перестройки в оценках американских аналитиков: источники стабильности и обновления советской системы // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2010. Т. 1. Вып. 4. URL: <http://history.jes.su/s207987840000110-0-1-ru> (дата обращения: 31.01.2016).
- Суходрев В. М. Язык мой – друг мой. М. : Тончу, 2008. 536 с.
- Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. М. : Прогресс ; Культура, 1993. 528 с.
- Шахназаров Г. Х. С вожжами и без них. М. : ВАГРИУС, 2001. 590 с.
- Шебаршин Л. В. Из жизни начальника разведки. М. : Терра, 1997. 192 с.
- Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес : Встречи и воспоминания / пер. с нем. Г. Леоновой. М. : Европа, 2009. 426 с.
- Шеварднадзе Э. А. Мой выбор : В защиту демократии и свободы. М. : Новости, 1991. 367 с.
- Яковлев А. Н. Омут памяти: от Столыпина до Путина : в 2 кн. М. : ВАГРИУС, 2001. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1031614> (дата обращения: 17.09.2015).
- Arbel D. Western Intelligence and the Collapse of the Soviet Union: 1980–1990 : Ten Years that did not Shake the World / D. Arbel, R. Edelist. L., 2003. 338 p.
- Boldin V. Ten Years That Shook The World : The Gorbachev Era As Witnessed By His Chief Of Staff, 1994. 310 p.
- Brown A. The Gorbachev Factor. N. Y., 1997. 444 p.
- Bush G. H. W. A World Transformed / G. H. W. Bush, B. A. Scowcroft. N. Y., 1998. 624 p.
- Gates R. M. “From the Shadows” : The Ultimate Insider’s Story of Five Presidents and How They Won the Cold War. N. Y., 1996. 608 p.
- Koivisto M. Witness to History The Memoirs of Mauno Koivisto, President of Finland 1982–1994. L., 1997. 316 p.
- Korchilov I. Translating History : The Top Russian Interpreter’s Thirty Years on The Front Line of Diplomacy. N. Y., 1997. 400 p.
- Matlock J. Autopsy on An Empire. The American Ambassador’s Account of The Collapse of The Soviet Union. N. Y., 1995. 836 p.
- Memorandum of Conversation. : Meeting with Brian Mulroney, Prime Minister of Canada. March 13, 1991. URL: http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/memcons_telcons/1991-03-13-Mulroney.pdf (mode of access: 25.10.2015).
- Palazchenko P. My years with Gorbachev and Shevardnadze : The Memoir of a Soviet Interpreter. Pennsylvania, 1997. 384 p.
- Reagan R. An American Life. N. Y., 1990. 752 p.
- Shevardnadze E. The Fututre belongs to Freedom. N. Y., 1991. 237 p.
- Thatcher M. The Downing Street Years. L., 1993. 832 p.

References

- Aleksandrov-Agentov, A. M. (1994). *Ot Kollontay do Gorbacheva* [From Kollontay to Gorbachev]. 304 p. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Akhromeev, S. F. & Kornienko, G. M. (1992). *Glazami marshala i diplomata: Kriticheskyy vzglyad na vnesnyuyu politiku SSSR do i posle 1985 g.* [Through the eyes of a marshal

and of a diplomat: a critical assessment of the USSR foreign policy before and after 1985]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya.

Arbel, D. & Edelist, R. (2003). *Western Intelligence and the Collapse of the Soviet Union: 1980–1990: Ten Years that did not Shake the World*. 338 p. L., Frank Cass.

Boldin, V. I. (1995). *Krushenie p'edestala. Shtrikhi k portretu M. S. Gorbacheva* [Knocking off the pedestal : Touches to the portrait of Gorbachev]. 447 p. Moscow, Respublika.

Boldin, V. (1994). *Ten Years That Shook The World : The Gorbachev Era As Witnessed By His Chief Of Staff*. 310 p. N. Y., Basic Books.

Brown, A. (1997). *The Gorbachev Factor*. 444 p. N. Y., Oxford University Press.

Bush, G. H. W. & Scowcroft, B. A. *A World Transformed*. 624 p. N. Y., Alfred A. Knopf. 1998.

Chernyayev, A. S. (1993). *Shest' let s Gorbachevym* [Six years with Gorbachev]. 528 p. Moscow, Progress ; Kul'tura.

Dobrynin, A. F. (1996). *Sugubo doveritel'no* [Strictly confidential]. 688 p. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya.

Drokonova, O. N. (2006). “*Fenomen M. S. Gorbacheva*” i ego epokha v amerikano-britanskikh istochnikakh i issledovaniyakh 1980-kh – 1990-kh gg. [“The Gorbachev phenomenon” and his era in American and British documents and research]. (Dissertation). 195 p. Surgut.

Gates, R. M. (1996). “*From the Shadows*”: *The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War*. 608 p. N. Y., Simon & Schuster.

Grachev, A. S. (2001). *Chelovek, kotoryy khotel, kak luchshe* [The Man who meant well]. 496 p. Moscow, Vagrius.

Istoriya v ego-dokumentakh : Issledovaniya i istochniki [History in ego-documents: research and sources]. (2014). 368 p. Yekaterinburg, AsPUr.

Kaznacheev, V. A. (1996). *Posledny gensek* [The last Secretary-General]. 239 p. Moscow, Gudok.

Koivisto, M. (1997). *Witness to History The Memoirs of Mauno Koivisto, President of Finland 1982–1994*. 316 p. London, Southern Illinois University Press.

Korchilov, I. (1997). *Translating History : The Top Russian Interpreter's Thirty Years on The Front Line of Diplomacy*. 400 p. N. Y.

Korobeynikov, A. A. (1996). *Gorbachev: drugoe litso* [Gorbachev: the other face]. 207 p. Moscow, Respublika.

Kryuchkov, V. A. (2003). *Lichnoe delo* [Personal file]. 480 p. Moscow, EKSMO.

Kvitsinsky, Yu. A. (2005). Vneshnyaya politika SSSR v gody perestroiki [Foreign policy of the USSR in the years of perestroika]. In *Nash sovremennik, 1*, pp.185–202.

Ligachev, E. K. (2010). *Kto predal SSSR* [Who betrayed the USSR]. 288 p. Moscow, EKSMO.

Matlock, J. (1995). *Autopsy on An Empire : The American Ambassador's Account of The Collapse of The Soviet Union*. 836 p. N. Y., Random House.

Medvedev, V. A. (1994). *V komande Gorbacheva: vzglyad iznutri* [On Gorbachev's team: a view from the inside]. Moscow. URL: <http://www.lib.ru/MEMUARY/GORBACHEV/medvedev.txt> (mode of accesses: 25.10.2015).

Memorandum of Conversation : Meeting with Brian Mulroney, Prime Minister of Canada. March 13, 1991. URL: http://bushlibrary.tamu.edu/research/pdfs/memcons_telcons/1991-03-13-Mulroney.pdf (mode of access: 25.10.2015).

Men'shikov, S. M. (2006). *Na Staroy ploshchadi* [“On Staraya Ploshchad”]. In *Slovo*.

Metlok, Dzh. F. (2003). *Smert' imperii : Vzglyad amerikanskogo posla na raspad Sovetskogo Soyuzha* [Death of the empire : The view of the US Ambassador on the demise of the Soviet Union]. 579 p. Moscow, Rudomino.

Oleynik, B. I., Pavlov, V. S. & Ryzhkov, N. I. (2010). *Iuda : Anatomiya predatel'stva Gorbacheva* [Judas. Anatomy of Gorbachev's behavior]. 240 p. Moscow, EKSMO.

Palazchenko, P. (1997). *My years with Gorbachev and Shevardnadze : The Memoir of a Soviet Interpreter*. 384 p. Pennsylvania, Penn State University Press.

Petukhova, I. A. (2008). Ital'yanskaya pressa o vstreche M. S. Gorbacheva i R. Reygana v Zheneve (1985 g.) [Italian press about M. S. Gorbachev and his policy in 1984–1991]. In *Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i Sotsial'nye nauki, 13*, pp. 66–70.

Reagan, R. (1990). *An American Life*. 752 p. N. Y.

Reygan, R. (1992). *Zhizn' po-amerikanski* [Living the American way]. 742 p. Moscow, Novosti.

- Ryzhkov, N. I. (1992). *Perestroyka: istoriya predatel'stv* [Perestroyka: the story of betrayals]. 400 p. Moscow, Novosti.
- Ryzhkov, N. I. (1995). *Desyat' let velikikh potryaseniy* [Ten years of great shocks]. 576 p. Moscow, EKSMO.
- Sekirinsky, D. S. (2010). SSSR perioda Perestroyki v otsenkakh amerikanskikh analitikov: istochniki stabil'nosti i obnovleniya sovetskoy sistemy [USSR during perestroika as seen by American analysts: sources of stability and change of the Soviet system]. In *Istoriya : Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal, Vol. 1, Iss. 4*. URL: <http://history.jes.su/s207987840000110-0-1-ru> (mode of accesses: 31.01.2016).
- Shakhnazarov, G. Kh. (2001). *S vozhd'yami i bez nikh* [With and without the leaders]. 590 p. Moscow, Vagrius.
- Shebarshin, L. V. (1997). *Iz zhizni nachal'nika razvedki* [From the life of the head of intelligence]. 192 p. Moscow, Terra.
- Shevardnadze, E. A. (1991). *Moy vybor: V zashchitu demokratii i svobody* [My choice: in defence of democracy and freedom]. 367 p. Moscow, Novosti.
- Shevardnadze, E. (1991). *The Fututre belongs to Freedom*. 237 p. N. Y., Free Press.
- Shevardnadze, E. A. (Leonova, G., Transl.). (2009). *Kogda rukhnul zheleznyy zhanaves. Vstrechi i vospominaniya* [When the Iron Curtain collapsed]. 426 p. Moscow, Evropa.
- Sukhodrev, V. M. (2008). *Yazyk moy — drug moy* [Language my friend]. 536 p. Moscow, Tonchu.
- Thatcher, M. (1993). *The Downing Street Years*. 832 p. London, Harpercollins.
- Yakovlev, A. N. (2001). *Omut pamyati: Ot Stolypina do Putina* : v 2 kn [The Pen-sieve: from Stolypin to Putin]. Moscow, Vagrius. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1031614> (mode of accesses: 17.09.2015).

The article was submitted on 07.07.2015

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

DOI 10.15826/QR.2016.1.146

УДК 82-141+27-534.5+27-535.8+929ИванГрозный

IVAN THE TERRIBLE'S STICHERA: THE IDEA OF RUSSIA'S SPIRITUAL ELEVATION*

Nikolai Parfentyev,

Natalia Parfentyeva

South Ural State University,
Chelyabinsk, Russia

Based on extensive written sources, the authors of this article have for the first time examined two chant cycles created by Ivan the Terrible: one dedicated to St. Peter the Metropolitan of All Russia and the other in honour of the Vladimir Theotokos (Mother of God). The researchers have paid particular attention to the author's realisation of a traditional Old Russian principle of hymnographical art: to compose chants on the basis of *sample* ("the *podoben*"). The implementation of this principle presupposes following a model completely or partially when the coincidence of separate lines (usually the initial or final lines, or those key to the formation of chants) is admitted. They conclude that Ivan the Terrible displayed a significant degree of creative freedom in revealing the images. He used not only the samples, but also some versions of earlier chants based on them. Ivan the Terrible demonstrated a deep understanding of the original sources, their artistic processing, as well as his education, expressed in the knowledge of the tradition and its creative implementation. In the new historical context of his reign, Tsar Ivan worked intensively over these sources and added a more patriotic sounding content to the cycles. Thanks to the tsar's skill, his stichera are a fine example of the creation of new meaning on the basis of the tradition.

Keywords: Ivan the Terrible, musical hymnographical art, authorship, St. Peter the Metropolitan of All Russia, the Theotokos of Vladimir.

С использованием широкого круга письменных источников в статье впервые исследуется два цикла произведений Ивана Грозного – знаменные стихиры Митрополиту всея Руси Петру и стихиры празднику Сретения

---

* *Citation:* Parfentyev, N., Parfentyeva, N. (2016). Ivan the Terrible's stichera: The idea of Russia's Spiritual Elevation. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4, № 1, p. 137–156. DOI 10.15826/QR.2016.1.146.

Цитирование: Parfentyev N., Parfentyeva N. Ivan the Terrible's Stichera: The Idea of Russia's Spiritual Elevation // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 1. P. 137–156. DOI 10.15826/QR.2016.1.146.

Владимирской иконы Богородицы. Особое внимание уделяется проблеме авторского воплощения в произведениях царя принципа создания песнопений «на подобен», который был традиционным для древнерусского музыкально-гимнографического творчества. Его применение предполагало либо полное следование образцу, либо частичное, когда допускалось совпадение отдельных, чаще всего начальных, заключительных или ключевых для формообразования произведений строк. Исследователи приходят к выводу, что в стихирах царя проявилась значительная степень свободы в раскрытии поэтических образов, при этом он использовал не только подобен-образец, но и некоторые ранее созданные на его основе песнопения. Грозный глубоко осмыслил исходные источники, ему присущи художественность в обработке текста, образованность, нашедшая выражение в знании традиций и творческом их воплощении. По сравнению со стихирами предшествующих мастеров царь в сложных исторических условиях, проделал тонкую работу над гимнографическими источниками, придал своим циклам государственно-патриотическое содержание. Мастерство державного автора явило прекрасный образец создания в произведениях на основе традиции новых смыслов.

Ключевые слова: царь Иван Грозный, музыкально-гимнографическое искусство, авторское творчество «на подобен», Митрополит всея Руси Петр, Владимирская икона Богородицы.

No other ruler of medieval Russia has had such contradictory assessments of his activities as Tsar Ivan IV ('the Terrible'). However, it is impossible to deny his outstanding and unique contribution to the culture of his time. Tsar Ivan actively worked as a writer and publicist: he was the editor of the official chronicle of his reign and a noted lover of book culture [e. g.: Лихачев; Шмидт]. In his opinion, "his grandparents and parents" had inherited the throne and guardianship of the Orthodox faith from the "Emperor Constantine, first in piety" [Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с. 12–13]. As such, he took as his example not only the policy of the Byzantine emperors to strengthen the power of the sovereign, but also their spiritual activities. The creation of hymnographical works had a special significance in the tsar's spiritual life. These works include, for example, his "Canon of the angel, the formidable vovoda" [Лихачев, с. 361–377] and the "Troparion on the bringing of the relics of the Grand Duke Michael of Chernigov" [Рамазанова, с. 107–116]. It was noted in Russian and foreign sources that Tsar Ivan knew musical notation and sang with the court choir with pleasure. The Terrible revived the tradition of Byzantine imperial who created musical works as a powerful tool of ideological influence. The aim of this article is to clarify the ideas of the first Russian tsar as given in his musical "oeuvre".

In 1878 the hieromonk Arseniy published a description of the manuscripts in the Trinity-Sergius Lavra library. He pointed out that in one of the scribe Login's manuscripts [РГБ. Ф. 304. № 428] there were some chants (*stichera*) in honour of St. Peter the Metropolitan that belonged to

the oeuvre of Ivan the Terrible [Арсений, с. 146]. Arseniy did not discover a second cycle, a stichera dedicated to the Theotokos of Vladimir that was also accredited to the tsar in the same manuscript. It was Leonid (Kavelin), a monastery archimandrite, who later published both cycles [Леонид, 1886]. He also found a second collection containing chants by Tsar Ivan. Leonid made a detailed description of the manuscript, indicating the chants. Besides this, he reproduced Login's note about the writing of the manuscript [Леонид, 1887]. Thus, the chants of Ivan the Terrible became famous thanks to the discovery of these two collections of stichera, which were written in the hand of Login Shishelov, the famous *raspevschik* (composer) and conductor of the Trinity choir [Парфентьева, с. 92–103].

After Ivan the Terrible's stichera were published, there appeared different points of view on the nature of the tsar's authorship. Archimandrite Leonid thought that Tsar Ivan was both the author of poetic texts and a *raspevschik*. The publisher noted that the tsar was emulating the Byzantine "emperor Leo the Wise" [Леонид, 1886, с. 5]. However, in 1928 N. F. Findeyzen expressed doubts about such an interpretation of Ivan the Terrible's authorship. Noting that "inscriptions in neumatic (*krukovaya*) books, such as 'the creation of Lev the Despot', usually refer to the composition of liturgical texts", Findeyzen concluded "it is difficult to establish the truth at the present time" [Финдейзен, с. 246–247]. Since then, the tsar's works have always been at the centre of scholarly attention. Researchers have revealed new copies of known works indicated by the tsar's name.

A special study of the works considered to belong to Ivan the Terrible in the context of old Russian writing musical tradition showed that only the chants in the *znamenny* style could belong to the tsar's creative works [Парфентьев, с. 51–59]. We mean the two cycles of church holy day stichera. The first cycle in order was dedicated to the memory of Peter the Metropolitan of All Russia (1308–1326). He contributed to the formation of Moscow as a spiritual center of Russia. During Ivan the Terrible's reign, the Russian society honoured Peter the Metropolitan as the founder of the state's spiritual authority. The second cycle is devoted to the miraculous Vladimir Theotokos and is included in the liturgical service, created in honour of the icon's transfer from Vladimir and its meeting into Moscow on 23 June 23, 1480 in order to assist with the threat of posed by Khan Akhmat's invasion. It should be noted that nobody has yet studied the tsar's works in terms of the *znamennyi* musical stylistic version. In this article we will focus on Ivan the Terrible's chanting stichera, on the base of the sample "podoben" in which the tsar applied to the traditional Old Russian principle of musical hymnographic art – similarity ("similar to the sample").

***

Login Shishelov placed the tsar's chants in honour of St. Peter in a collection of stichera (*Sticheraria*) that he wrote in the Trinity-Sergius Monastery presumably between 1619 and 1624. The chants are placed behind ones

produced earlier and are accompanied by the remark: «Ины стихиры, глас (2) и подобен той же (Кыми похваленными). Творение царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Росии деспота» (Other stichera, the mode (2) and is similar to the same *podoben* (*Kymi pokhvalenymi*). The Creation of the Tsar and the Grand Duke Ivan Vasilyevich, Despot of All Russia”). Ivan the Terrible’s cycle consists of three stichera: «Кыми похваленными венцы увяземо святителя» (*Kymi pokhvalenimi venetsi uvyazemo svyatitelya* – “What laudable crowns will be surmounted on the saint”), “Кыми пророческими пении венчаемо святителя” (*Kymi prorocheskimi penii venchaemo svyatitelya* – “What prophetic chanting will crown the saint”) and «Кыми духовными пении воспоймо святителя» (*Kymi dukhovenymi penii vospoimo svyatitelya* – “What spiritual songs will we chant to the saint”) [СПМЗ. № 274. Л. 124об. – 125]. Each sticheron contains almost identical musical graphics (neumes) as in the *podoben*. Their verbal texts differ from the *podoben* they are based on and from each other.

Ivan was well acquainted with this *podoben*-sample. Many chants dedicated to the saints were created on this basis since old times. It is especially important to study the fifteenth – and sixteenth-century copies of this *podoben*, preceding the appearance of the tsar’s stichera. This period can be characterised by a stable type of musical record [РГБ. Ф.113. № 245. Л. 203об.; РГАДА. Ф. 181. № 792. Л. 150]. The *podoben* has a two-part 12-line structure, wherein the semantic content was skillfully put to music. There is no doubt that Ivan the Terrible created the melodies of the stichera dedicated to Peter the Metropolitan on the basis of the *podoben*. It is necessary to determine whether the tsar preserved the musical techniques of revealing content and form in his new verbal texts.

N. S. Seregina has examined the tsar’s three stichera on the basis of the “Кыми” sample taken from Login’s manuscript of the Chudov Monastery: however, this exemplar uses the *putevoy* chanting style [РГБ. Ф. 304. № 428]. Seregina did not analyse the musical content of these stichera set out in a special notation. We consider her conclusions on hymnographical verbal texts to be quite important for our investigation, since they are applicable to the texts which we are studying. Seregina indicates that all three of the stichera created by Tsar Ivan were taken from the service of St. Nikolay (6 December) and were “completely transferred” into the service of Metropolitan Peter: in other words, the poetic texts were “just read-dressed” to Peter. According to this researcher, while there are “minor replacements” in the poetic texts “the chant melody has remained unchanged” and is still on the basis of the *podoben* [Серегина, с. 197–198].

Our comparative textual analysis of the differences between the chant to St. Nikolay and that to St. Peter shows that Ivan changed 34 per cent of the text in his first sticheron, 68 per cent in the second, and 67 per cent in the third. Consequently, St. Nikolay’s sticheron, the second and third in particular, underwent substantial revisions. No less than this, the number of changes increase as the chants progress from the beginning to end and as the cycle continues. It is scarcely acceptable to believe that such changes are insignifi-

cant, especially given that we are dealing with medieval works of art created according to strict rules. Therefore, we cannot agree with Seregina's claim that Ivan the Terrible simply borrowed the text of the stichera to St. Nikolay.

However, we will continue to compare the texts authored by the tsar to those created on the basis of the "Kymi" *podobn* for other services preceding Ivan's birth. Undoubtedly, Tsar Ivan had to know them well, and, as can be seen from the comparison, he knew and used some of them in the course of his works, in accordance with the existing traditions and rules. The sources of his creativity were the chants in honour of saintly hierarchs: St. Nikolay the Wonderworker, Metropolitan Peter (these chants were authored by Metropolitan Cyprian), St. Stephan of Sourozh, and Metropolitan Alexy. He also used chants written to praise the Apostles Peter and Paul (table 1).

Table 1

**The hymnographic sources of Ivan the Terrible's stichera
in honour of Metropolitan Peter**

№*	Lines **	Sources ***
1.1	Кыми похвалеными венецы (<i>Kymi pokhvalenymi venetsi</i>)	Nik. 1.1; Pet. 1.1; Pet.-Pav. 1.1
1.2	Увяземо святителя (<i>Uvyazemo svyatitelya</i>)	Pet. 1.1
1.3	Иже плотию в Руси суща (<i>Izhe plotiyu v Rusi suscha</i>)	Nik. 1.3: <i>во мирехо (vo mirekho)</i>
1.4	И духовно всем достизающе (<i>I dukhovenno vsem dostizayusche</i>)	Nik. 1.4
1.5	Иже чисте того любящиимо (<i>Izhe chiste togo lyubyaschiimo</i>)	Nik. 1.5
1.6	Вернымо предостателя и заступеника (Vernumо predostatelya i zastupenika)	Nik. 1.6: <i>весемо (vesemo)</i>
1.7	Иже весемо скорбнымо утешителя (<i>Izhe vesemo skorbnyimo uteshitelya</i>)	Nik. 1.7
1.8	Благочестия реку (<i>Blagochestiya reku</i>)	Nik. 1.8: <i>столна (stolpa)</i>
1.9	И землю русскую (<i>I zemlyu rusckuyu</i>)	Pet. 1.9
1.10	Веселящу течении (<i>Veselyaschyu techenii</i>)	Pet. 1.10; Step. 1.10
1.11	Петра теплаго (<i>Petra teplago</i>)	Pet. 1.11
1.12	Предстателя нашего и хранителя (<i>Predstatelya nashego i khranitelya</i>)	Pet. 1.12; Step. 1.12
2.1	Кыми пророческими пенни (<i>Kymi prorocheskymi penii</i>)	Nik. 3.1: <i>песнеми (pesnemi)</i>
2.2	Венчаемо святителя (<i>Venchaemo svyatitelya</i>)	Nik. 1.2
2.3	Нечестию спротивобореца (<i>Nechestiyu sprotivoboretsa</i>)	Nik. 2.3

2.4	И благочестию правителя (<i>I blagochestiyu pravitelya</i>)	Nik. 2.4: <i>побореника</i> (<i>poborenika</i>)
2.5	Освещенного ото пелено (<i>Osvyaschennago oto peleno</i>)	Pet. 2.5; Step. 2.5; Al. 3.5
2.6	Столпа церкви неподвижного (<i>Stolpa tserkvi nepodvizhimago</i>)	Pet. 2.6; Step. 2.6; Al. 3.6
2.7	Иже вся злбеня посрамляюща (<i>Izhe vesya zlobenyya posramlyayuscha</i>)	Nik. 2.7
2.8	Потребителя Сеимова (<i>Potrebitelya Seitova</i>)	Nik. 2.8: <i>Ариева</i> (<i>Arieva</i>)
2.9	Реку многихо чюдесо (<i>Reku mnogikho chudeso</i>)	Step. 1.8
2.10	Землю русскую веселящу течении (<i>Zemlyu rusksuyu veselyaschu techenii</i>)	Pet. 1.10; Step. 1.10
2.11	Петра теплаго (<i>Petra teplago</i>)	Pet. 1.11
2.12	Предстателя нашего и хранителя (<i>Predstatelya nashego i khranitelya</i>)	Pet. 1.12; Step. 1.12
3.1	Кыми духовеными пении (<i>Kymi dukhovenymi penii</i>)	Pet.-Pav. 2.1
3.2	Воспоимо святителя (<i>Vospoimo svyatitelya</i>)	Pet. 2.2; Step. 2.2; Al. 3.2
3.3	Иже дальня суща провидяща (<i>Izhe dalnyaya suscha providyascha</i>)	Nik. 3.3
3.4	И отстоящая яко близосуца (<i>I otstoyaschaya yako blizosuscha</i>)	Nik. 3.4
3.5	Пророчествующа неложно (<i>Prorochestvuyuscha nelozhno</i>)	Nik. 3.5
3.6	Иже явлениию Пречистая (<i>Izhe yavleniemye Prechistaya</i>)	–
3.7	Первосвятителю являюща (<i>Pervosvyatitelyu yavleschusya</i>)	–
3.8	Дивнаго в чудесеко (<i>Divnago v chudesekho</i>)	–
3.9	Исцеления всем подавающа (<i>Istseleniya vsem podavayuscha</i>)	Al. 2.8 added.: <i>независтно</i> (<i>nezavisteno</i>)
3.10	Землю рускую веселящу течении (<i>Zemlyu rusksuyu veselyaschu techenii</i>)	Pet. 1.10; Step. 1.10
3.11	Петра теплаго (<i>Petra teplago</i>)	Pet. 1.11
3.12	Предстателя нашего и хранителя (<i>Predstatelya nashego i khranitelya</i>)	Pet. 1.12; Step. 1.12

*The first numeral indicates the number of stichera in the cycle, the second – the number of lines in the stichera.

** The words in bold italics can be found only in the chants of Tsar Ivan.

*** Approved designation of the stichera: Al. – Metr. Alexy [РГБ. Ф. 304. № 414. Л. 497об. – 498]; Nik. – St. Nikolay [РГБ. Ф. 304. № 410. Л. 162об. – 163]; Pet. – Metr. Peter [РГБ. Ф. 304. № 414. Л. 429об. – 430]; Pet.-Pav. – Ap. Peter and Paul [РГБ. Ф. 304. № 409. Л. 129–130]; Step. – St. Stephen of Sourzh [РГБ. Ф. 304. № 415. Л. 275об. – 276].

The Tsar utilised the *podoben* “Кymi” in accordance with old Russian tradition. Long before him, Metropolitan Cyprian had created a cycle addressed to Metropolitan Peter by turning to the same *podoben* used to glorify Sts. Peter and Paul (Peter was of course the name borne by the saintly metropolitan of Moscow). Tsar Ivan revealed the principle of similarity (to compose works on the base of the sample) in a more complex way. The first part of his three stichera corresponds to the opening of the three stichera in the chant cycle of St. Nikolay. There is a certain logic to this process. Firstly, Nikolay and Peter are both saints and thus hold equivalent rank a saint – the head of the Church. Secondly, by appropriating the text from the stichera dedicated to St. Nikolay, the Tsar, stressed for the first time a special spiritual significance of Peter equal in his greatness to Saint Nikolay who was especially revered as the Holy One in Russia.

The tsar asks a rhetorical question in the opening lines (1–2) of the first sticheron: «КЫМИ ПОХВАЛЕНЬМИ ВЕНЕЦЫ УВЯЗЕМО СВЯТИТЕЛЯ» (*Kymi pokhvalenimi venetsi uvязemo svyatitelya* – “What laudable crowns will be surmounted on the saint”). Ivan chose the verbal formulas that suited his notion of stylistic improvement from several sources. Then, in the first section (lines 3–7), he follows the text from St. Nikolay’s first sticheron. The royal hymnographer had an excellent sense of musical form. Following the logic of musical formation, he began a semantically new fragment in the eighth line. Thus, the form of the sticheron is subordinated to the musical structure of the *podoben*. By creating a new unity from fragments of the stichera to St. Nikolay and Metropolitan Peter (as authored by Cyprian), the tsar added new dimensions to the image of the latter. His seemingly minor editorial changes are full of deep patriotic meaning.

In the second chant «КЫМИ ПРОРОЧЕСКИМИ ПЕНИИ ВЕНЧАЕМО СВАТИТЕЛЯ» (*Kymi prorocheskimi penii venchaemo svyatitelya* – “What prophetic chanting will crown the saint”), the tsar’s utilisation of fragments from the stichera to St. Nikolay is inherently more complex. He reworked fragments from the second sticheron of the cycle in honour of Nikolay in lines 1–4, then used parts of Metropolitan Cyprian’s second sticheron in honour of Peter in lines 5–6, and finally returned to Nikolay’s sticheron in lines 7–8. By saving the two final lines of the model (with the exception of changing the name Ariy to Seit in the eighth line), the tsar made a transition to a semantically new second part. This is an extremely interesting phenomenon. One should pay special attention to the tenth line of the tsar’s sticheron «...Землю русскую веселящу течении» (*Zemlu russkuyu veselyaschu techenii* – “Russian land rejoices over”). This phrase appeared in the ninth and tenth lines of the first sticheron written by Cyprian, who was the first to introduce this phrase. It was mentioned in his cycle only once. However, this metaphor was of great importance for Tsar Ivan. He repeated it in each of his three stichera, and musically emphasised this phrase in the second and third stichera with a sequence

of identical neumes (*stopits*), which meant it had to be sung in recitative. The tsar highlighted and persistently stressed the meaning of these words through having them chanted at the same pitch. Their higher meaning thus emerged with particular clarity. Ivan rendered the culmination of the metaphor as semantically important, repeating it in all his chants. As can be seen in the second sticheron, the tsar stressed, first of all, the national and patriotic significance of Metropolitan Peter's acts. Thanks to Tsar Ivan's edition, the metropolitan's role as a builder, organiser, church leader, and a victorious fighter against all evil and heresy were emphasised. For the first time by using artistic technique of recitative on the words "Russian land", the author emphasised those of Peter's activities which had been of significant use to the country.

The third sticheron, «КЫМИ ДУХОВЕНЫМИ ПЕНИИ ВОСПОИМО СВЯТИТЕЛЯ» (*Kymi dukhovenymi penii vospoimo svyatitelya* – "What spiritual songs will we chant to the saint"), is Ivan's most independent work. He took the opening of this chant from the *podoben*, like in previous ones, thereby conducting a special form of stylistic editing. The tsar appropriated lines 3–5 (those which conclude an antithesis and identify the saint as a visionary) from a sticheron dedicated to St. Nikolay. The subsequent lines (6–8) are unique and were probably authored by Ivan himself. In lines 6–7, the author discloses the hagiographic narrative of Peter's enthronement as First Hierarch, which was preceded by the miraculous appearance of the Virgin Mary and her prophesy. By identifying Peter closely with the Virgin, Tsar Ivan was undoubtedly exalting the saint; in comparison, Cyprian's sticheron neglects this story. For Tsar Ivan, the motive behind St. Peter's special reverence for the Virgin Mary was highly important. As a skilled icon painter, Peter had painted an icon of the Virgin Mary, which, in the course of time, was known as the "Petrovskaya" icon. Under Peter's influence, the Cathedral of Assumption, a stone building dedicated to the dormition of the Theotokos, was built in the Moscow Kremlin; it became Peter's own burial place. In his sticheron, the tsar stressed the great significance of the events in the saint's life, which thus further emphasised the special semantic depth and value of his text for knowledgeable listeners.

The second part of the sticheron concludes with line 7. This leads onto a new phase in the characterisation of the saint in lines 8–9, where Peter is presented as a wonderful miracle worker who offers treatment and healing to all. In this way, Ivan correlated the formation of his own literary texts with the musical form of the *podoben*, thus creating his own version in accordance with the logic of its musical development. As was already noted, semantically the culminating moment of the third sticheron, like in the second, falls on the tenth line, where the tsar highlights the key words "Russian Land" («Землю русскую») with the help of an artistic technique of a recitative.

Thus, Tsar Ivan created his sticheron in honour of St. Peter the Metropolitan on the basis of the "Kymi" *podoben* in strict accordance with the

rules of Church musical art. These rules were consecrated by a centuries-old tradition, and the tsar's work of authorship based on it required great skill. The royal author followed established literary and musical samples, but, as a gifted and highly educated man, did not copy them blindly: rather, he creatively implemented the fundamental principle of similarity. He revealed this in his cycle of chants on several levels.

Tsar Ivan demonstrated the highest level of this principle by revealing the providential and historical significance of St. Peter's endeavour. For the first time the Moscow metropolitan was compared to the great St. Nicholas of Myra in Lycia. Furthermore, the work emphasises that Peter's enthronement as First Hierarch and miracle worker was preceded by the miraculous appearance of the Virgin and her prophecy. This level of using the similarity principle can be referred to the highest sphere of theological and ideological revealing of the Saint's image. The royal hymnographer, conscious of the requirements of his state, decisively raised the metropolitan of Moscow to the greatest possible heights.

The principle of similarity run through the next layer of authorship (verbal). The Tsar created the new texts of his stichera from fragments that derived from a certain kind of primary source: stichera about saints. After completing thoughtful and serious work on these sources, Ivan opened up new facets of Peter's image, thereby enriching it with new meaning. His lines are nothing other than the indication of hidden meanings, which were meant to provoke the collective memory of his contemporaries. His stichera are full of allusions addressed to a knowledgeable audience who were acquainted with the details of the hagiographic narrative of Metropolitan Peter's life. In terms of mastering rhetorical techniques, these stichera present us with a tsar who was a sophisticated literary man, appreciative of stylistic expression. He skilfully uses techniques such as questions-exclamations, anaphora, metaphor, antithesis, panegyric epithets, allusions, polisindeton etc.

Finally, let us note one more level of implementing the creative principle on base of the sample "podoben". The reference to the text of the *podoben* "Kymi" here is not just a tribute to this particular artistic tradition. In his stichera, the tsar retains the number of lines, neumatic formulas (*popevkas*), initial verbal-neuma formulas which were characteristic of the the *podoben*. However, he does not only do this. The Tsar also used in his works of art the rhetorical techniques specified in the verbal text of the *podoben*. The fact that the musical structure of all three stichera are appropriated from the *podoben* does not negate the skill required to formulate the text of the tsar's cycle; rather, it emphasises it. This work demonstrates a high level of both literary and musical creativity with the framework of medieval church musical traditions.

***

The next cycle of neumatic *znamenny* stichera authored by Ivan the Terrible are based on the *podoben* dedicated to the Vladimir Icon of

the Blessed Theotokos. This icon is first mentioned in the chronicles in 1155, when Prince Andrei Bogolyubskiy “brought” to Suzdal “an icon of the Holy Virgin” which had arrived earlier from Constantinople [ПСРЛ, т. 2, с. 482]. After the construction of the Cathedral of the Assumption in Vladimir (1160), the icon became the main miraculous image of this church and of all the principality of Vladimir-Suzdal. With Moscow’s rise as the “capital city” and spiritual centre of all Russia, this most holy icon was gradually moved there. The final transfer of the icon to Moscow took place on 23 June 1480 to face the threat of Akhmad Khan’s invasion [ПСРЛ, т. 25, с. 327–328]. The holy icon was placed in the new Cathedral of the Assumption (1479). The icon-patroness became a national shrine. There were several religious holidays established in honour of the icon, the most solemn being the celebration of the transfer to Moscow on 23 June. Tsar Ivan deeply honoured the miraculous image. He prayed before the icon on the eve of military campaigns and offered thanks when he returned. On the eve of the attack of the Crimean Khan Devlet Giray and Tartar united army on Moscow, which had lost its defensive fortifications during the raid and fire in 1571, the tsar, his family, and the court went to Velikiy Novgorod in May 1572. The Vladimir Theotokos went with them. Here, on 23 June 1572, they celebrated the Meeting of the Icon. The ceremonial moving of the icon was held in the tsar’s presence. His choristers (chanting or singing *diaki*) sang canons, “many stichera”, and “stichera dedicated to the Mother of God” during the procession and in the Cathedral of St. Sophia [ПСРЛ, т. 30, с. 161–162]. Devlet Giray’s army, which invaded Russia a month later, was defeated by Russian forces at the battle of Molodi. In late August, the tsar returned to the capital, and the Vladimir Theotokos took its old place in the Cathedral of the Assumption.

As we can see, in the summer of 1572 Ivan the Terrible suffered extremely hard times. It was at this time that he began to compose his spiritual testament (1572–1578), which was addressed to his sons Ivan and Feodor. He instructed his children to live so that the “God of peace”, the “prayers of Christians protectress, the Virgin”, and “the mercy of the honoured Vladimir Icon, the intercessor of the Russian state” («милость честнаго ея образа иконы Владимирския – державы Руския заступление») would always be with them [ДАИ, т. 1, с. 378]. Characterising the miraculous image as an intercessor for the Russian state, Ivan once again stressed the national and state significance of the icon. It had again helped to save Russia on the days of the celebration of the icon, which recalled previous similar events. It is quite possible that the tsar added his new stichera to the celebratory service on 23 June and they were sung by the diaki of the tsar’s choir (who sang “many stichera”).

There are three stichera in Ivan the Terrible’s cycle in honour of the “Meeting the Vladimir Theotokos”. They are made for the Great Vespers on the basis of the first-mode *podoben* «О дивное чудо» (*O divnoe chyudo* –

“Oh wonder of wonders”): «О великое милосердие» (*O velikoe miloserdie* – “Oh great charity”), «Дивное твое милосердие» (*Divnoe tvoe miloserdie* – “Wondrous Thy Mercy is”), «Твое славяте заступление» (*Tvoe slavyate zastuplenie* – “Glorify Thy Intercession”) [СПМЗ. № 274. Л. 278об. – 279]. This very *podoben* was originally written as the first of the three stichera of the Great Vespers to the Assumption of the Virgin [РГБ. Ф. 113. № 3. Л. 211об.]. At the end of the fifteenth century, an updated musical text was formed on the basis of this old variant, which included an archaic neumatic notation. It existed until the end of the seventeenth century. This *podoben* variant was characterised by a common neumatic structure which had a high degree of stability.

N. S. Seregina studied those of Ivan's stichera based on the *podoben* “O divnoe chyudo”. She noted that comparing them with the chants from divine services dedicated to Metropolitan Alexiy, the Intercession, and the Assumption of the Theotokos, which are based on the same *podoben*, “allows us to see in the stichera dedicated to the Vladimir Icon more freedom in the development of the melodic stereotype”. The researcher concluded that “the level of creative innovations in the three stichera... is insignificant, and it is only the model that makes them the author's version” [Серегина, с. 234]. This study of Tsar Ivan's *znamennyi* style was done not thoroughly.

The copies of the two stichera cycles with notes indicating Ivan's authorship are central to this study. Alongside the aforementioned version by Login, there is one additional copy discovered by Seregina [РНБ. Осн. О.1.238. Л. 307]. To these copies, one can add the stichera from the late sixteenth and first half of the seventeenth centuries: these do not indicate the tsar's authorship. Three of these manuscripts come from the Stroganov scriptorium [БРАН. Строг. № 44. Л. 893об. – 895об.; РНБ. Кир.-Бел. 586/843. Л. 703об.; Погод. № 380], while the others have different origins [РГАДА. Ф.188. № 937. Л. 488об.; РНБ. Сол. 690/769. Л. 315; Титов, 2989. Л. 448об.]. We compared all the copies and found some differences between them, although it is clear that they all derive from a common source.

The tsar chose the *podoben* «дивное чудо» (*O divnoe chyudo* – “Oh wonder of wonders”) in accordance with old Russian tradition. On the basis of this sample, authors created cycles of stichera for the services of Assumption, Intercession, Christmas, Presentation, and Annunciation of Our Lady, all of which are widely represented in manuscripts from across the centuries. Such a cycle was missing from the service in honour of the Meeting of the Vladimir Icon, although Tsar Ivan now filled this gap with his creation. By creating his stichera on the basis of this *podoben*, Ivan streamlined the structure of the service in honour of the Vladimir Icon. Prior to Ivan's birth, there were other cycles of stichera modelled after “O divnoe chyudo”, like those to Sts. Peter, Alexiy, Evpatiy the Martyr, and others. When creating his own cycle, Tsar Ivan implemented the principle of similarity in a complicated way.

He took a series of verbal-musical formulas from the *podoben* itself, from the stichera dedicated to the Assumption and Intercession of the Theotokos, and from the stichera in honour of Sts. Peter and Alexiy, Moscow and All Russia Metropolitans.

The tsar selected the sources for his stichera with the utmost care. Obviously, national interests played no small role here. Thus, the active incorporation of material from the Service of the Intercession of the Theotokos had a certain logic. It helped to sustain an analogy between this celebration and the Meeting of the Vladimir Icon. Both holidays had much in common, as they reflected upon the miraculous salvation of Orthodox Christians from invasions when their enemies receded from besieged cities (the miracle of the Theotokos' Appearance with the Omophorion in Constantinople and the miracles of the Vladimir icon in Russia). By borrowing text from the especially revered service of the Intercession of the Theotokos, the tsar stressed the equal importance of these two holidays for the Russian state.

Tsar Ivan was searching for the "similarity" elements of his creation not only in the stichera dedicated to the Intercession of Theotokos. All three stichera of his cycle contain a common final part, which was nearly the same as that of the *podoben*: as was mentioned above, this *podoben* was originally the sticheron from the service of the Assumption of the Theotokos. In the tsar's third sticheron, the text from this service is again manifest. The similarity of the chants is not accidental. The holiday of the Assumption of the Theotokos was the patron feast day of the main cathedral of the Muscovite Tsardom, the Cathedral of the Assumption, which was the home of the Vladimir icon (like previously the Cathedral of the Theotokos' Assumption in Vladimir was). By demonstrating the connection of his stichera with those dedicated to the celebration of the Assumption of the Theotokos, the Tsar once again emphasised the high national and religious status of the Russian holy day in honour of the Meeting of the Vladimir Icon. When we study Ivan the Terrible's stichera, we also find some verbal-musical formulas that dated back to the chants in honour of the Russian metropolitans Peter and Alexy, whose activities had strengthened the Muscovite Tsardom.

Thus, it becomes clear that from the existing chanting cycles based on the *podoben* "O divnoe chyudo", the Tsar selected four sources to create his own chants: the chants dedicated to the services of the Intercession and the Assumption of the Theotokos and the stichera in honour of the saintly Russian metropolitans Peter and Alexiy. He made his own stichera similar to these chants by choosing cycles devoted to the most important religious holidays in the lives of the state and the Russian people. He selected chants in honour of those Russian saints whose acts were considered to be the highest expression of spiritual ministry and of the utmost assistance to strengthening, protecting, and saving their Motherland (table 2).

Table 2

**The hymnographic sources of Ivan the Terrible's stichera
in honour of the Vladimir Icon of the Blessed Theotokos**

№*	Lines **	Sources ***
1.1	О великое <i>милосердие</i> (<i>O velikoe miloserdie</i>)	1.1. PB: <i>заступление</i> (<i>zastuplenie</i>)
1.2	<i>Грешнымо</i> еси / Богородице <i>Пре-</i> <i>чистая</i> (<i>Greshnymo esi / Bogoroditse</i> <i>Prechistaya</i>)	1.2. PB. <i>Печальнымо</i> еси / Бого- родице <i>чистая</i> (<i>Pechalnymo esi /</i> <i>Bogoroditse chistaya</i>)
1.3	Скорая помощи, спасение и <i>заступление</i> (<i>Skoraya pomoshe, spasenie</i> <i>i zastuplenie</i>)	1.3. PB <i>утвержение</i> (<i>utverzhdenie</i>)
1.4	Веселися <i>преименитыи градо</i> Москва (<i>Veselisya preimenityi grado Moskva</i>)	1.4. Pod.; UB. Гепсимания (<i>Gepsimaniya</i>); Al. <i>христоименитый граде</i> (<i>khristoimenityi grade</i>)
1.5	Приемля чюдотворную икону Владычица (<i>Priemlya chюдotvornuyu ikonu</i> <i>Vladychitsa</i>)	-
1.6	Воспоимо верении (<i>Vospoimo verenii</i>)	1.6. Pod.; UB; PB; Al
1.7	Со архиереи и со князи (<i>So arkhierei i so knyazi</i>)	3.2. Pet. Архиереи со князи (<i>Arkhierei so knyazi</i>)
1.8	Обрадованная радуися (<i>Obradovannaya raduisya</i>)	1.8. Pod.; UB; PB
1.9	С тобою Господе (<i>S toboyu Gospode</i>)	1.9. Pod.; UB; PB
1.10	Подаяи <i>намо</i> (<i>Podayai namo</i>)	1.10. Pod.; UB; PB. <i>мирови</i> (<i>mirovi</i>); 3.10. Al. <i>Подаяющаго намо</i> (<i>Podayuschago namo</i>)
1.11	Тобюю велию милость (<i>Toboyu veliyu milost'</i>)	1.11. Pod.; UB
2.1	Дивно твое <i>милосердие</i> (<i>Divno tvoe miloserdie</i>)	2.1. UB. <i>Дивны твоя таины</i> (<i>Divny tvoya tainy</i>); PB. <i>Divny proroche Isaiya</i> (<i>Дивны</i> <i>пророче Исаия</i>)
2.2	Владычице. / Егда бо християне (<i>Vladychitse. / Egda bo khristiyane</i>)	-
2.3	Припадоша ти избавитися, / Пагубнаго заклениа (<i>Pripadosha ti izbavitsiya, /</i> <i>Pagubnago zakleniya</i>)	-

2.4	Тогда невидимо (<i>Togda nevidimo</i>)	–
2.5	Сыну си молящися (<i>Synu si molyaschisya</i>)	–
2.6	Честеным образом люди спасающе (<i>Chestenym obrazom lyudi spasayusche</i>)	–
2.7	Христиане возрадуются поюще (<i>Khristiane vozraduitiesya poyusche</i>)	3.7. UB. Со архангелы и аггелы поюще (So arkhangely i aggely poyusche)
2.8	Обрадованная радуися (<i>Obradovannaya raduisya</i>)	2.8. UB; PB
2.9	С тобою Господе (<i>S toboyu Gospode</i>)	2.9. UB; PB
2.10	Подаяи намо (<i>Podayai namo</i>)	2.10. UB; PB. Подаяи <i>мирови</i> (Podayai mirovi); 3.10. AI. Подающего намо (Podayuschago namo)
2.11	Тобою велию милость (<i>Toboyu veliyu milost'</i>)	11.2. UB
3.1	Твое славяте заступление (<i>Tvoe slavyate zastuplenie</i>)	3.1. UB. <i>uspение</i> (<i>uspение</i>); 1.1. PB. О великое заступление (O velikoe zastuplenie)
3.2	Архиереи и священницы, царие и князи (<i>Arkhieri i svyaschennitsy, tsarie i knyazi</i>)	3.2. UB. Власти и престолы, начали и господства (<i>Vlasti i prestoli, nachali i gospodestva</i>); Pet. Архиереи со князи (Arkhieri so knyazi)
3.3	Инокы же и причетницы, И всенародное множество (<i>Inoky zhe i prichetnitsy, I vsenarodnoe mnozhestvo</i>)	3.3. UB. Силы и херувимы и страшная серафимы (Sily i kheruvimy i strashenaya serafimy); Pet. И всенародныме множеством (I vsenarodnyeme mnozhestvom)
3.4	Со женами и младенцы (<i>So zhenami i mladentsy</i>)	–
3.5	О святей иконе твоеи хвалящися (<i>O svyatei ikone tvoei khvalyaschesya</i>)	–
3.6	Припадаюте велможы (<i>Pripadayute velmozhy</i>)	3.6. UB. <i>царие</i> (<i>tsarie</i>)
3.7	С воинствы русскими зовуще (<i>S voinstvy russkymi zovusche</i>)	3.7. UB. Со архангелы и аггелы поюще (So arkhangely i aggely poyusche)

3.8	Обрадованная радуися (<i>Obradovannaya raduisya</i>)	3.8. UB; PB
3.9	С тобою Господь (<i>S toboyu Gospod'</i>)	3.9. UB; PB
3.10	[Подаяя намо (Podayai namo)	3.10. UB; PB. <i>мирови (mirovi)</i> 3.10. Al. <i>Подающего намо</i> (Podayuschago namo)
3.11	Тобою велию милость (<i>Toboyu veliyu milost'</i>)	3.11. UB

*The first numeral indicates the number of stichera in the cycle, the second – the number of lines in the stichera.

** The words in bold italics can be found only in the chants of Tsar Ivan.

*** Approved designation of the stichera: Al. – Metr. Alexiy [РГБ. Ф. 304. № 414. Л. 528]; PB – Intercession of Theotokos (Pokrovu Bogoroditsy) [РГБ. Ф. 304. № 414. Л. 357]; Pet. – Metr. Peter [РГБ. Ф. 304. № 414. Л. 581]; Pod. – podoben (РГБ. Ф. 304. № 410. Л.104об.); UB – Theotokos Assumption (Uspeniyu Bogoroditsy) [РГБ. Ф. 304. № 414. Л. 571об.].

In his first chant «О великое милосердие» (*O velikoe miloserdie* – “Oh great charity”), Tsar Ivan refused to follow the poetic content of the *podobn*. He bases the start of the stichera on the first sticheron from the cycle dedicated to the Intercession of the Theotokos. The first part of his chant (lines 1–3) presents an antithesis between the Mother of God’s charity and the sinful people (in the *podobn*, the antithesis is between “life and death”). In the second part of the chant, there is a call to the city of Moscow to accept the Vladimir icon with joy. The tsar puts his own text into the fifth line, which, together with the previous one, expresses the essential meaning of the holiday: «Веселися преименитый градо Москва, / Приемля чудотворную икону Владычица» (“Rejoicing, the eminent and revered city of Moscow, / Accepted the Miraculous Icon of the Lady”). In the *podobn*, Gethsemane accepts Mary, while in Ivan’s stichera Moscow accepts her miraculous icon. Gethsemane, Constantinople, and Moscow such is a hierarchy of sanctity in Tsar Ivan’s general logic of “similarity”. The fifth line is unprecedented because it was the first time that the miraculous icon had been mentioned in such a chant: no other cycle based on the *podobn* “O divnoe chyudo” makes such a reference. The final part of the sticheron (lines 8–11) is the chanting of the Icon by the etiquette formulas taken from the *podobn*. They praise the Lord’s mercy and thanks to the Theotokos. The musical text of the tsar’s first sticheron generally keeps to the model of the *podobn*.

The second sticheron «Дивно твое милосердие» (*Divno tvoe miloserdie* – “Wondrous Thy Mercy is”) demonstrates Ivan’s artistic freedom at its greatest extent in the musical and poetical aspects, compared to the other works of the cycle (table 2). In the first part, only the opening line loosely recalls the initial lines of the stichera in honour of the Assumption and Intercession. The initial word “wondrous” («дивно») reminds one of this

connection. The first and second parts of the chants are authored by Tsar Ivan (lines 1–7). In his lines, he simultaneously reveals both the horrors of “pernicious slaughter” («пагубнаго заклєния») and the mystical secrets of surprising saving thanks to mercy. The difficult and deep meaning of the whole cycle of stichera is conveyed in one compound sentence.

It is worth noting that in the second chant, like in the first one, the fifth line is given special attention. There is a single instance in the whole cycle when the tsar includes a new *popevka* – the *kimza* (a kind of neumatic formula *kulizma*). This serves as a symbol of the most important semantic point: “praying to the Son (Lord)” («Сыну молящися»). This is a remarkable feature in a chant modelled on a *podobn*. In the context of the authorship, it immediately attracts attention and acquires significance as a special musical technique that emphasises the key semantic content in the tsar’s cycle. The final part of the second sticheron, as was mentioned above, is identical to the final part of the first sticheron based on the *podobn*. Thus, the author creates a balance between his bold interpretation of the first two parts of the chant and a return to rules in the final one.

On the whole, the tsar’s third sticheron is based on the third sticheron dedicated to the Assumption of the Theotokos, with some material borrowed from the stichera dedicated to Metropolitan Peter and Alexy and the Intercession of the Mother of God (table 2). It begins with the line «Твое славяте заступление» (*Tvoe slavyate zastuplenie* – “Glorify Thy Intercession”). Tsar Ivan composed it from the two sources, demonstrating a deep comprehension of literary work in terms of artistic rules. His first line contains the same number of syllables as in the chant dedicated to the Intercession. In the first two chants, the royal hymnographer glorifies the mercy of the Virgin, while in the third he praises her intercession: this is because it is the main meaning and result of the prayer. Later, following a medieval hierarchical spirit, he listed all of the strata of society “praising” the Holy Icon. Two words, “hierarchs” and “princes”, were taken from the sticheron dedicated to Metropolitan Peter, but the tsar inserted the words “priests, tsars” («священницы, цари») between them. These words are absent in the sources: Ivan himself introduced them.

The tsar composed the earthly hierarchical structure of Russian society as a reflection of the celestial hierarchy in the third sticheron of the cycle dedicated to the Assumption of the Theotokos. At the top of his hierarchy are the representatives of the Church, the “hierarchs and priests” («архиереи и священницы»): they occupy a position comparable to that held by the authorities of Heaven. “Tsars and princes” («цари и князи») are compared with principalities and dominions, and the “monks and clergymen” («иноки и причетницы») are the reflections of the Cherubim and Seraphim. By comparing the heavenly and the earthly worlds, the tsar spiritually exalted the image of Russia. The whole hierarchical system was completed by the generalisation: “And the whole people” («И всенародное

множество») (lines 3–4). This is taken from Metropolitan Peter's sticheron, but Ivan added the line: "With their wives and infants" («Со женами и младенцы»). Tsar Ivan included in his chant the most defenceless of his subjects in the hope that the Virgin Mary would not leave them without her "intercession".

In the second part of the third sticheron, the tsar created the fifth line «О святеи иконе твоеи хвалящися» ("Everybody is praising Your Holy Icon"). It should be remembered that the fifth lines in the previous stichera also contained the author's own words (1. Accepting the miraculous icon. 2. Praying to the Son). The fifth lines are key to the semantic content. In the first chant, the icon is accepted, in the second faithful Christians pray in front of it, and in the third they praise the icon for their salvation. As this shows, the fifth line of the third sticheron pulls together the meaning of the text, thereby disclosing the underlying idea of the cycle. In the following sixth and seventh lines, the tsar paid special attention to the lords and warriors among those praying. He again returned to the sticheron of the Assumption. The lords here were the substitutes for the biblical kings while the Russian army stood for the archangels and angels. As such, this prayer almost makes visual the nationwide celebration of the Intercession of the Theotokos and the Meeting of the Vladimir Icon.

Thus, when creating his own version of the stichera dedicated to the holy day of the Vladimir Icon of the Blessed Theotokos on the basis of the *podoben* "O divnoe chyudo", Ivan, as with the case of the stichera to Metropolitan Peter, followed musical-hymnographic examples sanctified by centuries-old tradition. Again, he did not just copy them, but also implemented them creatively, basing his activity on the fundamental principle of similarity. Tsar Ivan created a new hymnographic texts from fragments dating back to a certain range of primary sources – stichera in honour of the Theotokos and the saints. This level revealed the following features of the medieval art: its retrospective character, traditionalism and symbolic parallelism. Thanks to his artistic editing skills, the tsar managed to unite the fragments dating back to different sources into a coherent whole in order to reveal the salvific value of the nation-wide Meeting of the Vladimir Icon. Once again, the author's lines, addressed to a knowledgeable audience, contain hidden meanings that allow them to recall what has already been stored in the religious and historical experience of Russia and in the memory of the contemporaries.

Among the author's innovations, we can note one specific peculiarity of his cycle: the combination of the stichera into a single whole with the threefold supplication to give "us" («нам»), the inhabitants of besieged Moscow, "great grace". In order to highlight the basic semantic centre of the cycle and give it a special power, the tsar applied a musical artistic technique whereby the key fifth line of the second sticheron, a "golden section" in the cycle, is emphasised by a new formula ("popevka kimza"). Attention is drawn here to the meaning of those words which are the most significant for the tsar.

Finally, Ivan the Terrible's creative works on the basis of the *podoben* were characterised by following this musical model. The tsar put the already existing chant of the *podoben* into his new hymnographic verbal texts. His chant not only avoided contradicting the skilful shaping of the verbal text, but also emphasized it. We should remind that in medieval religious music, there was a high level of both literary and melodic creativity.

Thus, despite the strict framework of rules for creating stichera on the basis of *podoben*, Ivan the Terrible demonstrated a significant degree of creative freedom in the revealing of artistic images. The author showed a deep understanding of the original sources, the artistic quality of their processing, his education, expressed in the knowledge of tradition and its creative rendering. Compared to the previous stichera the tsar performed complex work on the sources in new historical conditions. Fusing their parts together with updated semantic modulations, he gave his cycles a new patriotic content. Thanks to his skill, his stichera are a fine example of how to create new meanings on the basis of traditional forms.

Список литературы

Арсений, иер. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры : в 3 т. М., 1878–1979. Т. 2.

БРАН – Библиотека Российской Академии наук, г. Санкт-Петербург. Стrog. (Строгановское собрание). № 44.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией : в 12 т. СПб., 1846–1875. Т. 1.

Леонид, архим. Стихиры, положенные на крюковые ноты. Творение царя Иоанна, деспота Российского : По рукописи Троице-Сергиевой лавры № 428. СПб., 1886.

Леонид, архим. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. М., 1887.

Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986.

Парфентьев Н. П. Музыкально-гимнографическое творчество царя Ивана Грозного // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14. № 1. С. 51–59.

Парфентьева Н. В., Парфентьев Н. П. О деятельности мастеров Троице-Сергиевского монастыря в области древнерусского музыкального искусства (на примере творчества Логина Шишелова) // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13. № 1. С. 92–103.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / подг. Текста Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыкова. Л., 1979.

Рамазанова Н. В. Тропарь и кондак «князю Михаилу Черниговскому: Творение Иоанна, богомудраго царя, самодержца российского // Литература Древней Руси : Источниковедение : сб. науч. тр. Л., 1988. С. 107–116.

РГБ – Российская государственная библиотека, г. Москва. Ф. 113 (Собрание рукописных книг Иосифо-Волоколамского монастыря). № 3, 245; Ф. 304 (Собрание Троице-Сергиевой лавры). № 409, 410, 414, 415, 428.

РНБ – Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург. Кир.-Бел. (Собрание Кирилло-Белозерского монастыря). № 586/843; Осн. (Основное собрание). О.1.238; Погод. (Собрание М.П. Погодина). № 380; Сол. (Собрание рукописей Соловецкого монастыря). № 690/769; Титов (Собрание А.А. Титова). № 2989.

Сергина Н. С. Песнопения русским святым. СПб., 1994. С. 197–198.

СПМЗ – Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник, г. Сергиев-Посад. Рукописные книги. № 274.

Финдейзен Н. Ф. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в. М. ; Л., 1928. С. 246–247.

Шmidt С. О. Российское государство в середине XVI в. М., 1984.

References

Arseniy, ier. *Opisanie slavyanskikh rukopise' biblioteki Svyato-Troitskoy Sergievoy lavry* [Description of the Slavonic manuscripts in the Holy Trinity St. Sergius Lavra]. Vol. 2. Moscow, 1878.

Biblioteka Rossiyskoy Akademii nauk [Library of Russian Academy of Sciences], St. Petersburg. Strog. (Stroganov collection). № 44.

Dopolneniya k Actam istoricheskim, sobrannii i izdannii Arkheograficheskoy Komissiiy [Additions to historical acts collected and published by the Archaeographical commission]. St. Petersburg, v.1, 1846.

Findeizen N. F. *Ocherki po istorii muzyki v Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v.* [Essays on the History of Music in Russia from ancient times to the end of the 18th century]. Moscow ; Leningrad, 1928.

Leonid, archim. *Stikhiry, polozhennyye na krukovyye noty. Tvorenie tsarya Ioanna, despota Rossiyskogo. Po rukopisi Troitse-Sergievoy lavry № 428* [Sticheras written in neumatic (krukovyye) music notes. The works of Tsar Ivan, Russian despot. From the manuscript of the Trinity-Sergius Lavra number 428]. St. Petersburg, 1886.

Leonid, archim. *Svedeniya o slavyanskikh rukopisyakh, postupivshikh iz knigokhranilitsy Svyato-Troitskoy Sergievoy lavry v biblioteku Troitskoy dukhovnoy seminarii v 1747 g.* [Information about the Slavonic manuscripts received from Book Depository of the Holy Trinity Sergius Lavra by the library of the Trinity Theological Seminary in 1747]. Moscow, 1887.

Likhachev D. S. *Issledovaniya po drevnerusskoy literature* [Studies in old Russian literature]. Leningrad, 1986.

Parfentiev N. P. *Muzikal'no-gimnograficheskoe tvorchestvo tsarya Ivana Groznogo* [The musico-hymnographical oeuvre of Ivan the Terrible]. In *Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2014, v. 14, № 1, pp. 51–59.

Parfenteva N. V., Parfentjev N. P. *O deyatel'nosti masterov Troitse-Sergievskogo monastyrnya v oblasti drevnerusskogo muzikal'nogo iskusstva (na primere tvorchestva Logina Shishelova)* [The activities of the masters of the Trinity Sergius monastery in the ancient Russian art of church music (according to the example of Login Shishelov's oeuvre)]. In *Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2013, № 1, pp. 92–103.

Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim [Ivan the Terrible's correspondence with Andrew Kurbskiy]. Publ. by Ya. S. Lurie, Yu. D. Rykov. Leningrad, 1979.

Polnoe sobranie russkikh letopisey [Full Collection of Russian Chronicles]. Moscow, v. 2, 1998.

Polnoe sobranie russkikh letopisey [Full Collection of Russian Chronicles]. Moscow, v. 25, 2004.

Polnoe sobranie russkikh letopisey [Full Collection of Russian Chronicles]. Moscow, v. 30, 2009.

Ramazanova N.V. *Tropar' i kondak "knyazu Mikhailu Chernigovskomu. Tvorenie Ioanna, bogomodrogo tsarya, samoderzhtsa rossiyskogo"* [Troparion and Kontakion, dedicated to "Prince Michael of Chernigov: the oeuvre of divinely wise tsar Ivan, Russian autocrat"]. In *Literatura Drevney Rusi: Istochnikovedenie: sb. nauch. tr.* [Literature of Ancient Rus: Source study: collection of scientific works]. Leningrad, 1988, pp.107–116.

Rossiyskaya Gosudarstvennaya Biblioteka [Russian State Library], Moscow. F.113 (Collection of the manuscripts of the St. Joseph Volokolamsk Monastery). № 3, 245; F.304 (Collection of the Trinity Sergius Lavra). № 409, 410, 414, 415, 428.

Rossiyskaya Nacionalnaya Biblioteka [Russian National Library], St. Petersburg. Kir.-Bel. (Collection of the St. Cyrill Belozerskiy Monastery). № 586/843; Osn. (Main Collection). O.1.238; Pogod. (Collection of M.P.Pogodin). № 380; Sol. (Collection of the manuscripts of the Solovetskiy Monastery). № 690/769; Titov (Collection of A. A. Titov). № 2989.

Rossiyskiy Gosudarstvenniy Arkhiv Drevnikh Aktov [Russian State Archives of Ancient Acts], Moscow. F.181 (Library Manuscript Department of the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs). №792; F.188 (Manuscript collection of the Central State Archive of Ancient Acts). № 937.

Sergievo-Posadskiy istoriko-khudozhestvennyi muzey-zapovednik [Sergiev Posad History and Art Museum-Reserve]. Manuscripts. № 274.

Seregina N. S. *Pesnopeniya russkim svyatym* [Chants in honour of Russian saints]. St. Petersburg, 1994.

Shmidt S.O. *Rossiyskoe gosudarstvo v seredine XVI v.* [The Russian state in the middle of the 16th century]. Moscow, 1984.

The article was submitted on 21.09.2015

DOI 10.15826/QR.2016.1.147

УДК 94(571)"16/18"+929Ермак+069.533

«ЗНАМЯ ЕРМАКА» ИЗ СОБРАНИЯ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ: ЛЕГЕНДА И ФАКТЫ

Арсений Петров

Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия

"YERMAK'S BANNER" FROM THE KREMLIN ARMOURY COLLECTION: LEGEND AND FACTS*

Arseny Petrov

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia

The historical comprehension of the journey to Siberia that resulted in its conquest and annexation by Russia almost immediately started with the sacralization of Yermak as its protagonist. Thus, it was natural for 'contact relics' to appear, i.e. items that had belonged to the legendary conqueror. Among them was Yermak's armour and banners: these were invested with a certain holy power that gave them a sacral character. This is certainly the case with regards to the banner in the Kremlin Armoury in Moscow that depicts Archangel Michael's appearance before Joshua. It was sent, along with other banners, from Tobolsk in the early 19th century and was until recently attributed to Yermak without any doubt. This article provides proof that the banner was created a century later than originally supposed, in the late 17th century. This can be demonstrated by the artistic character of the banner, the decorative elements along the edges borrowed from book illustrations, and the details in the depictions of figures and the landscape. The banner is unlikely to have been taken to Tobolsk after

---

* *Citation:* Petrov, A. (2016). "Yermak's Banner" from the Kremlin Armoury's Collection: Legend and Facts. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4, № 1, p. 157–169. DOI 10.15826/QR.2016.1.147.

Цитирование: Petrov A. "Yermak's Banner" from the Kremlin Armoury's Collection: Legend and Facts // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 1. P. 157–169. DOI 10.15826/QR.2016.1.147 / Петров А. «Знамя Ермака» из собрания Оружейной палаты: легенда и факты // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 1. С. 157–169. DOI 10.15826/QR.2016.1.147.

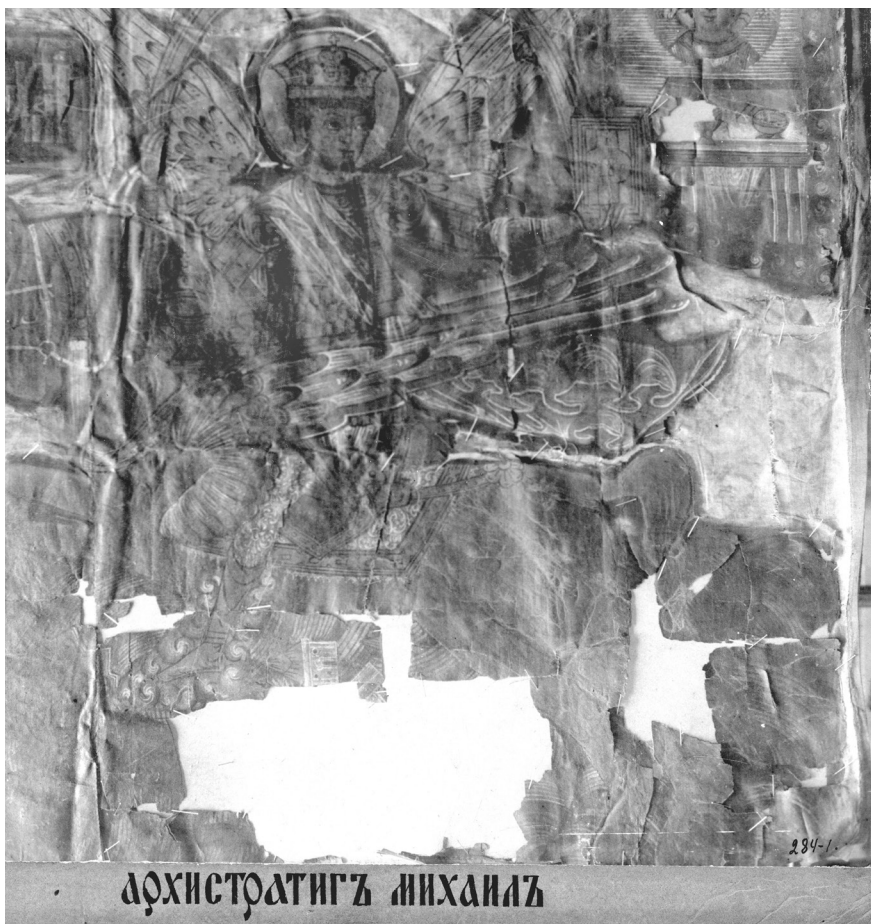
its creation in Moscow, although data exists about the production of banners in several Siberian cities (Krasnoyarsk, Yeniseysk, Tobolsk) in the late 17th century. It is known that S. U. Remezov, a famous chronicler and cartographer, made seven banners destined for Tobolsk in 1697. Based on these facts, the author puts forward the hypothesis that the banner in question, as well as a number of others kept in the Kremlin Armoury, were made by Remezov himself. The author proposes that the banner was dated to the times of Yermak much later, when its real point of origin had been forgotten.

Keywords: Yermak's banner; S. U. Remezov; vexillology; history of Siberia.

Историческое осмысление похода, приведшего к присоединению Сибири к России, практически сразу оказалось связано с сакрализацией его главного действующего лица – Ермака. В этом смысле естественно было и появление своеобразных «контактных реликвий», то есть предметов, по легенде принадлежащих легендарному завоевателю. Среди них оказались воинские доспехи Ермака, а также знамена, которые были важны и в силу своей изначальной сакральности – они несли на себе священные изображения. Это относится к знамени из Оружейной палаты Московского Кремля с изображением явления архангела Михаила Иисусу Навину. Оно было прислано в начале XIX в. из Тобольска в составе целой группы знамен, и до последнего времени принадлежность его Ермаку не подвергалась сомнению. В статье приводятся доказательства того, что знамя было создано веком позже, в конце XVII столетия. На это указывает характер художественного решения знамени: декоративные элементы на полях, заимствованные из книжной иллюстрации, особенности изображения фигур и пейзажа. Возможность написания знамени в Москве и его привоза в Тобольск кажется маловероятной, сохранились письменные свидетельства об изготовлении знамен в сибирских городах (Красноярске, Енисейске, Тобольске) в конце XVII в. Известно, что в 1696 г. С. У. Ремезов, известный сибирский летописатель и картограф, выполнил семь знамен с фигуративными изображениями для Тобольска. На основании этого высказывается гипотеза, что рассматриваемое знамя, как и ряд других, хранящихся в Оружейной палате, но до сих пор не опубликованных, происходит из числа сделанных самим Ремезовым. Автор высказывает предположение о том, что отнесли стяг ко времени Ермака, очевидно, уже гораздо позднее, когда были забыты реальные обстоятельства его создания.

Ключевые слова: знамя Ермака, С. У. Ремезов, вексиллология, история Сибири.

В большинстве текстов Сибирских летописей, созданных в конце XVI – XVII в., цель похода Ермака Тимофеевича и его дружины описывается в традиционном контексте как борьба с противником православия самозванцем Кучумом и расширение влияния православия на новые территории. Один из первых историков Сибири художник

1. «Знамя Ермака» с изображением «Архангела Михаила грозных сил воеводы». Последняя треть XVII – начало XVIII в. Фотография 1918 г. из архива Омского государственного историко-краеведческого музея

1. The “Banner of Yermak” with the image of the Archangel Michael as the “Commander of Formidable Forces”. Last third of the 17th – beginning of the 18th century. Photograph from Archive of the Omsk State Museum of History and Regional Studies (1918)

и картограф конца XVII в. Семен Ремезов, восстанавливавший ход освоения Ермаком огромного края на основе разнообразных по генезису источников, описывает завоевание Сибири как священный поход¹. Эта установка на сакрализацию фигуры Ермака в летописи [Соболева, 2008] и народной памяти перешла и на ряд предметов, и прежде всего на несколько стягов, получивших название «знамя Ермака» [Кузнецов, с. 10–11; Блажес, 2002, с. 72–73].

Одно из этих знамен с изображением «Архангела Михаила грозных сил воеводы» и «Чуда великомученика Димитрия Солунского» хранилось до Гражданской войны в Омске (ил. 1). Судя по всему, оно было

¹ О С. У. Ремезове см.: [Дергачева-Скоп; Дергачева-Скоп, Алексеев; Гольденберг].

известно В. И. Сурикову, изобразившему его развевающимся над суднами казаков в своем «Покорении Сибири Ермаком Тимофеевичем». Примечательно, что на какое-то время из исторической достопримечательности этот стяг превратился в действующую воинскую реликвию белогвардейцев в Сибири. Однако в 1919 г. следы знамени потерялись², сохранилась лишь архивная фотография, по которой П. А. Тычинская отнесла его к последней трети XVII – началу XVIII в.³

Еще три стяга, связываемые по традиции с Ермаком, хранятся в собрании Музеев Московского Кремля. На двух из них – геральдическая композиция с изображением льва и единорога⁴, а на третьем – сцена «Явление архангела Михаила Иисусу Навину» (ил. 2, 3)⁵. Именно этот последний памятник и является предметом нашего внимания. В 1826 г. при поступлении этих знамен в составе целой группы сибирских исторических реликвий в Московский арсенал из Тобольска с именем Ермака связывались только первые два⁶. В 1834 г. по личному указанию Николая I знамена передали из Арсенала в Оружейную палату, при этом сведения о связи с легендарным первопроходцем отнесли и к знамени с образом архангела Михаила. Конкретная историческая привязка, столь нужная для кремлевского собрания, составлявшегося в то время прежде всего как коллекция исторически значимых предметов, оставалась за тобольскими знаменами до последнего времени и не подвергалась пересмотру⁷.

Впервые обратившись к этому памятнику при изучении традиции создания в Византии и на Руси знамен с изображением явления архангела Михаила Иисусу Навину, мы высказали свои сомнения в традиционной датировке XVI в., то есть временем Ермака, и предложили новую атрибуцию – второй половиной XVII столетия [Петров, с. 44]. Целью настоящей статьи является попытка конкретизировать предложенную ранее широкую датировку и поставить вопрос о месте создания знамени.

Иконография этого знамени вполне традиционна. Востребованность этой композиции на знаменах объясняется тем, что она относится к числу тех изображений, которые связывались с Божественным

---

² История знамени в годы революции рассмотрена в трудах ряда историков, которые, к сожалению, в вопросе его первоначального происхождения слепо доверились поздним преданиям [Вибе; Шулдяков; Лосунов]. Благодарю И. А. Гольского, познакомившего меня с этими статьями.

³ См.: [Тычинская, с. 124–125, прил. 1, кат. 11 (с библиогр.)]. В отличие от всех прежде занимавшихся омским знаменем, П. А. Тычинская проанализировала его стилистические особенности, характерные для иконописи рубежа XVII–XVIII вв.

⁴ Инв. № Зн-170/1-3, 192 × 246 см; инв. № Зн-171, 220 × 200 см. О нем см. в частности: [Вилинбахов, с. 22, 23]. Тобольское знамя с единорогом Г. В. Вилинбахов по традиции отнес к XVI в.

⁵ Инв. № Зн-280, 240 × 180 см.

⁶ Подробно об истории этих знамен в XIX в. с привлечением многих источников см.: [Голованова, в печати].

⁷ См., например: [Гордеев, с. 67, ил. на с. 68; Российские императоры, кат. 181 (автор описания М. П. Голованова)]. Именно в качестве «сибирской реликвии» знамя было представлено на выставке в Музеях Московского Кремля в 2000–2001 гг. [Павленко, с. 25, 26].

заступничеством за воинов, то есть к сюжетам, которые Г. К. Котошихин, историограф царствования Алексея Михайловича, относил к «победительным чудесам»: «А бывают Царския знамена у самого в полку и у бояр большие, шиты и писаны золотом и серебром, на камке Спасов образ или какие победительные чудеса» [Котошихин, с. 108]. Не останавливаясь на подробном разборе этой иконографии, отметим лишь, что известно о ее использовании в Византии: к началу XV в. относится византийское шитое знамя с таким сюжетом, хранящееся в собрании музея Палаццо Дукале в Урбино (Италия)⁸. Очевидно, из Византии традиция подобных знаменных изображений могла перейти на Русь. Во всяком случае, на одном из древнейших русских знамен, известных по источникам, был, судя по всему, именно такой образ. Об этом можно прочесть в книге Павла Иовия, итальянского епископа, жившего в первой половине XVI в. и написавшего по рассказам русского толмача Дмитрия Герасимова сочинение о Москве: «Василий обычно может выставить для войны больше ста пятидесяти тысяч конницы, разделенной по знаменам на отряды, каждый из которых следует за своими вождами. На знамени царского полка начертано изображение еврея Иисуса, того самого, который, как повествует священная история, благочестивыми молитвами выпросил у всемогущего Бога самый долгий день, замедлив течение солнца» [Павла Иовия Новокомского книга, с. 274]. В дальнейшем эта композиция становится одной из наиболее распространенных в русской знаменной традиции XVII в.⁹

Однако сами предметы с такими изображениями, созданные ранее XVII в., не сохранились. Самое раннее русское знамя с вышитым «Явлением архангела Михаила Иисусу Навину» – так называемое Знамя Сапеги – относится к началу XVII в. [Маясова, с. 32–33, ил. 54]. Первой третью того же столетия можно датировать хранящееся в Музеях Московского Кремля знамя Д. М. Пожарского с аналогичным сюжетом, написанным на оборотной стороне¹⁰.

Таким образом, становится очевидным широкое распространение данного извода в позднесредневековой Руси, в связи с чем датировать знамя, попавшее в Оружейную палату из Тобольска, на основании иконографических особенностей невозможно. Для датировки памятника большее значение имеет стилистический анализ.

Прежде всего рассмотрим орнаментальное обрамление центральной сцены, очевидно, заимствованное из книжной иллюстрации конца XVII в. Орнамент в данном случае важен как атрибуционный признак, так как ранее, в XVI – первой половине XVII в., применялся иной декор. Новый тип орнамента, который мы видим на знаменах,

⁸ См. о нем: [Петров, с. 41–45].

⁹ Подробно об этой иконографии на древнерусских знаменах см.: [Петров, с. 43–44]. На русских знаменах в конце XVII в. также могла изображаться сцена чуда архангела Михаила с валаамовой ослицей [Великанов, с. 6].

¹⁰ См.: [Голованова 2005, с. 70–78; Иконописцы царя, кат. 67 (автор описания М. П. Голованова)]. На лицевой стороне знамени – тронное изображение Христа Вседержителя с раскрытым Евангелием в левой руке.

распространился в среде московских придворных золотописцев с начала 1670-х гг. и затем использовался в течение нескольких десятилетий. В русском искусстве он появляется под влиянием западноевропейских образцов и быстро распространяется на все виды искусства.

По углам каймы знамени расположены четыре цветочных розетки-медальона, на боковых каймах – срезанные ветви с крупными плодами и бутонами, на нижней кайме – аналогичный мотив, вытянутый по вертикали. Подобного рода срезанные ветви, вытянутые по вертикали по краю листа, встречаются, например, на рукописном листе Титулярника 1672 г.¹¹ или на гравированной заставке-рамке титульного листа Леонтия Бунина для книги «Луцидариус, или Златый бисер» (не позднее 1696 г.) [Хромов, с. 54]. Близким примером оформления центральной сцены орнаментальной рамкой из подобных ветвей служит гравированный лист Л. Бунина и А. Трухменского в книге «Страсти Христовы» 1691 г. [Хромов, с. 58].

2. С. У. Ремезов. Бой у урочища Березовый Яр. Иллюстрация Ремезовской летописи. Библиотека Академии наук. ОР. 16. 16.5. Л. 10

2. Semyon Remezov. Battle near Beriosovy Yar. Remezov's Chronicle. Library of the Russian Academy of Sciences. ОР. 16. 16.5. F. 10

На дополнительных каймах, пришитых к знамени сверху и снизу, сохранился еще один ряд орнаментальных мотивов – четыре розетки и две виньетки между ними; эти детали, также орнаментальные в своей основе, но с большей симметрией и геометрической четкостью, не включают в себя плодов или бутонов. Наиболее близкая аналогия их рисунку – оформление каймы на полковом знамени смоленского стрелецкого приказа 1692 г. из Трофейной коллекции Военного музея в Стокгольме (ил. 2)¹².

Очевидные стилистические особенности искусства конца XVII в. присущи и

¹¹ РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Отд. 5. Рубр. III. № 7. Л. 55. См.: [Царский Титулярник].

¹² State Trophy Collection // Armémuseum, Stockholm. Inv. № AM.082132.

изображению средника. Непропорциональные фигуры центральной сцены аморфны. Руки архангела изогнуты и будто бескостны, от этого жесты кажутся неуверенными и неуклюжими, как и сама его постановка на полусогнутых ногах. Подобного рода характер написания фигур, хотя и в более мастерском исполнении, можно видеть, например, во фресках церкви Ильи Пророка в Ярославле, исполненных в 1680 г. группой костромских и ярославских иконописцев во главе с Гурием Никитиным [Брюсова, табл. 131 и др.]. Авторы росписей Ильинской церкви, как и создатель знамени, стремятся передать фигуры в сложных ракурсах и активном движении, но их образы оказываются субтильными, рисунок сложен, но тектонически и анатомически недостоверен. Сцену на знамени объединяет с указанными ярославскими фресками, как, впрочем, и со многими другими памятниками последней трети XVII в., и новый способ изображения пейзажа: традиционные иконописные лещадки заменяются изображением покатых холмов, причем при повышении реалистичности пейзажа становится еще заметнее неумение «поставить» фигуру, которая кажется искусственно наложенной на пейзажный фон. Изменяется и характер написания облаков, которые, очевидно в попытке скорее копировать, чем по-настоящему понять западно-европейские образцы, делаются отчасти более «правдоподобными» и живописными, с характерными кучерявыми завитками. Такие приемы можно отметить не только в ярославских фресках, но и в целом ряде других произведений рубежа XVII–XVIII вв.¹³

Можно заметить, что помимо художественных особенностей кремлевского «знамени Ермака», свидетельствующих о его исполнении как минимум столетием спустя после Ермаковского похода, сомнительной кажется и сама возможность того, что дружина Ермака, не являвшаяся частью регулярной армии и, очевидно, имевшая разбойничье происхождение, обладала своими знаменами. И хотя в «Кунгурской летописи» есть упоминание о том, что Максим Строганов вынужден был выдать ермаковцам «знамена полковые с иконами, всякому сту по знамени» [Сибирские летописи, с. 315]¹⁴, оно записано среди сведений, которые исследователями (например, Д. С. Лихачевым и В. В. Блажесом) считаются легендарными [Лихачев, с. 414; Блажес, 2012, с. 240]. Однако именно вопрос происхождения знамен и места их создания становится чрезвычайно острым после обоснования более поздней датировки. Ведь если

---

¹³ Максим Иванов. Икона «Распятие». 1671 г. Музей-усадьба «Останкино» [Произведения иконописцев, кат. 4]; Симон Ушаков. Архангел Михаил. 1676. Третьяковская галерея [Брюсова, табл. 21]; Ротное знамя солдатского полка. Конец XVII в. Музей Московского кремля [Орел и лев, кат. 225 (автор описания М. П. Голованова)]; икона «Богоматерь с Младенцем, венчающая благочестивых людей». Рубеж XVII–XVIII вв. Ярославский художественный музей [Бусева-Давыдова, табл. б/н].

¹⁴ Появление знамен в миниатюрах С. У. Ремезова с изображением ермаковского похода, связано, возможно, с тем, что он многое заимствует из текста «Кунгурской летописи» [Блажес, 2012, с. 238].

при традиционном его отнесении к эпохе Грозного и времени завоевания иноплеменной Сибири Ермаком иного варианта, кроме как создания его в центре России, нельзя было и предположить, то во второй половине XVII в. Сибирь представляла уже хорошо освоенную территорию со своими политическими центрами, где имелись собственные художественные силы.

Случаи привоза знамен воеводами с собой из Москвы нам неизвестны, хотя это вполне можно допустить. Во всяком случае, именно к концу XVII в. относятся многочисленные сведения о бытовании знамен в сибирских городах [Березиков, Люцидарская, с. 14–17], и лишь в редких случаях можно с уверенностью считать их выполненными именно в Сибири. Так, в 1695 г. енисейским иконописцем Михаилом Протопоповым пишется городовое знамя Енисейска. Оно, как следует из надписи на нем, было сделано «снисканием столника и воеводы Михайлы Игнатъевича Римскаго-Корсакова» [Пестов, с. 266], а изображенные на нем введение Богоматери во храм и Богоявление связываются П. Н. Бараховичем с наличием в Енисейском остроге одноименных церквей [Барахович, с. 135].

В то же время в самом Тобольске знамена пишет уже упомянутый нами Семен Ремезов, известный не только как первый русский картограф и одновременно летописец, составивший «Историю Сибири», но и как иконописец и архитектор, проходивший практику в художественных мастерских московской Оружейной палаты. Из поданной им челобитной следует, что в начале 1696 г. он «сработал, сшил и написал мастерски к конным и пешим полкам семь камчатых знамен». Художник свидетельствует, что «завод, золото и серебро и краски держал свое на них. И за тот завод и за работу мне ничего не дано»¹⁵.

Можно лишь обратить внимание на то, что вместе со знаменами Ермака в 1826 г. из Тобольска в Москву было привезено еще несколько знамен, также хранящихся в Оружейной палате. По описанию Л. П. Яковлева известно, что на одном из них изображен архангел Михаил с обнаженным мечом в руках и надписью, свидетельствующей о его исполнении по повелению тобольского воеводы «Андрея Федоровича Нарышкина с товарищи», и годом – 1695 [Яковлев, с. 55. № 3700]. Согласно предположению М. П. Головановой, оно было написано «местными иконописцами» [Голованова, в печати]. Однако в связи с близостью его даты ко времени работы над знаменами С. У. Ремезова возникает соблазн связать знамя Нарышкина с именем Ремезова. Более того, естественно возникает вопрос о том, можем ли мы связать с работой Ремезова рассматриваемое и прочие поступившие из Тобольска знамена? Ответить на него однозначно на данный момент не представляется возможным. Дело в том, что знамя 1695 г. до сих пор не опубликовано, а привлечение произведе-

¹⁵ Служебная чертежная книга. Л. 37об. // Российская национальная библиотека. Эрмитажное собр. № 237. Цит. по: [Гольденберг, 1965, с. 37].

3. С. У. Ремезов. Явление Христа над судами Ермака. Иллюстрация Ремезовской летописи. Библиотека Академии наук. ОР. 16. 16.5. Л. 12

3. Semyon Remezov. Vision of Christ over Ermak's boats. Remezov's Chronicle. Library of the Russian Academy of Sciences. ОР. 16. 16.5. F. 12.

ний, выполненных в другой технике, – единственной иконы, которая приписывается С. У. Ремезову [Дергачева-Скоп, Алексеев, с. 90, ил. на с. 86, 87, 89, 92], и его миниатюр – не позволяет сделать определенных выводов.

В любом случае при условии создания этого знамени в Тобольске традиционный для стяга сюжет «Явление архангела Михаила Иисусу Навину» мог переосмыслиться в контексте собственной сибирской истории. Так, сам Ремезов, воссоздавая в условиях отсутствия письменных источников историю похода Ермака, в значительной степени мифологизирует его фигуру, описывая его завоевательный поход скорее как акт христианизации языческой земли. Причем во многих случаях сюда включаются архетипические сюжеты о помощи христианскому полководцу со стороны ангельского воинства,

Ермак уподобляется автором новому Иисусу Навину и Самсону или Константину. Сакрализация похода Ермака наметилась в исторической традиции Сибири уже в первых летописях XVII в. и затем лишь нарастала¹⁶, но именно в миниатюрах Ремезова к собственному историческому сочинению она, судя по всему, впервые обрела визуальное выражение. На страницах иллюстрированной Ремезовым летописи Ермак иногда изображается с нимбом, помогает ему в тяжелые минуты ангельское воинство, а суда Ермака держат путь по сибирским рекам под знаменами и хоругвями со священными изображениями (ил. 3)¹⁷.

Знамя с изображением «Явления архангела Михаила Иисусу Навину» из собрания Оружейной палаты также было непосредственно включено в традицию сакрализации похода Ермака. Очевидно, это было сделано, когда обстоятельства его создания были уже забыты, но не позднее начала XIX в., ведь именно с такой легендой оно было прислано в Москву. Отсутствие каких-либо надписей о времени и месте создания на самом полотнище, нередко встречающихся на других знаменах, отчасти может объяснить появление подобной легенды.

Список литературы

Барахович П. Н. Знамена служилых людей Центральной Сибири XVII века (Енисейск, Красноярск) // Вестн. Краснояр. Гос-го пед. ун-та им. В. П. Астафьева. 2014. № 2 (28). С. 129–133.

Березиков Н. А., Люцидарская А. А. Знамена сибирских казаков-землепроходцев // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. История. 2013. № 2 (22).

Блажес В. В. Кунгурская летопись // История литературы Урала : Конец XIV – XVIII в. / под ред. В. В. Блажеса, Е. К. Созиной. М. : Языки славянской культуры, 2012. С. 238–243.

Блажес В. В. Фольклор Урала : Народная история о Ермаке (исследования и тексты). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 186 с.

Брюсова В. Г. Русская живопись XVII века. М. : Искусство, 1984. 420 с.

Бусева-Давыдова И. Л. Культура и искусство в эпоху перемен : Россия семнадцатого столетия. М. : Индрик, 2008. 364 с.

Великанов В. С. «Салатские трофеи»: полковое имущество стрелецких полков Нечаева и Протопопова, потерянное в сражении при Салатах 18/29 марта 1703 года // Старый Цейхгауз. № 52. 2013. № 2. С. 3–13.

Вибе П. П. К вопросу о похищении Анненковым знамени дружины Ермака // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея / сост. П. П. Вибе, Т. М. Назарцева. Омск, 2008. № 14. С. 285–290.

Вилинбахов Г. В. Русские знамена XVII в. с изображением единорога // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1982. Вып. 47.

Голованова М. П. Знамена второй половины XVI – конца XX века : каталог собрания Музеев Московского Кремля (в печати).

Голованова М. П. Реликвии российской истории из собрания Оружейной палаты Московского Кремля : Знамя Д. М. Пожарского // Гербоведь. 2005. № 83 (5). С. 70–78.

Гольденберг Л. А. Изограф земли сибирской : Жизнь и труды Семена Ремезова. Магадан : Магадан. книж. изд-во, 1990. 400 с.

¹⁶ См. анализ подобного рода изменений в текстах разных исследователей в кн.: [Ромодановская 2012а, с. 213–214; Ромодановская, Соболева, с. 216; Ромодановская 2012б, с. 225–226; Соболева, с. 234; Блажес, 2012, с. 243].

¹⁷ См., например: [Дергачева-Скоп, Алексеев, с. 146].

Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов: сибирский картограф и географ : 1642 – после 1720 г. М. : Наука, 1965. 260 с.

Гордеев Н. В. Оружие // Оружейная палата. М. : Московский рабочий, 1964.

Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Ремезовская летопись: История Сибирская, Летопись Сибирская краткая Кунгурская : Исследование, текст, перевод / научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи БРАН. Тобольск : Фонд «Возрождение Тобольска», 2006. 267 с.

Иконописцы царя Михаила Романова. М. : Художник и книга, 2007. 180 с.

Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1852. 274 с.

Кузнецов Е. В. К сведениям о знаменах Ермака // Тобольские губернские ведомости. 1892. № 43. 24 окт.

Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. 499 с.

Лосунов А. М. Из истории святыни сибирского казачьего войска – знамени Ермака Тимофеевича // Недбаевские исторические чтения / ред.-сост. А. М. Лосунов и др. Омск, 2012. С. 269–277.

Маясова Н. А. Древнерусское шитье. М. : Искусство, 1971. 140 с.

Орел и лев : Россия и Швеция в XVII веке / науч. ред. и сост. И. А. Комаров, А. В. Лаврентьев, А. К. Левыкин и др. М. : ИМА-пресс, 2001. 158 с.

Павла Иовия Новокомского книга о посольстве Василия, великого князя Московского к папе Клименту VII. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. 320 с.

Павленко В. В. Сибирские реликвии в Московском Кремле // Мир музея. 2001. № 4. С. 22–27.

Пестов И. С. Записки об Енисейской губернии. М : Университет. тип., 1833. 298 с.

Петров А. С. Византийская вышивка из Урбино : К вопросу о предназначении памятника // Убрус. СПб., 2009. Вып. 12. С. 1–7.

Произведения иконописцев Оружейной палаты Московского Кремля : Из собрания Останкинского дворца-музея / авт.-сост. Е.И. Силаева. М. : ЭрнА ЛТД, 1992. 112 с.

Ромодановская Е. К. Инициирование культурно-письменной традиции // История литературы Урала : Конец XIV – XVIII в. / под ред. В. В. Блажеса, Е. К. Созиной. М. : Языки славянской культуры, 2012а. С. 210–214.

Ромодановская Е. К. Тобольское летописание Саввы Есипова // История литературы Урала : Конец XIV – XVIII в. / под ред. В. В. Блажеса, Е. К. Созиной. М. : Языки славянской культуры, 2012б. С. 225–229.

Ромодановская Е. К., Соболева Л. С. Литературно-публицистическая деятельность тобольских архиереев // История литературы Урала : Конец XIV – XVIII в. / под ред. В. В. Блажеса, Е. К. Созиной. М. : Языки славянской культуры, 2012. С. 212–224.

Русские императоры и Оружейная палата. М. : Художник и книга, 2006. 280 с.

Сибирские летописи. СПб. : Импер. археографическая комиссия, 1907. 464 с.

Соболева Л. С. «Государев атаман Ермак Тимофеевич: векторы идеализации // Древнерусское духовное наследие в Сибири научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России. : в 2 т. / сост. и отв. ред. Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев. Новосибирск, 2008. Т. 2. С. 185–202.

Соболева Л. С. Строгановская летопись: концепция и образное решение // История литературы Урала : Конец XIV – XVIII в. / под ред. В. В. Блажеса, Е. К. Созиной. М. : Языки славянской культуры, 2012. С. 230–237.

Тычинская П. А. Образ архангела Михаила грозных сил воеводы в русском искусстве Позднего Средневековья : дис. ... канд. искусствоведения. М. : Гос. ин-т искусствознания, 2012. 259 с.

Хромов О. Р. Рукописная книга с гравюрами – новый жанр в искусстве русской книги позднего Средневековья и Нового времени // Книга и время. 2010. № 3. С. 54–61.

Царский Титулярник / под общ. ред. Ю. М. Эскина. М. : Культ.-просветит. фонд имени Сергея Столярова, 2007. Кн. 1. Титулярник 1672 года. 244 с.

Шулдяков В. Знамя Ермака : Две тайны бесценной реликвии Сибирского казачьего войска // Тобольск и вся Сибирь. Тобольск, 2008. Кн. 10. С. 151–158.

Яковлев Л. П. Русские старинные знамена // Древности Российского государства. М., 1865. Дополнение к III Отд. Ч. 2. Подробная опись русских старинных знамен.

References

- Barakhovich, P. N. (2014). *Znamena sluzhilykh lyudey Tsentral'noy Sibiri XVII veka (Eniseysk, Krasnoyarsk)* [Flags of Service Class Men in Central Siberia of the XVIIth century (Yeniseisk, Krasnoyarsk)]. In *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva*, 2 (28), pp. 129–133.
- Berezikov, N. A. & Lyutsidarskaya A. A. (2013). *Znamena sibirskikh kazakov-zemleprokhodtsev* [Banners of Siberian Cossacks-explorers]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya*, 2 (22), pp. 14–17.
- Blazhes, V. V. (2002). *Fol'klor Urala: Narodnaya istoriya o Ermake (issledovaniya i teksty)* [Folklore of the Urals : Folk story of Ermak (Research and Texts)]. 186 p. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Blazhes, V. V. (2012). *Kungurskaya letopis'* [The Kungur Chronicle]. In Blazhes, V. V. & Sozina, E. K. (Eds.). *Istoriya literatury Urala : Konets XIV – XVIII v.* (pp. 238–243). Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Bryusova, V. G. (1984). *Russkaya zhivopis' XVII veka* [Russian Painting of the XVIIth century]. 420 p. Moscow, Iskusstvo.
- Buseva-Davydova, I. L. (2008). *Kul'tura i iskusstvo v epokhu peremen : Rossiya semnadsatogo stoletiya* [Culture and Art in an Era of Changes : Russia of the Seventeenth Century]. 364 p. Moscow, Indrik.
- Dergacheva-Skop, E. I. & Alekseev, V. N. (2006). *Remezovskaya letopis': Istoriya Sibirskaya, Letopis' Sibirskaya kratkaya Kungurskaya: Issledovanie, tekst, perevod* [Remezov Chronicle: History Siberian, Siberian Chronicle Kungurskaya Brief: Study, Text, Translation]. 267 p. Tobolsk, Fond "Vozrozhdenie Tobol'ska".
- Eskin, Yu. M. (Ed.). (2007). *Tsarskiy Titulyarnik* [Tsar's Book of Titles]. (Book 1. Titulyarnik 1672 goda). 244 p. Moscow, Kul'turno-prosvetitel'nyy fond imeni Sergeya Stolyarova.
- Golovanova, M. P. (n.d.). *Znamena vtoroy poloviny XVI – kontsa XX veka : katalog sobraniya Muzeev Moskovskogo Kremlya* [Banners of the second half of XVIth – the end of XXth century : Catalog of the Moscow Kremlin Museums]. (In print).
- Golovanova, M. P. (2005). *Relikvii rossiyskoy istorii iz sobraniya Oruzheynoy palaty Moskovskogo Kremlya : Znanya D. M. Pozharskogo* [Relics of Russian history from the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin : Banner of D. M. Pozharsky]. In *Gerboved'*, 83 (5), pp. 70–78.
- Gol'denberg, L. A. (1990). *Izograf zemli sibirskoy : Zhizn' i trudy Semena Remezova* [Painter of the Siberian Land : Life and Works of Semyon Remezov]. 400 p. Magadan, Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Gol'denberg, L. A. (1965). *Semen Ul'yanovich Remezov: Sibirskiy kartograf i geograf. 1642 – posle 1720 g.* [Semyon Ul'yanovich Remezov: Siberian cartographer and geographer. 1642 – after 1720]. 260 p. Moscow, Nauka.
- Gordeev, N. V. (1964). *Oruzhie* [The Weapon]. In *Oruzheynaya palata* (pp. 11–72). Moscow, Moskovsky rabochy.
- Ikonopistsy tsarya Mikhaila Romanova* [Painters of Tsar Mikhail Romanov]. (2007). 180 p. Moscow, Khudozhnik i kniga.
- Khromov, O. R. (2010). *Rukopisnaya kniga s gravyurami – novyy zhanr v iskusstve russkoy knigi Pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni* [Handwritten book with engravings – a new genre in the art of Russian books in Late Medieval and Modern Times]. In *Kniga i vremya*, 3, pp. 54–61.
- Komarov, I. A., Lavrent'ev, A. V. & Levykin, A. K. (Eds., Comp.) (2001). *Orel i lev: Rossiya i Shvetsiya v XVII veke* [Eagle and Lion : Russia and Sweden in the XVIIth century]. 158 p. Moscow, IMA-press.
- Kotoshikhin, G. K. (1852). *O Rossii v tsarstvovanie Aleksey Mikhailovicha* [On Russia during the Reign of Alexey Mikhailovich]. 274 p. Sankt Petersburg, Izdanie Arkheograficheskoy komissii.
- Kuznetsov, E. V. (1892). *K svedeniyam o znamenakh Ermaka* [For information about the banners of Ermak]. In *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 43, October 24.
- Likhachev, D. S. (1947). *Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie* [Russian Chronicles and Their Cultural Significance]. 499 p. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR.
- Losunov, A. M. (2012). *Iz istorii svyatyni sibirskogo kazach'ego voyska – znamenii Ermaka Timofeevicha* [From the History of the Shrine of the Siberian Cossack Troops – the Banner of Ermak Timofeevich]. In Losunov, A. M., Churkin, M. K. & Parygin, N. P. (Eds.) *Nedbaevskie istoricheskie chteniya* (pp. 269–277). Omsk, Izd-vo OmGPU.

Mayasova, N. A. (1971). *Drevnerusskoe shit'e* [Old Russian Embroidery]. 140 p. Moscow, Iskusstvo.

Pavla Ioviya Novokomskogo kniga o posol'stve Vasiliya, velikogo knyazya Moskovskogo, k pape Klimentu VII [De legatione Basilii Magni Principis Moschoviae]. (1908). 320 p. Sankt Petersburg, Tip. M. A. Aleksandrova.

Pavlenko, V. V. (2001). *Sibirskie relikvii v Moskovskom Kremle* [Siberian Relics in the Moscow Kremlin]. In *Mir muzeya*, 4, pp. 22–27.

Pestov, I. S. (1833). *Zapiski ob Eniseyskoy gubernii* [Notes on the Yenisei Province]. 298 p. Moscow, Universitetskaya tipografiya.

Petrov, A. S. (2009). *Vizantiyskaya vyshivka iz Urbino : K voprosu o prednaznachenii pamyatnika* [Byzantine Embroidery from Urbino. The Purpose of the Piece]. In *Ubrus*, XII, pp. 1–7. Sankt Petersburg.

Romodanovskaya, E. K. (2012a). *Initsirovanie kul'turno-pis'mennoy traditsii* [Initiating the Cultural Written Tradition]. In Blazhes, V. V. & Sozina, E. K. (Eds.). *Istoriya literatury Urala. Konets XIV – XVIII v.* (pp. 210–214). Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Romodanovskaya, E. K. (2012b). *Tobol'skoe letopisanie Savvy Esipova* [Tobolsk Chronicles of Savva Yesipov]. In Blazhes, V. V. & Sozina, E. K. (Eds.). *Istoriya literatury Urala. Konets XIV – XVIII v.* (pp. 225–229). Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Romodanovskaya, E. K. & Soboleva, L. S. (2012). *Literaturno-publitsisticheskaya deyatelnost' tobol'skikh arkhieriev* [Tobolsk bishops' literary and publicist activity]. In Blazhes, V. V. & Sozina, E. K. (Eds.). *Istoriya literatury Urala : Konets XIV – XVIII v.* (pp. 215–224). Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Rossiyskie imperatory i Oruzheynaya palata [Russian Emperors and the Armoury Chamber]. (2006). 280 p. Moscow, Khudozhnik i kniga.

Shuldyakov, V. (2008). *Znamya Ermaka : Dve tayny bestsennoy relikvii Sibirskogo kazach'ego voyska* [The Banner of Ermak. Two Mysteries of Priceless Relics of the Siberian Cossack Troops]. In *Tobol'sk i vsya Sibir'* (Iss. 10, pp. 151–158). Tobolsk.

Sibirskie letopisi [Siberian Chronicles]. (1907). 464 p. Sankt Petersburg, Imper. Arkheograficheskaya komissiya.

Silaeva, E. I. (Comp.). (1992). *Proizvedeniya ikonopistsev Oruzheynoy palaty Moskovskogo Kremlya : Iz sobraniya Ostankinskogo dvortsa-muzeya* [Works of painters of Moscow Kremlin Armoury : From the collection of the Ostankino Palace-Museum]. 112 p. Moscow, Erna LTD.

Soboleva, L. S. (2008). “Gosudarev ataman” Ermak Timofeevich: vektory idealizatsii [“Sovereign Ataman” Ermak Timofeevich: Vectors of the Idealization]. In Dergacheva-Skop, E. I. & Alekseev, V. N. (Eds., Comp.) *Drevnerusskoe dukhovnoe nasledie v Sibiri: nauchnoe izuchenie pamyatnikov traditsionnoy russkoy knizhnosti na vostoke Rossii. : v 2 t.* (Vol. 2, pp. 185–202). Novosibirsk.

Soboleva, L. S. (2012). *Stroganovskaya letopis': kontseptsiya i obraznoe reshenie* [The Stroganov Chronicle: its Concept and Images]. In Blazhes, V. V. & Sozina, E. K. (Eds.). *Istoriya literatury Urala : Konets XIV – XVIII v.* (pp. 230–237). Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Tychinskaya, P. A. (2012). *Obraz arkhangela Mikhaila groznykh sil vovody v russkom iskusstve Pozdnego Srednevekov'ya* [The Image of Archangel Michael “Commander of Formidable Forces” in the Russian Art of the Late Middle Ages]. (A PhD Thesis in Art History). 259 p. Moscow, Gos. institut iskusstvovedeniya.

Velikanov, V. S. (2013). “Salatskie trofei”: polkovoe imushchestvo streletskikh polkov Nechaeva i Protopopova, poteryannoe v srazhenii pri Salatakh 18/29 marta 1703 goda [“Saladen's Trophies”: Regimental Property of Streltsy Regiments Nechayev and Protopopov, Lost in the Battle of Saladen 18/29 March 1703]. In *Staryy Tseykhgauz*, 52 (2/2013), pp. 3–13.

Vibe, P. P. (2008). *K voprosu o pokhishchenii Annenkovym znamenii družiny Ermaka* [On the issue of the abduction of flag Ermak by Annenkov]. In Vibe, P. P. & Nazartseva, T. M. (Comp.) *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*, 14, pp. 285–290. Omsk.

Vilinbakhov, G. V. (1982). *Russkie znamena XVII v. s izobrazheniem edinoroga* [Russian Banners of the XVIIth century with the Image of a Unicorn]. In *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* (Iss. III). Leningrad.

Yakovlev, L. P. (1865). *Russkie starinnye znamena* [Old Russian Banners]. In *Drevnosti Rossiyskogo gosudarstva. Dopolnenie k III Otd.* (Part 2: Podrobnaya opis' russkikh starinykh znamen). Moscow.

The article was submitted on 08.09.2015

DOI 10.15826/QR.2016.1.148

УДК 76.021+769.91+351.751.5

SERGEY CHEKHONIN: THE SICKLE AND THE HAMMER OR THE MONSTER COCKROACH (*TARAKANISHCHE*)*¹

Sergey Golynets

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

A number of Soviet artists were working in 1918 on the emblem of the RSFSR that became four years later the basis for the Soviet coat of arms. Sergey Vasilievich Chekhonin was the one who gave the coat of arms and the flag of the newly-born Russian Federation their final form. The symbol, expressive and stripped of the macabre meaning of the reality behind it, found an impeccable composition and form by virtue of one of the most virtuous and talented Russian graphics. Chekhonin's artistic heritage has not been studied enough. The author of the article, based upon study of bibliographic rarities, illustrated and designed by Chekhonin, addresses the most important pages of the master's creative work, studying as well the publications of the late 1910s–1920s, and diaries of that time. Chekhonin's enthusiasm and keenness in cooperating with the new authority, and working on Soviet emblems, bewildered his fans. The article examines Chekhonin's attitude to contemporary events in the aspect of the topic "*Mir iskusstva*" and the *Revolution*. Members of *Mir iskusstva* community, having sympathetically met the overthrow of the autocracy, ever since the October Revolution were ready to take an active part in the work on the protection of architectural monuments and museum treasures, on improving artistic pedagogy, publishing and theater business. However, their enthusiasm soon gave way to a feeling of anxiety and frustration. In the mid-1920s, many of *Mir iskusstva* members found themselves abroad. Chekhonin was no exception. The artist developed critical and skeptical mood, most fully manifested in his illustrations to *The Monster Cockroach*, a famous fable in verse by Korney Chukovsky. Analyzing the text of *The Cockroach* and comparing it with other fables by Chukovsky, as well as with the diary entries of the writer, the author of the article argues that *The Cockroach* was not addressed exclusively to children. It is not by chance that the image of a 'monster cockroach' also appeared in the ominous poem by Osip Mandelstam (*Tarakan'i smeyutsya glazishcha i sverkayut yego goleshcha...* ("The Cockroach's eyes are laughing, and the shafts of his boots are shining...")); further on, in the famous play by Evgeny Shvarts, the Cockroach grew to the size of a giant dragon. Chekhonin undoubtedly

---

* Citation: Golynets, S. (2016). Sergey Chekhonin: The Sickle and The Hammer or The Monster Cockroach (*Tarakanishche*) In *Quaestio Rossica*. Vol. 4, № 1. P. 170–192. DOI 10.15826/QR.2016.1.148.

Цитирование: Golynets S. Sergey Chekhonin: The Sickle and The Hammer or The Monster Cockroach ("Tarakanishche") // *Quaestio Rossica*. 2016. Vol. 4. № 1. P. 170–192. DOI 10.15826/QR.2016.1.148.

¹ This article was prepared with the support of RGNF, project no. 15-04-00458.

caught an adult intonation of Chukovsky's fables; his illustrations to it became a kind of an alternative to the official Soviet heraldry created by him.

Keywords: Soviet symbols; Hammer and Sickle; Korney Chukovsky "Tarakanishche" (*The Monster Cockroach*); Soviet censorship; Aesopian language.

Над созданием в 1918 г. эмблемы РСФСР, ставшей четыре года спустя основой герба Советского Союза, работало несколько художников. Но законченный вид гербу и флагу Российской Федерации придал Сергей Васильевич Чехонин. Благодаря таланту едва ли не самого виртуозного из русских графиков емкий по смыслу и, конечно, неповинный в оказавшихся за ним жизненных реалиях символ нашел совершенную композиционную форму. Наследие Чехонина недостаточно исследовано. Автор настоящей статьи, основанной на изучении ставших библиографической редкостью изданий, иллюстрированных и оформленных Чехониным, на публикациях конца 1910–1920-х гг., на дневниках того времени, обращается к важнейшим страницам творчества мастера. Поклонников таланта Чехонина удивило, с каким энтузиазмом и увлеченностью он начал сотрудничать с новой властью, работать над советской эмблематикой. В статье отношении Чехонина к современным событиям рассматривается в русле темы «"Мир искусства" и революция». Сочувственно встретив свержение самодержавия, «мирискусники» готовы были и после Октябрьского переворота принимать активное участие в работе по охране архитектурных памятников и музейных сокровищ, по совершенствованию художественной педагогики, издательского и театрального дела. Однако вскоре энтузиазм сменился чувством тревоги и неудовлетворенности. В середине 1920-х гг. многие из «мирискусников» оказались за пределами Советского Союза. Не составил исключения и Чехонин. У художника нарастали критические и скептические настроения, наиболее полно проявившиеся в иллюстрациях к сказке Корнея Чуковского «Тараканище». Анализируя текст «Тараканища», сопоставляя его с другими сказками Чуковского, с дневниковыми записями писателя, автор статьи убеждает, что «Тараканище» адресован не только детям. Не случайно образ «Тараканища» в 1930-е гг. возник в роковом стихотворении Осипа Мандельштама («Тараканьи смеются глазища и сверкают его голенища...»), а в известной пьесе Евгения Шварца он вырос до размеров гигантского дракона. Чехонин, несомненно, уловил недетскую интонацию сказки Чуковского: его иллюстрации к ней стали своего рода альтернативой созданной им советской геральдики.

Ключевые слова: советская символика; серп и молот; Корней Чуковский; «Тараканище»; советская цензура; эзопов язык.

In 1918, a number of Soviet artists were working on the emblem of the RSFSR that became the basis for the Soviet coat of arms four years later. The people usually accredited with this work are Alexander Leo from St. Petersburg and Yevgeny Kamzolkin from Moscow [Иванченко, с. 53, 55], Natan Altman [Евсеев, с. 274–276]. However, it was Sergey Vasilievich Chekhonin who gave the coat of arms and the flag of the newly born Russian Federation their final form.

It has happened already, my dear boy, that our children growing up as *sovetichi* (of the Soviet tribe) accept the sickle and hammer not as the newest and youngest

of the state coats of arms, which replaced the centuries-old double-headed eagle after a terrible struggle; it is the only one that they have grown to know, the only one that accompanies them in their lives and therefore in their thoughts; it is the original and the indisputable one, without a beginning back in time or an end in the future; it is an expression of the solemn and immense power of the Russian state. Those who are the blood-kin of the Revolution will understand nothing of that feeling of bewilderment and distrust that accompanied ours – as the participants and bystanders of the 1917–1922 epoch – upon witnessing Chekhonin becoming the artist of the October coup [Эфрос, Пунин, с. 7].

Thus opens “The Master of Soviet Empire Style”, an article written more than ninety year ago by Abram Efros, who labelled the post-October work of Sergey Chekhonin ‘the road of Russian state art from the RSFSR towards the USSR’ [Там же, с. 8].

Time has changed many things. The double-headed eagle has once again become a symbol of Russia. The emblem of the Soviet state was already in the late 1980s an object of Sots-art in the form of a famous risqué *chastushka* rhyme (*Sprava – molot, sleva – serp, eto nash sovetskiy gerb, khochesh' zhni, a khochesh' kuy – vse ravno poluchish' <...>*) (“On the right – a hammer, on the left – a crescent, this is our Soviet coat of arms. Reap if you want, or hammer if you wish – you will still get nothing (<obscurity>”).² It was thus no longer thought of in terms of the pathetic lines of Samuil Marshak: *Nerazdelimy serp i molot, zemlya i kolosya i zvezda!* (“Inseparable are the hammer and sickle, and the land, and the stalk, and the star!”).³ Efros’ article, along with Nikolay Punin’s “On the Mastery of S. V. Chekhonin”, are part of a 1924 book that still remains the only one⁴ completely dedicated to the work of this artist. This book, designed by Chekhonin himself, was the fruit of the combined work of three important figures in Russian culture who were born in the Silver Age and found themselves in quite another epoch. Their destinies were bitter. Punin died in one of Stalin’s camps. Efros fully experienced the severity of the regime whose birth he greeted with such ardour. Chekhonin’s life

² *In the original:* «Справа – молот, слева – серп, это наш советский герб, хочешь жни, а хочешь куй – все равно получишь... <obscurity>».

³ *In the original:* «Неразделимы серп и молот, земля, и колос, и звезда!»

Quite notable is the juxtaposition of two movies both entitled “The Sickle and Hammer”: the first was a propaganda film created in 1921 by Vladimir Gardin while the second was a Sots-art parody of Soviet movie stereotypes directed by Sergey Livnev in 1994.

⁴ To this very day, the legacy of S. V. Chekhonin has not enjoyed the same attention in art and literature studies as his close peers in the late nineteenth and early twentieth centuries. Apart from the aforementioned book, we can name only a few publications that contain Chekhonin’s works and some contemplations on his artistic style [Современная русская графика; Голлербах, 1922, № 1; Голлербах, 1923, № 15–16; Русский художественный фарфор; Боцяновский; Эфрос, Пунин; Графическое искусство в СССР; Данько; Expositioa Serge Tchekhonine chez A. Marchak; В. Е. W.; Эфрос, 1930; Ганкина; Искусство оформления книги; Сидоров; Лянда, 1972; Лянда, 1974; Милашевский; Советский фарфор; Андреева, 1975; Андреева, 1978; Петров; Герчук, 1978; Герчук, 1989; Герра, 1981; Евсеев; Липович, 1988а; Липович, 1988б; Липович, 1990; Боулт; «Мир искусства», 1991; Голынец, 1994; Голынец, 1997; Голынец, 1999; Голынец, 2010; Сергей Васильевич Чехонин: каталог; Они унесли с собой Россию...; Кузнецов; «Мир искусства», 1898; Кудесник, чародей, приспособленец...; Лейкинд, Махров, Северюхин, 1999; Домбровский].

was cut short in 1936 when abroad, where he had emigrated four years after the publication of the book and where he also could not fully develop his artistic talents (Il. 1).

Chekhonin's post-October works bewildered his fans, who were used to seeing his work as purely aesthetic and fully detached from the social problems of the times. Chekhonin could not have been suspected of following a survival strategy out of fear of the regime: he had embraced the ideas of the Revolution back when conventional wisdom argued that it was better to wait out the turmoil. We should also rule out the explanation that dwells on the purely 'craft' character of Chekhonin's art, implying that the artist was indifferent to what his 'virtuous hand' was drawing, whether it be aristocratic coats of arms, Soviet emblems, rose garlands for the *Apollo* magazine, or proletarian slogans. Efros and Punin both rejected such assumptions. Efros directly stated that:

I. S. V. Chekhonin
(1878–1936). Portrait. 1921

И. С. В. Чехонин
(1878–1936). Портрет. 1921

Chekhonin... was never a mere professional. He could be "for" or "against", but he could never be "above" or "in between". His art is too emotional. He is more a poet than a master. It happens that his hand seems tired; however, his art is always thrilled by pathos. If he was with the Bolsheviks, he was so by the calling of his heart. If he brought here his traveling retrospective craftsmanship, the October coup was sounding in his ears with the same ringing that had always stirred his blood and grown from his *Empire-style antiques*; the one that was beating in the nerve centre of his art and was cast into images, flowered with forms, and constituted "Chekhonin's mystery"... [Эфрос, Пунин, 1924, с. 14].

Putting an edge onto his judgement, Efros describes Chekhonin as the only true artist of the Revolution:

...A sociologist can witness... a crowd of artists on the other shore who turned away [from the Revolution] – a few shamanistic futurists at the bottom of the steep hill on our side – and a lonely figure in an antique dress adorned by Soviet emblems, climbing the mountain together with the Revolution...

[Там же, с. 22]⁵.

⁵ We should note that A. M. Efros did not arrive instantaneously at this understanding of Chekhonin's post-October art: in 1922, in one unpublished article, the critic wrote that this art was created 'not the way the revolutionary art should be created; not from the hearth of the revolution; it is rather an art of a random event, born by an incidental father from an incidental mother. Chekhonin is a typical artist of the *Mir iskusstva* magazine – fond of antique styles, a reproducer of the antiquity. As a civilian, he accepted the Revolution, came close to it and stayed with it. His artistic canons draw him to imitate the eighteenth century; his social inclinations – to the Soviet system. Thus, he created emblems for the workers as if for powdered marquises, and he dressed up his formidable five-lettered creation in the style of the Louis dynasty. Does this charming curiosity have to represent revolutionary art in history?' [Эфрос, 1990, № 3].

Chekhonin, who had in many ways defined the language of the imagery of the Revolution, is a unique figure. However, he shared a great deal of his artistic understanding of reality with other artists from the *Mir iskusstva* magazine, and his development cannot be understood separately from the trajectory of this magazine during the Revolution. In the publications issued during the first Soviet decades, studies usually stressed the alien and even hostile character of *Mir iskusstva* towards revolutionary events; however, from the beginning of the 1960s, when the time had come for the artistic ‘rehabilitation’ of this community, researchers tried to find those actions and citations of participants in *Mir iskusstva* that would show them as being close to Social-Democrat ideals, if not Bolshevik ones.⁶ However, in the post-Soviet era, scholars have uncovered new tendencies in the works of this community which are connected to the idealisation of pre-revolutionary Russia.

The majority of the *Mir iskusstva* community met the February Revolution with sympathy and even enthusiasm: “...I am happy [to witness] the bright dawn that rises in such glory over our homeland,” – wrote Lev Bakst from abroad in the spring of 1917 [Цит. по: Пружан, с. 195]⁷. In the same year, Diaghilev commissioned Igor Stravinsky to write an orchestration of the song “Еу, ухнем” («Эй, ухнем») which was to be played as an introduction to a Russian ballet performance on 9 April 1917 in Rome instead of the tsar’s anthem. On the title page of the score was the appellation “Hymn of the New Russia” and a drawing of a red flag provided by Picasso [См.: Стравинский, с. 519–520]. This symbol was also put to music in Stravinsky’s ballet *The Firebird*: in the final scene, Prince Ivan is crowned with a Phrygian cap and a red flag instead of a crown and a sceptre [см.: Ярустовский, с. 100]. On the pages of *Le Figaro* (14 May 1917), Diaghilev told a puzzled audience:

In Russia today, the red flag is the emblem of those who believe that the welfare of the whole world depends on the freedom of its peoples, achieved by victorious struggle alone...

[См.: Сергей Дягилев и русское искусство, с. 239].

Eyewitnesses of these events also experienced exhilaration. One characteristic piece of evidence is a painting by Boris Kustodiev entitled “27 February 1917”, which depicts a state of festive excitement. Similarly excited records can be found in Konstantin Somov’s diary entries from 1 (13 O. S.) and 4 (17) March (Somov was one of the most apolitical members of *Mir iskusstva*):

---

⁶ All this being said, this research by no means wishes to belittle the value of the work of cultural scholars in terms of collecting factual material and connecting it to the studied topic with a multitude of interesting speculations. I will specifically note one fundamental study: [Лапшин].

⁷ *In the original*: «...Как счастлив светлой заре, которая так славно загорается над нашей родиной».

The street is full of people, there's order, it's fun, and the mood is uplifting. <...> The people welcomed a regiment of sailors, I felt fun and joy. Together with the regiment, we marched along the whole of Morskaya Street. <...> So many events in just two days. Nicholas has been put down, we will have a republic. My head is spinning. I was so afraid that the dynasty would stay <...> I saw how the royal coat-of-arms was being knocked down from all the shop signs. <...> This morning I called Benois, advising him to take power directly into his hands in the sphere of the arts...

[Константин Андреевич Сомов, с. 174–175].

Benois himself had a quite different perception of events. In a diary entry from 3(16) March, he wrote:

If today no one cries over the monarchy, tomorrow even those who have attached red ribbons and sincerely consider themselves revolutionaries will cry...

[Бенуа, с. 55].

However, on the next day, dropping his usual scepticism, Benois confessed:

On the other hand, the perspective that opens in front of me is not without a certain grandiosity. Even a call of *duty* of a sort awakens in me... Much of what can be done now, particularly in the sphere of the arts, can only be done with my close participation and, often, leadership. And so I have taken on this duty, although I foresee that all future activity will be a complete disappointment. Oh, if only Diaghilev was here, too!

[Там же].

Thus, *Mir iskusstva* was clearly competing for leadership of the arts in Russia, actively protecting architectural monuments and museum treasures, transforming artistic pedagogy, publishing, and continuing with theatre business. However, their enthusiasm soon gave way to feelings of concern: the October coup and subsequent events were met in quite a different spirit. Eugene Lanceray, who in 1905 had reproached Benois for his “fear of socialism” [Цит. по: Гомберг-Вержбинская, с. 113], was proclaiming in February 1917 that there was “amazing joy and happiness in my soul!” [Ор. cit.: Подобедова, с. 170]. Nevertheless, he later became a member of Denikin’s “Osvag” and the author of White Guard posters. Ivan Bilibin, his ex-colleague in the satirical magazines *Zhupel* and *Adskaya pochta* who had been arrested in 1906 because of his daring caricatures of the autocratic authorities, in the summer of 1917 created a sketch of the new Russian coat-of-arms: a two-headed eagle which had lost its crown. However, he left Petrograd one month before the October coup. He wished his friends “all the best. Have a happy life” before going to the Crimea. He then emigrated to Egypt in 1920 [Иван Яковлевич Билибин, с. 109].

Many of the members of *Mir iskusstva* who stayed in Petrograd after October 1917 continued and even intensified their artistic and cultural activities. They were not stimulated merely by the need to earn their daily bread. Emphasising that he was a “lousy socialist”, Benois wrote on 9(22) November 1917:

...I am motivated by the call to help those people who are now in charge of so many things and who had received in their supervision many things totally alien to them, those very things that to me are the dearest of all in the whole world. <...> They can have in their possession grandiose means that can lead to grandiose changes. <...> I am again harbouring various projects and expectations. Firstly, the expansion of the Hermitage at the expense of the Winter Palace, the creation of a grandiose portrait gallery of Russian history, and so on. There are also projects of a more general character, including those that were ripening for quite a long time...

[Бенуа, 1996, с. 43–44].

Apparently, Chekhonin was not the only one for whom the epoch was “buzzing in the ears”. The creativity of the members of *Mir iskusstva* received unexpected momentum with the realisation of the grandiose scale of the historic changes, the crushing of the old regime, and the contemporary sentiment of enlightenment. It would otherwise be hard to explain the eagerness of Mstislav Dobuzhinskiy and Alexander Benois when they created the theatre of heroic drama in Petrograd (the Bolshoi Drama Theatre) or the rise of book illustrations in the *Mir iskusstva* circle in the late 1910s and 1920s.

It would be incorrect to conclude that the members of *Mir iskusstva* completely accepted the ideas of Bolshevism. Even Kustodiev, who most closely followed revolutionary themes, was far from these ideas. His “Bolshevik” (1920), which visibly appropriated the techniques of mass propaganda and was the source of several Soviet paintings, was nevertheless ‘suspiciously’ close in its composition to a 1905 drawing named “The Entry”, which depicts a giant skeleton, symbolising death and devastation, rising above Moscow streets and crowds. However, let us not completely fall for the analogy. The hero of the 1920 drawing, a stern, bearded man with a huge crimson banner, is a synthesis of the centuries-old traditions of Kustodiev’s Russia as well as their destroyer.

Chekhonin, the most refined stylist of all the members of *Mir iskusstva*, but only a provincial in his art and everyday life, was singled out for his “‘*narodovoltsy*’ and democratic” sympathies [Милашевский, с. 179–180]. In his younger years, Chekhonin was close to the family of Gleb Uspenskiy and, later, to Maksim Gorky, which makes clear his susceptibility to socialist ideas and his keen interest in the events of October. It was Chekhonin who designed a 1923 cover to John Reed’s *10 Days That Shook the World*.

However, Efros describes Chekhonin not merely as an artist of the Revolution, but also of Soviet statehood. The idea of statehood was usually opposed to revolutionary aspirations, although the Russian intelligentsia

accepted it in a plurality of ways. This idea began to emerge among the intelligentsia in the wake of the events of 1905–1907 and especially during the First World War. It involved some of the members of *Mir iskusstva*, for which they were later subjected to vulgar sociological criticism. Chekhonin united in himself opposite tendencies. In the early 1920s, his position could have found support in the views of the *smenovekhovtsy* movement, which was calling for the support of the Soviet state in the hope for its inner re-birth and the fulfilment of their dream of a strong Russian state.

Chekhonin was blowing his Empire-style forms as if they were battle horns. He called for an assembly with a bugle. He was calling for heroes. He was prophesying victory. He was lauding the great power of the government. He was the Master of the Empire in its original sense, in its only sense. <...> Thus, the sentiment for statehood started to awaken, the penchant for the monolith of millions of civic wills, cast together in a firm explosive shell and thrust in one direction, which in its own time has shaped equally the heavy pace of Rome and the easy rapidness of France. <...> It was an instinctive thrust... towards the future. <...> He witnessed how the expanded, weakened colossus of the Russian Empire, if only for a few historical moments, was unexpectedly filled with state will, stood up tall, swung its body in a long-forgotten gesture of youth – and collapsed as if an egg containing the life of the immortal fairy-tale wizard Koschey had been broken right in front of him. He was witnessing how the Revolution, taking hold of the centrifugal powers of the collapse, rose as the new power and began assembling the new state. <...> In Chekhonin's artistic vision, the dishevelled, blocked, and hungry Soviet state was already standing tall, firm, complete, and flourishing with gorgeous classical forms...

[Эфрос, Пунин, с. 16–22].

Efros was undoubtedly sincere in his admiration: his ecstatic observations are typical socio-political fantasies of the first post-October years. Conformism came only later into Soviet art criticism. However, in his insistent glorification of the new idol, in juxtaposing Chekhonin's confident stride with the doubts and confusion of other members of *Mir iskusstva*, Efros sounded as if he was trying to convince not only the reader but also himself that the principles of the old humanist ideas were outdated and no longer necessary. Punin touched upon the same topic:

On the whole, the artistic life of these decades (1890s –1900s. – S. G.) was like a dawn of a great era in Russian 'classicism'.. At the beginning of the twentieth-century 'humanistic era', which had... a private individual at its core, was completing its circle... and a world of different values, not typical of classical humanism, had erupted through the haze and chaos of our time. <...> We are not sure that it will include the majority of those artistic values that seemed so impeccable in the late nineteenth and early twentieth centuries. Yet these values are at the basis of the variety of artistic and technical traditions of which Chekhonin has always been a custodian. <...> Therefore, determining the place

of Chekhonin in contemporary art, we can say that this is one of those artists who... belong to the prosperous, century-long era of Russian classicism...

[Эфрос, ПУНИН, с. 38–40].

It seems that Punin, who, unlike Efros, considered Chekhonin not as the beginning but rather as the climax of a great artistic trend, was right. Of course, in Chekhonin's works in the post-October years, one can see the anticipation of the neoclassical trend of the 1930s–1950s; in this sense, the artist made a 'dash for the future', but not the future which Efros had in mind. Turning away from delicate porcelain and book pages to giant canvases and urban space, the Soviet Empire style, nicknamed by a popular joke as *Ampir vo vremya chумы* («Ампир во время чумы» / 'Empire in time of plague') [See: Золотоносов, 1998, с. 10–13], became the expression of the anti-human essence of the totalitarian state. Chekhonin, who left the Soviet Union in 1928, had no relation to it (Il. 2).

Influenced by the *Mir iskusstva* movement, Chekhonin's romanticism in his post-October works movement, is especially noticeable if compared with the art of mature totalitarianism. Chekhonin was sensitive to both the artistic achievements of the past and the success of the latest trends, interpreting both in the spirit of exquisite stylisation, in the spirit of *Mir iskusstva*. Chekhonin's art was at its most expressive when he achieved an unexpected combination of classic forms and motifs with the methods of 'leftist' art, ranging from the Suprematism of Kazimir Malevich to the 'Okna ROSTa' (Окна РОСТА) of Vladimir Lebedev. Efros noted:

He [Chekhonin] creates an RSFSR emblem that is entwined with the flower garlands of the departed century as well as with the shifts and gaps in the futuristic aesthetics of the 1918–1919, and rigid sketches of the somewhat completed pediment of the Soviet state...

[Эфрос, ПУНИН, с. 22].

The question remains, however, whether Chekhonin's post-October art was entirely festive and jubilant: did the artist see alternative imagery behind the 'youngest coat-of-arms in the world'? Neither Efros, nor Punin wrote about this. At the same time, Chekhonin's work of the late 1910s – early 1920s, as well as the work of his colleagues from *Mir iskusstva*, also registered many tragic notes in the perception of their times. It would suffice to recall a decorative porcelain piece dedicated to the famine of 1921 in the Volga region. These works are not only a response to a particular disaster, but also a sorrowful introspection on the historical fate of Russia. It is hard to label these works, much like many of the decorative pieces created in roughly the same period by Chekhonin's younger colleague, Alexandra Shchekatihina-Pototskaya, as mere *agitfarfor* (агитфарфор / agitational porcelain). Dramatic mood is also very distinguishable in Chekhonin's portraits; for example, in the 1918 "Portrait of Mother", which has something in common with the images in Boris Grigoriev's "Russia".

The grotesque and satire in Chekhonin's post-revolutionary work are closely linked to the aforementioned thematic. The satirical aspect is manifested in well-known works that are, rather unfortunately, little studied today. Its origins are in the cartoons for the *Zritel'*, *Maski*, and *Almanakh* («Зритель», «Маски» и «Альманах») magazines from 1905–1906 (Chekhonin was one of the pioneers of satirical drawings during the first Russian Revolution). This theme was continued in drawings for *Satyricon* («Сатирикон»), in the stage works for the *Krivoie zerkalo* («Кривое зеркало») theatre company, and in the fantastic monsters of the 1919 *Azбука* («Азбука»). It culminated in the illustrations for a children's book in the 1920s which was not entirely for children: the illustrations for *The Cockroach (The Monster Cockroach)*, a satirical poetic fable by Korney Chukovsky. At first sight, *The Cockroach* is a humorous poem, reminiscent of children's nursery rhymes: take, for instance, the line *Yekhali medvedi na velosipede* («Ехали медведи на велосипеде» / “The bears were riding a bicycle”). However, on a deeper level, it is possible to perceive mockery: *Pokorilisya zveri usatomu...* («Покорилися звери усатому...» / “The animals surrendered to the moustachioed one...”). This work was reprinted in huge quantities throughout the Soviet years simply because it was too risky to even contemplate the possible allegory. *The Cockroach* was composed along with *Moidodyr* («Мойдодыр») in 1922: in the following year, both fables appeared on Petrograd book counters as separate brochures, the first one illustrated by Sergey Chekhonin, the second one by Yuri Annenkov. This marked the beginning of a 'fable' decade in Chukovsky's writing. Chukovsky had already published a fable entitled *Krokodil* («Крокодил»)⁸ that he had started in the pre-revolutionary era and released in 1919 with illustrations by Re-Mi. This work, momentarily becoming popular and even famous, saw severe censorship in subsequent editions. Censorship raised the sincere ire of the author, who denied the presence of any political allusions in his poems. Chukovsky's fables, playful and filled with joy, are indeed primarily aimed at children. However, in the works of the 'cunning' Korney Ivanovich, there certainly is something that is not addressed to children, or, at least, not merely to children.⁹ Chukovsky, as much as many of his col-

---

⁸ An informative article by V. V. Maroshi, “Zoos in the Russian literature of the 19th – the beginning of the 20th centuries: Between Heaven and Hell” introduced *The Crocodile* by K. I. Chukovsky into this topic [Мароши].

⁹ Comparatively recent publications of new data connected to K. I. Chukovsky and his diaries [Чуковский, 1991; 1994], as well as memoirs about him [Ильина, Шварц], have stimulated the desire to rethink his artistic heritage and to reread seemingly familiar fables. Following M. S. Petrovskiy's monograph, *Knigi nashego detstva (Our childhood books)* (M., 1986), unexpected and even paradoxical articles have appeared in print. [Гаспаров; Золотоносов]. The idea for this article came about as a result of collaboration with O. A. Bogomolova over the preface and commentary to the reprint edition of Chukovsky's *The Cockroach* with illustrations by Chekhonin within the series *Izbrannyye detskiye knigi sovetskikh khudozhnikov* («Избранные детские книги советских художников» / *Selected childrens' books of the Soviet illustrators*), which was originally published in the 1970s–1980s by the *Sovetskiy khudozhnik* («Советский художник») publishing house and edited by Yu. Ya. Gerchuk. This work was interrupted due to the end of the series, and will be continued when commissioned by another publisher.

leagues, was seeking to be loyal to the new order. One proof of this can be found in a diary entry from 1924 which describes a meeting between Aleksander Serebrov-Tikhonov, who became an editor of *Russkiy Sovremennik* («Русский современник»), and the employees of the future magazine:

I am asking you to tell me straight-forwardly if you are planning to attack Soviet authority, even if secretly, partly, or vaguely. Then it would be impossible to even start the magazine.” All of us answered ‘no’, Zamyatin also answered ‘no’, although not as energetically as Efros...¹⁰

[Чуковский, 1991, с. 271].

It is difficult to make a judgement about the true political sympathies of Chukovsky, even after the publication of his diary. In the first place, the character of this writer was ambiguous; moreover, at that time, one could not put much trust into paper, and as a result, ‘safe’ entries often appeared. Yet there is no reason to disbelieve entries such as those concerning the former summer residence of the lawyer Gruzenberg:

I remember how tedious and desolate was the life of the owners of this summer estate. <...> Their daughter Sonia wandered between the splendid rooms – sour, sleepy, dispensable, and bored. There were endless visits of some uninteresting guests, cousins, relatives, helpers and barr[isters]. <...> And now, straw-haired, naked, suntanned kids, happy with the air, the sun and the sea, are everywhere. I read them *Moidodyr* and *The Cockroach*...

[Чуковский, 1991, с. 281].

It seems that Chukovsky focused all of his dissatisfaction with the emerging Soviet system on censorship alone. Nevertheless, his records gradually started to expose the features of the anti-human regime:

I’m beginning to understand people who drink vodka. <...> Now it so happened that all creativity takes up merely 1/10 of one’s energy, and 9/10 of the energy go into protection of their rights as creator,” confessed Chukovsky in 1926 [Чуковский, 1994, с. 370].

An exemplary story is the writer’s visit to Isaac Brodsky, one of the founders of Socialist Realism who had once been close to Chukovsky:

...To live comfortably and lavishly, one has to perform the “shootings” and to fabricate Lenin, Lenin, Lenin. Here again, the philistine, defending their right to the middle-class life, is covering themselves up by an extrinsic psychology [Чуковский, 1995, с. 370].

¹⁰ Apparently, it was then that a popular joke about Chukovsky started circulating: “Publisher Suvorin had asked Chukovsky: With the revolution happening right now, we need new trends. Whom should we publish? – Publish Kropotkin. He is a revolutionary and a prince – never a miss, whatever the outcome of the events” [Цит. по: Русское богатство, с. 167].

Protest against the smug middle class, traditional in Russian literature and among the Russian intelligentsia, was for Chukovsky associated with the mockery of philistine cowardice. This was first enunciated in *The Crocodile* (1917):

*Kto, drozha ot strakha, skruchilsya v chulane,
Kto v sobach'yey budke, kto na cherdake...
Papa skhoronilsya v starom chemodane,
Dyadya pod divanom, tetya v sunduke.
Vse sidyat i molchat
I, kak zaytsy, drozhat,
I na ulitsu nosa ne vysunut.*¹¹

(Who, trembling with fear, curled up in the closet,
Who's in a doghouse, who's in the attic...
Dad hid himself in an old suitcase,
Uncle under the sofa, aunt in the antique chest.
All sit silent
And tremble, like rabbits,
And no one dares sticking their nose out on the street.)

(The Crocodile)

This same satirical image was put into the fables of the 1920s:

*I sidyat, i drozhat pod kustochkami,
Za bolotnymi pryachutsya kochkami.
Krokodily v krapivu zabilisya,
I v kanave slony skhoronilisya.
Tol'ko i slyshno, kak zuby stuchat,
Tol'ko i vidno, kak ushi drozhat.
A likhiye obez'yany
Podkhvatili chemodany
I skoreye so vsekh nog
Vrassyfnuyu nautek.*¹²

(They sit and shiver under the bushes,
They hide behind the swamp hassocks.
The crocodiles buried themselves in nettles,
And the elephants jumped in the ditch.
Only the chattering teeth are heard,
Only the shaking ears are seen.
As for the daring monkeys,

¹¹ *In the original:* «Кто, дрожа от страха, скрючился в чулане, / Кто в собачьей будке, кто на чердаке... / Папа схоронился в старом чемодане, / Дядя под диваном, тетя в сундуке. / Все сидят и молчат / И, как зайцы, дрожат, / И на улицу носа не высунут».

¹² *In the original:* «И сидят, и дрожат под кусточками, / За болотными прячутся кочками. / Крокодилы в крапиву забилися, / И в канаве слоны схоронились. / Только и слышно, как зубы стучат, / Только и видно, как уши дрожат. / А лихие обезьяны / Подхватили чемоданы / И скорее со всех ног / Врассыпную наутек».

They've picked up their suitcases,
And rushed away,
Scattering around.)

(*The Monster Cockroach / «Тараканище»*)

*A kuznechik, a kuznechik,
Nu, sovsem kak chelovechek,
Skok, skok, skok, skok
Za kustok,
Pod mostok
I molchok!*¹³

(A grasshopper, a grasshopper,
Well, he's just like a man:
Skip, skip, skip, skip –
Behind the bush,
Under the little bridge,
And hush!)

(*Buzzer Fly / «Муха-цокотуха»*)

However, Chukovsky, who was, according to Evgeny Shvarts, “distantly related to the upas tree” [Шварц, 1990, с. 270], not only flung poisonous barbs at philistinism itself, but also parodied its critics, the whistleblowers:

*Ne proklinayu palachey,
Ni ikh tsepey, ni ikh bichey.
No vam, predатели-druz'ya,
Proklyat'ye posylayu ya!*

.....
*My kazhdyy den' i kazhdyy chas
Iz nashikh tyurem zvali vas,
I zhdali, verili, chto vot
Osvobozhdeniye pridet.*¹⁴

(I do not curse the hangmen –
Neither their chains, nor their whips.
But to you, my traitor-friends,
I send a curse!

.....
We've called upon you
Every day and hour from our prisons;
We've waited, we've believed that soon
The liberation will come.)

(*The Crocodile*)

¹³ *In the original:* «А кузнецик, а кузнецик, / Ну, совсем как человек, / Скок, скок, / Скок, скок / За кусток, / Под мосток / И молчок!»

¹⁴ *In the original:* «Не проклиная палачей, / Ни их цепей, ни их бичей. / Но вам, предатели-друзья, / Проклятье посылаю я! <...> / Мы каждый день и каждый час / Из наших тюрем звали вас, / И ждали, верили, что вот / Освобождение придет».

What is this: Lermontov, Ryleev, or Nekrasov?

As for the zoological allegories in *The Monster Cockroach*, are there none of the mitigating tropes hinting at the characters in Gorky's *Song of the Stormy Petrel*? Let us remember the "silly penguin, who feebly hides his fat body in the rocks" or "moaning loons" who "can not access the delight of life in battle."

The ironic Chukovsky did not hesitate to parody himself either. After all, the 'heroic Vanya Vasilchikov', who was almost turned into a Komsomol leader by Soviet filmmakers [Чуковский, 1995, с. 259], mirrored images from the patriotic literature of World War I (*Russkiy nemtsu zadal perstu*¹⁵ / The Russian has punished the German); in its turn, the sparrow, who "took it up and pecked the giant, and so there's no more cockroach" is a self-parody of Vasilchikov.

However, behind all these games for adults and children, behind the reflections on the murky facts of a time unbeknownst to us, a feeling of danger oozes from *The Monster Cockroach*. It seems unlikely that Chukovsky had in mind a certain moustachioed and powerful person as early as 1922. Nevertheless, cockroaches of various levels of importance, capable, in all their inner vacuity, of stirring up an atmosphere of fear, were undoubtedly at the forefront of the author's inner vision. As a true artist, he captured the macabre tendency of the times, notably so in the lines *Zveri ot ispuga skushali drug druga*¹⁶ ("The animals have eaten each other out of fear"). Subsequently, life itself had a chance to illustrate this fable.

So, how did Chekhonin illustrate this?¹⁷ He had no centaurs, no disguised animals in human clothes, although such methods were familiar to this master of political satire. His fanged, horned, and furry characters look surprisingly authentic. Any animal illustrator can envy the craftsmanship with which Chekhonin rendered the movements and habits of animals, birds, fish, and insects. Nevertheless, the grotesque character of the images makes the work a fantastical bestiary rather than a zoological almanac. The artist was even more mocking and ironic than the author of the fable: the heroes of the illustrations do not provoke any sympathy or delight. "They ride and laugh, chewing on gingerbread cookies": these lines should cre-

¹⁵ *In the original*: «Русский немцу задал перцу».

¹⁶ *In the original*: «Звери от испуга скушали друг друга».

¹⁷ Chekhonin was not chosen randomly as the illustrator of Chukovsky's fables. The writer and the artist met each other occasionally in the mid-1900s in the various publishing houses of St. Petersburg. Their collaboration started in 1912, when Chukovsky invited Chekhonin, along with a few other artists to illustrate children's almanac *Zhar-ptitsa* (*Жар-птица*), and continued in 1917 during the work on another almanac, *Elka*. During his work on illustrations to *The Monster Cockroach*, Chekhonin drew a caricature portrait of Chukovsky, depicting him in the moment of cheerful polemic [See: Чукоккала, с. 309]. Subsequently, the artist created a few more portraits of Chukovsky; the latter wrote about one created at the beginning of 1923: "My portrait turns out very good – the eyes are guilty, the face is feeble; there is great likeness" [Там же, с230]. Chukovsky was attracted by the high artistic culture of the masters of the *Mir iskusstva* community to which Chekhonin belonged: he liked their attention to the visual imagery in children's books and their attempts to make the books witty and amusing and to drain them of the boring moralising and edification that was so widespread in works for junior audiences.

ate the sense of an idyll, similar to the ending of *The Crocodile*. However, the image shows the animals rushing in front of the spectator in a fierce and senseless manner: they are shrieking, grinning with bared teeth, their manes and tails are flying in the wind; the sudden appearance of a tiny, unabashed, moustachioed creature stops this movement; then, the instance of fear is replaced by ever increased aggression, which turns into a cowardly flight and the onset of total humiliation. Paradoxically, even when the tyrant is removed, Chekhonin's interpretation does not look like a joyful celebration; the illustrations of wild dancing scenes are followed by a cruel scene where a tearful moon is attached to the skies with a hammer and nails. Faithful to the linear graphic style of the *Mir iskusstva* community, Chekhonin's brush attained a greater dynamism and diversity in conveying different textures in *The Monster Cockroach*. It tossed the strands of lions' manes as if they were in flames, it twisted a running dog's tail into a dynamic spiral, it foamed with curly strokes on the skin of a bumpy toad, and it scattered a cascade of short curls on shaggy bear fur. The visual creativity of this master and the richness of his ornamentation seem inexhaustible. How exquisitely he twists a snake, whose patterns combine a mesh of the finest lines and decorative ovals! How gentle is the pattern of curls on a leopard's head! How perfectly accurate is a curve at rendering predatory grace! How refined is the interplay of white and black spots on swamp water that mirrors the moon! Admiration for Chekhonin's skills notwithstanding, Chukovsky was unhappy with his illustrations for "The Monster Cockroach". We do not know the exact reasons for his dissatisfaction.¹⁸ One might be that the writer did not like the excessive 'adulthood' of the drawings and their disparity with the text. In contrast to the illustrators of the next generation (Re-Mi, Annenkov, and Konashevich), who perfectly caught and reflected the running, jumping rhythm of Chukovsky's fables and the cinematic character of his writing, Chekhonin almost entirely skips any interaction throughout the entire series, using only energetic diagonals to hint at movement. However, the independence of the illustrations and the tension of Chekhonin's brush, which is combined with the precision of every stroke, is almost palpable, giving the images a special suggestiveness. It is sufficient to look at the 'shaking' scene: one really ...*tolko i slyishno, kak zuby stuchat, tolko i vidno, kak ushi drozhat* ("...merely hears the chattering teeth, merely sees the trembling ears")¹⁹ Behind the tiers of sketchy slides, there are lurking beasts: the only visible parts are legs, heads, ears, and tails. Intermittent zigzags and wavy lines radiate from the fable characters like fluids of fear, like universal angst.

Chekhonin sometimes consciously stylises and parodies his own routines for the sake of satire. The drawings of animals dancing in circles around the fearless sparrow are clearly reminiscent of wreaths and garlands in the Em-

¹⁸ "Chekhonin agreed to illustrate my book *Fifty Piglets*, and so I articulately and frankly told him why I disliked his illustrations to *The Monster Cockroach*. He accepted my words favourably and agreed to work in a different manner" [Чуковский, 1991, с. 261].

¹⁹ *In the original*: «...только и слышно, как зубы стучат, только и видно, как уши дрожат...»

pire style favoured by the master. However, here they are made not of lush roses, but of animal bodies and heads, of their trunks, tails, and horns.

Chekhonin created a sort of concentrated reading of the fable in the cover drawing, the only one in the series where, along with black, he uses pink and green. The composition is in the form of the oval so characteristic of Chekhonin. The letters that form the author's name and the title of the fable make up an *arc-de-triomphe* with their pointed spikes and firm lettering, crowning the whole scene. The scene was conceived by the artist himself: a disgusting, gigantic, moustachioed monster sits on the neck of a sad little teddy bear, while, on the right and left of the composition, there are two monkeys, fanning the tyrant with green branches. The arch of the title is recalled in the outlines of the cockroach's moustache, in the monkey tails, and in flexible twigs and blades of grass. The rounded contours of a hippo and an elephant, placed at the bottom of the foreground, also repeat the arch. The strongest in the animal world have fallen in front of the villain on their front legs, and are depicted with deadly irony. Their massive bottoms face the spectator and are decorated with juicy blush and cowardly tails. Energetic and dense lines boldly accentuate their sumptuous forms, while the perspective emphasises the common features of fat-bottomed and thick-skinned cowards (Il. 3).

"A triumph of nothingness": this is the theme of this drawing. With its harsh combination of font and visual elements, it creates associations not only with Chekhonin's early book and magazine graphics, but also with his agitational porcelain. The heraldic character of the central image of the Monster Cockroach allows one to accept it as an alternative to the Hammer and Sickle, thus reflecting new aspects of Chekhonin's relation to contemporary reality as the "master of Soviet Empire style": these were missed by the critics of the twenties.

These facets of Chekhonin's worldview are also manifested in the artist's later works, perhaps most clearly in the little-known illustrations to the tale by Elizaveta Polonskaya entitled *The Guests*, published as a thin brochure by the *Kniga* publishing partnership one year after *The Monster Cockroach*. Polonskaya's text, written under the obvious influence of Chukovsky's fables but lacking their ideas and humour, is simply meaningless without a background knowledge of literary life at the beginning of the 1920s. The tale is now quite forgotten; however, Chekhonin's illustrations are undoubtedly worthy of attention. In this work, Chekhonin, freely drawing with a soft lithographic pencil, 'futuristically' incorporating various aspects into one composition, and actively playing with page spreads, departed even more clearly from the style of his earlier *Mir iskusstva* book illustrations than in *The Monster Cockroach*. Using the story of how animals and animated objects fire bitter insults at Karabek 'the brute', Chekhonin creates drawings of diabolic, absurd, and senseless brutality. Combining the grotesque with tactility, the illustrations to *The Guests* are in line with expressionistic trends of those years, and even anticipate the artistic phenomena of later periods.

Further work with Chukovsky did not prove as fruitful for Chekhonin. Illustrations to those folk songs and rhymes rewritten for children by Chukovsky (*Fifty Piglets*, *Zakalyaka*, *Home*, etc.) are accomplished with the usual mastery, but they are not noticeable among Chekhonin's works. Chukovsky preferred to give the job of illustrating his newer fables to younger artists. *The Cockroach* ran through nine editions with Chekhonin's drawings, but after 1928 it started to be published with illustrations by other artists.

During the late twenties and the early thirties, Korney Ivanovich embarked on a censorship struggle with the 'chukovshchina': along with political critique, his fables were accused of preaching middle-class values and mysticism. The end result was a complete rejection of the necessity of fiction for children. The absurdity of Proletkult theories, thankfully, soon manifested itself; Chukovsky's fables have entered children's reading material once again, and he has been recognised as a master of Soviet literature. However, this did not save him from the ordeal of censorship for long years to come.

The illustrators of *The Monster Cockroach* that replaced Chekhonin (Dmitry Mitrokhin, Vladimir Konashevich, Aminadav Kanevsky, etc.) did not let any 'adult' hints slip into their work. However, reality itself has forced us to see that *The Monster Cockroach* is more than just a fable.

*Tarakani smeyutsya glazischa
I siyayut ego golenischa.*²⁰

*(The Cockroach's eyes are laughing,
and the shafts of his boots are shining).*

The reference in these lines, written by Osip Mandelstam in 1933, to Chukovsky's seemingly innocent verses has been already noted [см., например: Борева, с. 15, 20–21]. However, no one has paid attention to the connection between *The Cockroach* and *The Dragon* by Evgeny Shvarts, who, in the early twenties, served as Chukovsky's personal secretary and received his blessing for future literary work.

The history of the creation of *The Dragon* is quite interesting. This play was designed during the pre-war period to be anti-fascist; it premiered in 1944 during the Moscow tour of Leningrad Comedy Theatre, after which it was immediately banned. Nikolay Akimov, the play's director, wrote twenty years later: "There was no motivation provided; a long time since, it turned out that some extra-careful administrator saw in the play that which was not present in it at all" [АКИМОВ, с. 232]. It is clear that the 'extra-careful administrator' saw in the play exactly what the censors were afraid to see in *The Monster Cockroach*, which had grown into a full-blown dragon by that time. The whole truth about the play's idea could not be articulated even in the sixties. However, *The Dragon*, along with other fable-plays by Shvarts, actively entered

²⁰ In the original: «Тараканьи смеются глазища, / И сияют его голенища».

‘anti-cult’ art during the ‘thaw’. Somewhat later, ‘adult’ readings of Chukovsky’s fables also appeared, such as Rolan Bykov’s movie *Aybolit* and Adolf Shapiro’s play *Chukokkala*, staged in the Riga Theatre for Young Spectators.

Under the harsh conditions of Soviet censorship, literary and, in particular, fantasy images often took on the form of Aesopian parables. During the seventy years of Soviet art, opposition to the dogmas of socialist realism did not disappear. Naturally, the most important aspect of this sometimes instinctive, but more often conscious opposition was an appeal to universal themes in people’s lives, to true spiritual values, rather than the use of political allusions and allegories. However, our understanding of the artistic culture of the Soviet era would be incomplete without taking into account the Aesopian language intrinsic to it. This allegorical language took shape at the same time as Bolshevik censorship, and the sinister image of the Cockroach immediately followed the Hammer and Sickle.

Список литературы

Акимов Н. Наш автор Евгений Шварц // Житие сказочника. Евгений Шварц: Из автобиографической прозы. Письма. Воспоминания о писателе. М. : Книж. палата, 1991. С. 227–234.

Андреева Л. В. О последних годах творчества С. В. Чехонина // Советское декоративное искусство’ 76. М. : Совет. художник, 1978. С. 230–248.

Андреева Л. В. Советский фарфор: 1920–1930-е годы. М. : Совет. художник, 1975. 240 с.

Бенуа А. Выбранные места из дневника 1916–1918 годов // Мир музея. 1996. № 5. С. 52.

Бенуа А. Выбранные места из дневника 1916–1918 годов // Мир музея. 1996. № 6. С. 43–44.

Борев Н. Автобиография «Воскресшего из живых» // Русское богатство. 1993. № 2. С. 6–17.

Боулт Дж. Э. Художники русского театра: 1880–1930. М. : Искусство, 1990. 112 с.

Боцяновский В. Художник двух революций // Былое. 1925. № 1. С. 237–258.

Ганкина Э. З. Русские художники детской книги. М. : Совет. художник, 1963. 278 с.

Гаспаров Б. М. Мойдодыр // Новое лит. обозрение. 1992. № 1. С. 304–319.

Герра Р. С. Чехонин – мастер русской графики // Русский альманах. Париж, 1981. С. 184–187.

Герчук Ю. Я. Искусство Сергея Чехонина // Творчество. 1978. № 2. С. 20–23.

Герчук Ю. Я. Орнаменталист революции // Герчук Ю. Я. Художественные миры книги. М. : Книга, 1989. С. 149–153.

Голлербах Э. С. Чехонин // Казанский музейный вестник. 1922. № 1. С. 188–194.

Голлербах Э. Чехонинская школа фарфора // Спохохи. 1923. № 15–16.

Гольнец С. Бакст, Билибин, Чехонин: этапы становления и развития мирискуснической графики // С. П. Дягилев и современная культура : материалы междунар. симп. «XIII Дягилевские чтения». Пермь : От и До, 2010. С. 73–79.

Гольнец С. Сергей Чехонин: Серп и Молот и Тараканище // Вопр. искусствознания. 1994. № 1. С. 295–299.

Гольнец С. Серп и молот и Тараканище у истоков советского искусства // Екатеринбургский гуманитарий : науч. альм. 1999. № 1. С. 71–92.

Гольнец С. Чехонин Сергей Васильевич // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции : Первая треть XX века : энцикл. биограф. словарь. М. : РОССПЭН, 1997. С. 695–698.

Гомберг-Вержбинская Э. П. Русское искусство и революция 1905 года : Живопись. Графика. Л. : Изд-во ЛГУ, 1960. 175 с.

Графическое искусство в СССР: 1917–1927. Л. : Изд-во Ленинград. акад. художеств, 1927. 294 с.

- Данько Е. С. В. Чехонин // Мастера современной гравюры и графики. М. ; Л. : Госиздат, 1928. С. 61–65.*
- Домбровский А. Чехонин: между кругом и квадратом // Проектор. 2010. № 2 (11). С. 40–47.*
- Евсеев М. Ю. «Почтовое ведомство заказало нашим художникам...» : К истории проектов первых советских почтовых марок // Панорама искусств'9. М. : Совет. художник, 1986. С. 272–276.*
- Золотоносов М. Ахутокоц-ахум // Новое лит. обозрение. 1992. № 2. С. 262–282.*
- Золотоносов М. «Фоминки» по классицизму : Фантазия на архитектурные темы // Новый мир искусства. 1998. № 2. С. 10–13.*
- Иван Яковлевич Билибин : Статьи. Письма. Воспоминания о художнике / ред.-сост., автор вступит. ст. и коммент. С. В. Голынец. Л. : Художник РСФСР, 1970. 376 с.*
- Иванченко А. В. Союз Серпа и Молота : Государственные символы РСФСР. М. : Совет. Россия, 1987. 158 с.*
- Ильина Н. И. Дороги и судьбы : автобиографич. проза. М. : Совет. писатель, 1985. 560 с.*
- Искусство оформления книги. Работы ленинградских художников : 1917–1964 / вступит. ст. Э. Кузнецова. Л. : Художник РСФСР, 1966. 188 с.*
- Константин Андреевич Сомов : Письма. Дневники. Суждения современников / сост. Ю. Н. Подкопаева, А. Н. Свешникова. М. : Искусство, 1979. 624 с.*
- Кудесник, чародей, приспособленец... : (Интервью Ю. Демиденко с Р. Герра) // Новый мир искусства. 1998. № 2. С. 23.*
- Кузнецов Э. Превращения Сергея Чехонина : Зигзаги русского эстетизма // Новый мир искусства. 1998. № 2. С. 20–22.*
- Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я. Художники русского зарубежья. 1917–1941 : биографич. словарь. СПб. : Нотабена, 1999. 718 с.*
- Латишин В. П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М. : Совет. художник, 1983. 496 с.*
- Липович И. Н. Альбом С. В. Чехонина из собрания Государственного Русского музея // Музей'9. М. : Совет. художник, 1988а. С. 152–158.*
- Липович И. Н. Книжная графика С. В. Чехонина // Иллюстрация. М. : Совет. художник, 1988б. 192 с.*
- Липович И. Н. Сатирические символы Чехонина // Творчество. 1990. № 1. С. 30–32.*
- Лянда Н. Ю. Агитационный фарфор С. В. Чехонина // Вопросы развития советского искусства и искусства народов СССР : тематич. сб. науч. тр. Л., 1972. С. 101–104.*
- Лянда Н. Ю. Новые материалы о дореволюционном периоде творчества С. В. Чехонина // Проблемы развития русского искусства : тематич. сб. науч. тр. Л., 1974. Вып. 6. С. 71–77.*
- Мароши В. В. Зверинцы и зоосады в русской литературе XIX – начала XX в. : Между раем и адом // Quaestio Rossica. 2015. № 1. С. 153–173.*
- Милашевский В. Вчера, позавчера : Воспоминания художника. Л. : Художник РСФСР, 1972. 497 с.*
- «Мир искусства»: к 100-летию выставки русских и финляндских художников 1898 года : [каталог юбилейной выставки и сборник статей] // науч. ред. В. Лянда. СПб. ; Хельсинки : Palace Ed., 1998. 336 с.*
- «Мир искусства»: Объединение русских художников начала XX века / вступит. ст. В. Петрова, А. Каменского ; сост. А. Каменский. Л. : Аврора, 1991 [на англ., фр. и нем. яз.]. 332 с.*
- Они унесли с собой Россию... Русские художники-эмигранты во Франции. 1920–1970-е. : Из собрания Рене Герра : каталог выставки / авт.-сост. А. Толстой, Р. Герра. М. : Авангард, 1995. 168 с.*
- Петров В. Мир искусства. М. : Изобразит. искусство, 1975. 248 с.*
- Петровский М. С. Книжки нашего детства. М. : Книга, 1986. 286 с.*
- Подобедова О. И. Евгений Евгеньевич Лансере. М. : Искусство, 1961. 420 с.*
- Пружан И. Н. Лев Самойлович Бакст. Л. : Искусство, 1975. 232 с.*
- Русский художественный фарфор : сборник статей о Государственном фарфоровом заводе / под ред. Э. Ф. Голлербаха, М. В. Фармаковского. Л. : Госиздат, 1924. 162 с.*
- Русское богатство. 1993. № 2. С. 167.*

Сергей Васильевич Чехонин. 1878–1936 : каталог выставки // авт.-сост. Е. А. Иванова, И. Н. Липович. СПб. : Гос. Рус. музей, 1994.

Сергей Дягилев и русское искусство : Статьи, открытые письма, интервью. Переписка, современники о Дягилеве : в 2 т / сост., вступит ст. и коммент. И. С. Зильберштейн, В. А. Самкова. М. : Изобразит. искусство, 1982. Т. 1. 496 с.; Т. 2. 576 с.

Сидоров А. А. Русская графика начала XX века : Очерки истории и теории. М. : Искусство, 1969. 252 с.

Советский фарфор: искусство Государственного фарфорового завода имени М. В. Ломоносова / сост., текст А. К. Лансере. Л. : Художник РСФСР, 1974. 278 с.

Современная русская графика / под ред. С. Маковского ; текст Н. Радлова. Пг. : Свободное искусство, 1917. 148 с.

Стравинский И. Ф. Статьи и материалы. М. : Совет. композитор, 1973. 526 с.

Чуковский К. Дневник : в 2 т. 1901–1929. М. : Совет. писатель, 1991–1995. Т. 1. 1901–1929. 544 с. Т. 2. 1930–1969. 560 с.

Чукоккала : Рукописный альманах Корнея Чуковского. М. : Искусство, 1979. 446 с.

Шварц Е. Л. Из автобиографической прозы : Письма. Воспоминания о писателе. М. : Книж. палата, 1991. 368 с.

Шварц Е. Живу беспокойно... : Из дневников. Л. : Совет. писатель, 1990. 751 с.

Эфрос А. Концы без начал : Искусство и революция // Творчество. 1990. № 3. С. 14–17.

Эфрос А. Чехонин // Профили. М. : Федерация, 1930. С. 209–223.

Эфрос А., Пунин Н. С. Чехонин. М. ; Пг. : Госиздат, 1924. 113 с.

Ярустовский Б. М. Игорь Стравинский. М. : Совет. композитор, 1969. 320 с.

В. Е. W. Tschechonin // Kunst. 1929. Bd. 60, Juni. S. 221–224.

Эфрос А., Пунин Н. С. Чехонин. М. ; Пг. : Госиздат, 1925.

Expositioa Serge Tchekhonine chez A. Marchak / texte N. Clouzot [catalogue] // The Studio. 1926. Vol. 91. P. 70.

References

Akimov, N. (1991). *Nash avtor Evgeniy Shvarts* [Our Author Evgeny Schwartz]. In *Zhitietskazochnika. Evgeniy Shvarts: Iz avtobiograficheskoy prozy. Pis'ma. Vospominaniya o pisatele* (pp. 227–234). Moscow, Knizhnayapalata.

Andreeva, L. V. (1978). *O poslednikh godakh tvorchestva S. V. Chekhonina* [On S. V. Chekhonin's Final Works]. In *Sovetskoe dekorativnoe iskusstvo' 76* (pp. 230–248). Moscow, Sovetsky khudozhnik.

Andreeva, L. V. (1975). *Sovetsky farfor: 1920–1930-e gody* [Soviet Porcelain between the 1920s and 1930s]. 240 p. Moscow, Sovetsky khudozhnik.

В. Е. W. (1929). *Tschechonin*. In *Kunst, Bd. 60, Juni*, pp. 221–224.

Benua, A. (1996). *Vybrannye mesta iz dnevnika 1916–1918 godov* [Selected Excerpts from A. Benois's Diary]. In *Mir muzeya*, 5, p. 52; 6, pp. 43–44.

Borev, N. (1993). *Avtobiografiya "Voskresshego iz zhivyykh"* [An Autobiography of One Risen from the Living]. In *Russkoe bogatstvo*, 2, pp. 6–17.

Botsyanovsky, V. (1925). *Khudozhnik dvukh revolyutsiy* [The Artist of Two Revolutions]. In *Byloe*, 1, pp. 237–258.

Boult, Dzh. E. (1990). *Khudozhniki russkogo teatra: 1880–1930* [The Artists of the Russian Theatre: 1880–1930]. 112 p. Moscow, Iskusstvo.

Chukovsky, K. (1991). *Dnevnik: 1901–1929* [Diary: 1901–1929]. Vol. 1. 544 p. Moscow, Sovetsky pisatel'.

Chukovsky, K. (1995). *Dnevnik: 1930–1969* [Diary: 1930–1969]. Vol. 2. 560 p. Moscow, Sovetskypisatel'.

Chukokkala: *Rukopisny al'manakh Korneya Chukovskogo* [The Hand-written Almanac of Korney Chukovsky]. (1979). 446 p. Moscow, Iskusstvo.

Dan'ko, E. S. (1928). *V. Chekhonin* [V. Chekhonin]. In *Mastera sovremennoy gravyury I grafiki* (pp. 61–65). Moscow, Leningrad, Gosizdat.

Dombrovsky, A. (2010). *Chekhonin: mezhdu krugom I kvadratom* [Chekhonin: Between the Circle and the Square]. In *Proektor*, 2 (11), pp. 40–47.

Efros, A. (1990). *Kontsy bez nachal: Iskusstvo i revolyutsiya* [Ends without Beginnings: Art and Revolution]. In *Tvorchestvo*, 3, pp. 14–17.

- Efros, A. (1930). *Chekhonin* [Chekhonin]. In *Profili* (pp. 209–223). Moscow, Federatsiya.
- Efros, A., & Punin, N. S. (1924). *Chekhonin* [Chekhonin]. 113 p. Moscow, Petrograd, Gosizdat.
- Efros, A. & Pounine, N. (1925). *Tchékhonine*. Moscow, Leningrad, Editiondel'Etat.
- Evseev, M. Yu. (1986). "Pochtovoe vedomstvo zakazalo nashim khudozhnikam...": *K istorii proektov pervykh sovetskikh pochtovykh marok* ["The Post Ordered from Our Artists...": On the History of the Plans for the First Soviet Stamps]. In *Panorama iskusstv'9* (pp. 272–276). Moscow, Sovetsky khudozhnik.
- Expositioa Serge Tchékohonine chez A. Marchak / texte N. Clouzot [catalogue]. In *The Studio*. (1926). Vol. 91, p. 70.
- Gankina, E. Z. (1963). *Russkie khudozhniki detskoj knigi* [Russian Artists of Children's Books]. 278 p. Moscow, Sovetsky khudozhnik.
- Gasparov, B. M. (1992). *Moy do dyr* [Moy do dyr]. In *Novoe literaturnoe obozrenie, 1*, pp. 304–319.
- Gerchuk, Yu. Ya. (1978). *Iskusstvo Sergeya Chekhonina* [Sergey Chekhonin's Art]. In *Tvorchestvo, 2*, pp. 20–23.
- Gerchuk, Yu. Ya. (1989). *Ornamentalist revolyutsii* [The Ornamentalist of the Revolution]. In Gerchuk, Yu. Ya. *Khudozhestvennyye miry knigi* (pp. 149–153). Moscow, Kniga.
- Gerra, R. S. (1981). *Chekhonin – master russkoj grafiki* [Chekhonin – a Master of Russian Graphic Art]. In *Russkyyal'manakh* (pp. 184–187). Paris.
- Gollerbakh, E. S. (1922). *Chekhonin* [Chekhonin]. In *Kazansky muzeynyy vestnik, 1*.
- Gollerbakh, E. (1923). *Chekhoninskaya shkola farfora* [Czechoslovakian School of Porcelain Art]. In *Spolokhi, 15–16*.
- Gollerbakh, E. F. & Farmakovskiy, M. V. (Eds.). (1924). *Russky khudozhestvennyy farfor: Sbornik statey o Gosudarstvennom farforovom zavode* [Russian Artistic Porcelain: Articles about the State Porcelain Factory]. 162 p. Leningrad, Gosizdat.
- Golynets, S. (2010). *Bakst, Bilibin, Chekhonin: etapy stanovleniya I razvitiya miriskusnicheskoy grafiki* [Bakst, Bilibin, Chekhonin: The Establishment and Development of the Graphic Art of Mir Iskusstva]. In S. P. Dyagilev *I sovremennaya kul'tura: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma "XIII Dyagilevskie chteniya"* (pp. 73–79). Perm, Izd-vo Ot i Do.
- Golynets, S. (1997). *Chekhonin Sergey Vasil'evich* [Chekhonin Sergey Vasilyevich]. In *Russkoe zarubezh'e: Zolotaya kniga emigratsii: Pervaya tret' XX veka: Entsiklopedicheskyy biograficheskyy slovar'* (pp. 695–698). Moscow, Rosspen.
- Golynets, S. V. (Ed., Comp.). (1970). *Ivan Yakovlevich Bilibin: Stat'i. Pis'ma. Vospominaniya o khudozhnike* [Ivan Yakovlevich Bilibin: Articles. Letters. Memoirs about the Artist]. 376 p. Leningrad, Khudozhnik RSFSR.
- Golynets, S. (1994). *Sergey Chekhonin: Serp I Molot I Tarakanishche* [Sergey Chekhonin: The Hammer and the Sickle and the Monster Cockroach]. In *Voprosy iskusstvovaniya, 1*, pp. 295–299.
- Golynets, S. (1999). *Serp I molot I Tarakanishche u istokov sovetskogo iskusstva* [The Hammer and the Sickle and the Monster Cockroach in the Origins of Soviet Art]. In *Yekaterinburgskyy gumanitarnyy: Nauchnyy al'manakh, 1*, pp. 71–92.
- Gomberg-Verzhbinskaya, E. P. (1960). *Russkoe iskusstvo I revolyutsiya 1905 goda: Zhivopis'. Grafika* [Russian Art and the 1905 Russian Revolution: Fine Art. Graphic Art]. 175 p. Leningrad, Izd-vo LGU.
- Graficheskoe iskusstvo v SSSR: 1917–1927* [Graphic Art in the USSR]. (1927). 294 p. Leningrad, Izd-vo Leningradskoy akademii khudozhestv.
- Il'ina, N. I. (1985). *Dorogi i sud'by: Avtobiograficheskaya proza* [Roads and Destinies: Autobiographical Prose]. 560 p. Moscow, Sovetskiy pisatel'.
- Ivanchenko, A. V. (1987). *Soyuz Serpa I Molota: Gosudarstvennyye simvoly RSFSR* [The Union of the Sickle and Hammer: RSFSR State Emblems]. 158 p. Moscow, Sovetskaya Rossiya.
- Ivanova, E. A. & Lipovich, I. N. (Comp.). (1994). *Sergey Vasil'evich Chekhonin. 1878–1936: Katalog vystavki* [Sergey Vasilyevich Chekhonin. 1878–1936: Exhibition Catalogue]. Sankt Petersburg.
- Kudesnik, charodey, prisposoblenets... (Interv'yu Yu. Demidenko s R. Gerra)* [A Miracle Worker, Enchanter, Trimmer... (Yuri Demidenko's Interview with René Guerra)]. (1998). In *Novyy mir iskusstva, 2*, pp. 23.
- Kuznetsov, E. (Foreword). (1966). *Iskusstvo oformleniya knigi: Raboty leningradskikh khudozhnikov. 1917–1964* [The Art of Book Design: Leningrad Artists' Works]. 188 p. Leningrad, Khudozhnik RSFSR.

Kuznetsov, E. (1998). *Prevrashcheniya Sergeya Chekhonina: Zigzagi russkogo estetizma* [Sergey Chekhonin's Transformations: The Zigzags of Russian Aestheticism]. In *Novyy mir iskusstva*, 2, pp. 20–22.

Lansere, A. K. (1974). *Sovetskii farfor: iskusstvo Gosudarstvennogo farforovogo zavoda imeni M. V. Lomonosova* [Soviet Porcelain: The Works of State Porcelain Factory n. a. M. V. Lomonosov]. 278 p. Leningrad, Khudozhnik RSFSR.

Lapshin, V. P. (1983). *Khudozhestvennaya zhizn' Moskvy I Petrograda v 1917 godu* [The Artistic Life of Moscow and Petrograd in 1917]. 496 p. Moscow, Sovetsky khudozhnik.

Lenyashin, V. (Ed.). (1998). *"Mir iskusstva": k 100-letiyu Vystavki russkikh I finlyandskikh khudozhnikov 1898 goda: [Katalog yubileynoy vystavki I sbornik statey]* ["*Mir iskusstva*": For the 100th Anniversary of the Exhibition of Russian and Finnish Artists in 1898]. 336 p. Sankt Petersburg, Helsinki, Palace Ed.

Leykind, O. L., Makhrov, K. V. & Severyukhin, D. Ya. (1999). *Khudozhniki russkogo zarubezh'ya. 1917–1941: Biografichesky slovar'* [Russian Emigré Artists. 1917–1941: A Biographical Dictionary]. 718 p. Sankt Petersburg, Notabena.

Lipovich, I. N. (1988). *Al'bom S. V. Chekhonina iz sobraniya Gosudarstvennogo Russkogo muzeya* [S. V. Chekhonin's Album from the Collection of the Russian Museum]. In *Muzey'9* (pp. 152–158). Moscow, Sovetsky khudozhnik.

Lipovich, I. N. (1988). *Knizhnaya grafika S. V. Chekhonina* [S. V. Chekhonin's Book Illustrations]. In *Illyustratsiya*. 192 p. Moscow, Sovetsky khudozhnik.

Lipovich, I. N. (1990). *Satiricheskie simvoly Chekhonina* [Chekhonin's Satirical Symbols]. In *Tvorchestvo*, 1, pp. 30–32.

Lyanda, N. Yu. (1972). *Agitatsionnyy farfor S. V. Chekhonina* [S. V. Chekhonin's Agitation Porcelain]. In *Voprosy razvitiya sovetskogo iskusstva I iskusstva narodov SSSR: Tematichesky sbornik nauchnykh trudov* (pp. 101–104). Leningrad.

Lyanda, N. Yu. (1974). *Novyye materialy o dorevolutsionnom periode tvorchestva S. V. Chekhonina* [New Materials about S. V. Chekhonin's Pre-revolutionary Period of Work]. In *Problemy razvitiya russkogo iskusstva: Tematichesky sbornik nauchnykh trudov* (Iss. 6, pp. 71–77). Leningrad.

Maroshi, V. V. (2015). *Zverintsy I zoosady v russkoy literature XIX – nachala XX v.: Mezdu raem I adom* [Menageries and Zoos in the Russian Literature of the 19th and Early 20th Centuries: Between Heaven and Hell]. In *Quaestio Rossica*, 1, pp. 153–173.

Milashevsky, V. (1972). *Vchera, pozavchera: Vospominaniya khudozhnika* [Yesterday, the Day Before Yesterday: An Artist's Recollection]. 497 p. Leningrad, Khudozhnik RSFSR.

Petrov, V. (1975). *Mir iskusstva* [Mir iskusstva]. 248 p. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo.

Petrov, V. & Kamensky, A. (Foreword, Comp.). (1991). *"Mir iskusstva": Ob'edinenie russkikh khudozhnikov nachala XX veka* ["*Mir iskusstva*": A Russian Artistic Group of the Early 20th Century]. (In English, in French, in Deutsch). 332 p. Leningrad, Avrora.

Petrovsky, M. S. (1986). *Knigi nashego detstva* [Books of Our Childhood]. 286 p. Moscow, Kniga.

Podkopaeva, Yu. N. & Sveshnikova, A. N. (Comp.). (1979). *Konstantin Andreevich Somov: Pis'ma. Dnevnik. Suzhdeniya sovremennikov* [Konstantin Andreevich Somov: Letters. Diaries. Opinions of His Contemporaries]. 624 p. Moscow, Iskusstvo.

Podobedova, O. I. (1961). *Evgeniy Evgen'evich Lansere* [Evgeny Evgenyevich Lansere]. 420 p. Moscow, Iskusstvo.

Pruzhan, I. N. (1975) *Lev Samoylovich Bakst* [Lev Samoylovich Bakst]. 232 p. Leningrad, Iskusstvo.

Radlov, N. & Makovsky, S. (Ed.). (1917). *Sovremennaya russkaya grafika* [Contemporary Russian Graphic Art]. 148 p. Petrograd, Svobodnoe iskusstvo.

Russkoe bogatstvo [Russian Wealth]. (1993). Iss. 2, p. 167.

Shvarts, E. L. (1991). *Iz avtobiograficheskoy prozy. Pis'ma. Vospominaniya o pisatele* [Excerpts from Autobiographical Prose. Letters. Memoirs about the Writer]. 368 p. Moscow, Knizhnaya palata.

Shvarts, E. (1990). *Zhivu bespokoy... Iz dnevnikov* [I Live Uneasily... From My Diaries]. 751 p. Leningrad, Sovetsky pisatel'.

Sidorov, A. A. (1969). *Russkaya grafika nachala XX veka: Ocherki istorii I teorii* [The Russian Graphic Art of the Early 20th Century: Essays on History and Theory]. 252 p. Moscow, Iskusstvo.

Stravinsky, I. F. (1973). *Stat' I materialy* [Articles and Materials]. 526 p. Moscow, Sovetsky kompozitor.

Tolstoy, A. & Gerra, R. (Comp.). (1995). *Oni unesli s soboy Rossiyu... Russkie khudozhniki-emigranty vo Frantsii. 1920–1970-e.: Izobraniya Rene Gerra: Katalog vystavki* [They Took Russia with Them... Russian Émigré Artists in France between the 1920s and 1970s: From René Guerra's Collection: An Exhibition Catalogue]. 168 p. Moscow, Avangard.

Yarustovsky, B. M. (1969). *Igor' Stravinskiy* [*Igor Stravinskiy*]. 320 p. Moscow, Sovetsky kompozitor.

Zil'bershteyni, I. S. & Samkov, V. A. (Foreword, Comp.). (1982). *Sergey Dyagilev I russkoe iskusstvo: Stat'i, otkrytyepis'ma, interv'yu. Perepiska, sovremenniki o Dyagileve : v 2 t.* [Sergei Diaghilev and Russian Art: Articles, Open Letters, Interviews. Correspondence, Contemporary Memoirs]. Vol. 1, 496 p.; Vol. 2, 576 p. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo.

Zolotonosov, M. (1992). *Akhutokots-akhum* [Akhutokots-Akhum]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2, pp. 262–282.

Zolotonosov, M. (1998). “Fominki” po klassitsizmu: Fantaziya na arkhitekturnye temy [A Memorial to Classicism in Fominki: Fantasias on Architectural Themes]. In *Novyy mir iskusstva*, 2, pp. 10–13.

The article was submitted on 04.09.2015

Translated by Anna Dergacheva

Disputatio

DOI 10.15826/QR.2016.1.149

УДК 94(470)"980/1015"+930.2:003.072

КОРСУНЬСКИЙ ПОХОД КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Алла Романчук

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

GRAND PRINCE VLADIMIR'S CAMPAIGN OF KORSUN: HISTORIOGRAPHIC ASPECTS*

Alla Romantchuk

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The beginning of excavations in Chersonesus, the search of the church where Grand Prince Vladimir was christened, led to the need to compare archeological data and topographic details mentioned in the written sources. However, the historiography of the late 19th – early 20th century turns to such aspects of the Korsun Campaign as the sequence of events preceding it, the disposition of the Russian armed forces by the city walls and the time of their entry into Chersonesus/Korsun. The systematic excavations of the Chersonesus site during the mid-20th century revealed layers of ruins with items dating back to the 10th century and coins of the times of Vasily II which caused archaeologists to conclude that Vladimir's armed forces' invasion into Korsun led to the destruction of the city. The paper focuses on the discussion of reasons and times of the ruin layers formation of the late 10th or early 11th century. Until as long as the last fourth of the 20th century, all the monographs on Chersonesus had ascribed the complete destruction of Chersonesus at the end of the 10th century (A. L. Yakobson) to the Rus'-Byzantine War (D. L. Talis). Additionally, there also existed a hypothesis that Chersonesus was supposed to have been captured as a result of an agreement between Vladimir and the Byzantine imperial court as its inhabitants supported the uprising against the existing

---

* *Citation:* Romantchuk, A. (2016). Grand Prince Vladimir's Campaign of Korsun: Historiographic Aspects. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4, № 1, p. 195–208. DOI 10.15826/QR.2016.1.149.

Цитирование: Романчук А. Корсунский поход князя Владимира: историографические аспекты // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 1. С. 195–208. DOI 10.15826/QR.2016.1.149.

authorities (A. Poppe, A. Podskalsky). An analysis of the findings of the ruin layer, and the logical sequence of events of the times of the Korsun Campaign makes it possible to suppose that the formation of ruin layers of the early 11th century may have been a result of a natural disaster and that Vladimir did not destroy Chersonesus. This does not, however, exclude the possibility of local fires that could have happened during his and his armed forces' stay in the city (A. I. Romanchuk, V. V. Khapayev, N. M. Bogdanova). Moreover, having critically considered A. Poppe's point of view on the inhabitants of Chersonesus' support of the mutineers and, as a result, the destruction of Chersonesus, D. D. Obolensky pointed to the fact that the source tradition does not have any evidence of the events in question and the conclusion of a large-scale fire contradicts the logic: Grand Prince Vladimir was waiting for the return of his embassy with Princess Anna from Constantinople, it was here that he was christened and got married. However, as Polish diplomat Martin Bronevsky wrote (1st half of the 17th century), except for priests, Vladimir took with him a number of icons and *bronze doors*. At present, there are two points of view on the destructions of Chersonesus of the late 10th and early 11th centuries: a natural disaster (first fourth of the 11th century) or the plundering of the city by Grand Prince Vladimir. Apart from that, during the period in question as well as before that, there could happen local fires (domestic reasons) but the scale of such layers is not comparable to the aftermath of an earthquake.

Keywords: Grand Prince Vladimir; Korsun Campaign; christening; defensive walls; conflagration layer; Chersonesus; Basil II; earthquake.

Начало раскопок в Херсонесе, связанное с поиском храма, в котором был крещен князь Владимир, обусловило появление попыток сопоставить археологические реалии и топографические детали, упоминаемые в письменных источниках. Для историографии конца XIX – начала XX в. было характерно обращение к таким аспектам Корсуньского похода как последовательность событий, предшествующих ему, местоположение лагеря русской дружины у стен города и время вступления ее в Херсон-Корсунь. В процессе систематических раскопок Херсонского городища в середине XX в. в кварталах северного района были выявлены слои разрушения с находками X в. и монетами Василия II. Это привело к формированию вывода о том, что вступление в Корсунь войска Владимира стало причиной разрушения города. В данной работе основное внимание уделено дискуссии о причинах и времени отложения слоев разрушений конца X или начала XI в. До последней четверти XX столетия в монографических штудиях, посвященных Херсону, господствующим являлось мнение о повсеместном разрушении Херсона в конце X в. (А. Л. Якобсон) как результата русско-византийской войны (Д. Л. Талис). Было сформулировано также предположение, что Херсон захвачен на основании договора Владимира и византийского двора, поскольку его жители поддержали мятеж против законной власти (А. Поппэ, А. Подскальски). Анализ находок из слоев разрушения, а также логическая последовательность событий времени Корсуньского похода позволили предположить, что отложение слоев разрушения начала XI в. могло произойти в результате природной катастрофы. Это,

безусловно, не исключает наличие локальных пожаров времени пребывания в городе его войска (А. И. Романчук, В. В. Хапаев, Н. М. Богданова). Д. Д. Оболенский, критически рассмотрев точку зрения А. Поппэ о поддержке херсонитами мятежников, и, следовательно, разрушении Херсона, отметил, что в источниковой традиции свидетельства об этом отсутствуют. Противоречат выводу о масштабном пожаре и логические соображения: князь Владимир ожидал в городе возвращения посольства с принцессой Анной из Константинополя, здесь он был крещен, здесь же состоялись брачные церемонии. Правда, как писал польский дипломат Мартин Броневский (первая половина XVII в.), Владимир, кроме священников, увез с собой некоторые иконы и «бронзовые двери». В настоящее время сосуществуют две точки зрения относительно разрушений Херсона конца X или начала XI в.: природная катастрофа (первая четверть XI в.) и «разграбление» города князем Владимиром. Вместе с тем, в данный период, как и ранее, в городе могли происходить локальные пожары, но масштабность отложения подобных слоев несопоставима с результатами землетрясения.

Ключевые слова: князь Владимир; Корсунский поход; крещение; оборонительные стены; слой пожарища; Херсон; Василий II; землетрясение.

Число работ, посвященных Корсунскому походу князя Владимира, значительно. Это публикации, в которых рассматриваются события конца X в. в связи с историей Херсонеса-Херсона-Корсуни и историей Древней Руси, а также исследования, посвященные таким аспектам как местоположение храма, в котором был крещен князь Владимир, в топографической структуре города. Историки пытаются представить последовательность событий, предшествовавших Корсунскому походу, а, следовательно, выявить его причины и время вступления русской дружины в Херсон. Отчасти данные сюжеты освещены в опубликованной в начале XXI в. монографии А. В. Назаренко [Назаренко, с. 435–450], что позволяет ограничиться краткими замечаниями, уделив большее внимание вопросу, к которому начиная с середины XX в. и до настоящего времени возвращаются историки Херсонеса-Херсона: каковы последствия Корсунского похода именно для херсонитов, другими словами – насколько пострадал Херсон после вступления дружины князя Владимира в город¹. Но поскольку этот аспект взаимосвязан с целями похода, необходимо хотя бы бегло коснуться и других гипотез относительно событий конца X в., существующих в историографии.

¹ Большое внимание Херсонесу российские и зарубежные историки уделяют в связи с изучением византийского города, подчеркивая значение раскопок Херсонесского городища [Bouras, p. 617; Brandes, S. 120; Smedley, 1979, p. 172–192, et al.]; см. библиографию: [Jasrzebowska, p. 399–418]. Некоторые сюжеты из истории Херсона прозвучали в докладах на II Свято-Владимирских чтениях (Севастополь, 2015). Правда, историки из ближнего и дальнего зарубежья в основном останавливали внимание на отдельных видах находок из Херсонеса-Херсона.

Прежде всего отметим, что истоки такого историографического сюжета как место крещения князя Владимира восходят к показаниям «Повести временных лет» и русским летописям, а также к свидетельству польского дипломата первой половины XVII в. Мартина Броневского, который, описывая руины Херсона, упомянул и то, что увез князь из города: якобы «какие-то из греков, снявши в монастыре двое дверей из коринфской меди, которые православные греки называют царскими вратами, а также лучшие образа, отвезли всю добычу к Владимиру, великому князю Русскому» [Броневский, с. 242]. Обратим внимание, что ни о каких масштабных разрушениях в Херсоне не упоминается, традиция сохранила свидетельства лишь о том, что «какие-то греки» (горожане) оказали «помощь» князю в формировании военной добычи. При описании Корсуньского похода современные историки отмечают многомесячное стояние русской дружины у стен города и рассказ о том, как была послана стрела с указанием, где расположен водопровод, который следует перекопать, чтобы принудить херсонитов открыть городские ворота. Упоминание водопровода и слова о том, что «ста Володимир... в лимени», со временем стали основанием при построении гипотез о местоположении княжеского лагеря². Однако прежде, чем говорить о том, как изображались ход событий, причины и время Корсуньского похода, остановим внимание только на диаметрально противоположных концепциях³.

Впервые наиболее подробно и последовательно попытался представить хронологию событий конца X в. А. Л. Бертъе-Делагард (1842–1920) [Бертъе-Делагард, с. 241–307]. Крымский историк и военный инженер полагал, что причиной Корсуньского похода стало несоблюдение одного из условий соглашения между князем Владимиром и византийским императором Василием II, обещавшим за помощь в борьбе против узурпатора Варды Фоки, выступившего совместно с Вардой Склиром против законной власти, руку принцессы Анны. После девятимесяч-

---

² Следует отметить одну из самых ранних гипотез о местоположении города Херсона-Корсуни, которая была высказана до начала раскопок Херсонесского городища. Она принадлежит первому российскому историку В. Н. Татищеву (1686–1750), который полагал, что «Корсуньская земля» и рыбные ловы корсунян были расположены на острове Еферия, где в лимане находились и соляные варницы [Татищев, с. 206, прим. 194]. Он считал, что неподалеку в устье Днепра следует искать Херсон – место крещения Владимира: «У древних историков и географов город Херсон на Черном море знаем был. <...> Сей же город, где Владимир крестился, по обстоятельствам положения видно, что нынешний Кинбурн над Лиманом» [Там же, с. 41–43].

³ Безусловно, все детали, касающиеся пребывания князя Владимира в городе, представляют интерес и значимы. Однако в данном случае то, что относится непосредственно к топографии Херсона – дискуссии о расположении храма, где был крещен князь Владимир, имеет второстепенное значение и только косвенно связано со значением Корсуньского похода в истории Древней Руси и влиянием его на развитие Херсона XI в. Топографические детали времени Корсуньского похода изложены в ряде работ С. А. Беляева. См., например: [Беляев, 1989, с. 531–540; Беляев, 1990, с. 153–164; Беляев, 1994, с. 7–47; Беляев, 1999, с. 31–32]. В недавно опубликованной статье В. В. Хапаев предположил, что храм, в котором был крещен князь Владимир, находится на главной площади города, но это не тот, над которым возведен собор Равноапостольного князя Владимира, а храм № 28 [Хапаев, 2009, с. 59–64].

ной осады Владимир вступил в Херсон, а опасность, которую представляли действия мятежников, ускорила прибытие Анны, за которым последовало крещение Владимира и заключение брака. А. Л. Бертье-Делагард полагал, что Херсон был взят Владимиром в 988 г.

Детальный анализ взглядов А. Л. Бертье-Делагарда изложен в работах крупнейших российских византинистов и историков Руси Б. Д. Грекова и М. В. Левченко [Греков, с. 276–277; Левченко, с. 359–360]. Но еще ранее (вскоре после публикации работы А. Л. Бертье-Делагарда) появилась полузабытая в наши дни статья П. В. Маслова, автор которой в основном остановил внимание на двух сюжетах: о времени Корсунского похода и о местоположении лагеря Владимира [Маслов, с. 7–36]. Последовательность событий представлялась ему следующим образом: бунт Варды Фоки, переговоры о браке и оказание помощи Василию II; Корсунский поход как следствие невыполнения условий договора. Длительность осады объяснялась тем, что к устью Карантинной бухты (невидимому с суши – с внешней стороны стен) прибывали небольшие суда с продовольствием, которое херсониты, пользуясь ночной темнотой, доставляли в город. Предпринимавшаяся осаждавшими попытка «присыпать к стене землю», о чем говорится в летописном рассказе, оказалась безуспешной, так как корсуняне через подкоп разрушали насыпь. Только измена попа Анастаса (или дружинника-варяга Жильберта), пославшего стрелу с запиской в лагерь Владимира, и разрушение водопровода заставили оборонявшихся открыть ворота.

Отмечал П. В. Маслов и то, что большинство исследователей считают факт крещения Владимира в Корсуні недостоверным. Указание на Херсон как место крещения Владимира является, согласно его мнению, древним преданием: «Житие блаженного Володимира» включено в летописный рассказ о взятии Корсуни позднее, что и породило разночтения. (Дело в том, что в «Житии Владимира особого состава» говорится, что взята Корсунь на третье лето после крещения в Василеве или Киеве.) Согласно П. В. Маслову, сомнения летописцев в том, что Владимир был крещен «то ли в Херсоне, то ли в Василеве», можно объяснить вслед за Н. М. Карамзиным предварительным соглашением. Ввиду значимости события князь мог принять новую веру не сразу, но перед взятием Корсуни он «внутренне уже был христианином» [Маслов, с. 34–35]. Независимо от П. В. Маслова весну 989 г. как время вступления дружины Владимира в Херсон упоминал С. П. Шестаков, полагая, что князь был крещен не в Херсоне, а относится это событие к 987 г. [Шестаков, 1908, с. 83]⁴.

В более широком контексте писали о цели Корсунского похода историки середины XX столетия А. Л. Якобсон (1906–1984) и Д. Л. Талис (1927–1986). Согласно точке зрения А. Л. Якобсона, Корсунский поход являлся началом русско-византийской войны [Якобсон, 1950, с. 65–66].

⁴ Вопросу о месте крещения Владимира была посвящена специальная работа С. П. Шестакова [Шестаков, 1908а; ср.: Шмурло, с. 140–148]. К близкому времени – между 7 апреля и 27 июля 989 г. – относил взятие Херсона В. Г. Васильевский [Васильевский, с. 57–58]. Среди работ конца XIX в. следует отметить: [Розен; Соболевский, с. 396–403; Завитневич].

Близкого мнения придерживался Д. Л. Талис: целью похода, по его мнению, стало стремление ослабить позиции Византии в Северном Причерноморье и получить свободный выход в море [Талис, с. 103–115].

В связи с празднованием 1000-летнего юбилея Крещения Руси возрос интерес к событиям конца X в. Poleмика, разгоревшаяся вокруг вопроса об относительной последовательности событий, отражена в публикациях О. М. Рапова и Н. М. Богдановой.

Н. М. Богданова на основании лингвистического анализа одного из пассажей «Истории» Льва Диакона, где говорится об «огненных столбах» (явлении кометы), предположила, что вступление дружины Владимира в Херсон произошло до появления кометы – до 989 г. После пленения мятежника Варды Фоки к Владимиру, стоявшему в Херсоне, было отправлено посольство. В новом соглашении подтверждалось обещание о браке с принцессой Анной, но в обмен на возврат Херсона [Богданова, 1986, с. 39–46; Богданова, 1988, с. 195–201; Богданова, 1991, с. 92–93].

Иной представляется последовательность событий О. М. Рапову. Он отметил, что Владимир являлся союзником византийского императора в 988–989 гг. В дни, когда решался вопрос сохранения престола, Василий II обещал ему руку сестры, но когда опасность миновала, император нарушил обещание. Вполне вероятно, что Владимир, согласно договоренности, подошел с дружиной к днепровским порогам, чтобы встретить будущую русскую княгиню. Но обстоятельства вынудили его к демонстрации силы, чем и стал поход к стенам Херсона. Наличие сравнительно небольшой дружины у Владимира предопределило длительные сроки стояния у стен города. Захватив Херсон (весна 990 г.), князь отправил посольство в столицу с угрозой: если Василий II не сдержит слова, то он двинется к Константинополю. В течение зимы Владимир мог набрать значительное войско, что делало угрозу вполне реальной, и условия соглашения были выполнены [Рапов, 1984, с. 34–47; Рапов, 1986, с. 39–46; Рапов, 1988, с. 190–194].

При такой реконструкции событий – ожидание возвращения послов именно в Херсоне – вряд ли правомерен такой «акт мести» византийцам как разграбление города. Безусловно, локальные пожары и разрушения могли иметь место. Вполне вероятно и то, что херсониты, опасаясь неприятеля, прятали свои ценности: это могло стать причиной формирования кладов конца X в. [Гилевич, с. 150–158].

Последовательность событий и цель Корсуньского похода, к которым склоняется О. М. Рапов, вызывают необходимость постановки вопроса: а был ли Херсон разрушен Владимиром?

Но прежде необходимо сказать несколько слов относительно цели и времени Корсуньского похода. Согласно утверждениям, принадлежащим польским историкам А. Поппэ и Г. Подскальски, при включении данных житий Владимира в «Повесть временных лет» «корсуньская легенда» подверглась переработке и помещена Никоном вместо

первоначального киевского предания [Рорре, 1976; 1982; ср.: Поппэ, 2008, с. 40–107; Подскальски, с. 33, 199–203; также см.: Podskalsky, 1982]. Это и привело к противоречиям, породившим дискуссию о месте крещения князя. Как и А. Поппэ, Г. Подскальски полагает, что в июне-июле 987 г. император обратился с просьбой о помощи в борьбе против Варды Фоки, и князь Владимир послал отряд против мятежников и *присоединившихся к ним херсонитов*. Победа в битве при Хрисополе (январь-февраль 988 г.) решила судьбу Херсона, который был взят в апреле-июле следующего года с целью уничтожить *один из очагов мятежа* [Подскальски, с. 31–32]. В таком случае вполне логичным выглядит предположение А. Л. Якобсона, считавшего, что Херсон в конце X в. был «опожарен» и разрушен (но об этом ниже).

Критические замечания относительно концепции А. Поппэ были сделаны Д. Д. Оболенским. Крупнейший византинист XX в. отметил, что если учитывать свидетельства источников и традиции византийского двора, то невозможно согласиться с теми авторами, которые приписывают разрушение и разграбление Владимиром города – «жемчужины всех византийских владений на северном берегу Черного моря» [Оболенский, с. 60–61].

Итак, был ли Херсон разрушен Владимиром?

Выше уже упоминалось, что на основании материалов археологических раскопок А. Л. Якобсон пришел к выводу о повсеместном пожаре и разрушении Херсона в конце X в. Попробуем представить, как рождался вывод. Пожалуй, это один из примеров, показывающих, как первоначальная гипотеза превратилась, будучи неоднократно повторенной со смещением акцентов, в аксиому, длительное время господствующую в исторических штудиях.

Во время раскопок в 40-х гг. XX в. кварталов северного района Херсонесского городища были выявлены слои разрушения с фрагментами сосудов и монетами конца X – XI в. С этого времени во всех отчетах отмечалось, что начало «существования домов обрывается вследствие катастрофы, постигшей город в конце X в.»; «здания прекратили свое существование после разрушений конца X в.»; «находки на полу и в насыпи... должны быть отнесены к последним векам существования этих помещений», то есть к IX–X вв. [Белов, 1941, с. 208]. «В конце X или на рубеже X–XI вв. над городом или над данной его частью разразилась катастрофа; все здания погибли в пожаре и были разрушены» [Белов, 1941, с. 208, 217; Белов, Стржелецкий, с. 104; Белов, Якобсон, с. 158]. Так начала формироваться концепция о разграблении и разрушении Херсона во время Корсунского похода.

Позднее в монографических исследованиях наблюдения приобрели более отчетливую окраску: «Слой пожарища очень ясно датируется множеством монет IX и X в. и массовой керамикой» [Якобсон, 1959, с. 65]. «События 989 г. – осада и взятие Корсуни Владимиром – как бы завершили целый этап в жизни города, да, в сущности, и всей Таврики». Эти события предопределили упадок Херсона в последующем столе-

тии, о чем свидетельствует прекращение деятельности местного монетного двора [Якобсон, 1950, с. 6]. Констатация факта – наличие слоя разрушения, датированного монетами Василия II, – привела к длительному существованию в историографии вывода о том, что князь Владимир разрушил Херсон.

Упоминание о перерыве в работе херсонских монетариев как свидетельстве кризиса вызвало замечание В. А. Анохина: «Ссылка на экономический упадок Херсона после взятия его Владимиром слишком обща, чтобы объяснить и тем более обосновать предположение о прекращении выпуска монет» [Анохин, с. 123].

Высказала сомнения в негативной характеристике экономического статуса Херсона XI в. и другой специалист в области нумизматики И. В. Соколова. Основываясь на сфрагистических и нумизматических данных, она полагает, что, напротив, в XI в. Херсон, воспользовавшись тяжелым положением империи, добился значительных привилегий [Соколова, с. 297–304].

Но вернемся к находкам монет из слоя разрушения, который датировали X в. После констатации факта, что «монеты резко обрываются на времени Василия II (976–1025)», в качестве подтверждения катастрофических последствий захвата города А. Л. Якобсон сделал замечание: «Однако вынести дату пожара Херсонеса за пределы X в. невозможно, ибо для начала следующего столетия мы не знаем ни одного сколько-нибудь крупного события, с которым такое пожарище можно было бы связать» [Якобсон, 1959, с. 14].

Ретроспективный обзор монетного дела Херсонеса, предпринятый В. А. Анохиным, и изучение кладов IX–X вв. показали, что отдельные типы монет, которые ранее датировались X в., являются более поздними. В. А. Анохин полагает, что это монеты времени совместного правления Василия II и Константина (1016–1025), именно поэтому они не характерны для кладов IX–X вв. [Анохин, с. 123]. В более позднее время были отлиты и монеты с монограммой «Рω», выпуск которых приписывался Роману I. В отношении типологии и периодизации выпуска некоторых из видов этих монет нумизматы не пришли к единому мнению, но в данном случае значимым является общее мнение исследователей о том, что монеты с монограммой «Рω» следует датировать временем не ранее середины или конца XI – начала XII в., что они характеризуют деятельность монетного двора XI–XIII вв.⁵ Нумизматические исследования позволяют судить о том, что отложение слоев разрушения (повсеместный пожар в Херсоне) не соотносится со временем вступления в город дружины Владимира.

В связи с более поздней датировкой слоя разрушения обратимся еще раз к работе Д. Д. Оболенского. На основании тщательного анализа источников и четких логических построений он показал, что между отправкой войска для помощи Василию II и началом похода

⁵ В отношении датировки некоторых типов монет с монограммой И. В. Соколова дискутирует с киевским исследователем В. А. Анохиным. См.: [Соколова, 1983, с. 53–63].

против Херсона имелся временной интервал почти в два года: «Осада города продолжалась с лета 989 г. до поздней зимы или ранней весны 990 г.»; он также считал неправомерным мнение о том, что Корсунский поход был предпринят против города, присоединившегося к мятежникам, как полагает А. Поппэ [Оболенский, с. 58]⁶.

На основании логики событий и нумизматических источников близкие выводы звучали и ранее [Романчук, 1989, с. 182–188]. Город, в котором Владимир ожидал прибытия посольства с принцессой Анной, не мог быть охвачен повсеместными грабежами. Слои разрушения, образование которых датировалось концом X в., относятся, скорее всего, к более позднему периоду и, возможно, вызваны землетрясением.

Безусловно, предположение о том, что к пожарам и разрушениям в Херсоне привело стихийное бедствие, является гипотезой, которая не противоречит археологическим свидетельствам и логике событий.

В начале XXI столетия среди крымских историков началась дискуссия о причинах образования слоя разрушения – землетрясения или событиях в Херсоне времени Корсунского похода. Одна из точек зрения представлена И. А. Завадской, склонной полагать, что причиной катастрофы стал Корсунский поход князя Владимира [Завадская, 1998, с. 121–122]. Автор упрекает исследователей, придерживающихся иного мнения, в том, что они не представили научных доказательств в его защиту (вероятно, основанные на великолепном знании источников соображения Д. Л. Оболенского – не доказательства), не выявили территориальных границ следов катастрофы (как же возможно это сделать, если не все Херсонесское городище изучено, а более ранние слои могли быть уничтожены при последующей строительной деятельности?). Кроме того, И. А. Завадская полагает, что доказательства без «научной проверки» вряд ли следует учитывать, но как же их проверить? Вместе с тем, в заключении одной из своих статей она все же признает, что и предпринятый ею анализ некоторых археологических свидетельств – это лишь обоснование одной из гипотез [Завадская, 2010, с. 480]. С этой точки зрения вполне справедливо замечание исследовательницы, что к локальным пожарам могли приводить и бытовые причины [Там же, с. 27].

Оппонент И. А. Завадской В. В. Хапаев, последовательно рассматривая все данные отчетов о раскопках, где зафиксированы находки с монетами X–XI в., склоняется к выводу о том, что они убедительно свидетельствуют о природной катастрофе. Наибольший интерес вызывает анализ материалов раскопок оборонительных стен, производившийся И. А. Антоновой. Севастопольский исследователь вслед за И. А. Антоновой пришел к выводу, что оборонительные стены Херсона пострадали во время природной катастрофы начала XI в. [Хапаев, 2010, с. 117–120]. В данном случае следует вспомнить о надписи, кото-

---

⁶ Последовательная защита тезиса о том, что ни археологические, ни письменные источники не подтверждают гипотезу о разрушении Херсона Владимиром, присутствует в работах Н. М. Богдановой. См., например: [Богданова, 1991, с. 93].

рая относится к 1059 г., где говорится о сооружении ворот претория и восстановлении других ворот стратигом Херсона Львом Алиатом [Латышев, с. 16–17]. Когда именно херсонский стратиг приступил к ремонтным работам, судить невозможно, но если бы разрушение стен было следствием Корсуньского похода (а свидетельства об этом отсутствуют), вряд ли потребовалось бы 50–60 лет для того, чтобы вспомнить о необходимости привести их в боевое состояние.

Более полно изыскания В. В. Хапаева изложены в его диссертационной работе «Византийский Херсон во второй половине X – первой половине XI в.: проблема разрушения города» (Днепропетровск, 2010). Именно здесь автор рассмотрел возможные причины отложения слоев, которые могут быть датированы второй половиной X – первой половиной XI в. Корреляция находок из раскопок различных участков городища позволила исследователю сделать вывод, что катастрофа, постигшая Херсон, не связана с Корсуньским походом Владимира.

Итак, начиная с середины XX в. и до наших дней существуют две точки зрения относительно последствий похода князя Владимира для херсонитов; следовательно, дискуссия о времени масштабных разрушений в Херсоне будет продолжена. В настоящее время однозначно ответить на вопрос о том, что (или кто) явилось причиной масштабных разрушений, не представляется возможным, и, как отмечал Д. Д. Оболенский, выступать «в качестве третейского судьи» относительно существующих версий, как и доказать на основании имеющихся свидетельств, в каком году или в каком храме был крещен князь Владимир, задача непростая [Оболенский, с. 61]. Но несомненно одно – это событие способствовало приобщению Древней Руси к достижениям византийской цивилизации.

Список литературы

- Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н.э.). Киев : Наукова думка, 1977.
- Белов Г. Д.* Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // МИА. 1941. № 4. С. 202–267.
- Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф.* Кварталы XV–XVI: Раскопки 1937 г. // МИА. 1953. № 34. С. 32–108.
- Белов Г. Д., Якобсон А. Л.* Квартал XVII: Раскопки 1940 г. // МИА. 1953. № 34. С. 109–159.
- Беляев С. А.* Где крестился князь Владимир? : (Предварительное сообщение) // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология : ежегодник 1988. М. : Наука, 1989. С. 531–540.
- Беляев С. А.* Поход князя Владимира на Корсунь : Его последствия для Херсонеса // Византийский временник. 1990. Т. 51. С. 153–164.
- Беляев С. А.* «Базилика на холме» в Херсонесе и «церковь на горе» в Корсунь, построенная князем Владимиром // Byzantinorussica. 1994. № 1. С. 7–47.
- Беляев С. А.* Христианская топография Херсонеса : Постановка вопроса, история изучения и современное положение // Церковные древности. VII Рождественские образовательные чтения. М., 1999. С. 31–32.
- Бертье-Делагард А. Л.* Как Владимир осаждал Корсунь // Изв. Отделения рус. языка и словесности Академии наук СССР. 1909. Т. 14, кн. 1. С. 241–307.
- Богданова Н. М.* О времени взятия Херсона князем Владимиром // Византийский временник. 1986. Т. 47. С. 39–46.
- Богданова Н. М.* О значении точного прочтения источника // Византийский временник. 1988. Т. 49. С. 195–201.

Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. : Проблемы истории византийского города // Причерноморье в Средние века. М., 1991. С. 8–172.

Броневский М. Описание Татарию // Записки Одесского общества истории и Древностей. 1867. Т. 6.

Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки. II. К истории 976–986 гг. (из ал-Мекина и Иоанна Геометра) // Труды. СПб., 1909. Т. 2, вып. 1. С. 57–58.

Гилевич А. М. Новый клад херсоно-византийских монет // Византийский временник. 1964. Т. 24. С. 150–158.

Гордиенко Н. С. «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов. Л. : Лениздат, 1984.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М. : Изд-во АН СССР, 1944.

Грицков В. В. Крещение Руси : в 2 ч. М. : Киммерийский центр; Кучково поле, 2009. Ч. 1. Владимир Святой.

Завадская И. А. О разрушении Херсонеса в X–XI вв. // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь : междунар. конф. памяти М. И. Артамонова : тез. докл. СПб., 1998. С. 121–122.

Завадская И. А. Катастрофа в Херсоне в конце X–XI в.: критика гипотезы о землетрясении // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. 2010. Вып. 16. С. 456–487.

Завадская И. А. К дискуссии о причинах и масштабах разрушений в Херсоне в X–XI вв. // II Свято-Владимирские чтения : тез. докл. и сообщений. Севастополь, 2015. С. 27–28.

Завитневич В. О месте и времени крещения св. Владимира и о годе крещения киевлян. Киев, 1888.

Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.

Лебедев Л., прот. О месте и времени крещения князя Владимира и киевлян // Богословские труды. М. : Московская патриархия, 1987. Т. 28. С. 91–101.

Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М. : Изд-во АН СССР, 1956. 556 с.

Маслов П. В. Поход св. князя Владимира на Корсунь : (К 900-летию кончины великого князя Владимира) // Изв. Таврич. учен. архив. комиссии. 1916. № 53. С. 7–36.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях : Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М. : Языки рус. культуры, 2001.

Оболенский Д. Д. Херсон и Крещение Руси : Против пересмотра традиционной точки зрения // Византийский временник. 1994. Т. 55 (80). С. 53–61.

Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси. СПб. : Византинороссика, 1996. 592 с.

Попиз А. Владимир Святой : У истоков церковного православия // Факты и знаки: исследования по семиотике истории. Вып. 1. М. : Языки славян. культуры, 2008. С. 40–107.

Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца : Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883.

Соболевский А. И. В каком году крестился св. Владимир? // Журнал Министерства Народного просвещения. 1888. Июнь. С. 396–403.

Рапов О. М. О дате принятия христианства князем Владимиром и киевлянами // Вопр. истории. 1984. № 6. С. 34–47.

Рапов О. М. О времени взятия Херсона князем Владимиром // Вопр. истории. 1986. Т. 47. С. 39–46.

Рапов О. М. Еще раз о датировке взятия Корсуна князем Владимиром // Вопр. истории. 1988. Т. 49. С. 190–194.

Романчук А. И. Слои разрушения X в. в Херсонесе : К вопросу о последствии Корсунского похода Владимира // Византийский временник. 1989. Т. 50. С. 182–188.

Романчук А. И. Исследования Херсонеса-Херсона : Раскопки. Гипотезы. Проблемы : в 2 т. Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2008. Т. 2. Византийский город.

Соколова И. В. Херсон во второй половине XI в. // Actes du XVe Congres International d'etudes byzantines (Athenes, sept. 1976). Athens, 1980. Т. 4. P. 297–304.

Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л. : Искусство, 1983. 212 с.

- Ханаев В.* Проблема локализации места крещения князя Владимира в Херсонесе // *Культура народов Причерноморья*. Севастополь, 2009. С. 59–64.
- Ханаев В. В.* Юго-восточный и северо-восточный прибрежные участки оборонительной стены Херсонеса как источник по сейсмической истории (по данным раскопок И. А. Антоновой 1964–1967 гг.) // *Причерноморье : История, политика, культура*. Вып. VIII (III). Сер. А. Античность и Средневековье : избр. материалы IX Междунар. науч. конф. «Лазаревские чтения». Севастополь, 2012.
- Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по Р. Хр. // *Памятники Христианского Херсонеса*. Вып. 3. М., 1908.
- Шестаков С. П.* К вопросу о месте крещения св. Владимира. Казань, 1908а.
- Шмурло Е.* Когда и где крестился Владимир Святой? // *Зап. Рус. ист. общ-ва в Праге*. 1927. Т. 1. С. 140–148.
- Талис Д. Л.* Из истории русско-корсунских политических отношений в IX–X вв. // *Византийский временник*. 1958. Т. 14. С. 103–115.
- Татищев В. Н.* История Российская : в 4 ч. М., 1994. Ч. 2.
- Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // *МИА*. 1950. № 17.
- Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес : Очерки истории материальной культуры // *МИА*. 1959. № 63.
- Bouras Ch.* City and Village: Urban Design and Architecture // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Wien, 1981. T. 31/2. P. 611–653, 1981.
- Brandes W.* Die Städte Kleinasien im 7. und 8. Jahrhundert. Berlin, 1989.
- Jasrzebowska E.* Chersonèse dans l'Antiquité tardive: état de recherches et bibliographie // *An Tard*. 2001. Vol. 9. P. 399–418.
- Smedley J.* Archaeology and the History of Cherson: A Survey of some Results and Problems // *Αρχαιολογία*. Athene, 1979. T. 30. P. 172–192.
- Smedley J.* Trade in Cherson, 6th–10th centuries // *Actes du XV-e Congres Intern, d'études Byzantines*. Atheny, 1980. T. 4: Histoire Communications. P. 291–297.
- Podskalsky G.* Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus (988–1237). München, 1982.
- Poppe A.* The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine-Russian Relations between 986–89 // *Dumbarton Oaks Papers*. 1976. Nr. 30. P. 195–244.
- Poppe A.* The Rise of Christian Russia. L., 1982.

References

- Anohin, V. A. (1977). *Monetnoe delo Hersonesa* (IV v. do n. e' – XII v.). [Monetary business of Chersonese (IV century BC – XII century AD)]. Kiev, Naukova dumka.
- Belov, G. D. (1941). *Raskopki v severnoj chasti Hersonesa v 1931–1933 gg.* [Excavation in northern part of Chersonese in 1931–1933]. In *MIA*. Vol. 4, pp. 202–267.
- Belov, G. D. & Strzheleckij, S. F. (1953). *Kvartaly XV–XVI: Raskopki 1937 g.* [Quarters of XV–XVI: Excavation of 1937]. In *MIA*. Vol. 34, pp. 32–108.
- Belov, G. D. & Jakobson, A. L. (1953). *Kvartal XVII: Raskopki 1940 g.* [Quarter of XVII: Excavation of 1940]. In *MIA*. Vol. 34, pp. 109–159.
- Belyaev, S. A. (1989). *Gde krestilsya knyaz' Vladimir?* (*Predvaritel'noe soob-shhenie*) [Where the prince Vladimir was christened?: Preliminary message]. In *Pamyatniki kul'tury'. Novy'e otkry'tiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arheolo-giya*. Ezhegodnik 1988 (pp. 531–540). Moscow, Nauka.
- Belyaev, S. A. (1990). *Pohod knyazyza Vladimira na Korsun': Ego posledstviya dlya Hersonesa* [Campaign of the prince of Vladimir to Korsun: Its consequences for Chersonese]. In *Vizantijskij vremennik*, 51, pp. 153–164.
- Belyaev, S. A. (1994). "Bazilika na holme" v Hersonese i "cerkov' na gore" v Korsuni, postroennaya knyazem Vladimirom ["A basilica on the hill" in Chersonese and "church on the mountain" in Korsuni, constructed by the prince Vladimir]. In *Byzantinorussica*, 1, pp. 7–47. Moscow.
- Belyaev, S. A. (1999). *Hristianskaya topografiya Hersonesa. Postanovka voprosa, istoriya izucheniya i sovremennoe polozhenie* [Christian topography of Chersonese: Statement of a question, history of studying and modern situation]. In *Cerkovny'e Drevnosti. VII Rozhdestvenskie obrazovatel'ny'e chteniya* (pp. 31–32). Moscow.
- Bert'e-Delagard, A. L. (1909). *Kak Vladimir osazhdal Korsun'* [As Vladimir besieged Korsun]. In *Izvestiya Otdeleniya Russkogo yazy'ka i slovesnosti Akademiyi nauk SSSR*, 14/1, pp. 241–307.

- Bogdanova, N. M. (1986). *O vremeni vzyatiya Hersona knyazem Vladimirom* [About time of a capture of Kherson prince Vladimir]. In *Vizantijskij vremennik*, 47, pp. 39–46.
- Bogdanova, N. M. (1988). *O znachenii tochnogo prochteniya istochnika* [About value of exact reading of a source]. In *Vizantijskij vremennik*, 49, pp. 195–201.
- Bogdanova, N. M. (1991). *Herson v X–XV vv. Problemy istorii vizantijskogo goroda Kherson in the X–XV centuries* [Problems of history of the Byzantine city]. In *Prichernomor'e v Srednie veka* (pp. 8–172). Moscow.
- Bouras, Ch. (1981). City and Village: Urban Design and Architecture. In *Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik, Vol. 31/2*, pp. 611–653. Wien.
- Brandes, W. (1989). *Die Städte Kleinasien im 7. und 8. Jahrhundert*. Berlin.
- Bronevskij, M. (1867). *Opisanie Tatarii* [Description of Tataria]. In *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i Drevnostej*, 6.
- Gilevich, A. M. (1964). *Novy'j klad hersono-vizantijskih monet* [New treasure of the hersono-Byzantine coins]. In *Vizantijskij vremennik*, 24, pp. 150–158.
- Gordienko, N. S. (1984). «Kreshhenie Rusi»: fakty protiv legend i mifov. [“Christianization of Kievan Rus”: the facts against legends and myths. Leningrad.
- Gregov, B. D. (1944). *Kievskaya Rus'* [Kievan Rus']. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR.
- Grickov, V. V. (2009). *Kreshhenie Rusi. Part 1. Vladimir Svyatoy* [Christianization of Kievan Rus': in 2 h]. Moscow, Kim-merijskij centr; Kuchkovo pole.
- Hapaev, V. (2009). *Problema lokalizacii mesta kreshheniya knyazya Vladimira v Hersonese*. [Problem of localization of a place of a baptism of the prince of Vladimir in Chersonese]. In *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* (pp. 59–64).
- Hapaev, V. V. (2012). *Yugo-vostochny'j i severo-vostochny'j pribrezhny'e uchastki oboronitel'noj steny Hersonesa kak istochnik po sejsmicheskoj istorii (po danny'm raskopok I. A. Antonovoj 1964–1967 gg.)* [Southeast and northeast coastal sites of a defensive wall of Chersonese as a source on seismic history (according to I. A. Antonova's excavation 1964–1967)]. In *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura. Vy'pusk VIII (III). Seriya A. Antichnost' i Srednevekov'e. Izbranny'e materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii “La-zarevskie chteniya”*. Sevastopol.
- Jasrzebowska, E. (2001). *Cherssonèse dans l'Antiquité tardive: état de recherches et bibliographie*. In *An Tard*, 9, pp. 399–418.
- Laty'shev, V. V. (1896). *Sbornik grecheskikh nadpisej hristianskih vremen iz Yuzhnoj Rossii* [The collection of the Greek inscriptions of Christian times from the Southern Russia]. Sankt Petersburg.
- Lebedev, L., prot. (1987). *O meste i vremeni kreshheniya knyazya Vladimira i ki-evlyan* [About a place and time of a baptism of the prince of Vladimir and inhabitants of Kiev]. In *Bogoslovskie trudy'*, 28, pp. 91–101. Moscow: Moskovskaya patriarhiya.
- Levchenko, M. V. (1956). *Ocherki po istorii russko-vizantijskih otoshenij* [Sketches on stories of the Russian-Byzantine relations]. 556 p. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR.
- Maslov, P. V. (1916). *Pohod sv. knyazya Vladimira na Korsun' (K 900-letiyu konchiny velikogo knyazya Vladimira)* [Campaign of the St. prince Vladimir to Korsun: (To the 900 anniversary of death of the grand duke Vladimir)]. In *Izvestiya Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii*, 53, pp. 7–36.
- Nazarenko, A. V. (2001). *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodny'h putyah: Mezhdisciplinarny'e ocherki kul'turny'h, torgovy'h, politicheskikh svyazej IX–XII vv.* [Ancient Russia on the international ways: Interdisciplinary sketches of cultural, commercial, political connections of the IX–XII centuries]. Moscow.
- Obolenskij, D. D. (1994). *Herson i Kreshhenie Rusi: Protiv peresmotra tradicionnoj točki zreniya* [Kherson and Christianization of Kievan Rus': Against revision of the traditional point of view]. In *Vizantijskij vremennik*, 55 (80), pp. 53–61.
- Podskalsky, G. (1982). *Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus (988–1237)*. München.
- Podskal'ski, G. (1996). *Hristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kievskoj Rusi* [Christianity and theological literature in Kievan Rus']. 592 p. Sankt Petersburg, Vizantinorossika.
- Poppe, A. (1976). *The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine-Russian Relations between 986–89*. In *Dumbarton Oaks Papers*, 30, pp. 195–244.
- Poppe, A. (1982). *The Rise of Christian Russia*. Leningrad.
- Poppe, A. (2008). *Vladimir Svyatoy: U istokov cerkovnogo pravoslaviya* [Vladimir Svyatoy: At sources of church Orthodoxy]. In *Fak-ty' i znaki: issledovaniya po semiotike istorii, 1*, pp. 40–107. Moscow, Yazy'ki slavyanskoj kul'tury'.

Rapov, O. M. (1988). *Eshhe raz o datirovke vzyatiya Korsunya knyazem Vladimirom* [Once again about dating of a capture Korsunya the prince Vladimir]. In *Vizantijskij vremennik*, 49, pp. 190–194.

Rapov, O. M. (1984). *O date prinyatiya hristianstva knyazem Vladimirom i kievlyanami* [About date of adoption of Christianity by the prince Vladimir and inhabitants of Kiev]. In *Voprosy istorii*, 6, pp. 34–47.

Rapov, O. M. (1986). *O vremeni vzyatiya Hersona knyazem Vladimirom* [About time of a capture of Kherson the prince Vladimir]. In *Vizantijskij vremennik*, 47, pp. 39–46.

Romanchuk, A. I. (2008). *Issledovaniya Hersonesa–Hersona* [Researches of Chersonese-Kherson]/ In *Raskopki. Gipotezy. Problemy*. Vols. 1–2. Vol. 1: Vizantijskij gorod. Tyumen, Tyumenskij gosudarstvennyj universitet.

Romanchuk, A. I. (1989). *Sloi razrusheniya X v. v Hersonese: K voprosu o posledstviyah Korsunskogo pohoda Vladimira* [Layers of destruction of the X century in Chersonese: To a question of consequences of the Korsunsky campaign of Vladimir]. In *Vizantijskij vremennik*, 50, pp. 182–188.

Rozen, V. R. (1883). *Imperator Vasilij Bolgarobojca. Izvlecheniya iz letopisi Yah'i Antiohijskogo* [Emperor Vasily Bolgaroboytsa: Extraction from the chronicle of Yakhji Antioch]. Sankt-Petersburg.

Shestakov, S. P. (1908). *K voprosu o meste kreshheniya sv. Vladimira* [To a question of a place of a baptism of St. Vladimir]. Kazan.

Shestakov, S. P. (1908). *Ocherki po istorii Hersonesa v VI–X vv. po R. Hr.* [Sketches on stories of Chersonese in the VI–X centuries on R. Hr.]. In *Pamyatniki Hristianskogo Hersonesa*, 3. Moscow.

Shmurlo, E. (1927). *Kogda i gde krestilsya Vladimir Svyatoj?* [When and where Vladimir Svyatoj was christened?]. In *Zap. Rus. ist. ob-va v Prage*, 1, pp. 140–148.

Smedley, J. (1979). *Archaeology and the History of Cherson: A Survey of some Results and Problems*. In *Αρχαιον Πόντου*, Vol. 30, pp. 172–192. Athens.

Smedley, J. (1980). Trade in Cherson, 6th–10th centuries. In *Actes du XV-e Congres Intern. d'etudes Byzantines*. Vol. 4: Histoire Communications (pp. 291–297). Athens.

Sobolevskij, A. I. (1888). *V kakom godu krestilsya sv. Vladimir?* [What Year Was Saint Vladimir Christened?]. In *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshheniya*, June, pp. 396–403.

Sokolova, I. V. (1980). *Herson vo vtoroj polovine XI v.* [Kherson in the second half of the XI century]. In *Actes du XVe Con-gres International d'etudes byzantines (Athenes, sept. 1976)*, 4, pp. 297–304. Athens.

Sokolova, I. V. (1983). *Monety i pechati vizantijskogo Hersona* [Coins and press of the Byzantine Kherson]. 212 p. Leningrad, Iskusstvo.

Talis, D. L. (1958). *Iz istorii russko-korsunskih politicheskikh otnoshenij v IX–X vv.* [From Russian-Kherson history of the political relations in the IX–X centuries]. In *Vizantijskij vremennik*, 14, pp. 103–115.

Tatishhev, V. N. (1994). *Istoriya Rossijskaya* [History Russian: in 4 h.]. Vol. 2. Moscow.

Vasil'evskij, V. G. (1909). *Russko-vizantijskie otryvki. II. K istorii 976–986 gg. (iz al-Mekina i Ioanna Geometra)* [Russian-Byzantine fragments. II. To history of 976–986 (from al-Mekina and Ioann Geometr)]. In *Trudy*, 2/1, pp. 57–58. Sankt Petersburg.

Yakobson, A. L. (1959). *Rannesrednevekovyj Hersones: Ocherki istorii materi-al'noj kul'tury* [Early medieval Chersonese. In *MIA*, 63.

Yakobson, A. L. (1950). *Srednevekovyj Hersones (XII–XIV vv.)* [Medieval Chersonese (the XII–XIV centuries)]. In *MIA*, 17.

Zavadskaya, I. A. (2010). *Katastrofa v Hersone v konce X – XI v.: kritika gipo-tezy o zemletryasenii* [Accident in Kherson at the end of the X–XI century: criticism of a hypothesis of an earthquake]. In *Materialy po arheologii, istorii i e'nografii Tavriki*, 16, pp. 456–487.

Zavadskaya, I. A. (2015). *K diskussii o prichinah i masshtabah razrushenij v Hersone v X–XI vv.* [To discussion about the reasons and scales of destructions in Kherson in the X–XI centuries]. In *II Svyato-Vladimirskie chteniya: tez. dokl. i soobshhenij* (pp. 27–28). Sevastopol.

Zavitnevich, V. (1888). *O meste i vremeni kreshheniya sv. Vladimira i o gode kreshheniya kievlyan* [About a place and time of a baptism of St. Vladimir and about a year of a baptism of inhabitants of Kiev]. Kiev.

Zavadskaya, I. A. (1998). *O razrushenii Hersonesa v X–XI vv.* [About destruction of Chersonese in the X–XI c.]. In *Skify. Hazary. Slavyane. Drevnyaya Rus': Mezhdunarodnaya konferenciya pamyati M. I. Artamo-nova: tez. dokl.* (pp. 121–122). Sankt Petersburg.

DOI 10.15826/QR.2016.1.151

УДК 801.82+808.1+82-7+159.9.016.1

**ОТ ЖЕЛЧИ ЮВЕНАЛА К «ПЕЧЕНКАМ»
РАСКОЛЬНИКОВА У ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО**

Валерий Мароши

Новосибирский государственный
педагогический университет,
Новосибирск, Россия

**FROM JUVENAL'S BILE TO THE 'LIVERS'
OF FYODOR DOSTOYEVSKY'S RASKOLNIKOV***

Valery Maroshi

Novosibirsk State
Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia

The article examines the origin of bile and liver as somatic metaphors of the character's emotional state and of the mode of satire in European and Russian literatures. Bile in fiction is a metaphor of the emotional state of the character, the narrator and the author rather than a 'flesh' motif. The interdependence between the bodily and emotional aspects of the character suggests the importance of "bile" for the verbal behavior and corporeality of the marginal and rebellious characters (outsiders and 'bilious people') in Russian literature of the early – mid-19th century. Typologically, it is close to the European character of 'melancholy' and 'spleen'. In addition, in European and Russian literatures bile became a synecdoche of the satirical mode as a whole and entered, as an emotional tone, the set of the characteristic features of the diatribe.

Keywords: satire; corporeality; liver; bile; spleen; temperament; character; poetics; world literature.

---

* *Citation:* Maroshi V. (2016). From Juvenal's Bile to the 'Livers' of Fyodor Dostoyevsky's Raskolnikov. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 1, p. 209–232. DOI 10.15826/QR.2016.1.151.

Цитирование: Maroshi V. From Juvenal's Bile to the 'Livers' of Fyodor Dostoyevsky's Raskolnikov // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 1. P. 209–232. DOI 10.15826/QR.2016.1.151 / Мароши В. От желчи Ювенала к «печенкам» Раскольников у Федора Достоевского // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 1. С. 209–232. DOI 10.15826/QR.2016.1.151.

В статье исследуется происхождение желчи и печени как телесных метафор эмоционального состояния героя и модуса сатиры в европейской и русской литературе. Желчь в художественной словесности не столько «телесный» мотив, сколько метафора эмоциональных состояний героя, нарратора и автора. Взаимообусловленность телесного и эмоционального планов героя позволяет утверждать о значимости «желчи» для речевого поведения и телесности персонажей-маргиналов (лишних людей и «желчевиков») в русской литературе начала-середины XIX. Типологически он близок европейскому персонажу «меланхолии» и «сплина». Кроме того, в европейской и русской литературах желчь стала синекдохическим обозначением всего сатирического модуса и вошла на правах эмоциональной тональности в набор жанровых установок диатрибы.

Ключевые слова: сатира; телесность; печень; желчь; селезенка; темперамент; персонаж; поэтика; мировая литература.

Цель статьи – проследить трансформацию античных метатекстовых метафор и мотивов в риторике латинской сатиры, которые изначально связаны с желчью и большой печенью, а в русской литературе оказали влияние на формирование литературного архетипа озлобленного героя-маргинала. Его типаж, в отличие от известного литературного памфлета А. Герцена («Лишние люди и желчевики», 1860), мы определяем через очевидную преемственность дискурсивных и психофизических установок двух разных поколений – «лишних людей» и «желчевиков».

Напомним, что одним из самых влиятельных на протяжении более двадцати столетий в медицине и психологии стало «гуморальное» учение Гиппократов о четырех жидкостях (крови, слизи, желчи желтой и желчи черной). В зависимости от того, какая жидкость преобладает в организме человека – слизь (вырабатывается в мозгу), кровь (вырабатывается в сердце), желтая желчь (из печени), черная желчь (из селезенки) – выделялись четыре темперамента, которые впоследствии назовут сангвиническим (когда преобладает кровь), флегматическим (слизь), холерическим (желтая желчь) и меланхолическим (черная желчь). Слизь связана со стихией воды, кровь – воздуха, желтая желчь – огня, черная – земли. Различия в соках у разных людей определяют различия в нравах, а преобладание одного из них обуславливает темперамент человека. Напомним также, что печени и селезенке в Античности придавалось гораздо больше значения, чем сейчас: первая отвечала за чувственные вожделения души, но была и источником вещих снов, селезенка («вторая печень») отвечала за раздражение и гнев. Забегая вперед, укажем, что желчь печени и «сплин» селезенки («сплин» и происходит от древнегреческого σπλήν – селезенка), желчь желтая и черная, в риторике литературы к началу XIX в. станут близкими по смыслу метафорами негативного, раздраженного отношения автора и героя к миру.

Как известно, сама римская сатира (*satira*) – жанр оригинальный, независимый от древнегреческой системы жанров, этимология которого восходит к гастрономическому образу «смеси; мешанины»: «*satira; ae f 1*) (*sc. lanx*) блюдо с различными плодами; *перен.* смесь, всякая всячина: *per saturam Sl* в беспорядке, вперемешку, без плана; 2) (*v. l. satira*) сатира (стихотворное произведение; вначале – типа драматическо-песенной импровизации, впоследствии (с Энния) – нравственно-назидательного, и наконец (с Луцилия и Горация) – обличительного содержания)» [Дворецкий, с. 687]. Гастрономическая по происхождению метафора, давшая название «пестрому» с тематической и стилистической точек зрения жанру, в свою очередь, в какой-то степени повлияла на соматическую метафору инвективной сатиры как эмоционального «истечения желчи».

Желчь – распространенная метатекстовая метафора в римской сатире, характеризующая уже не столько телесное, сколько эмоциональное состояние автора или рассказчика. Латинские синонимы «*bilis*» и «*fel, fellis*», обозначающие желчь, различались, помимо грамматического рода, тем, что первое слово использовалось для называния желчи как текущей жидкости, тогда как второе – желчи внутри желчного пузыря и самого пузыря: «(*abl. ī и e*) *f.1*) желчь *b. suffusa PM* – разлитие желчи; желтуха; б) *pl. biles PM* черная и желтая желчь (по гуморальной теории Гиппократата); 2) желчное настроение, гнев, негодование, досада: *bilem habere Sen* – сердиться, быть в гневе, *bilem movere Pl (commovere C)* – приводить в гнев; *atra (nigra) b. C*; *тж. atrae bilis morbus CC* – угнетенное состояние, мрачное настроение, меланхолия» и «*fel; fellis*» *m. 1*) желчный пузырь; желчь (*в желчном пузыре; bilis* желчь как жидкость) *C; Pall; CC; CA*; 2) желчность; горечь; злоба; ненависть (*corda felle sunt lita Pl*); гнев (*atrum fel V*); 3) яд (*f. vipereum O*); [Дворецкий, с. 103, 321]. В латинской поэзии в метафорическом смысле «злобы» и «гнева» употребляется почти исключительно «*bilis*».

Якобы вечная противоположность двух поэтов-сатириков, Горация и Ювенала, создавших два образцовых типа сатиры, была основана на представлениях о «спокойствии» и «снисходительности» Горация, которым противопоставлялись «пламенность» и «желчь» (насмешка, злость) Ювенала. Между тем, именно у Горация в первой книге его «Посланий» (19; ст. 17–20) мы находим эксплицированную поэтическую рефлексия «желчи» и «смеха»:

Ó imitátorés, servúm pecus, út mihi sáepe
Bílem; sáepe jocúm vestrí movére tumúltus.
[Quinti Horatii Flacci, p. 319].

(О подражатели, скот раболепный, как суетность ваша
Часто тревожила желчь мне и часто мой смех возбуждала!)
(Пер. М. Дмитриева).

В 9-й «Сатире» Горация смех автора вытеснен желчью, которую выделяет печень: «Male salsus / Ridens dissimulare: meum jecur urere bilis» («Злой шутник, смеясь, притворяется: печень моя желчью томится») (Перевод мой. – В. М.) [Quinti Horatii Flacci, p. 893]. Здесь прямой и переносный смысл слова сталкиваются в пределах одного контекста: смех и притворство собеседника вызывают раздражение и злость нарратора, его печень выделяет желчь, таким образом, физиология автора и его эмоции взаимообусловлены.

Тем не менее, русский критик Н. Надеждин, выражая тем самым давно устоявшееся мнение, интерпретировал сатиры Горация как произведения флегматика или меланхолика, в которых выразилась физиология их создателя: в них, по его мнению, «не было ни слишком кипучей желчи, ни слишком горячей крови. Натура уделила ему довольно терпения для того, чтобы щадить человеческую природу в самых отвратительнейших ее искажениях, и довольно степенности для того, чтобы сохранять меру, предписываемую благоразумием, в самые соблазнительные минуты сладчайшего упоения» [Надеждин, 1830, с. 259].

Представлениям о «желчи» сатир Ювенала дал повод сам автор. В первой сатире, выполнившей роль авторского метатекста, или, если угодно, поэтического манифеста, он, противопоставляя свою поэзию тогдашнему мифологическому «постмодернизму» большинства современников, заявляет:

...Quid referam quanta siccum iecur ardeat ira,
cum populum gregibus comitum premit hic spoliator
pupilli prostantis et hic damnatus inani
iudicio? quid enim saluis infamia nummis?
exul ab octava Marius bibit et fruitur dis
iratis, at tu uictrix, prouincia, ploras.
haec ego non credam Venusina digna lucerna?
haec ego non agitem? sed quid magis?

[Juvenalis Junius]

*(Ясно, каким раздраженьем пылает иссохшая печень,
Ежели давит народ толпой провожатых грабитель
Мальчика, им развращенного, то осужденный бесплодным
Постановленьем суда: что такое бесчестье – при деньгах?
Изгнанный Марий, богов прогневив, уже пьет спозаранку:
Он веселится – и стоном провинция правит победу.
Это ли мне не считать везузинской лампы достойным?
Этим ли мне не заняться? А что еще более важно?)¹*

¹ Перевод Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского по изд.: [Ювенал].

Нас здесь интересует, конечно, первая строчка, с которой и начинается развернутое авторское кредо Ювенала-сатирика. К вполне точному переводу следует добавить, что «quid referam» – «стоит ли мне рассказать», «siccum» – «сухой», «iesur» – «печень», «ardeat» – «горит, пылает», «ira» – «гнев, раздражение». Другая метафора из этой строчки («пылает») обусловила восприятие Ювенала как основоположника не только «желчной» сатиры, но и «музы пламенной сатиры», сатиры сильных аффектов. На этом стоит остановиться чуть подробнее.

Античная теория гуморов, как уже было сказано выше, восходила еще у Гиппократу к четырем стихиям. Воспользуемся для иллюстрации образцовым по краткости и хорошо известным еще Древней Руси перечнем Иоанна Дамаскина:

Должно же знать, что есть четыре стихии: земля, которая – суха и холодна, вода, которая холодна и влажна, воздух, который влажен и горяч, огонь, который горяч и сух. Подобным образом есть также и четыре влаги, которые соответствуют четырем стихиям: черная желчь, которая соответствует земле, ибо она – желчь – суха и холодна, слизь, соответствующая воде, ибо она – слизь – холодна и влажна, кровь, которая соответствует воздуху, ибо она влажна и горяча, желтая желчь, которая соответствует огню, ибо она горяча и суха. Плоды, конечно, состоят из стихий, а влаги (или соки) – из плодов, тела же живых существ – из влаг, и в них разрешаются [Дамаскин, с. 154].

Исидор Севильский в 125-м фрагменте своих «Этимологий» возводил само слово «iesur» к латинскому «ignis», «огонь»: «iesur, nomen habet, eo quod ignis ibi habeat sedem, qui in cerebro subvolat» [Isidor de Sevilla, p. 63]. Это сохранилось и в этимологии русской «печени»: «печень» – общеславянское слово, первоначально означавшее «жареное блюдо», то, что пекли на огне, а родственное ему слово – «печаль». В свою очередь, «печаль» «печет» изнутри.

Общеизвестно, насколько значима была печень как вместилище, с одной стороны, чувственных влечений и эмоций души, «сердце», а с другой – как проводник воли богов для античной философии и мантики («гаруспиции»). Возможно, ἥπαρ («печень») и πῦρ («огонь»), как и в русском языке, представлялись для архаичного мышления происходящими от одной общей образной основы. Прометей, укравший, по мифологическому преданию, огонь у богов-олимпийцев, совсем не случайно был осужден на ежедневные терзания его регенирирующей («бессмертной») печени: в античных мифах, во всяком случае, в их литературном изложении, зачастую использовались синкретичные с точки зрения этимологии образы. Возможно, что больная печень антигероя «Записок из подполья» и Раскольников – мифопоэтическая вариация в литературе архаической телесности героя-богоборца,

дерзнувшего бросить вызов верховному божеству-громовержцу, изначально тоже связанному с огнем (корень *Per-*).

Итак, первоначально печень автора, а не истекающая из нее желчь становится источником его сатирической злости. Но остальное «додумывали» уже современники и потомки, воспитанные на теории «гуморов» организма. Печень усиленно вырабатывает желчь, истечение которой становится метафорой раздражительности поэта-обличителя. Любопытно, что «юмор» как одна из граней сатирического дискурса, представления о которой сформировались поздно, в XIX в., будет тоже обусловлен «гумором» организма как цельной психофизиологической метафорой.

С другой стороны, в христианской культуре не менее влиятельным стал мотив принудительного напоения желчью как часть «*imitatio Christi*»: «даша Ему пити оцет с желчию смешен: и вкушь, не хотяше пити» распятием (Матф. XXVII : 34). Так, в рассказе «Похороны» М. Е. Салтыкова-Щедрина (1878) сердца русских литераторов-мучеников поит желчью сама литература:

О, литература! о, змея-мачеха всех этих отщепенцев! ты, постылая! ты, напоющая оцтом и желчью сердца своих деятелей! ты, ты была предметом их внезапно оживившегося собеседования! Много сетований, много гнева слышалось в их речах, но еще больше бесконечной любви к постылому ремеслу и какой-то детской уверенности, что все-таки только тут, на этом тернистом пути, кишашем всевозможными гадами, можно спасти душу [Салтыков-Щедрин].

В античном варианте источником желчи был сам автор или герой, в христианском он стал уже жертвой гонителей и врагов на своем крестном пути, на первый же план вышла символика страдающего сердца, а не печени, как в Античности.

Место страдающей печени в русской культуре чаще всего занимали «голова» / «рассудок», которые противопоставлялись страдающим «сердцу» / «душе» как источникам «любви» и «слез». Спор Обломова с журналистом и литератором Пенкиным в романе «Обломов» можно рассматривать как фундаментальный именно для русской литературы (источник злости «реального направления» в литературе – именно «голова»):

– В их рассказе слышны не «невидимые слезы», а один только видимый, грубый смех, злость...

– Что ж еще нужно? И прекрасно, вы сами высказались: это кипучая злость – *желчное* гонение на порок, смех презрения над падшим человеком... тут все!

– Нет, не все! – вдруг воспламенившись, сказал Обломов. – Изобрази вора, падшую женщину, надутого глупца, да и человека тут же не забудь.

Где же человечность-то? Вы одной головой хотите писать! – почти шипел Обломов. – Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нет, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человеку, чтоб поднять его, или горько плачьте над ним, если он гибнет, а не глумитесь [Гончаров, с. 32].

Сердце заменяет печень для русского поэта даже в аллюзии на муки Прометея:

Вадим ехал скоро, и глубокая, единственная дума, подобно коршуну Прометея, пробуждала и терзала его сердце... [Лермонтов, т. 2, с. 315].

Представления о «Ювеналовой желчи» как о своего рода синекдохе «желчи сатиры» вообще стали одним из «общих мест» европейской словесности риторического периода. Так, оценивая роль сатир М. Дмитриева в статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность», вошедшей в «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), Н. В. Гоголь приписывает ему «желчь Ювенала» как одно из клише положительной оценки сатирика: «...и талантливые пародии Михаила Дмитриева, где *желчь* Ювенала соединилась с каким-то особенным славянским добродушием» [Гоголь, с. 245]. Эта оценка, конечно, не вполне соответствует поэтике конкретных пародий, которые дошли до нас, использование стереотипа можно объяснить лишь его высокой распространенностью в оценках русской литературной критики.

Нет сомнений, что на пути от римской сатиры к европейской литературе Нового времени в создании репутации Ювенала принимали участие и крайне авторитетные посредники. Наиболее важна была оценка Н. Буало в его седьмой «Сатире»: «Ou bien quand Juvénal, de sa mordante plume // Faisant couler des flots de fiel et d'amertume, // Gourmandait en courroux tout le peuple latin» [Oeuvres de M. Boileau, p. 45] («Когда же Ювенал своим язвительным пером // вызывал потоки желчи и горечи» (Перевод мой. – В. М.). В своей «Поэтике» он определяет стихотворные комедии Менандра как жанр без «яда и желчи»: «Sans fiel et sans venin sut instruire et reprendre, // Et plut innocemment dans les vers de Ménandre» [Batteux, p. 53] («Тут стал учить Менандр, питомец вечной славы, // В комедиях своих без желчи и отравы» (пер. Г. С. Пиралова).

В отличие от римских поэтов-сатириков, Буало несколько раз прокомментировал «желчную» эмоциональную и стилевую тональность своих сатир в метатекстовых фрагментах стихотворений. В «Discours au roi» (1665) он сравнивает себя с пчелой, собирающей вместо меда желчь: «Comme on voit au printemps la diligente abeille // Qui de butin des fleurs va composer son miel // Des sottises du temps je compose mon fiel: // Je me vais a toutes parts ou me guide ma veine» [Oeuvres de M. Boileau, p. 180] («Как весной прилежная пчела, // Которая из

цветов собирает свой мед, // Так и я из глупостей моего времени слагаю свою желчь: // Я иду туда, куда ведет меня поэтическое вдохновение»). В 5-й сатире это муза поэта: «...ma Muse en fureur // Verse dans ses discours trop de fiel et d'aigreur» [Oeuvres de Nicolas Boileau Despréaux, p. 93] («Моя Муза в ярости // Льет в свои речи слишком много желчи и горечи» (Перевод мой. – В. М.).

Наиболее употребительным в литературе французского классицизма в метафорическом смысле сначала стало существительное «fiel», образованное от латинского «fel, fellis». Вокруг него сформировались идиоматические смыслы, связанные с письменным и устным дискурсом: «Plume trempée dans le fiel, manière d'écrire pleine d'amertume et de méchanceté. On dit dans un sens analogue: langue trempée dans le fiel» [Dictionnaire Littré] («Перо, которое обмакнули в желчь» – о манере письма, полного горечи и злости. В том же смысле говорят: язык, который обмакнули в желчь (Перевод мой. – В. М.). В трактатах же французских философов и физиологов конца XVIII в. для обозначения процессов, происходящих в организме человека, будут активно употребляться существительное «bile» и прилагательное «bilieux», круг значений которых в итоге станет существенно шире, чем «fiel» и его производные.

Наиболее цитируемой книгой, типологизирующей общность сложения, физиологии и функционирования эмоциональной и интеллектуальной сфер человека на основе античного учения о четырех типах темперамента, стал труд медика и философа Пьера Кабаниса, ученика Э. Б. Кондильяка, «Rapports du physique et du moral de l'homme» (1802) и труды, в той или иной степени подтверждающие его наблюдения (см., например: [Mauricet, p. 19–21]). Именно эти два темперамента, «желчный» и «меланхолический», связанные с преобладанием особой разновидности желчи, вызывали со времен Античности интерес философов, которые видели в этих «гуморах» наиболее отклоняющиеся от ординарного типы поведения выдающихся исторических деятелей («холериков») и углубленных в себя творцов-мыслителей («меланхоликов»). Сангвиники и флегматики воспринимались как типы наиболее «здоровые», которые принадлежат к большинству человечества, его «середине». Естественно, что в эпоху романтизма с его склонностью к исключительному, необычному этот интерес к «людям желчи» еще более обострился.

К середине XIX в. представления философов-материалистов, настаивавших на физиологической обусловленности духовно-эмоциональных процессов, уже как бы подтверждали сложившееся в XVII–XVIII вв. во Франции солидарное мнение о различии римских поэтов-сатириков. К традиционной желчи Ювенала век позитивизма и материализма добавлял еще и «плохое пищеварение» римского поэта:

Vavassor trouve qu'Horace s'insinue doucement dans les esprits et les instruit en riant, que Perse, avec un ton sardonique, veut prêcher la philosophie et que Juvénal, comme un homme *bilieux* et qui fait mauvaise digestion, s'indigne de tout [Bergeron, p. 337].

(Вавассор² считает, что Гораций нежно проникает в души, учит их, смеясь, что Персий проповедует в сардоническом духе философию и что Ювенал как человек желчный и с плохим пищеварением возмущается всем (перевод мой. – В. М.)).

Таким образом, за «bile» в языке литературной критики будет закреплена «физиология литературы», где разность сатирического дискурса порождается либо изначальной разностью организмов поэтов, либо их различными функциональными состояниями, связанными с расстройствами печени, желчного пузыря и пищеварительной системы в целом, а за «fiel» – метафорические смыслы широкого поля «негативной оценки» (злость, раздражение, гнев) и «злоречия».

Для русской же литературы и литературной критики разность коннотаций этих двух слов не была существенна, поскольку похожий феномен обозначался одним словом. Однако в эпоху влияния европейского романтизма на русский у «желчи» как метафоры, обозначающей поэтический аффект, появился еще один сильный конкурент из сферы психосоматики – состояние «сплина». В первой главе «Евгения Онегина» Пушкин попытался найти ему русский эквивалент, выделяя модный англицизм курсивом:

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому *сплину*,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу...
[Пушкин, 1986, т. 2, с. 200].

Так неприступны для мужчин,
Что вид их уж рождает *сплин*...
[Там же, с. 201].

Между двумя контекстами сплина героя и повествователя (строфы XXXVIII и XLII) вполне естественна аллюзия на его литературный источник:

Но к жизни вовсе охладел.
Как *Child-Harold*, угрюмый, томный,
В гостиных появлялся он...
[Там же, с. 200–201].

² Ф. Вавассор, авторитетный французский ученый-иезуит XVII в.

У Пушкина сплин возвращает себе утраченную европейской поэзией «телесность», он воплощен в выражении лица героя:

Что, сплин иль страждущая спесь
В его лице?

[Там же, с. 267].

Английское «байроническое» происхождение слова все же требует некоторого комментария. Слово было заимствовано из древнегреческого σπλήν (*splḗn*), оно стало в английском языке идиоматическим обозначением не столько самой селезенки, сколько сердца, как то было с печенью в Античности: «to be good-spleened» (εὖσπλαγχνος, *eúsplankhnos*) и означало «to be good-hearted or compassionate». Оно прочно укоренилось в XVIII в. как характеристика ипохондрических или истерических аффектов. Английское название селезенки дало название ипохондрии, сплина и связанных с этим заболеванием причуд: «spleen 1) *анат.* селезенка; 2) злоба, раздражение, to vent one's spleen upon smb. – сорвать злобу на ком-л.; 3) *устар.* сплин, хандра» [Мюллер, с. 1192]. Соматическая идиоматика романских языков поддерживает английский в отношении селезенки (*франц.* rate) и печени (*исп.* figado) как органов, порождающих «злость»: во французском языке употребительны такие выражения, как *ne pas se fouler la rate* («не надрываться на работе», *досл.* – «не копать в своей селезенке») или *se dilater la rate* («смеяться до слез», *букв.* – «растягивать себе селезенку»), «радоваться» – «очистить селезенку / очистить печеньку» – «*désopiler la rate, desopilar o figado*», расширить селезенку как «радоваться» / «*dilater / épanouir la rate*», «alegrarse a uno la/s rajarilla» – «радоваться» как «радоваться у кого-то на селезенке».

«Spleen» как обозначение не селезенки, а эмоционального состояния встречается уже у Шекспира. Однако только Мэтью Грин (1696–1737), автор поэмы «The Spleen», наиболее выразительно раскрыл его возможности. Выше мы уже писали, что связь между селезенкой как органом и меланхолией или раздражением, которые она вызывает, восходит к древнегреческому учению о гуморах, в котором «черная желчь» вырабатывается именно селезенкой. Так, метонимическое значение слова («селезенка» – «аффекты, вызываемые ей») стало обозначать эмоциональное состояние. «Сплин» успешно соперничал в русской словесности в период романтизма с романско-французской «желчью».

Для европейской литературы понятие «сплин» стало настоящим влиятельным только после того, как было вынесено в заглавия циклов стихотворений и прозы Ш. Бодлера «Spleen et Idéal» (1857), «Le Spleen de Paris» (1869). Несмотря на это, уже в «литературном портрете» Байрона для современников, а затем и потомков значим именно «spleen». Например, как в вышедшей сразу после его смерти биографии: «his irritable spleen at every cross of his humour», «...and hence many of his effusions of spleen», «Gloom, spleen, misanthropy...», «Misanthropy, spleen, and bitterness...» [Brydges, p. 67, 33, 51,

63]. «Spleen» стал визитной карточкой Байрона далеко за пределами англоязычной культуры.

Между тем, собственно мотив сплина встречается у Байрона начиная с самых ранних стихов («Weary of love, of life, devoured with spleen...» [Byron, p. 7]), однако его никак не отнесешь к распространенным в текстах поэта. Сам Байрон употреблял это слово только в негативном смысле. Возможно, как это произошло и с «желчью Ювенала», все дело в метатекстуальной значимости мотива, вынесенного поэтом в свой вариант («Ars poetica» – «Hints from Horace») как эмоциональной установки английской сатиры: «Satiric rhyme first sprang from selfish spleen. // Doubt – see Dryden, Pope, St. Patrick's Dean» [Ibid., p. 26] («Исток сатирической поэзии – эгоистичный сплин. // Вы сомневаетесь – прочтите Драйдена, Попа, декана собора С. Патрика» (Перевод мой. В концовке имеется в виду Д. Свифт. – В. М.).

Однако и для сатирического модуса традиция психофизиологической метафоры желчи для Байрона была ощутимее. Во второй песне (строфа ССХV) сатирической поэмы «Дон-Жуан» (1819) Байрон создает развернутый поэтический образ печени, которая являетсяместищем страстей и пороков:

The liver is the lazaret of bile,
But very rarely executes its function,
For the first passion stays there such a while,
That all the rest creep in and form a junction,
Like knots of vipers on a dunghill's soil
Rage, fear, hate, jealousy, revenge, compunction
So that all mischiefs spring up from this entrail,
Like Earthquakes from the hidden fire called «central».

*(А печень – нашей желчи карантин,
Но функции прескверно выполняет:
В ней первая же страсть, как властелин,
Такую тьму пороков вызывает,
В ней злоба, зависть, мстительность и сплин
Змеиные клубки свои свивают,
Как из глубин вулкана, сотни бед
Из недр ее рождаются на свет.)*

(Пер. Т. Гнедич)

Изображение печени и селезенки как центров чувственной и нравственной порочности, как мы уже показали выше, запечатлено в общеевропейской соматической фразеологии. Из «Писем» Байрона, датированных 1819 г., становится ясно, что это не просто отчужденная от конкретного автора поэтическая риторика – созданию второй песни сопутствовали длительная диспепсия, тошнота, боли в желудке [см. об этом: Shears].

Но если источником сатиры и большей части пороков, которые она обличает, была печень, а селезенка в конечном счете породила состояние «сплина», то с самой «черной желчью» или меланхолией дело обстояло гораздо сложнее. Меланхолия, или «черножелчье» – одно из важнейших эмоциональных и ментальных состояний автора и героя в эпохи сентиментализма и романтизма. Это было очевидно и для самих участников литературного процесса [см.: Жуковский; Надеждин, 1829], и для современных историков литературы [см.: Садовников; Pfau]. Именно меланхолия как аффект в культуре Нового времени потеряла связь с телом, перестав восприниматься заодно и как душевная патология. Источник меланхолии был вынесен вовне не только тела, но в конечном счете даже и души, само же «черножелчье», в отличие от желчи, предстает в поэзии и эссеистике переживанием, которое не связано так жестко с каким-либо литературным модулем и теряет отчетливые границы в «негативном» отношении к миру. В знаменитой «Анатомии меланхолии» Р. Бертона (1621) она определяется так:

Melancholy which goes and comes upon every small occasion of sorrow, need, sickness, trouble, fear, grief, passion, or perturbation of the mind, any manner of care, discontent, or thought, which causes anguish, dulness, heaviness and vexation of spirit, any ways opposite to pleasure, mirth, joy, delight, causing forwardness in us, or a dislike. In which equivocal and improper sense, we call him melancholy, that is dull, sad, sour, lumpish, ill-disposed, solitary, any way moved, or displeased [Op. cit.: Radden, p. 130].

Уже в XVIII в. клише «желчь» как «желчь сатиры» стало характеристикой преобладающей тональности сатирического дискурса в русской критике. Так, В. К. Тредиаковский в своем компилятивном «Рассуждении о комедии вообще...» (1764), разумеется, повторяет это общее место европейской поэтики, явно осуждая крайности подобной демократической сатиры:

Никто не обойден в городе толь вольном или, лучше, толь самовольном, каков был тогда Афины. Полководцы, градоначальники, правление, сами боги – все было предано сатирической желчи пиитов, да и все то было угодно, только б комедия была увеселительна и приправлена солию, то есть вкусом аттическим. [Цит. по: Берков, с. 53].

В XIX в. мотивировка «желчи» как эстетического аффекта будет связана с сатирической установкой повествования в отдельных фрагментах текста или с творчеством в целом. Обычно она раскрывается в авторских метатекстах разного типа или в литературно-критических оценках: «Я на досуге пишу новую поэму “Евгений Онегин”, где захлебываюсь желчью. Две песни уже готовы» [Пушкин, 1937, т. 13, с. 80]. Сравним с автокомментарием П. А. Вяземского по поводу

обстоятельств создания сатиры «Сибирякову» (1819): «...Меня рвет желчью стихотворной. <...> Я писал горячо» [Вяземский, 1958, с. 440]. «Ведь одной поэзии желчи, негодования и скорби слишком мало для души человека. Но теоретики решительно сумели уверить своих последователей, что это одно только и нужно» [Григорьев, с. 298]; «Неужто всегда истинная поэзия? И разве не бывает таких эпох, когда желчь заменяет чувство, и “современники” готовят памятники не поэтам, а желчным стихотворцам при жизни их?» [Дудышкин, с. 128]; «...ясно, что расстроенная печень Писемского будет портить каждое новое произведение этого сильного таланта и превращать каждый новый роман его в “Взбаламученное море” авторской желчи» [Писарев].

В стихотворении-манифесте Некрасова на смерть Гоголя (1852) был сформулирован специфический идеал русского поэта-сатирика, сочетающего в себе черты Ювенала и христианского мученика:

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства...

<...>

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающей лирой
[Некрасов, т. 1, с. 183].

Еще более глубоким, но уже в аспекте мифопоэтики, стало лирическое продолжение Я. Полонским некрасовской поэтической программы («Блажен озлобленный поэт...», 1872). Полонский эксплицитно прометеевский титанизм и богоборчество новых поэтов, сохранив их «христоподобие» в аллюзии на евангельскую чашу с оцтом и желчью:

Блажен озлобленный поэт,
Будь он хоть нравственный калека,
Ему венцы, ему привет
Детей озлобленного века.

Он, как *титан*, колеблет тьму,
Ища то выхода, то света,
Не людям верит он – уму,
И от *богов* не ждет ответа.

<...>

Он с нами пьет из общей чаши,
Как мы отравлен – и велик.

[Полонский].

Всеобъемлющий символический образ такого богоборца в начале XX в. создаст Вяч. Иванов в своем «Прометее» (1919). Его мятежный герой, как и положено титану, выходец из хтонического мира пещеры и подземелья (ср. «подполье» у Достоевского), похищает огонь для людей и готовит им чашу с желчью:

А потому, что *быть* их приневолил
 В дрему запавший бдительный *огонь*.
 Избранников немного: в них живеи,
 Богаче *пламенеющая жила*,
 Им жизнь мила и ненавистна смерть...
 Но бóльшего не мог соделать я:
 Чтó мог, соделал, – и ко благу все!...
 Приманками любезна станет жизнь
 И прелестью мечтательной и лживой.
 Когда по краю будет ослащен
 Сосуд, чтó я поднес им, *желчи полный*, –
 И *желчь полюбят*, и привыкнут жить,
 Из рода в роды тщась и соревнуя
 Игралища творить, утехи множить.
 Измыслят грады зиждить, торговать,
 Воинствовать, художествовать, числить,
 И рабствовать, и властвовать

[Иванов, с. 56–57].

В наиболее значительных сатирических произведениях герой-резонер, близкий автору, стал подобием самого сатирика: «Чацкий, пожалуй, мастерской сатирик, но он плохое действующее лицо в комедии. Все прочие лица сценические хористы» [Вяземский, 1999, с. 243]. Разумеется, Чацкий должен был стать героем «желчи и огня» – и он таковым является: «Заметно, что вы желчь на всех излить готовы; «И на весь мир излить всю желчь и всю досаду»; «С жаром целует руку»; «И дым Отечества нам сладок и приятен!»; «Велите ж мне в огонь: пойду как на обед»; «Они тотчас: разбой! пожар!»; «Пушусь подалее простыть, охолодеть...»; «Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой»; «Ах! голова горит...»; «Из огня тот выйдет невредим»; «Что? что? Уж нет ли здесь пошара?» [Грибоедов, с. 21, 25, 56, 62, 71, 81, 83, 91, 93, 114]. Добавим к этому определения Чацкого критиками как «огненного», «пылкого», «пламенного» (Н. Полевой, А. Пушкин, О. Сомов и др.). Известная этимология «чад – Чадский – Чацкий» («Весь чад и дым // Надежд...» [Там же, с. 91]) и оттеняющее героя имя Загорецкого еще более укрепляют архаическую и риторическую связь «огня» и «желчи» в мятежном и желчном Чацком. Вместе с сатирической желчью он приносит Прометеев огонь в «холод» снежной России («И день и ночь по снеговой пустыне // Спешу к вам голову сломя»). Его сменяет «охладевший» герой иного типа, Онегин, который

связан, как уже указывалось выше, и с иным источником злости – байроническим сплином: «Нет: рано чувства в нем остыли», «Но к жизни вовсе охладел» [Пушкин, 1986, т. 2, с. 200, 201]. Злость и разочарованность временно сближают его с «остывшим» автором:

Я был озлоблен, он угрюм,
Страстей игру мы знали оба,
Томила жизнь обоих нас,
В обоих сердца жар угас
[Там же, с. 202].

Тем не менее, сатирический потенциал героя сохраняется, он играет в повествовании первой главы роль отчасти «сатирика», как Чацкий, тем более, что он знаком со стихами Ювенала и сочиняет «эпиграммы»:

Он знал довольно по-латыне,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать об Ювенале...
[Там же, с. 189];

Сперва Онегина язык
Меня смущал, но я привык
К его язвительному спору,
И к шутке, с желчью пополам,
И злости мрачных эпиграмм
[Там же, с. 203].

В отличие от Пушкина, в творчестве Лермонтова достаточно рано обозначился интерес к кавказскому варианту сюжета о Прометее (обстоятельно рассмотрен в статье: [Гроссман]). «Ювеналова желчь» по отношению к современникам стала общим местом фрагментов большинства мемуаров о поэте и его программных стихов: «И дерзко бросить им в глаза железный стих, // Облитый горечью и злостью!» [Лермонтов, т. 1, с. 185]. С тех пор оценка Лермонтова как желчного поэта стала общераспространенной: «За грусть и желчь в своем лице // Кипенья желтых рек достоин» («На Кавказе», 1924) [Есенин, с. 234], «Дай, Лермонтов, свой желчный взгляд, // своей презрительности яд» [Евтушенко]. Однако только в «Герое нашего времени» все эти линии сошлись с «физиологическим» и «медицинским» дискурсом в описаниях персонажей и самоописаниях героя-рассказчика. Уже имя героя связывает его с и «печью», и с «печорой» / пещерой, огнем, а тем самым – и печенью. На первый план в его рефлексии и монологах порой выходят диспепсические расстройства и злость:

«Отчего вы так печальны, доктор? <...> Вообразите, что у меня *желчная горячка*, я могу выздороветь, могу и умереть... старайтесь смотреть на меня как на пациента, одержимого *болезнью*, вам еще неизвестной... Вы можете сделать несколько важных физиологических наблюдений...» [Лермонтов, т. 2, с. 566]; «Вы ошибаетесь опять: я вовсе не гастроном: у меня прескверный желудок» [Там же, с. 537]; «Я вернулся домой... *ядовитая злость* мало-помалу заполняла мою душу. <...> Я не спал всю ночь. К утру я был *желт*, как померанец» [Там же, с. 556]; «Желчь моя взволновалась. Я начал шутя – и кончил искренней злостью» [Там же, с. 542].

Современный терапевт даже ставит лермонтовскому персонажу диагноз: «...у Печорина имела место интермиттирующая желтуха, которая провоцировалась нервно-психическим возбуждением» [Губергриц]. «Желчь» как черта поведения Печорина, типического «лишнего человека», была усилена благодаря Белинскому, который в своей статье о романе еще более усилил ее в герое, употребив шесть раз слово «желчный» и его производные. Цепочку желчных героев достойно продолжает Андрей Болконский: «– C'est un sujet nerveux et bilieux, – сказал Ларрей, – il n'en recharpera pas» («Это человек нервный и желчный, он не выздоровеет») [Толстой, т. 1, с. 368].

Сема «желчный» к середине XIX в. содержалась и в русских словарных определениях сатирических жанров, например, диатрибы: «Диатриба – *греч.* diatribe, от diatribo, раздавить, разрушить. Желчная критика» [Михельсон А. Д., с. 254]; «Диатриба – едкая, желчная критика, длинное разглагольствование» [Михельсон, с. 283]; «Диатриба (*ж., греч.*) – жолчная критика, основанная на личностях» [Даль, т. 1, с. 1091]; «Диатриба – *греч.* diatribe, от diatribo – раздавить, разрушить). Резкая желчная критика» [Чудинов, с. 308]. Таким образом, на первый план вышла как бы «физиология» жанра, его гневная, обличительная, злая, язвительная тональность – «желчная».

В русской литературе такие диатрибы произносит порой и «желчный» больной герой в буквальном физиологическом смысле этого слова. Его речевая стратегия тоже основана на «желчи», включающей в себя, как и другие метафорические смыслы, разные оттенки обличения, насмешки, злости, резкости. Жанровые установки диатрибы в европейской литературе Нового времени совпадают с теми, которые были обозначены в русских словарях: «Écrit ou discours dans lequel on attaque, sur un ton violent et souvent injurieux, quelqu'un ou quelque chose, critique violente» [Le Trésor de la langue française]; «A forceful and bitter verbal attack against someone or something, a long and angry speech or piece of writing attacking and criticizing somebody/something» [Oxford English Dictionary].

Как известно, диатриба как один из жанров, образующих «мениппею», привлекла в свое время внимание М. М. Бахтина. Он проигнорировал актуальное назначение жанра, стремясь выявить те его черты, которые восходили к диатрибе кинической литературы. Тем не

мене, в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского Бахтин все-таки отмечает и черты диатрибы Нового времени – обличительной, «злой»: «Характерно нарастание отрицательного тона (назло другому) под влиянием предвосхищенной чужой реакции...» [Бахтин, с. 266]. В начале монолога антигероя Достоевского на первый план выдвинуты параллелизм аффекта необъяснимой злости и болей в печени:

Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек. Я думаю, что у меня болит печень. <...> Нет-с, я не хочу лечиться со злости. Вот этого, наверно, не изволите понимать. Ну-с, а я понимаю. Я, разумеется, не сумею вам объяснить, кому именно я насолю в этом случае моей злостью, я отлично хорошо знаю, что и докторам я никак не смогу «нагадить» тем, что у них не лечусь, я лучше всякого знаю, что всем этим я единственно только себе поврежу и никому больше. Но все-таки если я не лечусь, так это со злости. Печенка болит, так вот пускай же ее еще крепче болит! [Достоевский, т. 4, с. 452–453].

Далее самопрезентация героя будет включать в себя постоянную фиксацию «желчного» эмоционального состояния:

«Да в том-то и состояла вся штука, в том-то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже в минуту самой сильнейшей желчи, постыдно сознавал в себе, что я не только не злой, но даже и не озлобленный человек...» [Там же, с. 453]; «Я такому человеку до крайней желчи завидую. <...> Я хоть и сказал, что завидую нормальному человеку до последней желчи...» [Там же, с. 479]; «То есть я там вовсе не гулял, а испытывал бесчисленные мучения, унижения и разлития желчи» [Там же, с. 489]; «Тоска и желчь снова накопили и искали исхода» [Там же, с. 517].

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863), в творчестве Достоевского, непосредственно предшествовавшем «Запискам из подполья» (1864), рассказчиком уже была найдена телесная мотивировка наррации будущего героя-парадоксалиста – недовольство Германией объясняется всего лишь функциональным состоянием его печени:

А отчего произошла пагубная ошибка моя? Решительно от того, что я, больной человек, страдающий печенью, двое суток скакал по чугушке сквозь дождь и туман до Берлина и, приехав в него, не выспавшись, желтый, усталый, изломанный, вдруг с первого взгляда заметил, что Берлин до невероятности похож на Петербург. <...> Через два часа мне все объяснилось: воротясь в свой номер в гостинице и высунув свой язык перед зеркалом, я убедился, что мое суждение о дрезденских дамах похоже на самую черную клевету. Язык мой был желтый, злокачественный... «И неужели, неужели человек, сей царь природы, до такой степени весь зависит от собственной своей печенки, – подумал я, – что за низость!» С этими утешительными мыслями я отправился в Кёльн [Там же, с. 389–390].

Стратегия типичного «физиологического» очерка в travelogue Достоевского осложнена еще и сопутствующей внутренней психофизиологией рассказчика.

Не касаясь проблемы отношений конкретного автора и его героев, отметим, что первые психологические и психофизиологические мотивировки речевого поведения антигероев своего времени Достоевский увидел в замечательной статье А. Герцена «Лишние люди и желчевики» (1860), направленной против Н. Добролюбова и его окружения:

Все они были *ипохондрики и физически больные*, не пили вина и боялись открытых окон, все с изученным отчаянием смотрели на настоящее и напоминали монахов, которые из любви к ближним доходили до ненависти ко всему человеческому и проклинали все на свете из желания что-нибудь благословить [Герцен, с. 323];

Это не лишние, не праздные люди, это люди озлобленные, *больные душой и телом*, люди, зачахнувшие от вынесенных оскорблений, глядящие исподлобья и которые не могут отделаться *желчи и отравы*, набранной ими больше чем за пять лет тому назад [Там же, с. 322].

Позже Достоевский еще более усилил телесно-патологические мотивировки злости подобных персонажей, развернув метафору Герцена в собирательный образ «новых людей», «наставников» молодежи:

Потому, голубчик, что весьма важная штука понять, в которую сторону развит человек. А нервы-то-с, нервы-то-с, вы их-то так и забыли-с! Ведь все это ныне *больное*, да худое, да раздраженное!.. *А желчи-то, желчи в них во всех сколько!* Да ведь это, я вам скажу, при случае своего рода рудник-с! [Достоевский, т. 6, с. 321];

С другой стороны, послушание школьников и дурачков достигло высшей черты, у наставников раздавлен **пузырь с желчью**, везде тщеславие размеров непомерных, аппетит зверский, неслышанный... Знаете ли, знаете ли, сколько мы одними готовыми идейками возьмем? [Достоевский, т. 7, с. 394].

Эту же тему подхватил Тургенев в «Нови» (1877), стихотворении «Дурак» (1878), Гончаров в «Обрыве» (1869) и т. д. Приведем несколько наиболее выразительных контекстов из «Нови»:

Волосы Маркелов имел курчавые, нос несколько крючковатый, губы крупные, впалые щеки, втянутый живот и жилистые руки. Весь он был жилистый, *сухой* – и говорил медным, резким, отрывочным голосом. Сонный взгляд, угрюмый вид – как есть *желчевик!* Он ел мало, больше катал шарики из хлеба – и лишь изредка вскидывал глазами на Калло-

мейцева, который только что вернулся из города, где видел губернатора – по не совсем приятному для него, Калломейцева, делу, о котором он, впрочем, тщательно умалчивал, – и заливался соловьем [Тургенев, т. 9, с. 186];

Марианна умолкла. *Желчь душила* ее, она решила дать ей волю, она не могла удержаться – но речь ее невольно обрывалась. Марианна принадлежала к особенному разряду несчастных существ [Там же, с. 209].

Как уже очевидно, эти новые «желчевики» вовсе не были первыми «желчными» героями русской литературы. Как представители своего литературного поколения они вступают в конфликт с желчными меланхоликами – «лишними людьми»:

«Он с детства отличался замечательною красотой, к тому же он был самоуверен, немного насмешлив и как-то забавно *желчен* – он не мог не нравиться» [Тургенев, т. 7, с. 30]; «Он состарился, поседел, сидеть по вечерам в клубе, *желчно* скучать, равнодушно поспорить в холостом обществе стало для него потребностью, – знак, как известно, плохой» [Там же, с. 32]; «...очаровательным меланхоликом» [Там же, с. 33]; «– Ты знаешь, я иногда страдаю *разлитием желчи*, – спокойно отвечал ему Павел Петрович» [Там же, с. 86]; «С русскими он развязнее, *дает волю своей желчи*, трунит над самим собой и над ними, но все это выходит у него очень мило, и небрежно, и прилично» [Там же]; «Базаров упорно и угрюмо молчал. Одинцова раза два – прямо, не украдкой – посмотрела на его лицо, строгое и *желчное*, с опущенными глазами, с отпечатком презрительной решимости в каждой черте...» [Там же, с. 99]; «– Словно обаяние употребительнее в подобных случаях, – перебил Базаров, *кипение желчи* слышалось в его спокойном, но глухом голосе» [Там же, с. 162].

В конечном счете средоточием этих телесно-эмоциональных мотивов становится одинокий богоотступник Раскольников:

Проснулся он **желчный, раздражительный, злой** и с ненавистью посмотрел на свою каморку. Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид с своими **желтенькими, пыльными** и всюду отставшими от стены обоями, и до того низкая, что чуть-чуть высокому человеку становилось в ней жутко, и все казалось, что вот-вот стукнешься головой о потолок [Достоевский, т. 6, с. 29];

Он решительно ушел от всех, как черепаха в свою скорлупу, и даже лицо служанки, обязанной ему прислуживать и заглядывавшей иногда в его комнату, возбуждало в нем **желчь** и конвульсии [Там же];

Почти все время как читал Раскольников, с самого начала письма, лицо его было мокро от слез, но когда он кончил, оно было бледно, искривлено судорогой, и *тяжелая, желчная, злая улыбка змеилась* по его губам [Достоевский, Т. 6. с. 41];

Теперь же, в одно мгновение, догадался он, уже на опыте, что всего менее расположен, в эту минуту, сходиться лицом к лицу с кем бы то ни было в целом свете. *Вся желчь поднялась в нем. Он чуть не захлебнулся от злобы* на себя самого, только что переступил порог Разумихина [Там же, с. 107];

Я лучше к моему приятелю *Пороху* пойду, то-то удивлю, то-то эффекта в своем роде достигну. А надо бы быть *хладнокровнее, слишком уж я желчен* стал в последнее время [Там же, с. 389].

В последнем контексте «огненная» природа одного персонажа оттеняется шуточным прозвищем другого.

В реплике Настасьи автор переводит «желчь» героя в физиологическую «кровь» его самого и преступления, совершенного им:

– Никто не приходил. А это кровь в тебе кричит. Это когда ей выходу нет и уж *печенками запекаться* начнет, тут и начнет мерещиться... [Там же, с. 12].

В русской фразеологии именно «печенки» как синоним и заместитель «внутренностей» тела вообще распространены больше, чем печень («печенки отбить», «сидеть в печенках», «достать до печенок»). Однако и типологический (злость на мир «лишнего человека» и «желчевиков»), и обозначенный выше мифопоэтический смысл «возобновляемой печени Прометея» эта форма множественного числа вполне выражает.

Итак, желчь в художественной словесности не столько «телесный» мотив, сколько метафора ментальных и эмоциональных состояний героя, нарратора и автора. Взаимообусловленность телесного и эмоционального планов героя позволяет утверждать о значимости «желчи» для речевого поведения и телесности персонажа в русской литературе начала-середины XIX в. Типологически он близок европейскому персонажу «меланхолии» и «сплина». Кроме того, в европейской и русской литературах желчь стала синекдохическим обозначением всего сатирического модуса и вошла на правах эмоциональной тоналности в набор жанровых установок диатрибы.

Список литературы

- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Худож. лит., 1972. 470 с.
Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени : 1750–1765. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. 336 с.

- Вяземский П. А.* Стихотворения. Л. : Совет. писатель, 1958. 507 с.
- Вяземский П. А.* Заметки о комедии «Горе от ума» // Новое лит. обозрение. 1999. № 4 (38). С. 230–250.
- Герцен А. И.* Лишние люди и желчевики // Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1958. С. 317–328. Т. 14. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859–1860 годов.
- Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями. М. : Совет. писатель, 1990. 432 с.
- Гончаров И. А.* Обломов. М. : АСТ, 2015. 640 с.
- Грибоедов А.* Горе от ума : Пьесы. Стихотворения. М. : ЭКСМО, 2011. 608 с.
- Григорьев Ап.* Стихотворения Н. Некрасова // Григорьев Ап. Соч. : в 2 т. М. : Худож. лит., 1990. Т. 2. С. 507.
- Губергриц Н. Б.* Доброкачественные гипербилирубинемии: всегда ли они абсолютно доброкачественные? // Гастроэнтерология. № 390. 2011. URL: <http://www.mif-ua.com/archive/article/22623> (дата обращения: 10.10.2015).
- Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М. : Рус. яз., 1986. 840 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб. ; М. : 1912. Т. 1. 812 с.
- Дамаскин Иоанн.* Точное изложение православной веры. М. ; Ростов н/Д : Приазов. край, 1992. 465 с.
- Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений : в 15 т. Л. : Наука, 1988–1996.
- Дудышкин С. С.* Стихотворения Н. Некрасова. Изд. 2-е. СПб. : Тип. Э. Праца, 1861. Два тома // Критика 60-х гг. XIX в. М. : Астрель ; АСТ, 2003. 444 с. С. 124–156.
- Есенин С.* Полное собрание сочинений. М. : Рипол классик, 2005. 800 с.
- Евтушенко Е.* Молитва перед поэмой. URL: www.evtushenko.net/051.html (дата обращения: 10.10.2015).
- Жуковский В. А.* О меланхолии в жизни и в поэзии // Русская беседа. 1856. Кн. 1. С. 13–27.
- Иванов Вяч.* Стихотворения. Поэмы. Трагедия. СПб. : Академич. проект, 1995. 432 с.
- Лермонтов М.* Собрание сочинений : в 2 т. М. : Правда, 1988–1990.
- Михельсон А. Д.* Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. СПб. : А. И. Манухин, 1865. 718 с.
- Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое : Опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний : в 2 т. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1903. Т. 1. 779 с. Russian thought and speech.
- Мюллер В. К.* Большой англо-русский словарь. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 1536 с.
- Надеждин Н. И.* Опыт перевода «Горациевых Од» В. Орлова] // Московский вестник. 1830. Ч. 4. С. 254–294.
- Надеждин Н. И.* Сонмище нигилистов // Вестник Европы. 1829. № 1, 2.
- Некрасов Н. А.* Собрание сочинений : в 15 т. Л. : Наука, 1981–2000. Т. 1. Стихотворения. –720 с.
- Писарев Д. И.* Цветы невинного юмора. URL: <http://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/articles/pisarev-cvety-nevinnogo-yumora.html> (дата обращения: 10.10.2015).
- Полонский Я.* Блажен озлобленный поэт... URL: <http://ouc.ru/polonskiy/blazhen-ozloblenii.html> (дата обращения: 10.10.2015).
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 16 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 13. Переписка, 1815–1827. 1937. 651 с.
- Пушкин А. С.* Собрание сочинений : в 3 т. М. : Худож. лит., 1986. Т. 2. Поэмы. Евгений Онегин. Драматические произведения. 527 с.
- Садовников А. Г.* Концепция меланхолии в художественной системе сентиментализма и творчестве В. А. Жуковского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2009. 23 с. The concept of melancholy in the artistic system of sentimentalism and the work of V. A. Zhukovsky.
- Салтыков-Щедрин М. Е.* Похороны. URL: <http://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/proza/pohorony.html> (дата обращения: 10.10.2015).
- Толстой Л. Н.* Война и мир : в 2 т. М. : Правда, 1969–1971. 753 с.
- Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М., 1978–1982.
- Чудинов А. Н.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1894. 502 с.

- Ювенал. Сатиры // Хрестоматия по античной литературе : в 2 т. М. : Просвещение, 1965. Т. 2. Римская литература. URL: http://lib.ru/POEEAST/UVENAL/juvenal1_1.txt. (дата обращения: 10.10.2015).*
- Bergeron P. Histoire de la littérature romaine. Paris : Wesmael-Legros, 1851. 459 p.*
- Batteux Ch. Les quatre poétiques: d'Aristote, d'Horace, de Vida, de Despréaux : Avec les Traductions & des Remarques par M. l'Abbé Batteux. Paris : Saillant & Nyon, 1771. 355 p.*
- Boileau N. Oeuvres poétiques de Boileau Despréaux. Paris : Charles Delagrave et C., 1868. 336 p.*
- Brydges E. An Impartial Portrait of Lord Byron, as a poet and a man. Paris : A. & W. Galignani, 1825. 74 p.*
- Byron G. Complete Works of Lord Byron, Including the Suppressed Poems. Paris : Publ. by Garnier, Palais-Royal, 1839. 724 p.*
- Isidor de Sevilla. Etimologii XI–XII. București : Ed. POLIROM, 2014. 215 p.*
- Juvenalis Junius. Saturae // Satirae. URL: <http://www.readme.it/libri/2/2019012.shtml> (mode of access: 10.10.2015).*
- Le Trésor de la langue française : Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle (1789–1960). URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/diatribe> (mode of access: 10.10.2015).*
- Mauricet J. J. Réflexions sur les tempéramens bilieux et mélancolique. Paris : Impr. Didot le jeune, 822. 25 p.*
- Oeuvres de Nicolas Boileau Despréaux : Avec des éclaircissemens historiques. Vol. 1. Paris : Isaac Vaillant, Pierre Hosse, Pierre De Hond, 1718. 404 p.*
- Oeuvres de M. Boileau Despréaux, à l'usage des collèges. Lyon : F. Matheron, 1814. 303 p.*
- Oxford English Dictionary. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/diatribe> (mode of access: 10.10.2015).*
- Pfau T. Romantic Moods: Paranoia, Trauma, and Melancholy. 1790–1840. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2005. 581 p.*
- Radden J. The Nature of Melancholy: From Aristotle to Kristeva. Oxford : Oxford University Press, 2000. 375 p.*
- Quinti Horatii Flacci. Opera omnia. Vol. 2. Londini : Curante et imprimente A. J. Valpy, 1825. 1154 p.*
- Quinti Horatii Flacci. Opera Omnia : The Satires, Epistles and de Arte Poetica. Vol. 2. Oxford : Clarendon Press, 1891. 498 p.*
- Shears J. Digesting “Don Juan” Cantos I and II // Aspects of Byron’s Don Juan. Cambridge : Cambridge Scholars Publ., 2013. C. 135–157.*

References

- Bakhtin, M. M. (1972). *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoyevsky's Poetics]. 470 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.
- Batteux, Ch. (1771). *Les quatre poétiques: d'Aristote, d'Horace, de Vida, de Despréaux : Avec les Traductions & des Remarques par M. l'Abbé Batteux*. 355 p. Paris, Saillant & Nyon.
- Bergeron, P. (1851). *Histoire de la littérature romaine*. 459 p. Paris, Wesmael-Legros.
- Berkov, P. N. (1936). *Lomonosov i literaturnaya polemika ego vremeni : 1750–1765* [Lomonosov and the Literary Polemics of His Time : 1750–1765]. 336 p. Moscow ; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR.
- Boileau N. (1868). *Oeuvres poétiques de Boileau Despréaux*. 336 p. Paris, Charles Delagrave et C.
- Brydges, E. (1825). *An Impartial Portrait of Lord Byron, as a poet and a man*. 74 p. Paris, A. & W. Galignani.
- Byron, G. (1839). *Complete Works of Lord Byron, Including the Suppressed Poems*. 724 p. Paris, Publ. by Garnier, Palais-Royal.
- Chudinov, A. N. (1894). *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [A Dictionary of Foreign Words, Which Became Part of the Russian Language]. 502 p. Saint Petersburg.
- Dahl, V. I. (1912). *Tolkovnyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka : v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language]. Vol. 1. 812 p. Saint Petersburg, Moscow.
- Damaskin, Ioann. (1992). *Tochnoe izlozhenie pravoslavnoy very* [An Accurate Explanation of Orthodox Faith]. 465 p. Moscow, Rostov on-Don, Priazovskiy kraj.

- Dostoevsky, F. M. (1988–1996). *Sobranie sochineniy* : v 15 t. [Collected Works]. Vols. 1–15. Leningrad.
- Dvoretzky, I. Kh. (1986). *Latinsko-russkiy slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. 840 p. Moscow, Russkiy yazyk.
- Dudyshekin, S. S. (1861). Stikhotvoreniya N. Nekrasova [Poems by Nekrasov]. Dva toma (2nd ed.). Sankt Petersburg. In *Kritika 60-kh gg. XIX v.* (2003). Pp. 124–156. Moscow, Astrel', AST.
- Yesenin, S. (2005). *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 800 p. Moscow, RIPOL klassik.
- Yevtushenko, E. *Molitva pered poemoy* [Prayer before the Poem]. URL: www.evtushenko.net/051.html (mode of access: 10.10.2015).
- Herzen, A. I. (1958). Lishnie lyudi i zhelcheviki [Superfluous and Bilious Men]. In Gertsen, A. I. *Sobranie sochineniy* : v 30 t. Vol. 14. Stat'i iz "Kolokola" i drugie proizvedeniya 1859–1860 godov. Pp. 317–328. Moscow, Izd-vo AN SSSR.
- Gogol, N. V. (1990). *Iybrannye mesta iz perepiski s druz'yami* [Selected Passages from Correspondence with Friends]. 432 p. Moscow, Sovetskiy pisatel'.
- Goncharov, I. A. (2015). *Oblomov* [Oblomov]. 640 p. Moscow, AST.
- Griboedov, A. (2011). *Gore ot uma : P'esy. Stikhotvoreniya* [Woe from Wit : Plays. Poems]. 608 p. Moscow, Eksmo.
- Grigor'ev, Ap. (1990). Stikhotvoreniya N. Nekrasova [Poems by Nikolay Nekrasov]. In Grigor'ev, Ap. *Sochineniya* : v 2 t. Vol. 2, pp. 507. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.
- Gubergrits, N. B. (2011). Dobrokachestvennye giperbilirubinemii: vseгда li oni absolyutno dobrokachestvennye? [Benign Hyperbilirubinemia : Are They always Absolutely Benign?]. In *Gastroenterologiya, 390*. URL: <http://www.mif-ua.com/archive/article/22623> (mode of access: 10.10.2015).
- Ivanov, Vyach. (1995). *Stikhotvoreniya. Poemy. Tragediya* [Poems. Epics. Tragedy]. 432 p. Sankt Petersburg, Akademicheskyy proekt.
- Isidor de Sevilla. (2014). *Etimologii XI–XII*. 215 p. București, Editura POLIROM.
- Juvenalis, Junius. Saturae. 1. In *Saturae*. URL: <http://www.readme.it/libri/2/2019012.shtml> (mode of access: 10.10.2015).
- Le Trésor de la langue française . Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle (1789–1960)*. URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/diatribe> (mode of access: 10.10.2015).
- Lermontov, M. (1988–1990). *Sobranie sochineniy* : v 2 t. [Collected Works]. Vols. 1–2. Moscow, Pravda.
- Mauricet, J. J. (822). *Réflexions sur les tempéramens bilieux et mélancolique*. 25 p. Paris, Impr. Didot le jeune.
- Mikhel'son, A. D. (1865). *O'yasnenie 25000 inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkiy yazyk, s oznacheniem ikh korney* [Explanation of 25,000 Foreign Words that Have Been Loaned by the Russian language, with an Explanation of Their Origins]. 718 p. Saint Petersburg, A. I. Manukhin.
- Mikhel'son, M. I. (1903). *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe : Opyt russkoy frazeologii : sbornik obraznykh slov i inokazaniy* : v 2 t. [Russian Thought and Speech. The National and the Foreign. Experience in Russian Phraseology: A Collection of Figurative Words and Allegories : 2 vols.]. Vol. 1. Russian Thought and Speech. 779 p. Saint Petersburg, Tip. Imperat. akad. nauk.
- Muller, V. K. (2007). *Bol'shoy anglo-russkiy slovar'* [The Great English-Russian Dictionary]. 1536 p. Yekaterinburg, U-Faktoriya.
- Nadezhdin, N. I. (1830). Opyt perevoda "Goratsievskikh Od" V. Orlova [A Translation The Odes of Horace by V. Orlov]. In *Moskovskiy vestnik, Part 4*, pp. 254–294.
- Nadezhdin, N. I. (1829). Sonmishche nigilistov [A Crowd of Nihilists]. In *Vestnik Evropy, 1, 2*.
- Nekrasov, N. A. (1981–2000). *Sobranie sochineniy* : v 15 t. [Collected Works]. Vols. 1–15. Vol. 1. Stikhotvoreniya. 720 p. Leningrad, Nauka.
- Oeuvres de Nicolas Boileau Despréaux (1718). *Avec des éclaircissemens historiques*. Vol. 1. 404 p. Paris, Isaac Vaillant, Pierre Hosse, Pierre De Hond.
- Oeuvres de M. Boileau Despréaux, à l'usage des collèges. 303 p. Lyon, F. Matheron, (1814).
- Oxford English Dictionary. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/diatribe> (mode of access: 10.10.2015).
- Pfau, T. (2005). *Romantic Moods: Paranoia, Trauma, and Melancholy. 1790–1840*. 581 p. Baltimore, Johns Hopkins University Press.

Pisarev, D. I. *Tsvety nevinnoy yumora* [Flowers of Innocent Humor]. URL: <http://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/articles/pisarev-cvety-nevinnoy-yumora.html> (mode of access: 10.10.2015).

Polonsky, Ya. *Blazhen ozloblennyy poet...* [Blessed Is the Resentful Poet...]. URL: <http://ouc.ru/polonskiy/blazhen-ozloblenii.html> (mode of access: 10.10.2015).

Pushkin, A. S. (1937–1959). *Polnoe sobranie sochineniy : v 16 t.* [Complete Works]. Vol. 13. Perepiska, 1815–1827. (1937). 651 p. Moscow ; Leningrad, Izd-vo AN SSSR.

Pushkin, A. S. (1986). *Sobranie sochineniy : v 3 t.* [Collected Works]. Vol. 1–3. Vol. 2. Poemy. Evgeny Onegin. Dramaticheskie proizvedeniya. 527 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

Quinti Horatii Flacci. (1825). *Opera omnia*. Vol. 2. 1154 p. Londini, Curante et imprimente A. J. Valpy.

Quinti Horatii Flacci. (1891). *Opera Omnia : The Satires, Epistles and de Arte Poetica*. Vol. 2. 498 p. Oxford, Clarendon Press.

Radden, J. (2000). *The Nature of Melancholy: From Aristotle to Kristeva*. 375 p. Oxford, Oxford University Press.

Sadovnikov, A. G. (2009). *Kontseptsiya melankholii v khudozhestvennoy Sisteme sentimentalizma i tvorchestve V. A. Zhukovskogo* [The Concept of Melancholy in the artistic System of Sentimentalism and the Creative Work of V. A. Zhukovsky]. (Dissertation abstract). 23 p. Nizhny Novgorod.

Saltykov-Shchedrin, M. E. *Pokhorony* [Funeral]. URL: <http://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/proza/pokhorony.html> (mode of access: 10.10.2015).

Shears, J. (2013). Digesting “Don Juan” Cantos I and II. In *Aspects of Byron's Don Juan* (pp. 135–157). Cambridge, Cambridge Scholars Publishing.

Tolstoy, L. N. (1969–1971). *Voyna i mir : v 2 t.* [War and Peace]. 753 p. Moscow, Pravda.

Turgenev, I. S. (1978–1982). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem : v 30 t.* [Complete Works and Letters]. Moscow.

Vyazemsky, P. A. (1958). *Stikhotvoreniya* [Poems]. 507 p. Leningrad, Sovetsky pisatel'.

Vyazemsky, P. A. (1999). Zametki o komedii “Gore ot uma” [Notes on the Comedy *Woe from Wit*]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*, 4 (38), pp. 230–250.

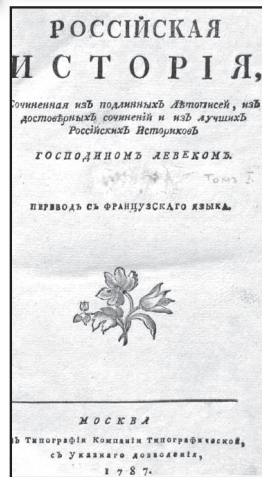
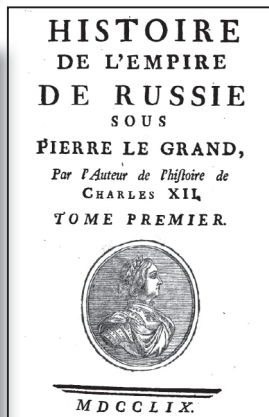
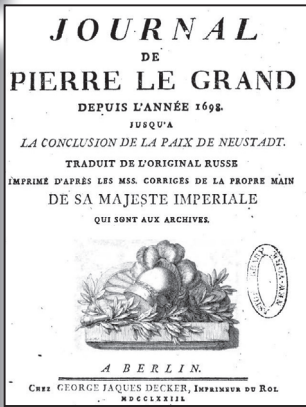
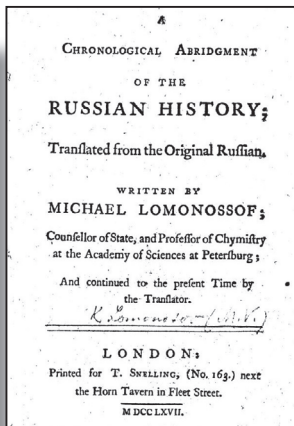
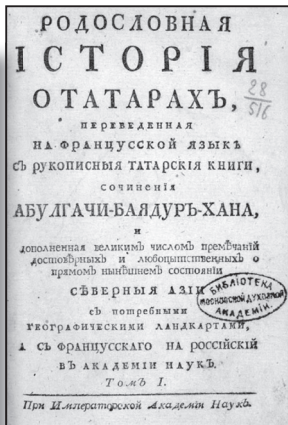
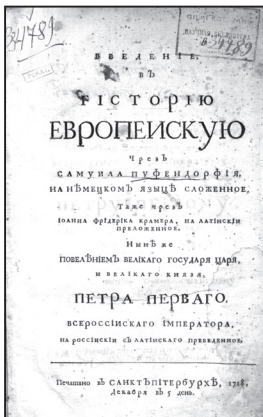
Yuvenal. (1965). Satiry [Satires]. In *Khrestomatiya po antichnoy literature : v 2 t.* Vol. 2. Rimskaya literatura. Moscow, Prosveshchenie. URL: http://lib.ru/POEEAST/UVENAL/juvenal1_1.txt (mode of access: 10.10.2015).

Zhukovskiy, V. A. (1856). O melankholii v zhizni i v poezii [About Melancholy in Life and Poetry]. In *Russkaya beseda, Book 1*, pp. 13–27.

The article was submitted on 20.09.2015

Heritage
Nomina
et scholae

DOI 10.15826/QR.2016.1.152

УДК 81'25+930(470)"17"+94(470)"17"

ПЕРЕВОДЧИКИ XVIII В. И СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ КАК НАУКИ В РОССИИ

Вим Куденис

Католический университет,
Лёвен, Бельгия

TRANSLATORS AND THE EMERGENCE OF HISTORIOGRAPHY IN EIGHTEENTH- CENTURY RUSSIA*

Wim Coudenys

University of Leuven,
Leuven, Belgium

An important aspect of the modernisation of Russia in the 18th century was the creation of academic institutions that relied on European traditions of research and education. Translation was the main mechanism of the 'transfer of knowledge', as well as a scientific method. Translation, however, was not restricted to the mere translation of academic texts into Russian: it also played a crucial role in the development of the sciences themselves in Russia and facilitated the exchange of scientific and scholarly knowledge with Western Europe (the 'circulation of knowledge'). History was one of the disciplines where translation was particularly crucial. This article studies in detail the dynamics of translation within 18th-century Russian historiography. Based on statistical data derived from the *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka* and the *Katalog lichnykh arkhivnykh fondov otechestvennykh istorikov XVIII v.*, the article draws some interesting conclusions with regard to the constantly changing relationship between translators and historians (who were not infrequently the same people). Most of the article (and its sequel in the next issue of QR) deals with the role

---

* Citation: Coudenys, W. (2016). Translators and the Emergence of Historiography in Eighteenth-Century Russia. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4, № 1, p. 235–260. DOI 10.15826/QR.2016.1.152.

Цитирование: Coudenys W. Translators and the Emergence of Historiography in Eighteenth-Century Russia // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 1. P. 235–260. DOI 10.15826/QR.2016.1.152 / Куденис В. Переводчики XVIII в. и становление историографии как науки в России // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 1. С. 235–260. DOI 10.15826/QR.2016.1.152.

of translation in the emergence of Russian history as an academic discipline. It developed from a tool used for political purposes under Peter I into a method for the study of historical sources. This development led to the establishment of historiography as a discipline that relied both on verifiable sources and followed the rhetorical logic of narrative texts. At the beginning of the 19th century, translation as a tool and a historical methodology lost its significance. What did remain was the profound tradition of reference to international knowledge. Later on, Russian historiography was considerably enriched by translations of historical works. This argument makes up the first part of the article.

Keywords: Russian historiography; Peter I; translation activity; 18th century history.

Одним из главных аспектов модернизации России в XVIII в. было создание академической науки. Европейский исследовательский опыт, сложившиеся научные школы были конструктивно восприняты в нарождающейся российской науке. Важным механизмом трансляции знаний и методов исследования был перевод. Однако перевод не ограничился простым «переложением» научных работ на русский язык, но играл решающую роль как в развитии самой науки в России, так и в обмене научными знаниями и опытом с Европой («циркуляция знаний»). Среди наук, которые особенно активно обращались к переводческой деятельности, оказалась историография. В статье подробно рассматриваются динамика переводческой деятельности и ее соотношение с потребностями исторической науки. На основании статистических данных, почерпнутых из «Словаря русских писателей XVIII в.», а также материалов «Каталога личных архивных фондов отечественных историков XVIII в. и первой половины XIX в.», автор делает интересные заключения о процессе взаимоотношений переводчиков и историков, иногда представленных одним лицом. В статье оценивается роль перевода в развитии российской исторической науки от цели распространения политической пропаганды при Петре I через задачу раскрытия исторических источников (в середине XVIII в.) до становления историографии как науки, опирающейся на источники, но в то же время соответствующей правилам нарратива (риторики). Сыграв свою конструктивную роль в формировании академической истории, в начале XIX в. перевод как историографический прием и метод отодвинулся на задний план. Но осталась глубокая традиция обращения к международному опыту, и в последующие времена российская историография многократно обогащалась переводами исторических штудий. В этом номере печатается первая часть статьи.

Ключевые слова: российская историография; Петр Первый; переводческая деятельность; история XVIII в.

Принято считать, что перевод сыграл ключевую роль в модернизации России XVIII в. Однако он не только ускорил передачу научных и технологических знаний [Gouzévitch, 2003; Gouzévitch, 2006], но занял важное место в приобщении к европейскому культурному наследию, которое началось не позднее XVII в. [Киселева] и заложило

основы для формирования российских научных и образовательных институтов, таких как Академия наук (1724), Московский университет (1755) и Российская академия (1783–1841) [Файнштейн; Алферов; Университет в Российской империи]. Переводы стали важным фактором в процессе осмысления новых знаний, результатом чего явилось присоединение России во второй половине XVIII в. к западному «миру знаний», имевшему свои особенности распространения («циркуляция знаний») [Файнштейн; Доронин]. Следовательно, при изучении развития научных дисциплин и создании профессиональных сообществ необходимо принимать во внимание перевод и его alter ego – «передачу культурного наследия» и «циркуляцию (распространение) знаний». Эта мысль в полной мере подтверждается многочисленными примерами, поскольку именно перевод в XVIII в. художественных произведений во многом положил начало новой русской литературе XIX в. [см. об этом: Левин; Клейн; Баренбаум; Рак; М. В. Ломоносов и словесность его времени; Golburt]. Подобное положение касается и исторической науки.

Появление российской историографии в XVIII в. было частью общего процесса модернизации, который начался при Петре Великом и в первой половине XIX в. стал самостоятельной научной дисциплиной с институтами (архивами, университетскими кафедрами истории, семинарами по истории и т. п.) и сообществами профессиональных историков. Все это обеспечило формирование исторического сознания Российского государства и положило начало истории как научной дисциплине [Scholz, 2000; Naissance de l'historiographie russe; Schippan, p. 368–399; Вовина-Лебедева; Ecrire et réécrire l'histoire russe d'Ivan le Terrible à Vasilii Kliuchevskii]. Этот процесс был характерен не только для России, он имел много общего с западной научной традицией, где история начиналась с теологических дискуссий и лекций богатых антикваров-любителей, а затем стала занятием профессионалов, заботившихся о национальных интересах и проблемах методологии [Grafton, 1999; Grafton, 2007; Sweet; Turner].

Уже в 1714 г. Ф. С. Салтыков (?–1715) уговорил Петра I использовать историографию для укрепления международных позиций России и власти царя. Он писал следующее:

Довлеет зачинать писать историю. <...> И к такому описанию истории велеть выбрать из иноземцев и из других умных людей и велеть им справляться с приказами обо всем. <...> И когда такая история сделается на славенском языке, велеть ее напечатать для известия российского народа, и о храбрости и о мужестве в[ашего] в[оинст]ва и премудрых ваших отправлений, и о всяких ваших трудностях, также же и о храбрости воинской российского народа. <...>

И когда такая история напечатается на славенском языке, велеть ее перевести на латынской, французской и немецкой языки и на тех языках напечатать и велеть их разослать во все государства <...>.

Хотя бы в предыдущих годах какие неприятельские соседственные историки писали к своему оправданию какие выправки, а вашему государству какие неправости и читающие иностранцы такую сделанную вашу историю будут знать о произвождении всех ваших отправлений, как воинских, так и морских, и сия история будет впредки всегда напояхвалу вечную в[ашему] величеству [Салтыков, 1897, с. 15–16; ср.: Hughes, 1998, с. 322].

В России, однако, отсутствовала историографическая и интеллектуальная традиция, которая позволила бы быстро достичь этой цели, поэтому на первом этапе первостепенное значение имели иностранные переводы научных трудов. На протяжении всего XVIII в. историография и перевод были тесно связаны друг с другом, впоследствии ситуация изменилась.

В чем заключалась связь между историографией и переводом, как они менялись и как эти изменения повлияли на переход историографии в разряд научных дисциплин – именно эти вопросы составили предмет нашего исследования.

Историки и переводчики

На этапе предварительного исследования были определены имена 236 лиц, так или иначе участвовавших в изложении исторического материала, переводе исторических текстов или в большинстве случаев выполнявших и то, и другое. Для достижения цели статьи и оптимизации анализа выборка имен специалистов, связанных с трудами по истории, производилась из двух основных источников – «Каталога личных архивных фондов отечественных историков. XVIII век» (далее – КЛА-18), последовавшего за ним «Каталога личных архивных фондов отечественных историков. Первая половина XIX века» (далее – КЛА-19) и «Словаря русских писателей XVIII века» (далее – СРП-18), которые в целом включают в себя 167 имен, то есть 71 % от полного списка.

Краткий обзор КЛА-18 и КЛА-19 уже дает представление об изменении отношений между историками и переводчиками. В КЛА-18 включены имена 80 историков, 25 из которых также обозначены как переводчики. По крайней мере, еще семеро (Г. Ф. Миллер, Г. Гюйсен (Гизен), И. В. Паузе (Паус), Х. А. Чеботарев, А. Л. Шлецер, Я. Я. Штелин и М. М. Щербатов) формально не числились как переводчики, хотя из их биографий и библиографических ссылок мы знаем, что они много работали над переводом исторических текстов. В КЛА-19 входят имена 181 историка, только десять из них обозначены как переводчики. С другой стороны, СРП-18 перечисляет имена 135 писателей-переводчиков, имевших дело с историческими текстами, 48 из них также упоминаются в КЛА-18. Если мы построим график, используя выбранные имена и время работы писателей-переводчиков в качестве данных, получим наглядную схему (рис. 1).

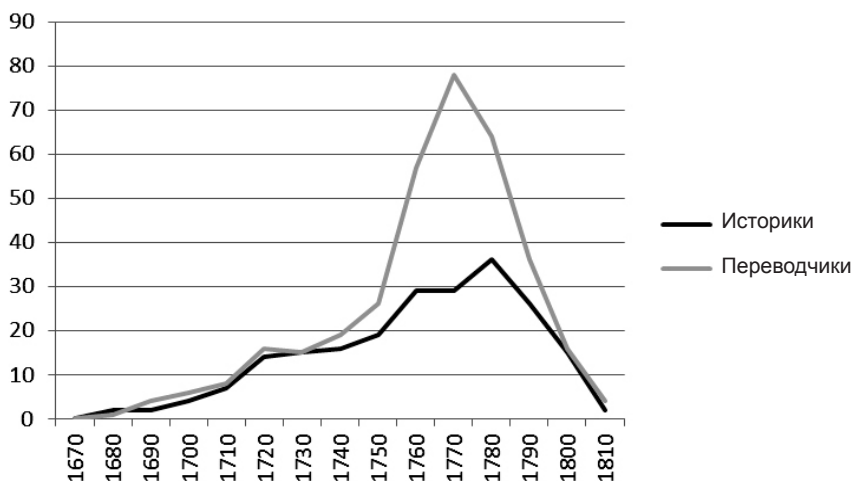

Рис. 1. Численное соотношение историков и переводчиков исторических трудов (конец XVII – начало XIX в.) [КЛА-18; СРП-18]

Несомненно, существует тесная связь между развитием историографии и процессом перевода, пик которого пришелся на правление Екатерины II. Это подтверждает мысль о том, что царствование Екатерины II было благоприятным периодом для формирования исторического сознания и интенсификации процесса модернизации. В связи с этим показательным фактом явилось создание «Собрания старающегося о переводе иностранных книг» (1768–1783), целью которого было сократить разрыв в знаниях между Россией и Западом. Это была не первая попытка организации подобного сообщества переводчиков, но российское собрание, которое функционировало с середины 1730-х гг., очевидно, было менее успешным [Пекарский, 1870–1873, т. 1, с. 524, 638–645; Семенников; Копелевич, с. 150–154; Schierle, с. 627]. За время существования «Собрания» переводчики подготовили к изданию 112 книг. Кроме текстов древних классиков и античных писателей, переводились сочинения французских просветителей, а также книги по истории, географии, астрономии, физике, химии. В то время как в XVIII в. описанием исторических событий занимались одновременно географы, естествоиспытатели, духовные лица и государственные деятели, к концу XVIII в. история стала самостоятельной дисциплиной и обособилась от «перевода», который теперь главным образом соотносили с литературой и/или «коммуникацией», что наглядно представлено на приведенном графике (в широком смысле об этом свидетельствуют двойные определения в КЛА-19).

Если мы сосредоточим внимание на сведениях, приведенных в КЛА-18 об историках и историках, которые были в то же время переводчиками, то их сравнение может оставить впечатление, что перевод составлял лишь небольшую часть историографической деятельности в целом (рис. 2).

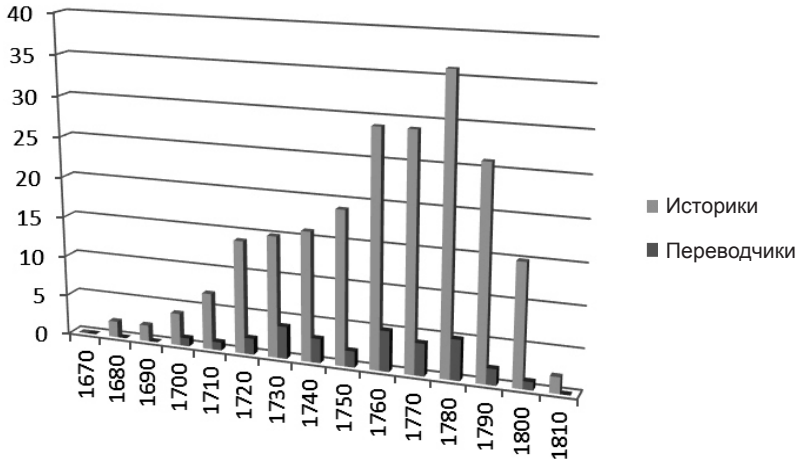

Рис. 2. Численное совпадение историков и историков-переводчиков (конец XVII – начало XIX в.) [КЛИА-18]

Однако если перевести те же самые данные в проценты, мы получим совершенно другое представление о развитии отношений между историей и переводами в области истории (рис. 3).

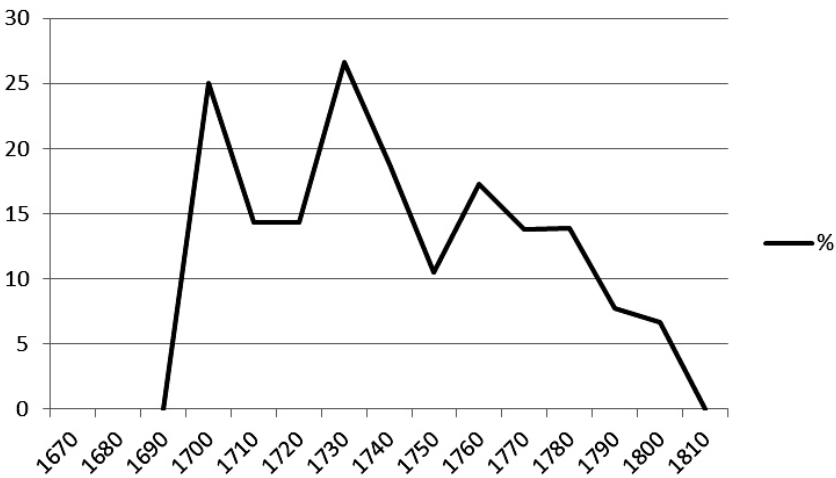

Рис. 3. Процентное соотношение историков и историков-переводчиков (конец XVII – начало XIX в.) [КЛИА-18]

Вышеприведенные наблюдения на основе просопографических данных дают основание утверждать, что перевод, выступавший как механизм запуска процесса описания истории в первой половине XVIII в., со временем утратил свое значение. В развитии российской

историографии можно выделить три кульминационные точки: это возникновение у Петра I интереса к историографии, работа Российского собрания в 1730-х гг. и вышеупомянутый всплеск переводческой активности в период правления Екатерины II. Это явление можно также объяснить тем, что знание языков было одним из требований, предъявляемых российским историкам, поскольку это позволяло им иметь дело с иноязычными источниками или делиться своими открытиями с зарубежными современниками. В России в первой половине XVIII в. было немного людей, владеющих языками в совершенстве, поэтому переводчики активно участвовали в распространении научных знаний. Не случайно переводчики, занимавшиеся историографией, играли большую роль и в создании российской лингвистики и лингводидактики [Keipert; Kislova; Koch]. Их влияние ослабело, когда во второй половине XVIII в. представители высшего сословия стали активно изучать европейские языки, и преподавание таких предметов, как история и география, преимущественно велось на французском [Rjéoutski, 2013a; Rjéoutski, 2013b; Offord, 2014].

Если сопоставить имена писателей-переводчиков исторических текстов (СРП-18) с историками (КЛА-18), то мы увидим, что полученные данные коррелируются с приведенными ранее (рис. 4; см. также рис. 1).

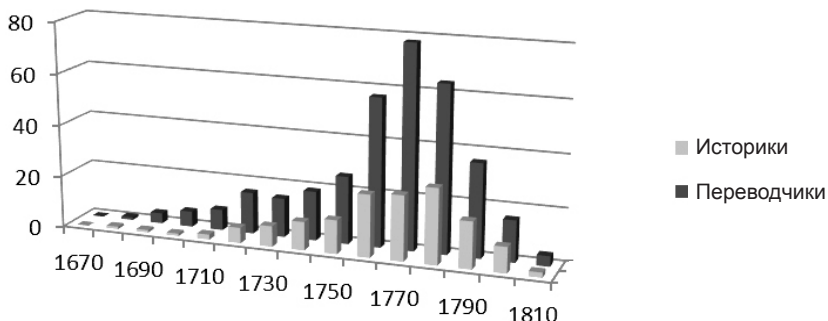

Рис. 4. Численное соотношение переводчиков и историков (конец XVII – начало XIX в.) [СРП-18; КЛА-18]

Тем не менее, если мы вновь переведем данные в проценты, получим результат, сходный с результатом, представленным на рис. 3, хотя с некоторым «отставанием», как если бы перевод исторических текстов, в данном случае зарубежных, стал динамичнее развиваться после периода наиболее активной переводческой деятельности в области истории (рис. 5). Однако следует сделать оговорку: этот график устанавливает соотношение не между историческими научными трудами и их переводами, но между характером деятельности историков и переводчиков (которые не обозначены конкретно как историки). Необходимо отметить, что мы рассматриваем в процессе перевода примеры адаптации и популяризации (интерсемиотические переводы)

истории или полемики, а не только серьезные научные исследования. Учитывая это, можно объяснить, почему ряд переводчиков не указан в числе историков (например, Ф. А. Эмин, И. Н. Болтин).

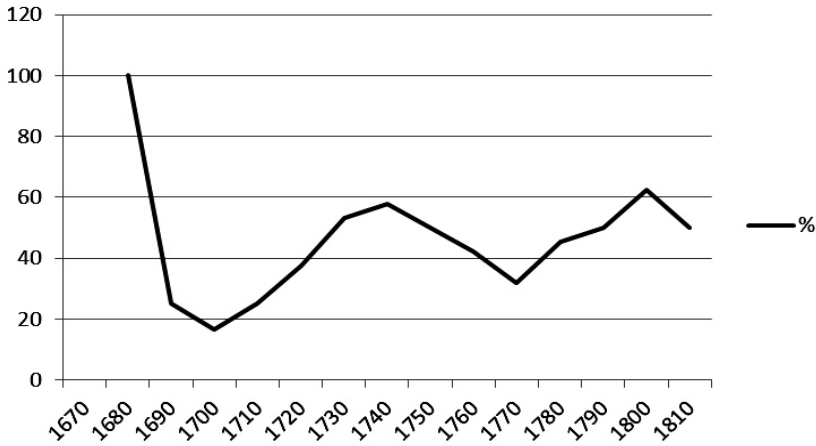

Рис. 5. Процентное соотношение переводчиков и историков (конец XVII – начало XIX в.)

Отметим, что в XVIII в. было, по меньшей мере, три особых вида и/или периода развития тандема «историография – перевод».

Translatio instrumentalis – перевод как средство модернизации России и практического применения истории для политических целей. Этот способ особенно характерен для периода правления Петра I.

Translatio illuminans: на первый план выходит вспомогательная роль перевода в развитии историографии. Это выражение можно понимать буквально: считать перевод «вспомогательной наукой» как средневековую *translation scientifica* или воспринимать его как неотъемлемую часть описания истории, когда переводчик получает доступ к источникам и может делиться ими с коллегами. Эта особенность была характерна для периода конца 1720-х – конца 1760-х гг.

Translatio deliberativa: перевод используют для того, чтобы высказать идею и/или обсудить с другими (на Западе) вопросы истории, то есть для распространения исторических знаний, что было характерно начиная с 1770-х гг.

Хотя эти способы могут быть соотнесены с определенными отрезками времени, было бы ошибочным описывать влияние перевода на становление российской историографии в XVIII в. как последовательный процесс. Напротив, новый вид не вытеснял предшествующие, но поверх предыдущего образовывался новый слой, создавая таким образом своего рода «слоеный пирог». По отдельности каждый слой или вид можно рассматривать как особую модель передачи знаний, а вместе они представляют собой сложный механизм их распространения.

***Translatio instrumentalis*: история как инструмент модернизации политической пропаганды**

Идея, которую предложил Ф. С. Салтыков Петру I в 1714 г., не была революционной. Она просто давала официальное признание стремительно распространяющейся тенденции. История в то время воспринималась не как самоцель, но как средство для достижения более высокой цели, то есть открытия истины (в философском смысле). В лучшем случае она рассматривалась как составляющая более широких понятий «знание» или «наука», к которым относились математика и география, но также история и изучение языков. На практике исторические факты часто использовались для того, чтобы разоблачать ложные притязания в ходе политических, религиозных конфликтов и таким образом придавать большую значимость требованиям противоборствующей стороны [Grell, 1993; Mulsow, 2012]. В конце XVII в. это привело к созданию так называемого *res diplomatica*, критического изучения текстов, которое легло в основу дисциплины, известной сегодня как дипломатика, являющаяся частью археографии. В результате история часто становилась орудием религиозной и/или политической пропаганды, поддерживающей власть церкви и/или абсолютной монархии. Со временем роль последней как в Европе, так и в России существенно возросла [Barret-Kriegel; Киселева, с. 343 и далее; Turner, p. 55–561¹].

В конце XVII в. в России еще не была сформирована научная традиция [Okenfuss]. Страна не была частью международного научного сообщества [Burke, 2000; Mulsow] и не говорила на его языках – на латыни и с XVII в. – на французском [Burke, 2004; Burke, 2007]. Еще не открыла Россия и свое прошлое, практически полностью опираясь на переводы и переложения зарубежных сочинений по своей истории, таких как, например, «Синописис Киевский» Иннокентия Гизеля (1674), повествующий об истории Руси и князьях, который повсеместно читали еще в XIX в. [Самарин, с. 20–76; Маловичко; Сапожников, Сапожникова].

Петр I приобщил страну к малоизвестному до той поры типу научных знаний, но это происходило бессистемно, методом проб и ошибок из-за отсутствия общепринятой культуры межъязыковой коммуникации и привлечения к работе неподготовленных переводчиков [Winter; Marker; Cross; Hughes; Русские и немцы в XVIII веке: Встреча культур; Lehmann-Carli, Schippan, Scholz & Brohm; Cracraft; Glück & Polanska; Хотеев.; Rjéoutski, 2013a; Rjéoutski, 2013b; Argent, Of-ford & Rjéoutski]. «Генеральный регламент» 1720 г. подчеркнул важность работы переводчиков в деле модернизации России, но не упомянул значение историографии [Хотеев, с. 106]. В указе от 23 января 1724 г. роль переводчиков была описана следующим образом:

¹ Термин «археография» был введен Ж. Спеном (Jacques Spon) в 1685 г., но в значении «дипломатика» остался в славянских языках [Turner, p. 184–185].

Для переводу книг зело нужны переводчики, а особливо для художественных, понеже никакой переводчик, не умея того художества, о котором переводить, перевести то не может; того ради заранее сие делать надобно таким образом: которые умеют языки, а художеств не умеют, тех отдать учиться художествам; а которые умеют художества, а языку не умеют, тех послать учиться языкам, и чтоб все из русских или иноземцев, кои или здесь родились, или зело малы приехали и наш язык, как природный, знают, понеже на свой язык всегда легче переводить, нежели с своего на чужой [Цит. по: Пекарский, 1862, с. 243].

Однако найти переводчиков оказалось непросто. В России не существовало традиции изучения европейских языков. Еще во время царствования Алексея Михайловича переводчиками устных речей и письменных текстов служили иностранцы [Иларионова, с. 18–25; Лабутина, с. 179, 182]. Потенциальными кандидатами в переводчики были иностранцы, жившие в Немецкой слободе, ученики немецкой гимназии в Москве или шведские военнопленные, поступившие на русскую службу [Ковригина; Зюсс; Шебалдина; Послыхалин]. Эти люди успешно работали в отделениях Посольского приказа (1549–1720), а после его упразднения, в Коллегии иностранных дел, Сенате и Академии наук [Хотеев, с. 106].

Петр I сам очень любил читать книги по истории и, по словам Ф.-Х. Вебера (?–1739), ганноверского резидента при русском дворе, обладал «отличными познаниями в истории» [Вебер, с. 23]. Его увлечение коллекционированием древностей [Майкова, с. 103–105] распространилось в последние годы не только на памятники материальной культуры, но и на документы, которые могли подтвердить исторические притязания России. В результате императором были изданы указы о том, что найденные летописи и другие интересные документы следует отправлять в Сенат, Посольский приказ и Коллегию иностранных дел [Пекарский, 1862, с. 317–319; Каменский, с. 94–95], а многочисленные частные собрания были перевезены в Академию наук и стали основой фонда ее библиотеки [Луппов, 1973; Луппов, 1976; Hughes, с. 325].

В первую очередь Петр I интересовался тем разделом науки, который теперь принять называть всеобщей историей. Наиболее известной в то время была книга «Введение в историю европейскую» Самуэля фон Пуфендорфа (“*Einleitung zu der Historie der vornehmsten Reiche und Staaten, so itziger Zeit in Europa sich befinden*”, 1684), которая несколько раз переводилась с немецкого языка на русский напрямую или с использованием латинских переводов и неоднократно публиковалась на протяжении XVIII в., что позволило Пуфендорфу стать одним из самых влиятельных представителей исторического мышления в России XVIII в. [Winter, 1953, с. 194, 215; Малышева]².

² «Введение, в историю европейскую. Чрез Самуила Пуфендорфия, на немецком языке сложенное. Также чрез Иоанна Фридерика Крамера, на латинский предложенное. Ныне же повелением великаго государя Петра Перваго, всероссийскаго императора, на российский с латинскаго преведенное». СПб., 1718, 1723 (пер. Г. Ф. Бужинского); «Самуила Пуфендорфа Введение в историю знатнейших европейских государств: С примечаниями и политическими разсуждениями. Переведена с немецкаго Борисом Волковым». СПб., 1767–1777.

Петр I проявлял живой интерес и к истории России. Он ознакомился с «Синописом Киевским» и «Степенной книгой» (1560–1563) – генеалогическими исследованиями, составленными при Иване Грозном и связывавшими российских монархов с более древними династиями Византии и Рима [Gonneau; Lenhoff; Lenhoff, Kleimola; ср.: Юрьев, Серов, 2013]. Хотя царь придерживался их идеологии, его больше интересовала возможность использовать историю для оправдания недавних военных походов и изменить в глазах Европы образ России как грубой варварской страны. Для этих целей Петр нанял вестфальского адвоката, историка и переводчика Г. Гюйсена (1666–1739). Последний имел связи с европейскими научными сообществами, познакомил Петра с Г. В. Лейбницем (1646–1716) и снабжал влиятельные немецкие журналы такими сведениями о России, которые помогли создать ее положительный образ. Стараниями Гюйсена европейская пресса часто отзывалась о Петре I восторженно. Благодаря связям с немецкой гимназией в Москве он также поддерживал отношения с городом Галле, одним из первых европейских центров русистики [Korzun].

После успеха в битве под Полтавой в 1709 г. история Северной войны стала одной из главных целей пропагандистской деятельности Петра I. Донесения с поля боя во время этой кампании и свидетельства иностранных участников событий отправлялись в Посольский приказ, где их переводили, составляя журнал боевых действий. Однако царь не был доволен этими переводами и сборниками и поручил это задание Кабинету Его Императорского Величества, который был превращен в исторический и переводческий орган [Погосян, с. 187; Алларт; Korzun, p. 175; Herman, 1872; Фоккеродт, Плейер; Федоров, с. 167 и след.]. Итогом этой работы стала «Книга Марсова или воинских дел от войск Царского Величества российских», выпущенная в 1713 г.; работа же над последней редакцией «Истории Свейской войны» была прервана после смерти Петра.

С точки зрения историографии «История» стала важной вехой его развития, поскольку это была первая российская попытка написания хроники, которая была основана на более или менее достоверных источниках и переведена на разные языки [Майкова]. Во время своего создания она описывала современные или совсем недавние события и имела большое значение, потому что сразу же могла использоваться как орудие политической пропаганды. Победа России в Полтавской битве вывела страну на международную политическую арену, и Петр не хотел упускать возможность поспособствовать достижению целей России в международной политике [Hughes, p. 21–62]. Нас в данном случае интересует роль, которую в этом процессе играли переводчики. Хотя перевод как таковой едва ли был когда-либо упомянут в отношении «Истории», он предоставлял новые источники информации и расширял границы исторических знаний. Ф.-Х. Вебер, например, критиковал использование почти исключительно иностранных,

а значит, недостоверных источников и говорил о необходимости ссылаться в том числе и на российские официальные документы [Weber, 1744, p. 253–254; ср. Вебер, с. 157; Blome, 2006]. Именно Гюйссен, один из переводчиков и преподаватель истории царевичу Алексею, впервые предложил идею рациональной истории, следуя принципам широкого использования первоисточников, сформулированным Пуфендорфом. Гюйссен также представил проект общей истории России, который получил дальнейшее развитие благодаря «отцам российской историографии» В. Н. Татищеву (1686–1750), Г. Ф. Миллеру (1705–1783), А. Л. Шлецеру (1735–1809) и М. М. Щербатову (1733–1790) [Федоров, с. 165–167; Korzun, с. 174–180]. В определенном смысле эти идеи дали начало новому принципу перевода и пониманию переводческой деятельности как части историографического процесса. Тем не менее, историю не перестали использовать как орудие пропаганды.

***Translatio illuminans*: перевод как часть историографического процесса**

В 1725 г., когда была учреждена Академия наук, только иностранцы, преимущественно немцы, владели специальными научными знаниями и могли в ней работать. Закономерно, что девять из 13 первых академиков были немецкого происхождения. С 1725 г. по 1743 г. 37 из 50 членов академии также были выходцами из Германии. В течение XVIII в. их число выросло до 67, при этом общее количество сотрудников равнялось 111. До 1773 г. рабочими языками в академии были немецкий и латынь [Marker, p. 46; Смагина, 20006, с. 209, 213]. Из 17 историков, преподававших в академии в XVIII в., 15 были немцами, а два других – выходцами из Франции и Швейцарии [Чернобаев, с. 127]. Разумеется, это приводило к языковым проблемам и трудностям в работе националистического свойства [ср.: Турнаев]. Многие историки столкнулись с проблемами перевода и/или непосредственно участвовали в их решении не только при написании своих научных работ, но и в обычных беседах со своими русскими коллегами. Иностранное происхождение первых историков России влияло на оценку трактования истории России на иностранном языке и становилось предметом горячих споров, особенно в трудные для страны времена, когда исторические факты нередко использовали для того, чтобы доказать или опровергнуть правомерность политических притязаний России. Не менее важной была задача сделать историю доступной для русскоязычных читателей. Тем более, что согласно проекту структуры академии и перечню обязанностей ее членов от 1724 г., результаты работы академиков должны были быть доступны для большинства слушателей или читателей. По этой причине все классы академии должны были иметь переводчика [Материалы для истории Императорской Академии Наук, т. 1, с. 19; ср.: Истрина].

Языковые трудности имели место уже в 1725 г., когда востоковеду из Кенигсберга Г. З. Байеру (1694–1738) предложили должность в Академии наук на кафедре греческих и римских древностей. В 1735 г. Байер занял вновь созданную кафедру восточных древностей и языков [Пекарский, 1870–1873, т. 1, с. 180–196; Копелевич, с. 142; Готлиб Зигфрид Байер...; Васильева, 1999, с. 126–127; Смагина, 2000а; Смагина, 2000б; Scholz, 2001; Naissance de l'historiographie russe, р. 17–25]. Байера привлекали перспектива использования обширных фондов библиотеки и возможность публиковать свои научные труды [Winter, р. 182–183; Смагина, 2000а, с. 212]. Однако, как и большинство иностранных членов академии, он так никогда и не освоил русский язык [Старчевский, с. 125; Шлецер, с. 4]. Как и полагалось «классическому ученому» тех лет, Байер писал на латыни и публиковался в «*Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae*» («Комментариях Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге», 1726–1746), которые были малодоступны русскоязычному читателю. Попытку перевести латинские «Комментарии» на русский остановили после первого же выпуска, поскольку, по словам Миллера, «книгу никто не хотел похвалить, не умел понять, что читали, и свое неумение называли темнотою изложения и неверностью перевода, вследствие чего издание не продолжалось» [Материалы для истории Императорской Академии Наук, т. 4, с. 156; ср. Здобнов, с. 41].

«Комментарии» было поручено переводить В. Е. Адодурову (1709–1780), И. И. Ильинскому (?–1739), И. С. Горлицкому (1690–1770), М. П. Сатарову (?–1732) и И. В. Паузе (1670–1735). Именно Паузе, рекомендованный Гюйзенем, специализировался на исторических текстах и стал первым посредником между Байером и его русским окружением [Перетц, с. 87–150; Winter, 1953, с. 170–171, 192; Winter, 1958; Glück, Polanska, с. 102–105; Huterer, с. 20–26]. Когда Байер примерно в 1730 г. обратился к истории России, он в большей степени полагался на зарубежные источники, написанные на тех языках, которыми он владел. Для ознакомления с документами на русском он обратился к переводчикам. Среди источников была и недавно обнаруженная Радзивилловская (Кёнингсбергская) летопись, в которой содержалась Повесть временных лет. Паузе переписал и частично перевел ее на немецкий и латинский [ср.: Савельева].

Паузе был помощником Байера и его последователя Миллера до своей смерти в 1735 г., а затем его пост занял датчанин Б. А. Селлий (Sellius, 1695–1745), который специализировался на археографии, библиографии и переводе древних манускриптов на латынь. Благодаря его переводам многие до тех пор недоступные документы оказались в распоряжении ученых, хотя вопрос о степени их понимания остается спорным [Старчевский, с. 127–129; СРП 18, т. 3, с. 107–108]. Ему на смену пришел К. А. Кондратович (1703–1788). До своего назначения Кондратович помогал В. Н. Татищеву в написании «Истории российской», делая переводы польских и латинских текстов. Среди них были

статьи Байера на латыни, которые иначе остались бы недоступны Татищеву [Black, 1986, с. 105, 239; СРП 18, т. 2, с. 115–118].

Перевод также помогал распространять исторические исследования Байера и других ученых. Эта работа выпала на долю Миллера, которого первоначально определили адъюнктом в недавно основанную академию. Он преподавал латынь, историю и географию в Академической гимназии, вел протоколы академических совещаний, а затем был назначен редактором газеты «Санкт-Петербургские ведомости», которая издавалась академией с 1728 г. Миллер увлекался историей и благодаря поддержке Байера стал выпускать в этой газете «(Месячные) исторические, генеалогические и географические примечания» дважды в неделю в качестве приложения. Кроме статей на языке оригинала, в нее входили переводы, которые выполняли В. Е. Адодуров, И. И. Тауберт (Taubert, 1717–1771), М. В. Ломоносов (1711–1765), В. К. Тредиаковский (1703–1768), И. П. Яхонтов (?–1740) и М. Шванвиц (Schwanwitz, ?–1740) [Койтен]. В 1732 г. Миллер выпустил “Sammlung russischer Geschichte” («Собрание российской истории»), издание, предназначенное для того, чтобы познакомить иностранных читателей с историей России.

Первая серия «Собрания» вышла отдельным выпуском в 1730-х гг. и содержала первую публикацию, а именно перевод (!) Радзивилловской летописи, а также пять статей Байера, которые затем вошли в его книгу «История Азова» [“Histoire d’Azov” de Gottlieb Siegfried Bayer]. Впоследствии Тауберт перевел ее на русский язык [Краткое описание случаев, касающихся Азова...; ср.: Савельева]. Миллер хотел, чтобы “Sammlung” было переведено на русский, но эта идея была реализована не сразу, а только в 1750-е гг., когда Миллер создал журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755–1764) [Пекарский, 1867; Белковец, с. 69–70; Кулакова, с. 346]³. Кроме того, можно было найти много переводческих параллелей между историческими заметками в журнале и в “Sammlung” Миллера, а также в анонимных публикациях его исследований, которые имели незаконное хождение за границей, так как исключительные права на них принадлежали Российской империи [Ср.: Hoffmann, Osipov; Hoffmann; Black, с. 123–158; Bucher, с. 111–123].

С 1733 по 1743 г. Миллер участвовал в Великой Северной экспедиции (Второй Камчатской экспедиции). Его главная задача состояла в том, чтобы собрать исторические и этнографические материалы, которые впоследствии он использовал в качестве источников для написания собственной истории Сибири [Black, с. 103–104; Титова, 2007]. Детальные инструкции, которые Миллер дал своему адъюнкту И. Э. Фишеру (Fischer, 1697–1771) в 1740 г., говорят о том, что он был хорошо ознакомлен с языковыми трудностями, которые неизбежно проявились бы в ходе общения с коренными жителями. Миллер

³ Ю. Х. Копелевич считала, что «Ежемесячные сочинения» вряд ли содержали переводы, но это не так [Копелевич, с. 481; ср.: Каменский, с. 388].

посоветовал Фишеру составлять словари [Müller ; ср.: Титова, 2001]. Однако эта рекомендация себя не оправдала, когда дело дошло до перевода источников. Печально известен случай с «Родословной историей о татарах» Туркмен-хана и историка Абулгази (1603–1664). Ее Миллер использовал для создания истории Сибири и опубликовал отдельным томом в 1768 г. В 1726 г. в Лейдене появилось издание на французском (“Histoire généalogique des Tatars”), которое было сделано шведскими военнопленными в Сибири. В. К. Тредиаковский перевел французскую версию на русский язык, скопировав французские ошибки. Позже к Г. Я. Керу (Kehr, 1692–1740), востоковеду и переводчику Коллегии иностранных дел, обратились с просьбой сделать новый перевод оригинального текста. Однако перевод получился буквальным. Еще одну попытку предпринял Фишер, обратившись к французскому изданию для того, чтобы исправить ошибки Кера [Материалы для истории Императорской Академии Наук, т. 6, с. 319–320; Титова, 2001; ср.: Соболев]. Этот случай говорит о том, что переводчики и их покровители либо не знали об этих проблемах, либо не беспокоились о том, что небрежность в переводе может исказить исторический факт и повлиять на его достоверность. Плохой перевод был лучше, чем его отсутствие.

Путаница с языками, однако, на этом не заканчивалась. В черновике введения к «Описанию сибирского царства...» (1750) Миллер предпринял попытку решить еще две важные проблемы. Первая состояла в необходимости провести различие между древнерусским и церковнославянским языком, с одной стороны, и современным русским, с другой. Миллер утверждал, что за исключением нескольких устаревших слов и выражений, для которых существовали приемлемые переводы, русский язык XVIII в. не так сильно отличался от церковнославянского и древнерусского. По мнению Миллера, почти все трудности происходили от неточностей, допущенных писцами, и от незнания современными читателями древних документов. По этой причине перевод помог бы сократить разрыв между прошлым и настоящим. Вторая проблема непосредственно касалась работы историков и переводчиков. Миллер, как и его адъютант Фишер, записывали свои наблюдения сначала на немецком, а затем самостоятельно переводили на русский [Титова, 2007, с. 222–224]. Несмотря на то, что практика перевода текстов на русский язык иностранцами была в то время достаточно распространена, Миллер наверняка знал, что именно в этом кроется причина переводческих ошибок. Во избежание критических замечаний он заранее заверил читателей в том, что добросовестно выполнил работу (как переводчик), и указал на то, что для составления качественных исторических научных трудов нужны хорошие переводчики [Миллер, 1937–1941, т. 1, с. 165]. И. Д. Шумахера (Schumacher, 1690–1761), библиотекаря Академии наук, эти доводы не убедили, и он отказался принять черновик Миллера. Мнение историка по поводу старого и нового

русского языка показалось ему оскорбительным, а утверждения о переводе – обманчивыми: Миллер (чужестранец!) делает вид, что переводил сам, в то время как в действительности это сделали переводчики Академии. Однако Шумахер не уточнил, кто из академических переводчиков сделал перевод, русский или иностранец [Там же, с. 462–463]. В конце концов библиотекарь написал собственное введение, в котором преуменьшил роль Миллера и заявил, что необходимость нанять компетентных переводчиков, найти которых непросто, составляет ключевую задачу академии [Миллер, 1750, предисловие; ср.: Миллер, 1937–1941, т. 1, с. 465].

(Продолжение статьи – в следующем номере).

Список литературы

Алларт Л. Н. Подробное описание осады города Нарвы и сражения под сим городом в 1700 году (отрывок из Истории Петра Великого, сочиненной генералом Аллартом) // Сев. архив. 1 (1822). № 1–2. С. 3–28, 117–143.

Алфёров Ж. И. Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков. СПб. : Наука, 2010.

Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А. Ю. Андреева, С. И. Посохова. М. : РОССПЭН, 2012.

Баренбаум И. Е. Французская переводная книга в России в XVIII веке // Книжная культура в мировом социуме : Теория, история, практика. М. : Наука, 2006.

Белковец Л. П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. : Г. Ф. Миллер и А. Ф. Бюшинг. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1988.

Васильева Н. Е. Немцы-востоковеды в Академии наук (XVIII – первая половина XIX в.) // Немцы в России : Петербургские немцы / сост. Г. И. Смагина. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. С. 126–136.

Вебер Ф.-Х. Преображенная Россия : Новые записки о нынешнем состоянии Московии. СПб. : Искусство-СПб., 2011.

Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб. : Дмитрий Буланин, 2011.

Готтлиб Зигфрид Байер – академик Петербургской Академии наук. СПб. : Европейский дом, 1996.

Доронин А. В. «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М. : РОССПЭН, 2008.

Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. М. : Гос. изд-во культ.-просвет. лит.-ры, 1951.

Зюсс В. Становление и развитие социокультурных и образовательных связей России и Германии: Эпоха Петра I // Немцы в России : Российско-немецкий диалог / сост. Г. И. Смагина. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. С. 145–154.

Иларионова Т. Немцы на государственной службе России: к истории вопроса на примере освоения Дальнего Востока. М. : Ин-т энергии знаний, 2009.

Истрина М. В. Академические переводчики в XVIII веке // Книжное дело в России в XVI–XIX веках : сб. ст. Л. : БАН 1980. С. 105–115.

Каменский А. Б. Архивное дело в России XVIII века: историко-культурный аспект (постановка проблемы, историография, источники). М. : РГГУ, 1991.

Русские и немцы в XVIII веке : Встреча культур / сост. С. Я. Карп, Й. Шлобах, Н. Ф. Сокольская. М. : Наука, 2000.

Киселева М. С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М. : Прогресс-Традиция, 2011.

Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып. 1. XVIII век. М. : Едиториал УРСС, 2001 (КЛИА-18).

Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып. 2. Первая половина XIX века. М. : Едиториал УРСС, 2007 (КЛИА-19).

Клейн И. Пути культурного импорта: труды по русской литературе XVIII века. М. : Языки славянской культуры, 2005.

Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее роль в русско-германских контактах первой половины XVIII в. // Русские и немцы в XVIII веке / сост. С. Я. Карп, Й. Шлобах, Н. Ф. Сокольская. М.: Наука, 2000. С. 189–202.

Койтен А. К истории русских и немецких примечаний к Ведомостям (1728–1742) // Russian Literature. Vol. 75. Iss. 3–4. 18th-Century Literature / Ed. by J. Klein. 2014. P. 265–304.

Копелевич Ю. Х. Основание петербургской Академии наук. Л. : Наука, 1977.

Краткое описание случаев, касающихся Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1738.

М. В. Ломоносов и словесность его времени : Перевод и подражание в русской литературе XVIII века / сост. А. А. Костин, А. О. Дёмин. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2013.

Кулакова И. П. Г. Ф. Миллер – агент европейского культурного влияния в России // Г. Ф. Миллер и русская культура / сост. Д. Дальманн, Г. Й. Смагина. СПб. : Росток, 2007.

Лабутина Т. Л. Англичане в допетровской России. СПб. : Алетейя, 2013.

Левин Ю. Д. История русской переводной художественной литературы : Древняя Русь. XVIII век : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995–1996.

Луттов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л. : Наука, 1973.

Луттов С. П. Книга в России в послепетровское время (1725–1740). Л. : Наука, 1976.

Майкова Т. С. Петр I и «История Свейской войны» // Россия в период реформ Петра I / сост. Н. И. Павленко. М. : Наука, 1973. С. 103–132.

Маловичко С. И. Отечественная историческая мысль XVIII века о возникновении и ранней социально-политической жизни древнерусского города (от киевского «Синописа» до «Нестора» А. Л. Шлецера). Ставрополь : Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001.

Мальшева Н. И. Судьба книги Самуила Пуфендорфа «О должности человека и гражданина» в России // Немцы в России : Российско-немецкий диалог / сост. Г. И. Смагина. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. С. 187–197.

Материалы для истории Императорской Академии Наук. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1885–1900.

Миллер Г. Ф. Описание сибирского царства и всех произшедших в нем дел, от начала а особливо от покорения его Российской Державе по сии времена. СПб., 1750.

Миллер Г. Ф. История Сибири : в 2 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1937–1941.

Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом : в 2 т. СПб. : Тип. Товарищества «Общественная польза», 1862. Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII века.

Пекарский П. П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755–1764 годов. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1867.

Пекарский П. П. История Императорской академии наук в Петербурге : в 2 т. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1870–1873.

Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы : в 3 т. СПб. : тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1902. Т. 3. Из истории развития русской поэзии XVIII в.

Погосян Е. Петр I – архитектор российской истории. СПб. : Искусство-СПб., 2001.

Послыхалин А. Ю. Шведские военнопленные времен Северной войны в Москве и Подмоскowie, 1700–1721. URL: <http://trojza.blogspot.ru/2013/03/1700-1721.html> (mode of access: 27.11.2015).

Рак В. Д. Статьи о литературе XVIII века. СПб. : Пушк. Дом, 2008.

Савельева Е. А. Издание русских летописей в «Sammlung Russischer Geschichte» Г. Ф. Миллера // Немцы в России : Петербургские немцы / сост. Г. И. Смагина. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. С. 505–510.

Салтыков Ф. С. Изъявления прибиточные государству // Проекты реформ в записках современников Петра Великого : Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты / сост. Н. П. Павлов-Сильванский. СПб. : тип. В. Киршбаума, 1897.

Самарин А. Ю. Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVII – XVIII в.). М. : Изд-во Моск. гос. ун-та печати, 1998.

Сапожников О. А., Сапожникова И. Ю. Мечта о русском единстве : Киевский Синопис (1674). М., 2013.

Семенников В. И. Собрание старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II, 1768–1783 гг. : Историко-литературное исследование. СПб. : Тип «Сириус», 1913.

Смагина Г. И. Российско-немецкие научные связи в XVIII–XIX вв. // Немцы в России : Русско-немецкие научные и культурные связи Сб. ст. / Рос. акад. наук. Ин-т истории естествознания и техники, С.-Петербург. фил. [и др.] ; редкол.: Г. И. Смагина (отв. ред) и др. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000а. С. 208–224.

Смагина Г. И. Немцы-учителя и устроители учебных заведений Петербурга в XVIII в. // Русские и немцы в XVIII веке : встреча культур : [сборник] / Ин-т всеобщей истории ; редкол. : С. Я. Карп (отв. ред.), И. Шлобах, Н. Ф. Сокольская. М. : Наука, 2000б. С. 203–210.

Соболев В. С. И. Э. Фишер и изучение Сибири // Г. Ф. Миллер и русская культура / сост. Д. Дальманн, Г. И. Смагина. СПб. : Росток, 2007. С. 293–296.

Словарь русских писателей XVIII века / отв. ред. А. М. Панченко. СПб., 1988–2010 (СРП-18). URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=460> (дата обращения: 07.07.2015).

Старчевский А. В. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб. : Тип. К. Жернакова, 1845.

Титова З. Д. И. Э. Фишер – участник второй Камчатской экспедиции (неопубликованные материалы середины XVIII в.) // Немцы в России : Российско-немецкий диалог / сост. Г. И. Смагина. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. С. 27–32.

Титова З. Д. Вклад Г. Ф. Миллера в историко-этнографическое изучение народов Сибири // Г. Ф. Миллер и русская культура / сост. Д. Дальманн, Г. И. Смагина. СПб. : Росток, 2007. С. 215–225.

Турнаев В. И. О национальной тенденции в развитии Петербургской Академии наук (20–40-е гг. XVIII века): очерки истории русско-немецких научных связей. М. : Водолей Publ., 2007.

Файнштейн М. Ш. «И славу Франции в России превзойти...»: Российская Академия (1783–1941) и развитие культуры и гуманитарных наук. М. ; СПб. : Дмитрий Буланин, 2002.

Федоров В. С. 200-летие Кабинета Его Императорского Величества, 1704–1904. СПб. : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1911.

Фоккеродт И. Г., Плейер О. Россия при Петре Великом, по рукописному известию Иоанна Готтгильфа Фоккеродта и Оттона Плейера. М. : Императ. общ-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1874.

Хотеев П. И. Немецкая книга и русский читатель в первой половине XVIII века. СПб., 2008.

Чернобаев А. А. Немецкие ученые-историки – члены Российской Академии наук в XVIII в. // Немцы в России : Три века научного сотрудничества / сост. Г. И. Смагина. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. С. 125–135.

Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII века. М. : РГГУ, 2005.

Шлецер А. Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера им самим описанная: пребывание и служба в России от 1761 до 1765 г.; известия о тогдашней русской литературе. СПб., 1875.

Юрьев И., Серов Д. О. Известие о житии и действиях державствующих великих князей российских. М. : ОГИ, 2013.

Argent G., Offord D. & Rjéoutski V. S. Foreword: French language acquisition in Imperial Russia // Vivliofika: E-J. of Eighteenth-Century Russian Studies. 2013. № 1. P. 1–4. URL: <http://vivliofika.library.duke.edu/article/view/14839> (mode of access: 07.07.2015).

Barret-Kriegel B. Les académies de l'histoire. Paris, 1988.

Black J. L. G.-F. Müller and the Imperial Russian Academy. Kingston ; Montreal, 1986.

Blome A. “Die Zeitungen sind der Grund, die Anweisungen und Richtschnur aller Klugheit...” 6 Zu den Grundlagen der Rußlandhistoriographie im 17. und 18. Jahrhundert // Dahlmann D. (Hrsg.). Die Kenntnis Rußlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert. Wissenschaft und Publizistik über das Russische Reich. Göttingen ; Bonn, 2006. S. 25–41.

Bucher G. Auf verschlungenen Pfaden : Die Aufnahme von Gerhard Friedrich Müllers Schriften in Europa // Dahlmann D. (Hrsg.). Die Kenntnis Rußlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert. Wissenschaft und Publizistik über das Russische Reich. Göttingen ; Bonn, 2006. S. 111–123.

Burke P. A social history of knowledge. From Gutenberg to Diderot. Cambridge ; Malden, 2000.

Burke P. Languages and Communities in Early Modern Europe : The Wiles Lectures Given at the Queen's University Belfast. Cambridge, 2004.

Burke P. Cultures of Translation in Early Modern Europe // Burke P., Po-Chia Hsia R. (Eds.). Cultural Translation in Early Modern Europe. Cambridge, 2007. P. 7–38.

Cracraft J. The Petrine revolution in Russian culture. Cambridge (MA) ; London, 2004.

Cross A. By the banks of the Neva: chapters from the lives and careers of the British in eighteenth-century Russia. Cambridge, 1997.

Glück H., Polanska I. Johann Ernst Glück (1654–1705): Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland. Wiesbaden, 2005.

Golburt L. The First Epoch. The Eighteenth Century and the Russian Cultural Imagination. Madison, 2014.

Gonneau P. Pierre le Grand, lecteur de la Stepennaia kniga : à la recherche de précédents historiques à la déchéance du tsarévitch Alexis // Rev. des études slaves. 2005. № 1. P. 51–59.

Ecrire et réécrire l'histoire russe d'Ivan le Terrible à Vasilii Kliuchevskii (1547–1917) / ed. P. Gonneau, E. Rai. Paris, 2013.

Gouzévitch I. De la Moscovie à l'Empire russe: le transfert des savoirs européens. Paris, 2003.

Gouzévitch I. The Editorial Policy as a Mirror of Petrine Reforms: Textbooks and Their Translators in Early Eighteenth-Century Russia // Science & Educa. 2006. P. 841–862.

Grafton A. The Footnote : A Curious History. Cambridge, 1999.

Grafton A. What was History? The Art of History in Early Modern Europe. Cambridge, 2007.

Grell C. L'histoire entre érudition et philosophie : Etude sur la connaissance historique à l'âge des Lumières. Paris, 1993.

Herman E. Russland unter Peter dem Großen nach den handschriftlichen Berichten Johann Gotthilf Vockerodt's und Otto Pleyer's. Leipzig, 1872.

Hoffmann P. Anton Friedrich Büsching (1724–1793) : Ein Leben im Zeitalter der Aufklärung. Berlin, 2000.

Hoffmann P., Osipov V. I. Geographie, Geschichte und Bildungswesen in Russland und Deutschland im 18. Jahrhundert: Briefwechsel Anton Friedrich Büsching-Gerhard Friedrich Müller, 1751 bis 1783. Berlin, 1995.

Hughes L. Russia in the age of Peter the Great. N. Haven, 1998.

Huiterer A. Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der slawonisch-russischen Sprache (1705–1729) von Johann Werner Paus. München ; Berlin ; Washington DC, 2001.

Keipert H. Russischlernen im 18. Jahrhundert // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2004. № 1. S. 70–95.

Kislova E. I. Le français et l'allemand dans l'éducation religieuse en Russie au XVIII siècle // Vivliofika: E-J. of Eighteenth-Century Russian Studies. 1. 2013. P. 48–74. URL: <http://vivliofika.library.duke.edu/article/view/14787> (mode of access: 07.07.2015).

Koch K. Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts. Berlin, 2002.

Korzun S. Heinrich von Huyssen (1666–1739) : Prinzenzieher, Diplomat und Publizist in den Diensten Zar Peters I., des Großen. Wiesbaden, 2013.

Lehmann-Carli G. Aufklärungsrezeption, 'prosveshchenie' und 'Europäisierung' // Zeitschrift für Slavistik. 1994. № 3. S. 358–382.

Lehmann-Carli G. Kulturelle Übersetzung westlicher Konzepte und nachpetrinische Identitätswürfe bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts // Lehmann-Carli G., Drosihn Y. & Klitsche-Sowitzki U. (Hrsg.). Russland zwischen Ost und West? Gratwanderungen nationaler Identität. Berlin, 2001. S. 13–80.

Lenhoff G. The construction of Russian history in Stepennajkniga // Rev. des études slaves. 2005. № 1. C. 31–50.

Lenhoff G., Kleimola A. M. The Book of Royal Degrees and the genesis of Russian historical consciousness. Bloomington, 2011.

Marker G. Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700–1800. Princeton, 1985.

”Histoire d'Azov” de Gottlieb Siegfried Bayer // Naissance de l'historiographie russe / ed. M. Mervaud, S. Viellard. Toulouse, 2009. P. 17–71.

- Naissance de l'historiographie russe / red. Mervaud M., Viellard S. Toulouse, 2009.
- Müller G. F. Instruction G. F. Müller's für den Akademiker-Adjuncten J. E. Fischer // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1900. № 1. С. 37–109.
- Mulsow M. *Prekäres Wissen. Eine andere Ideengeschichte der Frühen Neuzeit*. Berlin, 2012.
- Offord D. Francophonie in Imperial Russia // Rjéoutski V. S., Argent G. & Offord D. (Eds.). *European Francophonie: the social, political and cultural history of an international prestige language*. Oxford, 2014. P. 371–404.
- Okenfuss M. J. *The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-modern Russia : Pagan Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy*. Leiden, 1995.
- Rjéoutski V. Apprendre la 'langue de l'Europe': le français parmi d'autres langues dans l'éducation en Russie au siècle des Lumières // *Vivliofika: E-J. of Eighteenth-Century Russian Studies*. 2013a. № 1. P. 5–19. URL: <http://vivliofika.library.duke.edu/article/view/14833> (mode of access: 07.07.2015).
- Rjéoutski V. Le français et d'autres langues dans l'éducation en Russie au siècle des Lumières // *Vivliofika: E-J. of Eighteenth-Century Russian Studies*. 2013b. № 1. P. 20–47. URL: <http://vivliofika.library.duke.edu/article/view/14789>(mode of access: 07.07.2015).
- Schierle I. „Sich sowohl in verschiedenen Wissensgebieten als auch in der Landessprache verbessern“ : Übersetzungen im Zeitalter Katharinas II // Lehmann-Carli G., Schippan M., Scholz B. & Brohm S. (Hrsg.). *Russische Aufklärungs-Rezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825)*. Berlin, 2001. S. 627–642.
- Schippan M. *Die Aufklärung in Russland im 18. Jahrhundert*. Wiesbaden, 2012.
- Scholz B. Von der Chronistik zur modernen Geschichtswissenschaft : Die Warägerfrage in der russischen, deutschen und schwedischen Historiographie. Wiesbaden, 2000.
- Scholz B. Russische Geschichte an der Petersburger Akademie der Wissenschaften in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts // Lehmann-Carli G., Schippan M., Scholz B. & Brohm S. (Hrsg.). *Russische Aufklärungs-Rezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte*. Berlin, 2001. S. 515–536.
- Sweet R. *Antiquaries : The discovery of the past in eighteenth-century Britain*. L. ; N. Y., 2004.
- Turner J. *Philology. The Forgotten Origins of the Modern Humanities*. Princeton ; Oxford, 2014.
- Weber F. *Ch. Nouveaux mémoires sur l'état présent de la Grande Russie ou Moscovie*. Paris, 1725.
- Weber F. *Ch. Das veränderte Russland in welchem die jetzige Verfassung des Geist und weltlichen Regiments der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser...* Leipzig, 1744.
- Winter E. (Hrsg.). Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953.
- Winter E. Ein Bericht von Johann Werner Paus aus dem Jahre 1732 // *Zeitschrift für Slawistik*. 3. 1958. № 5. S. 744–770.

References

- Allart, L. N. (1822). *Podrobnoe opisanie osady goroda Narvy i srazheniya pod sim gorodom v 1700 godu (otryvok iz Istorii Petra Velikogo, sochinennyj generalom Allartom. Rukopis')* [Detailed description of the siege of the town of Narva and the battle near that town in 1700]. In *Severnyy arkhiv, Part 1, № 1*, pp. 3–28, № 2, pp. 117–143.
- Alferov, Zh. I. (2010). *Akademiya nauk v istorii kul'tury Rossii XVIII–XX vekov* [The Academy of Sciences in the cultural history of Russia in the 18th – 20th centuries]. 707 p. Sankt Petersburg, Nauka.
- Andreev, A. Yu. & Posokhov, S. I. (Eds.). (2012). *Universitet v Rossiyskoy imperii XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [The university in the Russian Empire, 18th – first half of the 19th centuries]. 671 p. Moscow, ROSSPEN.
- Argent, G., Offord, D. & Rjéoutski, V. S. (2013). Foreword: French language acquisition in Imperial Russia. In *Vivliofika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, 1*, pp. 1–4. Available at: URL: <http://vivliofika.library.duke.edu/article/view/14839> (mode of access: 28.08.2015).
- Barenbaum, I. E. (2006). *Frantsuzskaya perevodnaya kniga v Rossii v XVIII veke. Knizhnaya kul'tura v mirovom sotsiume. Teoriya, istoriya, praktika* [Books translated from

French in 18th-century Russia. The culture of books in an international context. Theory, history, practice]. 448 p. Moscow, Nauka.

Barret-Kriegel, B. (1988). *Jean Mabillon*. 299 p. Paris, Presses Universitaires de France.

Barret-Kriegel, B. (1988). *La défaite de l'érudition*. 350 p. Paris, Presses Universitaires de France.

Barret-Kriegel, B. (1988). *La République incertaine*. 368 p. Paris, PUF.

Barret-Kriegel, B. (1988). *Les académies de l'histoire*. 233 p. Paris, PUF.

Belkovets, L. P. (1988). *Rossiya v nemetskoj istoricheskoj zhurnalistike XVIII v. G. F. Miller i A. F. Byushing* [Russia and German historical journalism of the 18th century. G. D. Müller and A. F. Busching]. 284 p. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta.

Black, J. L. (1986). *G.-F. Müller and the Imperial Russian Academy*. 290 p. Kingston ; Montreal, McGill-Queen's University Press.

Blome, A. (2006). „Die Zeitungen sind der Grund, die Anweisungen und Richtschnur aller Klugheit...“ : Zu den Grundlagen der Rußlandhistoriographie im 17. und 18. Jahrhundert. In Dahlmann, D. (Hrsg.). *Die Kenntnis Rußlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert. Wissenschaft und Publizistik über das Russische Reich* (S. 25–41). Göttingen – Bonn, University Press.

Bucher, G. (2006). Auf verschlungenen Pfaden. Die Aufnahme von Gerhard Friedrich Müllers Schriften in Europa In Dahlmann, D. (Hrsg.). *Die Kenntnis Rußlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert. Wissenschaft und Publizistik über das Russische Reich* (S. 111–123). Göttingen ; Bonn, University Press.

Burke, P. (2000). *A social history of knowledge. From Gutenberg to Diderot*. 268 p. Cambridge ; Malden, Polity Press.

Burke, P. (2004). *Languages and Communities in Early Modern Europe: The Wiles Lectures Given at the Queen's University Belfast*. 210 p. Cambridge, Cambridge University Press.

Burke, P. (2007). Cultures of Translation in Early Modern Europe. In Burke, P. & Po-Chia Hsia, R. (Eds.). *Cultural Translation in Early Modern Europe* (pp. 7–38). Cambridge, Cambridge University Press.

Chernobaev, A. A. (2003). *Nemetskie uchenye-istoriki – chleny Rossiyskoj Akademii nauk v XVIII v.* [German historians as members of the Russian Academy of Sciences in the 18th century]. In Smagina, G. I. (Ed.). *Tri veka nauchnogo sotrudnichestva* (pp. 125–135). Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Cracraft, J. (2004). *The Petrine revolution in Russian culture*. 576 p. Cambridge (MA) ; London, Cambridge, Mass. : The Belknap Press of Harvard University Press.

Cross, A. (1997). *By the banks of the Neva: chapters from the lives and careers of the British in eighteenth-century Russia*. 358 p. Cambridge, Cambridge University Press.

Doronin, A. V. (2008). „Vvodya nravy i obychai Evropeyskie v Evropeyskom narode“ : k probleme adaptatsii zapadnykh idej i praktik v Rossiyskoj imperii [“Introducing European manners and customs to a European nation” : On the problem of adapting western ideas and social practices in the Russian Empire]. 255 p. Moscow, ROSSPEN.

Faynshteyn, M. Sh. (2002). „I slavu Frantsii v Rossii prezvoyti...“ : Rossiyskaya Akademiya (1783–1941) i razvitie kul'tury i gumanitarnykh nauk [Russia will surmount the fame of France. The Rossiiskaia Akademiia and the development of culture and the humanities]. 192 p. Moscow, Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Fedorov, V. S. (1911). *200-letie Kabineta Ego Imperatorskago Velichestva, 1704–1904* [200 years of the Emperor's Private Cabinet]. 680 p. Sankt Petersburg, Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg.

Fokkerodt, I. G. & Pleyer, O. (1874). *Rossiya pri Petre Velikom, po rukopisnomu izvestiyu* [Russia in the age of Peter the Great]. 122 p. Moscow, Imperatorsk. o-vo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Mosk. un-te.

Glück, H. & Polanska, I. (2005). *Johann Ernst Glück (1654–1705): Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland*. 264 S. Wiesbaden, Harrassowitz.

Golburt, L. (2014). *The First Epoch. The Eighteenth Century and the Russian Cultural Imagination*. 387 p. Madison, University of Wisconsin Press.

Gonneau, P. (2005). Pierre le Grand, lecteur de la Stepenaia kniga : à la recherche de précédents historiques à la déchéance du tsarévitch Alexis. In *Revue des études slaves*, 1, pp. 51–59.

Gonneau, P. & Rai, E. (Eds.). (2013). *Ecrire et réécrire l'histoire russe d'Ivan le Terrible à Vasilii Kliuchevskii (1547–1917)*. 287 p. Paris, Institut d'Études Slaves.

Gottlieb Zigfrid Bayer – akademik Peterburgskoy Akademii nauk [Gottlieb Siegfried Bayer – academic of the Petersburg Academy of Sciences]. (1996). 79 p. Sankt Petersburg, Evropeysky Dom.

Gouzévitich, I. (2003). *De la Moscovie à l'Empire russe: le transfert des savoirs européens*. 151 p. Paris.

Gouzévitich, I. (2006). The Editorial Policy as a Mirror of Petrine Reforms: Textbooks and Their Translators in Early Eighteenth-Century Russia. In *Science & Educa*, pp. 841–862.

Grafton, A. (1999). *The Footnote. A Curious History*. 241 p. Cambridge, Harvard University Press.

Grafton A. (2007). *What was History? The Art of History in Early Modern Europe*. 319 p. Cambridge, Cambridge University Press.

Grell, C. (1993). *L'histoire entre érudition et philosophie. Etude sur la connaissance historique à l'âge des Lumières*. 301 p. Paris, Presses universitaires de France.

Herman, E. (1872). *Russland unter Peter dem Großen nach den handschriftlichen Berichten Johann Gotthilf Vockerodt's und Otto Pleyer's*. 140 S. Leipzig, Verlag von Duncker & Humblot.

Hoffmann, P. (2000). *Anton Friedrich Büsching (1724–1793). Ein Leben im Zeitalter der Aufklärung*. 322 S. Berlin, Berlin Spitz Cop.

Hoffmann, P. & Osipov, V. I. (1995). *Geographie, Geschichte und Bildungswesen in Russland und Deutschland im 18. Jahrhundert: Briefwechsel Anton Friedrich Büsching-Gerhard Friedrich Müller, 1751 bis 1783*. 577 S. Berlin, Akademie-Verlag.

Hughes, L. (1998). *Russia in the age of Peter the Great*. 602 p. New Haven, Yale University Press.

Huterer, A. (2001). *Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der slavonisch-russischen Sprache (1705–1729) von Johann Werner Paus*. 327 p. München ; Berlin ; Washington DC, Sagner.

Iarionova, T. (2009). *Nemtsy na gosudarstvennoy sluzhbe Rossii: k istorii voprosa na primere osvoeniya Dal'nego Vostoka* [Germans in the service of the Russian state: the history of the issue through the example of the Far East]. 224 p. Moscow, Institut energii znany.

Istrina, M. V. (1980). *Akademicheskie perevodchiki v XVIII veke* [Academic Translators in the 18th century]. In *Knizhnoe delo v Rossii v XVI-XIX vekakh. Sbornik statey* (pp. 105–115). Leningrad, BAN.

Kamensky, A. B. (1991). *Arkhivnoe delo v Rossii XVIII veka: istoriko-kul'turnyy aspekt (postanovka problemy, istoriografii, istochniki) : Uchebnoe posobie* [Archives in Russia in the 18th century: historical and cultural aspects. Handbook]. 70 p. Moscow, RGGU.

Karp, S. Ya. (Ed.), Shlobakh, Y. & Sokol'skaya N. F. (Transl.). (2000). *Russkie i nemtsy v XVIII veke. Vstrecha kul'tur* [Russians and Germans in the 18th century. The encounter of cultures]. 312 p. Moscow, Nauka.

Katalog lichnykh arkhivnykh fondov otechestvennykh istorikov. Vypusk 1. XVIII vek [Catalogue of personal archival resources of Russian historians. Part 1. The 18th century]. (2001). 368 p. Moscow, Ed. URSS.

Katalog lichnykh arkhivnykh fondov otechestvennykh istorikov. Vypusk 2. Pervaya polovina XIX veka [Catalogue of personal archival resources of Russian historians. Part 2: First half of the 19th century]. (2007). 720 p. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.

Keipert, H. (2004). Russischlernen im 18. Jahrhundert. In *Zeitschrift für Slavische Philologie, 1*, S. 70–95.

Khoteev, P. I. (2008). *Nemetskaya kniga i russkiy chital'el' v pervoy polovine XVIII veka* [German books and their Russian readers in the first half of the 18th century]. 372 p. Sankt Petersburg.

Kiseleva, M. S. (2011). *Intellektual'nyy vybor Rossii vtoroy poloviny XVII – nachala XVIII veka: ot drevnerusskoy knizhnosti k evropeyskoy uchenosti* [Russia's intellectual choice in the second half of the 17th and the beginning of the 18th centuries]. 472 p. Moscow, Progress-Traditsiya.

Kislova, É. I. (2013). Le français et l'allemand dans l'éducation religieuse en Russie au XVIII siècle. In *Vivliofika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, 1*, pp. 48–74. URL: <http://vivliofika.library.duke.edu/article/view/14787> (mode of access: 07.07.2015).

Kleyn, I. (2005). *Puti kul'turnogo importa: trudy po russkoy literatury XVIII veka* [Ways of cultural import: studies of Russian literature in the 18th century]. 576 p. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Koch, K. (2002). *Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts*. 456 S. Berlin.

Kopelevich, Yu. Kh. (1977). *Osnovanie peterburgskoy Akademii nauk* [The founding of the Petersburg Academy of Sciences]. 210 p. Leningrad, Nauka.

Kopelevich, Yu. Kh. (1999). G. F. Miller i Peterburgskaya Akademiya nauk [Miller and the Petersburg Academy of Sciences]. In Smagina, G. I. (Ed.). *Nemtsy v Rossii. Peterburgskie nemtsy* (pp. 475–483). Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Korzun, S. (2013). *Heinrich von Huyssen (1666 - 1739): Prinzenerzieher, Diplomat und Publizist in den Diensten Zar Peters I., des Großen*. 267 S. Wiesbaden.

Kostin, A. A. & Demin, A. O. (Eds.). (2013). *M. V. Lomonosov i slovesnost' ego vremeni. Perevod i podrazhenie v russkoy literature XVIII veka* [Lomonosov and the literature of his time. Translation and imitation in Russian literature of the 18th century]. 304 p. Moscow, Sankt Petersburg.

Kovrigina, V. A. (2000). *Nemetskaya sloboda Moskvy i ee rol' v russko-germanskikh kontaktakh pervoy poloviny XVIII v.* [The German borrow in Moscow and its role in the establishment of Russian-German contacts in the first half of the 18th century]. In Karp, S. Ya. (Ed.), Shlobakh, Y. & Sokol'skaya N. F. (Transl.). *Russkie i nemtsy v XVIII veke. Vstrecha kul'tur* (pp. 189–202). Moscow, Nauka.

Kulakova, I. P. (2007). G. F. Miller – agent evropeyskogo kul'turnogo vliyaniya v Rossii [G. F. Muller as an agent of European cultural influence in Russia]. In Dal'mann, D. & Smagina, G. I. (Eds.). *G. F. Miller i russkaya kul'tura* (pp. 340–357). Sankt Petersburg, Rostok.

Labutina, T. L. (2013). *Anglichane v dopetrovskoy Rossii* [Englishmen in pre-Petrine Russia]. 272 p. Sankt Petersburg, Aleteyya.

Lehmann-Carli, G. (1994). Aufklärungsrezeption, 'prosveshchenie' und 'Europäisierung'. In *Zeitschrift für Slawistik*, 3, S. 358–382.

Lehmann-Carli, G. (2001). Kulturelle Übersetzung westlicher Konzepte und nachpetrinische Identitätsentwürfe bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. In Lehmann-Carli, G., Drosihn, Y. & Klitsche-Sowitzki, U. (Hrsg.). *Russland zwischen Ost und West? Gratwanderungen nationaler Identität* (S. 13–80). Berlin, Frank und Timme.

Lehmann-Carli, G., Schippan, M., Scholz, B. & Brohm, S. (Hrsg.). (2001). *Russische Aufklärungs-Rezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825): Aufklärung und Europa*. 681 S. Berlin, Verlag Arno Spitz GmbH Berlin.

Lenhoff, G. (2005). The construction of Russian history in Stepennaja kniga. In *Revue des études slaves*, 1, pp. 31–50.

Lenhoff, G. & Kleimola, A. M. (2011). *The Book of Royal Degrees and the genesis of Russian historical consciousness*. 364 p. Bloomington, Indiana.

Levin, Yu. D. (1995–1996). *Istoriya russkoy perevodnoy khudozhestvennoy literatury: drevnyaya Rus'. XVIII vek* [History of Russian translated literature: Old Russia. 18th century]. Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Lupov, S. P. (1973). *Kniga v Rossii v pervoy chetverti XVIII veka* [Books in Russia in the first quarter of the 18th century]. 372 p. Leningrad, Nauka.

Lupov, S. P. (1976). *Kniga v Rossii v poslepetrovskoe vremya 1725–1740* [Books in Russia after Peter I, 1725–1740]. 380 p. Leningrad, Nauka.

Malovichko, S. I. (2001). *Otechestvenna istoricheskaya mysl' XVIII veka o vznikenii i ranney sotsial'no-politicheskoy zhizni drevnerusskogo goroda (ot kievskogo "Sinopsisa" do "Nestora" A. L. Shletera)* [Russian historical thinking in the 18th century on the emergence and the early social and political life in Russian towns. From the Kievan "Sinopsis" to Schlozer's "Nestor"]. 415 p. Stavropol, Izd-vo Stavrop. gos. un-ta.

Malysheva, N. I. (2001). *Sud'ba knigi Samuila Pufendorfa "O dolzhnosti cheloveka i grazhdanina" v Rossii* [The fate of Samuel Puffendorf's "On the obligations of man and citizen"]. In Smagina, G. I. (Ed.). *Nemtsy v Rossii. Rossiysko-nemetsky dialog* (pp. 187–197). Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Marker, G. (1985). *Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700 - 1800*. 301 p. Princeton, Princeton University Press.

Materialy dlya istorii Imperatorskoy Akademii Nauk [Materials for a history of the Imperial Academy of Sciences]. (1885–1900). Sankt Petersburg, Tip. Imp. AN.

Maykova, T. S. (1973). *Petr I i "Gistoriya Sveyskoy voyny"* [Peter I and the "History of the Northern War"]. In Pavlenko, N. I. (Ed.). *Rossiya v period reform Petra I* (pp. 103–132). Moscow, Nauka.

Mervaud, M. (2009). "Histoire d'Azov" de Gottlieb Siegfried Bayer. In Mervaud, M. & Viellard, S. (Eds.). *Naissance de l'historiographie russe* (pp. 17–71). Toulouse.

Mervaud, M. & Viellard, S. (Réd.). (2009). *Naissance de l'historiographie russe*. 273 p. Toulouse.

Miller, G. F. (1750). *Opisanie sibirskago tsarstva i vsekh proizshedshikh v nem del, ot nachala a osoblivo ot pokoreniya ego Rossiyskoy Derzhave po sii vremena* [Description of the kingdom of Siberia and all the events that have happened there, from the beginning and in particular from its to the its subjugation to the Russian Power until this day]. 457 p. Sankt Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk.

Miller, G. F. (1937–1941). *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. 607 + 637 p. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo akademii nauk SSSR.

Miller, F. G. & Kamensky, A. B. (Comp.). (1996). *Sochineniya po istorii Rossii. Izbrannoe* [Works on the history of Russia. Selection]. 448 p. Moscow, Nauka.

Mulsow, M. (2012). *Prækäres Wissen. Eine andere Ideengeschichte der Frühen Neuzeit*. 556 S. Berlin, Suhrkamp Verlag.

Müller, G. F. (1900). Instruction G. F. Müller's für den Akademiker-Adjuncten J. E. Fischer. In *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii, I*, pp. 37–109.

Offord, D. (2014). Francophonie in Imperial Russia. In Rjéoutski, V. S., Argent, G. & Offord, D. (Eds.). *European Francophonie: the social, political and cultural history of an international prestige language* (pp. 371–404). Oxford, Peter Lang.

Okenfuss, M. J. (1995). *The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-modern Russia: Pagan Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy*. 290 p. Leiden, Brill Academic publ.

Pekarsky, P. P. (1862). *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. T. 1: Vvedenie v istoriyu prosveshcheniya v Rossii XVIII veka* [Science and literature in Russia under Peter the Great. Vol. 1: introduction to the history of the Enlightenment in Russia in the 18th century]. 578 p. Sankt Petersburg, tip. t-va "Obschestvennaya Pol'za".

Pekarsky, P. P. (1867). *Redaktor, sotrudniki i tsenzura v russkom zhurnale 1755–1764 godov* [Editor, collaborators and censorship in a Russian journal, 1755–1764]. 88 p. Sankt Petersburg.

Pekarsky, P. P. (1870–1873). *Istoriya Imperatorskoy akademii nauk v Peterburge* [History of the Imperial Academy of Sciences in Saint-Petersburg]. 774 + 1042 p. Sankt Petersburg, tip. Imp. Akad. Nauk.

Peretts, V. N. (1902). *Istoriko-literaturnye issledovaniya i materialy. Tom 3: iz istorii razvitiya russkoy poezii XVIII v.* [Historical and literary studies and materials. Vol. 3: on the history of Russian poetry in the 18th century]. 426 p. Sankt Petersburg, Tipografiya F. Vaysberga i P. Gershunina.

Pogosyan, E. (2001). *Petr I – arkhitektor rossiyskoy istorii* [Peter I as architect of Russian history]. 424 p. Sankt Petersburg, Iskusstvo-SPB.

Poslykhalin, A. Yu. (n. d.). *Shvedskie voennoplennye vremen Severnoy voyny v Moskve i Podmoskov'e, 1700–1721* [Swedish POWs from the Northern War in Moscow and surroundings, 1700–1721]. URL: <http://trojza.blogspot.ru/2013/03/1700-1721.html> (mode of access: 07.07.2015).

Rak, V. D. (2008). *Stat'i o literature XVIII veka* [Articles on literature of the 18th century]. 640 p. Sankt Petersburg, Pushkinsky dom.

Rjéoutski, V. (2013) Apprendre la 'langue de l'Europe': le français parmi d'autres langues dans l'éducation en Russie au siècle des Lumières. In *Vivliofika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, I*, pp. 5–19. URL: <http://vivliofika.library.duke.edu/article/view/14833> (mode of access: 07.07.2015).

Rjéoutski, V. (2013). Le français et d'autres langues dans l'éducation en Russie au siècle des Lumières. In *Vivliofika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, I*, pp. 20–47. URL: <http://vivliofika.library.duke.edu/article/view/14789> (mode of access: 07.07.2015).

Saltykov, F. S. (1897). *Iz'yavleniya pribytochnye gosudarstvu* [Declarations that are fruitful for the state]. In Pavlov-Sil'vanskiy N. P. (Sost.). *Proekty reform v zapiskakh sovremennikov Petra Velikogo. Opyt izucheniya russkikh proektov i neizdannye ikh teksty*. Ch. II, pp. 1–47. Sankt Petersburg, Tip. V. F. Kirshbauma.

Samarin, A. Yu. (1998). *Rasprostranenie i chitatel' pervykh pechatnykh knig po istorii Rossii (konets XVII–XVIII v.)* [The distribution and readership of the first books about the history of Russia]. 159 p. Moscow, Izd-vo MGUP.

Sapozhnikov, O. A. & Sapozhnikova, I. Yu. (2013). *Mechta o russkom edinstve. Kievskiy Sinopsis (1674)* [The dream of Russia's unity. The Kievan "Synopsis" (1674)]. 239 p. Moscow, Evropa.

Savel'eva, E. A. (1999). *Izдание russkikh letopisey v "Sammlung Russischer Geschichte" G. F. Millera* [The publication of Russian chronicles in G. F. Muller's "Sammlung

Russischer Geschichte”]. In Smagina, G. I. (Ed.). *Nemtsy v Rossii. Peterburgskie nemtsy* (pp. 505–510). Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Savel'eva, E. A. (2000). Unterbibliothekar' Iogann Kaspar Taubert [Assistant-librarian I. K. Taubert]. In Smagina, G. I. (Ed.). *Nemtsy v Rossii. Russko-nemetskie nauchnye i kul'turnye svyazi* (pp. 295–308). Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Schierle, I. (2001). “Sich sowohl in verschiedenen Wissensgebieten als auch in der Landessprache verbessern”. Übersetzungen im Zeitalter Katharinas II. In Lehmann-Carli, G., Schippan, M., Scholz, B. & Brohm, S. (Hrsg.). *Russische Aufklärungs-Rezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825)* (S. 627–642). Berlin, Verlag Arno Spitz.

Schippan, M. (2012). *Die Aufklärung in Russland im 18. Jahrhundert*. 493 S. Wiesbaden, Harrassowitz.

Scholz, B. (2000). *Von der Chronistik zur modernen Geschichtswissenschaft. Die Warägerfrage in der russischen, deutschen und schwedischen Historiographie*. 457 s. Wiesbaden, Harrassowitz.

Scholz, B. (2001). Russische Geschichte an der Petersburger Akademie der Wissenschaften in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. In Lehmann-Carli, G., Schippan, M., Scholz, B. & Brohm, S. (Hrsg.). *Russische Aufklärungs-Rezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte*. S. 515–536. Berlin, Verlag Arno Spitz.

Semennikov, V. I. (1913). *Sobranie starayushcheesya o perevode inostrannykh knig, uchrezhdennoe Ekaterinoy II, 1768–1783 gg. Istoriko-literaturnoe issledovanie* [The Congregation for the advancement of the translation of foreign books, created by Catherine II, 1768–1783. Historical-literary study]. 98 p. Sankt Petersburg, Tip “Sirius”.

Shebaldina, G. V. (2005) *Shvedskie voennoplennye v Sibiri v pervoy chetverti XVIII veka* [Swedish POWs in Siberia in the first quarter of the 18th century]. 210 p. Moscow, Izd-vo RGGU.

Shletser, A. L. (1875). *Obshchestvennaya i chastnaya zhizn' Avgusta Lyudviga Shletsera im samim opisannaya: prebyvanie i sluzhba v Rossii ot 1761 do 1765 g.; izvestiya o togdashney russkoy literature* [The public and private life of A.L. Schlozer written by himself: his stay and service in Russia from 1761 until 1765]. 531 p. Sankt Petersburg.

Slovar' russkikh pisateley XVIII veka [Dictionary of Russian authors of the 18th century]. (1988-2010). Sankt Petersburg. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=460> (mode of access: 07.07.2015).

Smagina, G. I. (2000). *Rossiyskie-nemetskie nauchnye svyazi v XVIII–XIX vv.* [Russian and German scientific relations in the 18th and 19th centuries]. In Smagina, G. I. (Ed.). *Nemtsy v Rossii. Russko-nemetskie nauchnye i kul'turnye svyazi* (pp. 208–224). Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Smagina, G. I. (2000a). *Nemtsy-uchitelya i ustroiteli uchebnykh zavedeniy Peterburga v XVIII v.* [German teachers and founders of schools in Petersburg in the 18th century]. In Karp, S. Ya., Shlobakh, Y. & Sokol'skaya N. F. (Eds.). *Russkie i nemtsy v XVIII veke* (pp. 203–210). Moscow, Nauka.

Sobolev V. S. (2007). *I. E. Fisher i izuchenie Sibiri* [I. E. Fischer and the study of Siberia]. In Dal'mann, D. & Smagina, G. I. (Eds.). *G. F. Miller i russkaya kul'tura* (pp. 293–296). Sankt Petersburg, Rostok.

Starchevsky, A. V. (1845). *Ocherk literatury russkoy istorii do Karamzina* [Sketch of the Russian historical literature before Karamzin]. Sankt Petersburg, Tip. K. Zhernakova.

Stockhorst, S. (2010). *Cultural Transfer Through Translation: The Circulation of Enlightened Thought in Europe by Means of Translation*. 343 p. Amsterdam ; N. Y., Rodopi.

Sweet, R. (2004). *Antiquaries. The discovery of the past in eighteenth-century Britain*. 473 p. L., N. Y.

Titova, Z. D. (2001). *I. E. Fisher – uchastnik vtoroy Kamchatskoy ekspeditsii (neopublikovannyye materialy serediny XVIII v.)* [Fischer as a participant of the Second Kamchatka expedition (unpublished materials from the mid-18th century)]. In Smagina, G. I. (Ed.). *Nemtsy v Rossii. Rossiysko-nemetskiy dialog* (pp. 27–32). Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Titova, Z. D. (2007). *Vklad G. F. Millera v istoriko-etnograficheskoe izuchenie narodov Sibiri* [G. F. Muller and the historical and ethnographical study of the peoples of Siberia]. In Dal'mann, D. & Smagina, G. I. (Eds.). *G. F. Miller i russkaya kul'tura* (pp. 215–225). Sankt Petersburg, Rostok.

Turnaev, V. I. (2007). *O natsional'noy tendentsii v razvitii Peterburgskoy Akademii nauk (20–40-e gg. XVIII veka): ocherki istorii russko-nemetskiikh nauchnykh svyazey* [On the national tendencies in the development of the Petersburg Academy of sciences (1720–1740s): historical sketch of Russian-German scientific relations]. Moscow, Vodoley Publ.

Turner, J. (2014). *Philology. The Forgotten Origins of the Modern Humanities*. 550 p. Princeton ; Oxford, Princeton University Press.

Tyulenev, S. (2012). *Translation in the Westernization of Eighteenth-Century Russia*. 265 p. Berlin, Frank & Timme.

Vasil'eva, N. E. (1999). *Nemtsy-vostokovedy v Akademii nauk (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [German orientalists in the Academy of Sciences (18th - first half of the 19th centuries)]. In Smagina, G. I. (Ed., Comp.). *Nemtsy v Rossii. Peterburgskie nemtsy* (pp. 126–136). Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Weber, F.-Kh. (2011). *Preobrazhennaya Rossiya ; Novye zapiski o nyneshnem sostoyanii Moskovii* [Nouveaux memoires sur l'état present de la Moscovie]. 304 p. Sankt Petersburg, Iskusstvo-SPb.

Vovina-Lebedeva, V. G. (2011). *Shkoly issledovaniya russkikh letopisey: XIX–XX vv.* [Research schools of the Russian chronicles: 19th–20th centuries] 928 p. Sankt Petersburg, Dmitriy Bulanin.

Weber, F. Ch. (1725). *Nouveaux mémoires sur l'état présent de la Grande Russie ou Moscovie*. 438 p. Paris, Pissot.

Weber, F. Ch. (1744). *Das veränderte Russland in welchem die jetzige Verfassung des Geist und weltlichen Regiments der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser*. 490 + 247 + 243 S. Leipzig.

Winter, E. (Hrsg.). (1953). *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert*. 502 S. Berlin, Akad.-Verlag.

Winter, E. (1958). Ein Bericht von Johann Werner Paus aus dem Jahre 1732. In *Zeitschrift für Slawistik*, 3 (5), S. 744-770.

Yur'ev, I. & Serov, D. O. (2013). *Izvestie o zhitii i deystvakh derzhavstvuyushchikh velikikh knyazey rossiyskikh* [Information about the life and deeds of the ruling Grand Princes of Russia]. 368 p. Moscow, OGI.

Zdobnov, N. V. (1951). *Istoriya russkoy bibliografii do nachala XX veka* [History of Russian bibliography before the 20th century]. 512 p. Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.

Zyuss, V. (2001). *Stanovlenie i razvitie sotsiokul'turnykh i obrazovatel'nykh svyazey Rossii i Germanii: Epokha Petra I* [Creation and development of socio-cultural and educational relations between Russia and Germany: the era of Peter I]. In Smagina, G. I. (Ed., Comp.). *Nemtsy v Rossii. Rossiysko-nemetskiy dialog* (pp. 145–154). Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

*The article was submitted on 02.11.2015
Translated by Julia Kuvashova, Tatiana Kuznetsova*

Dialogus

Конференция «Церковь. Богословие. История» (2014). Заседание секции
Conference "Church. Theology. History" (2014). A workshop meeting

---

DOI 10.15826/QR.2016.1.153

УДК 27-43+2-472.5(470.54-25)+2-472.5(470.23-25)

**ЦЕРКОВЬ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КОНСТРУКТИВНЫЕ ИДЕИ
И ПРАКТИКА ВОПЛОЩЕНИЯ***

**THE CHURCH IN THE CULTURAL SPACE
OF MODERN RUSSIA: CONSTRUCTIVE IDEAS
AND THEIR IMPLEMENTATION**

The materials published below are a result of a discussion that followed a conference organized by the Yekaterinburg Metropolis of the Russian Orthodox Church and Ural Federal University. The participants of the discussion were archpriest Pyotr Mangilev, PhD (History), senior academic administrator at the Yekaterinburg Orthodox Seminary; archpriest Konstantin Kostromin, PhD (History), Doctor of Theology, lecturer at the Saint Petersburg Ecclesiastical Academy; Marina Nechayeva, PhD (History), senior research fellow at the Institute of History and Archaeology (Ural Branch of the Russian Academy of Sciences); Andrey Shamanayev, PhD (History), associate professor at Ural Federal University; Oksana Ivanova, master's student of St Philaretus Orthodox Christian Institute (Yekaterinburg). They discussed issues relating to the interaction of religious educational establishments and state universities, the collaboration of eparchial structures with museums, and forms of joint cultural events, as well as the background of the establishment of church museums, archives and libraries in the Yekaterinburg Metropolis and Saint Petersburg Eparchy.

Keywords: church and culture; religious enlightenment; Yekaterinburg Seminary; Saint Petersburg Ecclesiastical Academy; academic connections of the church; church museums.

---

* *Citation:* The Church in the Cultural Space of Modern Russia: Constructive Ideas and Their Implementation (2016). In *Quaestio Rossica*. Vol. 4, № 1, p. 263–277. DOI 10.15826/QR.2016.1.153.

Цитирование: The Church in the Cultural Space of Modern Russia: Constructive Ideas and Their Implementation // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 1. P. 263–277. DOI 10.15826/QR.2016.1.153 / Церковь в культурном пространстве современной России: конструктивные идеи и практика воплощения // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 1. С. 263–277. DOI 10.15826/QR.2016.1.153.

Публикуемые ниже материалы представляют собой результат дискуссии, состоявшейся в феврале 2016 г. в рамках конференции, организованной совместными усилиями Екатеринбургской митрополии Русской православной церкви и Уральского государственного университета. Участниками дискуссии стали протоиерей Петр Мангилев, кандидат исторических наук, проректор по учебной работе Екатеринбургской православной духовной семинарии; протоиерей Константин Костромин, кандидат исторических наук, кандидат богословия, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии; Марина Нечаева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; Андрей Шаманаев, кандидат исторических наук, доцент УрФУ; Оксана Иванова, магистрант Свято-Филаретовского православно-христианского института (Екатеринбург). Обсуждались вопросы взаимодействия духовных учебных заведений и государственных университетов, сотрудничества епархиальных структур с музеями, формы совместных культурных мероприятий, а также опыт создания в Екатеринбургской митрополии и Санкт-Петербургской епархии церковных музеев, архивов и библиотек.

Ключевые слова: церковь и культура; религиозное просветительство; Екатеринбургская духовная семинария; Санкт-Петербургская духовная академия; научные контакты церкви; церковные музеи.

Марина Нечаева: Между Екатеринбургской епархией (ныне митрополией), Уральским федеральным университетом, Институтом истории и археологии УрО РАН, Свердловской областной библиотекой им. В. Г. Белинского, Свердловским областным музеем и архивами Екатеринбурга уже давно сложились тесные коллегиальные отношения, столь важные в деле изучения и представления церковной истории и культуры. К сегодняшнему дню это уже система, включающая в себя издательскую деятельность, научные конференции, выставки и уникальный проект создания Музея святости, исповедничества и подвижничества на Урале в XX в. Таким образом, мы стоим перед фактом расширения поля церковной активности, что должно привлечь внимание как научных и приходских кругов, так и более широкой публики. А каков был замысел создания музея?

Прот. Петр Мангилев: Екатеринбургская духовная семинария (далее – ЕДС) с момента своего возрождения в 1994 г. старалась активно сотрудничать с научными и высшими учебными заведениями Екатеринбурга¹. Всегда существовало понимание, что качество богословского образования напрямую зависит от степени интеграции с интеллектуальной и культурной жизнью города. Объединение семинарской

---

¹ Об истории богословского образования в Екатеринбурге, Екатеринбургской семинарии и её библиотеке подробнее см.: [Акишин, Глазкова и др., с. 14–63].

библиотеки, архива ЕДС и создание нового музея позволяют говорить о возникновении своего рода просветительского конгломерата, основу которого составляют книжные фонды и книжные коллекции. Среди них фонд библиотеки ЕДС (более 60 тыс. единиц хранения) и фонд Общедоступной православной библиотеки (более 20 тыс. единиц хранения). Столь значительная православная библиотека, необходимая для качественного конфессионального образования (ЕДС, Миссионерский институт, воскресные школы и т. п.), дает новые возможности и для гуманитарного светского образования, для всех интересующихся проблемами религии, истории православия, духовной литературой и т. д.

Кроме книжных, я готов представить еще несколько коллекций и фондов, созданных усилиями энтузиастов. Наиважнейшим среди них является собрание редких книг. Среди составляющих его 536 книг в коллекции есть Острожская Библия Ивана Федорова, старопечатные издания XVII в., новонайденные гектографы, рукописные книги. В его основу было положено книжное собрание Екатеринбургского епархиального управления. Собрание постоянно пополняется, книги поступают из многих храмов Екатеринбургской епархии и от частных лиц. Часть книг была куплена, однако основной источник пополнения – это те книги, которые были принесены в храм как пожертвования в память об усопших родственниках. В этом видится продолжение той традиции, которая всегда была в православной церкви. Столь же исторически закономерно и создание архива, которые всегда были представлены в церковных структурах.

Собственно, подобные архивы лежат у истоков формирования архивного дела в Европе. В составе архива находятся документы, связанные с деятельностью ЕДС; коллекция метрических книг, которую удалось спасти после списания из архивов районных ЗАГСов севера Курганской области; копии документов из центральных и местных архивов по истории церкви на Урале; фонд богослужебных старопечатных и рукописных книг и нотных сборников; и наконец, фонд фотографий по истории церкви на Урале в XIX и XX в. Важнейшим делом последних лет, начиная с 2013 г., было создание музея, посвященного подвигу новомучеников и исповедников Церкви Русской, ее жизни в XX в. В музейном собрании представлены книги и иконы, личные вещи, документы, фотографии, свидетельствующие о жизни Русской православной церкви в XX столетии². Все фонды доступны исследователям и любым заинтересованным лицам. Создатели фондов осознают потенциальные возможности обращения к ним с просветительскими целями и для решения ряда учебных задач.

Оксана Иванова: Я хотела бы также несколько слов сказать о музее. Так сложилось, что он был важной целью моей жизни последнего времени. Идея создания музея возникла в результате запроса обще-

² Подробнее о музее см.: [Логинов, Иванова, с. 44–49].

ства на понимание XX века во всей его противоречивости, мало представленного в современном музейном пространстве региона, с одной стороны, и стремления церкви сохранить и осмыслить опыт русской святости XX века, с другой. Созданию музея способствовал общественный интерес к истории России в XX в., и особенно к феномену духовного сопротивления. Усилиями Уральского церковно-исторического общества и Уральского историко-родоведческого общества удалось собрать большой массив исторических источников и музейных артефактов, раскрывающих драматические страницы жизни церкви на Урале в XX в. Музей – дитя двух родителей, церкви и культуры Урала, – равным образом сочетает в себе традиционные музейные технологии и попытку духовного проникновения в пространство истории самого трудного для русской культуры и для русской церкви времени. Светские культурные проекты, представляющие этот период, имеют очень существенный недостаток: раскрывая факты, они не несут с собой надежды на возможность исцеления и обновления. Этот недостаток исчезает, как только мы соединяем страшную правду времени с открытием очень светлого и пасхального по духу опыта наших исповедников и мучеников.

Почти все наши музеи построены по принципу: музей истории государства или музей истории какой-либо структуры. Человеческая же повседневность, душевная и духовная жизнь не раскрываются в силу сложившейся музейной традиции. В нашем музее основное внимание обращено к истории верующих людей в период с 1917 по 1991 г. Собирается, осмысливается и представляется опыт, который был противопоставлен тотальному расчеловечиванию советского времени. Важно показать, как отношение к человеку, исходящее из христианской антропологии, помогло выжить и сохраниться человеческому духу при тотальном господстве советской идеологии. Наш маленький музей предлагает новый подход к музейной экспозиции, основанный на приоритете христианской антропологии перед политикой, идеологией и, возможно, перед культурой.

Прот. Константин Костромин. Поддерживая необходимость создания подобного музея, надо отметить, что в Петербурге церковные музеи начали стихийно создаваться с конца 1990-х. Таким стал символический Музей-квартира новомученика протоиерея Григория Сербаринова при храме «Всех скорбящих радость» на Шпалерной улице. Он удачно вписался в программу профессиональных экскурсий по городу.

Еще более знаменитым стал Музей-квартира Иоанна Кронштадтского, квартира которого по частям была выкуплена протоиереем Геннадием Беловоловым (Леушинское подворье, Санкт-Петербург) и оформлена в виде насыщенной экспозиции с профессиональным экскурсионным сопровождением.

В прошлом году был создан общецерковный музей Санкт-Петербургской епархии, разместившийся в недавно переданном и отреставрированном корпусе Александро-Невской Лавры. Пока экспозиция в нем невелика, но накопление ее идет непрерывно, и в перспективе музей может стать настоящим церковно-научным историческим центром. Хотелось бы, чтобы информация о подобных центрах в различных епархиях и регионах повсеместно стала доступна на научному и церковному сообществу. Подобного рода инициативы следует всячески поощрять.

В Санкт-Петербурге имеется два довольно крупных церковных архива и одно значимое книгохранилище. Архив Санкт-Петербургской епархии в совокупности с архивом Санкт-Петербургской духовной академии представляют особую ценность для тех, кто занимается историей церкви в послевоенный период. На сегодняшний день важной является проблема комплектования фондов и их каталогизации.

В библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии находится солидное церковное собрание книг и рукописей. Несмотря на то, что прежняя библиотека вместе с рукописным фондом была изъята Советской властью в 1918 г., после возобновления деятельности академии в 1946 г. в ней вновь сложилось собрание, включающее в себя более чем 300 тысяч книг и 50 тысяч журналов с богатым фондом дореволюционной литературы.

В Санкт-Петербурге на епархиальном уровне были созданы духовно-просветительские центры при каждом благочинии, и в прошедшем году (а указ об этом был выпущен в начале 2015 г.) некоторые центры уже начали проявлять активную деятельность. Понятно, что разворачивание этой работы требует значительных усилий, энтузиазма и времени.

Марина Нечаева: Хочется поднять тему диалога между церковной и светской культурой. Необходимость уважительного диалога на равных, где бы учитывались интересы всех сторон, осознается в кругах российской интеллигенции еще с 90-х гг. XX в., когда РПЦ удалось снова занять значимое место в духовной жизни России. В Екатеринбурге удается найти такие точки взаимного интереса. Например, по инициативе Института истории и археологии были организованы совместные конференции и с монастырями (в 2004 г., например, когда свои юбилеи праздновали верхотурский Николаевский монастырь и далматовский Успенский), и с Екатеринбургской епархией (в 2005, 2008, 2009 г.). Также были реализованы совместные издательские проекты (в 2008–2010 гг.).

Прот. Петр Мангилев: Нужно отметить, что просветительские структуры ЕДС имеют определенный опыт создания диалога с уральской гуманитарной наукой. Можно упомянуть целый ряд научных конференций, которые проводятся семинарией с 1999 г. Партнерами

в проведении конференций выступали и выступают Уральский федеральный университет, Институт истории и археологии УрО РАН. Эти по-настоящему международные и общероссийские форумы привлекают исследователей и проводятся регулярно³. Перспективными для диалога видятся совместные научные семинары и публичные лекции. Такие мероприятия позволят научному и церковному сообществам глубже понять друг друга.

Оксана Иванова: Необходимо затронуть тему существования мнения об оппозиции церкви и культуры. Я с этим в корне не согласна. Подлинная культура несомненно духовна, а подлинная духовность всегда культурна. Не случайно главные русские культурные достижения, имеющие мировую значимость, обладают обоими этими качествами. Я говорю и о древнерусской иконописи, сохраненной в церкви, но открытой культурой только в XX в., и о русской религиозной философии, чью «прописку» однозначно определить также непросто. Опыт святости XX в., еще мало известный и плохо изученный, способен стать уникальным вкладом России в сокровищницу мировой цивилизации. Подлинность всегда в опасности перед идеологизацией и мифологизацией. Было бы разумно объединять усилия для решения общих проблем.

Прот. Константин Костромин: Несмотря на то, что Петербург – один из самых светских и антиклерикально настроенных городов России, традиции культурного диалога между церковью и светским обществом здесь уже очень давние, разнообразные и богатые, ставшие чуть ли не брендом северной столицы. Конференции и публичные мероприятия, проводимые при совместном участии церкви, государства и общественных организаций, часто проходят в Президентской библиотеке им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (здание Сената и Синода) и в Музее истории религии, музее-памятнике «Исаакиевский собор». Заключены договоры о сотрудничестве и с Государственным Эрмитажем.

В свое время я специально занимался вопросом сотрудничества Санкт-Петербургской духовной академии (СПбДА) с вузами Санкт-Петербурга, и мне хотелось бы поделиться опытом, в котором есть как положительные, так и негативные составляющие. В Санкт-Петербурге есть порядка десяти различных высших учебных организаций (университеты и академии), часть из которых объединена

---

³ Особо значительными были следующие: Церковно-историческая конференция «История Православия на Урале», посвященная 120-летию Екатеринбургской епархии (29–30 ноября 2005 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Православие в судьбе Урала и России: история и современность», посвященная 125-летию Екатеринбургской епархии и 200-летию Екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря (18–20 апреля 2010 г.). В последние годы традиционной стала ежегодная конференция «Церковь. Богословие. История», привлекающая внимание большого числа исследователей из России и зарубежных стран.

межвузовской ассоциацией «Покров», созданной в 2002 г. по инициативе СПбДА. После создания ассоциации ректор СПбДА архиепископ Константин (Горянов) охотно участвовал в ее заседаниях. И хотя при нынешнем ректоре архиепископе Амвросии связи с ассоциацией «Покров» стали постепенно затухать, некоторые студенческие программы по-прежнему работают.

В установлении сотрудничества огромную роль играют контакты между учеными. Так, связи с Санкт-Петербургским государственным университетом носят прежде всего личный характер. Между СПбДА и университетом нет, к сожалению, договора о сотрудничестве. Это объясняет трудности по возвращению университетскому храму изначального статуса. Зачастую замедление процесса взаимодействия обусловлено возрастающей бюрократизацией высшей школы и сохранением в общественных науках пропагандистки-атеистического пафоса, что существенно затрудняет диалог. Связи СПбДА с университетами носят широкий, но непостоянный и неравномерный характер, что обуславливается разностью систем духовного и светского образования. Возможно, в Екатеринбурге эти отношения складываются лучше.

Прот. Петр Мангилев: Екатеринбургская духовная семинария сотрудничала и сотрудничает с высшими учебными заведениями Екатеринбурга. Кроме тех видов партнерства, о которых немного было сказано выше, это консультирование, научное руководство и рецензирование дипломных работ, чтение спецкурсов. В этом поле деятельности семинарии успешно участвовали профессора М. А. Поляковская и М. Э. Рут, доктор исторических наук А. Г. Мосин, доктор исторических наук И. В. Починская, кандидат исторических наук А. Т. Шашков и ряд других преподавателей. Хорошо зарекомендовал себя опыт встреч с учеными и деятелями культуры.

Можно добавить несколько слов о собирательской деятельности церкви. Часто в наши коллекции попадают предметы, которым обычно не уделяется должного внимания в этнографических коллекциях. Но эти предметы – яркие свидетели эпохи. Например, бумажные иконы, украшенные фольгой, или переписанное от руки Священное Писание, богослужебные тексты очень многое могут сказать о времени и о человеке. И, пользуясь случаем, я хотел бы привлечь к этому внимание⁴.

Одним из проектов могло бы стать привлечение волонтеров к изучению религиозной культуры и истории XX в., в частности, организация путешествий-экспедиций по работающим приходам Урала, с целью сбора интересных артефактов для музейной коллекции, пополнения фондов архива (например, электронными копиями приходских архивов) и т. д.

⁴ См.: [Долгушин, с. 469–475; Аркадий (Логинов), иером., Иванова, с. 10–28].

Оксана Иванова: К сожалению, в 90-е гг. прошлого столетия многое из церковного наследия 1960–1980-х гг. было утеряно. В сложных условиях церковного возрождения вопросы сохранения наследия оставались на периферии, многим вещам (тетрадкам с нотами, богослужебными текстами, келейными молитвами, текстами святых отцов, бухгалтерской и другой приходской документации, документам статистического учета, самодельным иконам из фольги крестам) порой не придавалось значения. Хотя мы видим, что люди, несмотря на все запреты, не просто сохраняли веру, но создавали необходимые богослужебные предметы.

Прот. Константин Костромин: Действительно, новаторская деятельность по сохранению своеобразных религиозно-исторических экспонатов народного происхождения очень ценна. Насколько мне известно, у нас в Санкт-Петербургской епархии мемуарами, иконами, фото- и видеокolleкциями никто не занимается с научными целями. Или, по крайней мере, мне такие церковные центры не известны.

Марина Нечаева: Стоит вспомнить имеющийся у церкви исторический опыт собирания и сохранения церковной старины. Так, еще в начале XX в. формой объединения интеллигенции из числа духовенства и мирян были церковно-археологические общества. Мысль о создании такого общества возникла обычно в ходе обсуждения вопроса о сохранении памятников церковной старины и о создании особого церковно-археологического музея. Такие общества существовали и на Урале. В 1911 г. открылся Екатеринбургский церковно-археологический комитет. В обращении от имени членов комитета к духовенству и мирянам епархии говорилось о необходимости охранять и собирать предметы церковной старины, причем не только православной, но и все те, которыми могут быть представлены и охарактеризованы старообрядчество, сектантство, магометанство, язычество и все вообще вероисповедания, существовавшие и существующие в пределах Екатеринбургской епархии. В 1912 г. комитет открыл музей в здании Екатеринбургского духовного училища.

Более активной была деятельность Пермского епархиального церковно-археологического общества. Его открытие состоялось в 1912 г. Слова первого председателя этого общества протоиерея Константина Селивановского, сказанные на первом организационном собрании, звучат актуально и сегодня: «Чтобы оживить в современном русском обществе любовь ко всему родному, русскому, побудить его стряхнуть с себя наносный иноземный духовный мусор, необходимо показать ему неподдельную красоту духовного облика древнерусского человека, полагавшего весь смысл жизни в служении Богу, царю и Родине. А об этом всего лучше скажут нам археологические памятники русской церковной старины» [См.: Селивановский, с. 660–661].

В Пермской епархии идея создания музея впервые была высказана в печати членом Пермской ученой архивной комиссии Д. Скрынченко. После участия во XII Археологическом съезде (1902, г. Харьков) он поделился с читателями своими размышлениями: «...русские люди умеют с большой заботой и вниманием относиться к памятникам русской церковной старины. Не пора ли и духовенству Пермской епархии заняться собиранием и изучением церковных памятников своего края. Ведь если кому-либо, то именно прежде всего духовенству надлежит исполнить эту задачу. Церковные памятники – не только показатель религиозной жизни прошлого известной местности, но и богатая наглядная церковно-историческая школа. Духовенство должно знать характер живописи своих старых икон, архитектуру церквей и т. п., потому что если оно не будет знать этой области, то откуда же найдутся любители-знатоки церковной старины? Вот почему мы позволим себе высказать пожелание, чтобы духовенство Пермской епархии позаботилось об устройстве церковно-археологического музея при семинарии; подобный музей будет надежным хранителем памятников церковной старины Пермского края и хорошей наглядной школой для духовного юношества» [Скрынченко, с. 500].

В состав комитета вошли представители церковной интеллигенции и миряне (в основном преподаватели семинарии и духовных училищ). Члены комитета активно привлекали в общество новых членов. Постепенно расширялась и сфера интересов общества: был поставлен вопрос о сохранении памятников церковной нотной-музыкальной старины. Общество занялось сбором церковных летописей, намеревалось издавать историко-статистические описание церквей и монастырей. Одним из направлений его деятельности стало проведение археологических раскопок. Результаты раскопок в Пыскоре, проводимых под руководством И. Я. Кривошекова, нашли подробное освещение на страницах «Пермских епархиальных ведомостей», вызвали интерес археологов Императорской археологической комиссии.

Андрей Шаманаев: Дискуссионными и требующими открытого диалога остаются проблемы использования церковными структурами объектов историко-культурного наследия. За последние 20 лет многие музейные артефакты оказались в центре конфликтов (иконы Богоматери Владимирской и Донской, «Троица» Андрея Рублева из Третьяковской галереи, иконы Казанского собора в Санкт-Петербурге, Новодевичьего монастыря в Москве, Соловецкого и Валаамского комплексов и др.).

Один из ключевых вопросов этих споров – сможет ли церковь обеспечить сохранность памятников, полученных в пользование или в собственность? Стоит отметить, что как сторонники, так и противники передачи церкви памятников искусства обращаются к историческому опыту. Первые полагают, что в прошлом РПЦ наглядно доказала способность сохранять памятники, обеспечив им безопасность

и надлежащие условия хранения [Церковь и культурное наследие, с. 36–42]. Вторые считают, что для служителей церкви конфессиональные и экономические интересы были более значимыми, чем решение задач научной реставрации и сохранения аутентичности наследия, и перспективы изменения такого подхода маловероятны [Мусин, с. 41–101]. Критическое отношение к возможностям РПЦ в отношении сохранения культурного наследия сформировалось в научных кругах России еще в середине – второй половине XIX в. На I Всероссийском археологическом съезде известный историк М. П. Погодин, признавая несомненный вклад служителей церкви в сохранение древностей, был вынужден вместе с тем отметить, что не только рядовые священники, но и церковные иерархи часто не понимают значения и необходимости охраны памятников старины, что может приводить к их утрате [Погодин, с. 27]. Интересный пример деятельности религиозной организации по созданию публичного музея археологических находок дает история монастыря Святого Владимира в Херсонесе (Севастополь). Идея создания древлехранилища при обители была связана с проектом восстановления христианских центров в Крыму («Русский Афон»), инициированного на рубеже 1840–1850-х гг. архиепископом Херсонским Иннокентием (И. А. Борисовым). Иннокентий предполагал, что служители возрожденных монастырей будут заниматься «собираaniem исторических преданий и описанием древностей» [Гроздов, 1888, с. 96]. Практическое воплощение этой идеи архиепископ связывал с созданием в Херсонесе и Инкермане небольших музеев «местных древностей» [Тункина, с. 527]. Служители монастыря Святого Владимира предприняли несколько попыток сформировать музейную коллекцию и устроить постоянную экспозицию наиболее интересных вещей. В 1876–1886 г. монастырское собрание пополнялось преимущественно средневековыми артефактами из раскопок, проводившихся под руководством Одесского общества истории и древностей. К концу 1880-х г. собрание включало более полутора тысяч единиц хранения. Но в 1887–1924 гг. в обители остался только небольшой фонд находок без права его пополнения, несколько десятков предметов были переданы в Императорскую археологическую комиссию, и их судьба неизвестна.

Можно назвать несколько причин фактического провала проекта «Христианского музея» в Херсонесе, которые надо учитывать при планировании организации музеев. Наиболее важные из них – отсутствие специального здания (монастырь так и не смог изыскать финансы для его строительства) и постоянного штата музейных работников (коллекцией занимались монахи в свободное время), а также невозможность обеспечить постоянный свободный доступ к экспозиции (размещалась в служебных помещениях обители).

Стоит отметить, что с 1876 по 1886 г. изучение и организация охраны Херсонеса осуществлялись в условиях взаимодействия монастыря Святого Владимира и Одесского общества истории и древностей на

средства, выделявшиеся Святейшим Синодом, а с 1881 г. – Министерством народного просвещения. В 1884 г. Одесское общество передало практическое руководство раскопками монастырю, но сохранило за собой функции научного куратора исследований. Сотрудничество служителей монастыря и одесских ученых все-таки позволило изучить ряд объектов, получить ценный археологический материал.

В настоящее время на территории Херсонесского городища (памятник включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО) существуют государственный музей-заповедник и собор Святого Владимира. Отношения между этими субъектами складываются сложные, что заставляет искать компромиссные решения и осуществлять совместные акции. В 2011 и 2015 г. музей и Крымская епархия выступили соорганизаторами международных научных конференций. В ходе проведения этих форумов активно обсуждались вопросы взаимодействия церковных структур и светских учреждений культуры. Хрупкий баланс интересов чаще всего нарушается при попытках благоустроить территорию, отведенную под нужды собора Святого Владимира, что приводит к нарушению сохранности археологического слоя. К конфликтам приводят и непродуманные административные решения. В июле 2015 г. губернатор Севастополя назначил директором музея-заповедника протоиерея Сергея Халюту, что вызвало решительный протест научной и гражданской общественности, обеспокоенной непрофессионализмом нового директора. Проблему удалось решить только после вмешательства Министерства культуры РФ и назначения на эту должность сотрудника заповедника.

Прот. Петр Мангилев: Несколько слов нужно сказать о просветительских мероприятиях, организованных при участии семинарии. Практика показала, что наибольшим вниманием пользовались те, которые затрагивали чувства людей или привлекали новыми малоизвестными страницами русской культуры. В 2014 г. к Дню православной книги библиотекой семинарии совместно с Лабораторией археографических исследований ИГНИ УрФУ и Музеем истории Екатеринбурга была подготовлена выставка старопечатных и рукописных книг «12 веков Библии в России: История изданий и переводов». На выставке была представлена история библейского текста в России. Посетители выставки смогли увидеть в подлинниках Острожскую Библию (1581), Библию царя Алексея Михайловича (1663), Елизаветинскую Библию (издание 1784 г.), многие другие ценные издания. С большим интересом была воспринята открывшаяся в июне 2014 г. выставка «Ласковым словом: традиции милосердия от Крымской до Первой мировой войны» (июнь 2014). Также надо упомянуть о проведении дней памяти А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова в 2014 г. В эти дни были отслужены панихиды по почившим поэтам, профессорами УрФУ были прочитаны лекции об их творчестве, звучали стихи, исполнялись романсы на стихи классиков русской поэзии. Только

за первую половину 2014 г. мероприятия, организованные семинарией, посетило около двух с половиной тысяч человек самого разного возраста. Но главное – даже не многочисленные мероприятия, а то, что возникло новое место встречи, место общения.

Прот. Константин Костромин: И у нас в Санкт-Петербургской епархии число культурных мероприятий, привлекающих внимание горожан, властей, зарубежных гостей, достаточно велико. К ним относятся прежде всего совместные с епархией инициативы музея-памятника «Исаакиевский собор». Это концерты и музыкальные фестивали, выставки, научно-практические конференции. Можно упомянуть ставшие привычными и ожидаемыми совместные концерты духовной музыки в Певческой капелле, проводимые хором капеллы Санкт-Петербургской духовной академии и хором Санкт-Петербургской митрополии.

Марина Нечаева: Мне кажется, есть большая потребность в расширении таких программ в Екатеринбурге. У нас очень творчески работающая филармония, имеющая обширные контакты в музыкальном мире по всей стране и далеко за ее пределами. Уверена, что сотрудничество с нею могло бы привести к очень интересным и востребованным в культурной среде Екатеринбурга проектам.

Обращаясь к истории, можно найти примеры широкого общественного резонанса на просветительские мероприятия, организуемые церковью. Я уже упоминала выше о деятельности церковно-археологических обществ на Урале. Пермское общество, например, 26 февраля 1917 г. организовало две платные публичные лекции. Профессор А. П. Кадлубовский выступил с докладом «Влияние церковной письменности на древнерусскую народную поэзию», а профессор П. С. Богословский – с докладом «Пермская церковная старина. Вопрос о ее появлении, характере, объеме и задачах научного исследования». В перерывах между лекциями пел хор из ста воспитанниц Пермской учительской женской семинарии.

Нельзя не вспомнить и о просветительной деятельности Императорского православного палестинского общества, имевшего свои епархиальные отделы по всей стране. Примером позитивной не только религиозной, но и культурно-просветительской деятельности в конце XIX – начале XX в. были чтения и вечера, организуемые этим обществом. Палестинские чтения были очень популярны среди населения, как в городах и заводских поселках, так и в деревнях. На некоторых чтениях собиралось до трех тысяч человек.

Например, в Екатеринбургской епархии в 1905 г. чтения были проведены в 120 пунктах, их посетило около 12 тысяч человек. Екатеринбургский отдел Палестинского общества в 1902 г. отмечал: «Многие из слушателей, даже неграмотные, просили на дом брошюры, по коим производились чтения, для прочтения им их грамотными школьниками еще раз. При получении листков и картин усердно благодарят

и осеняют себя крестным знаменем и с благоговением уносят их домой, где и хранят их на божнице. <...> До чего нравятся православному народу Палестинские чтения, видно из отчета одного из настоятелей, что посетители просили лекторов продолжать оные возможно большее количество часов и устраивать их на будущее время возможно чаще, в чем иногда приходилось отказывать за наступлением сумерек и утомлением лекторов» [См.: Отчет о деятельности Екатеринбургского отдела Императорского Православного Палестинского общества, с. 13]. Предметом чтений было русское паломничество на Святую землю. Обычно чтения на евангельские темы сопровождались выступлением хора архиерейских певчих. Паломники, совершившие путешествие в Святую Землю, делились своими впечатлениями. В некоторых епархиях, например, в Пермской, с 1913 г., ежегодно устраивались Палестинские вечера – духовные концерты, на которых читались и доклады. Вечера происходили с большим успехом, и зал не мог вместить всех желающих. Хотелось бы, чтобы и сейчас возрождаемые епархиальные отделения ИППО вспомнили о примерах своей культурно-просветительской деятельности в российских провинциях, не только дававшей дополнительные потоки средств для деятельности общества в Палестине, но и расширявших границы представлений россиян о христианском мире во всем его разнообразии, вызывавшей глубокий эмоциональный отклик на положение и судьбы православных на Ближнем Востоке.

Прот. Петр Мангилев: В 2015 г. был образован Екатеринбургский отдел ИППО. В его планах – проведение научных и просветительских мероприятий, которые, будем надеяться, также послужат расширению поля церковно-общественного диалога.

Прот. Константин Костромин: Давайте подведем некоторые итоги. В разных регионах свои условия обуславливают разные модели и реальные обстоятельства общения церкви с обществом вообще, научным и культурным в частности, и культурные инициативы. Но церковным структурам, поскольку они более заинтересованы войти на равных в культурную жизнь страны и народа, важнее и интереснее обмениваться опытом в том, как они выстраивают эти контакты у себя, и пытаться реализовать чужой опыт на своей территории. И тогда в перспективе начнет создаваться новая общая модель отношений церкви с культурой и наукой, причем намного более обогащающая, чем это способна делать региональная модель.

Марина Нечаева: Я бы сказала, что российское общество при всем своем секулярном характере действительно ждет культурных инициатив Церкви, ориентированных на разные возрастные и социальные группы. Мне кажется, что особо велик такой запрос на культурные программы для молодежи и интеллигенции – наиболее критично мыслящих групп населения.

Прот. Петр Мангилев: Испытания, пережитые нашим обществом в XX столетии, вызовы, которые перед ним стоят, требуют обсуждения, диалога, серьезного разговора о серьезном. Церкви и обществу есть, что сказать друг другу. Этот диалог может совершаться в поле культуры, языком культуры. Мы сегодня говорили о научных, просветительских, культурных мероприятиях. Опыт этих мероприятий, безусловно, важный сам по себе, так сказать, в конкретном приложении, как представляется, в большей степени важен как опыт церковно-общественного диалога, опыт говорить друг с другом и опыт друг друга слышать.

Список литературы

Акишин С. Ю., Глазкова Г. В., и др. Екатеринбургская духовная семинария в конце XX – начале XXI века // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. № 2 (8). С. 14–63.

Аркадий (Логонов), иером., Иванова О. В. Предварительные заметки об особенностях рукописных литургических текстов из собрания Музея святости, исповедничества и подвижничества на Урале в XX веке // Церковь. Богословие. История : материалы IV международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 5–6 февраля 2016 г.). Екатеринбург : Информ.-изд. отдел ЕДС, 2016. С. 10–28.

Долгушин Д. В. Рукописная традиция Русской Православной Церкви 1950–1970-х гг. (на примере коллекции из архива церкви Всех Святых, В Земле Русской Просиявших, новосибирского Академгородка) // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2015. С. 469–475.

Логонов А., Иванова О. В. Базовые основания и характерные трудности при создании музея, посвященного опыту мучеников и исповедников в XX веке на Урале // Церковь. Богословие. История : материалы III Международной научно-богословской конференции, посвященной 130-летию Екатеринбургской епархии и памяти Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской. Екатеринбург : Информ.-изд. отдел ЕДС, 2015. С. 44–49.

Мусин А. Е. Церковная старина в современной России. СПб. : Петербургское востоковедение, 2010. 456 с.

Отчет о деятельности Екатеринбургского отдела Императорского Православного Палестинского общества за восьмой год его существования (с 1 марта 1901 г. по 1 марта 1902 г.) // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1903. № 1–2. Отдел офиц. С. 9–14.

Селивановский К. Речь при открытии Пермского церковного археологического общества // Пермские епархиальные ведомости. 1912. № 30. Отдел неофиц. С. 658–661.

Скрынченко Д. Церковный отдел на XII Археол[огическом] съезде в г. Харькове // Пермские епархиальные ведомости. 1902. № 39. Отдел неофиц. С. 489–500.

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб. : Наука. 2002. 676 с.

Церковь и культурное наследие : В Новодевичьем монастыре открыт церковный музей // Журнал Московской патриархии. 2011. Апр. № 4. С. 36–42.

References

Akishin, S. Yu., Glazkova, G. V. et al. (2014). *Yekaterinburgskaya dukhovnaya seminariya v kontse XX – nachale XXI veka* [Yekaterinburg Seminary in the Late 20th – Early 21st Centuries]. In *Vestnik Yekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*, 2 (8), pp. 14–63.

Arkady (Loginov), ierom. & Ivanova, O. V. (2016). *Predvaritel'nye zametki ob osobennostyakh rukopisnykh liturgicheskikh tekstov iz sobraniya Muzeya svyatosti, ispovednichestva i podvizhnichestva na Urale v XX veke* [Preliminary Remarks on the Specific Features of Liturgical Texts from the Collection of the Museum of Sanctity, Profession of Faith and Asceticism in the 20th Century Urals]. In *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya : materialy IV mezhdunarodnoy nauchno-bogoslovskoy konferentsii* (Ekaterinburg, 5–6 fevralya 2016 g.). (Pp. 10–28). Yekaterinburg, Informatsionno-izdatel'sky otdel EDS.

Grozdov, A. V. (1888). *Arkhivnye dokumenty, odnosyashchiesya k istorii khersonisskogo monastyraya* [Archival Documents on the History of Chersonesus Monastery]. In *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 5, pp. 81--105. Simferopol.

Dolgushin, D. V. (2015). *Rukopisnaya traditsiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi 1950–1970-kh gg. (na primere kolleksii iz arkhiva tserkvi Vsekh svyatykh, v zemle Russkoy prosiyavshikh, novosibirskogo Akademgorodka)* [The Manuscript Tradition of the Russian Orthodox Church between the 1950s and 1970s (with Reference to the Collection of the Archive of the Church of All Russian Saints of the Novosibirsk Akademgorodok)]. In *Religioznye i politicheskie idei v proizvedeniyakh deyateley russkoy kul'tury XVI–XXI vv.* (pp. 469–475). Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN.

Loginov, A. & Ivanova, O. V. (2015). *Bazovye osnovaniya i kharakternye trudnosti pri sozdanii muzeya, posvyashchennogo opyту muchenikov i ispovednikov v XX veke na Urale* [The Foundations and Difficulties Underlying the Establishment of a Museum Honouring the Martyrs and People of Faith in the 20th Century Urals]. In *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-bogoslovskoy konferentsii, posvyashchennoy 130-letiyu Yekaterinburgskoy eparkhii i pamyati Sobora novomuchenikov i ispovednikov Tserkvi Russkoy* (pp. 44–49). Yekaterinburg, Informatsionno-izdatel'skiy otdel EDS.

Musin, A. E. (2010). *Tserkovnaya starina v sovremennoy Rossii* [Relics of the Religious Past in Modern Russia]. 456 p. Sankt Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie.

Otchet o deyatelnosti Yekaterinburgskogo otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva za vos'moy god ego sushchestvovaniya (s 1 marta 1901 g. po 1 marta 1902 g.) [A Report on the Activity of the Yekaterinburg Department of the Imperial Orthodox Palestinian Society after Its 8 Years of Functioning (from March 1, 1901 to March 1, 1902)]. (1903). In *Yekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti, 1–2, Otdel ofits.*, pp. 9–14.

Pogodin, M. P. (1869). *Su'by arkhologii v Rossii: III* [The Destinies of Archaeology in Russia: III]. In *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, Vol. 146 (November), pp. 1–39.

Selivanovsky, K. (1912). *Rech' pri otkrytii Permskogo tserkovnogo arkheologicheskogo obshchestva* [Speech Delivered at the Inauguration of the Perm Church Archaeological Society]. In *Permskie eparkhial'nye vedomosti, 30, Otdel neofits.*, pp. 658–661.

Skrynchenko, D. (1902). *Tserkovnyy otdel na XII Arkheol[ogicheskoy] s'ezde v g. Khar'kove* [Church Section at the 12th Archaeological Convention in Kharkov]. In *Permskie eparkhial'nye vedomosti, 39, Otdel neofits.*, pp. 489–500.

Tunkina, I. V. (2002). *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)* [Russian Science on the Classical Antiquity of the South of Russia (18th – mid-19th Centuries)]. 676 p. Sankt Petersburg, Nauka.

Tserkov' i kul'turnoe nasledie: V Novodevich'em monastyre otkryt tserkovnyy muzey [The Church and Cultural Heritage: A Church Museum Has Opened at Novodevichy Convent]. (2011). In *Zhurnal Moskovskoy patriarkhii, April (4)*, pp. 36–42.

УЧАСТНИКИ «КРУГЛОГО СТОЛА»

Петр Мангилев, Екатеринбургская православная духовная семинария;

Константин Костромин, Санкт-Петербургская духовная академия, Россия;

Марина Нечаева, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия;

Андрей Шаманаев, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия;

Оксана Иванова, Свято-Филаретовский православно-христианский институт, Екатеринбург, Россия

PARTICIPANTS OF THE ROUND TABLE

Pyotr Mangilev, Yekaterinburg Orthodox Seminary, Yekaterinburg, Russia;

Konstantin Kostromin, The Saint Petersburg Ecclesiastical Academy, Russia;

Marina Nechayeva, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;

Andrey Shamanayev, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia;

Oksana Ivanova, St Philaretus Orthodox Christian Institute, Yekaterinburg, Russia

The article was submitted on 07.12.2015

Critica

RUSSLAND KOMMER NÆRMERE
Norge og Russland 1814–1917

Jens Petter Nielsen (red.)

NÅGRA OBSERVATIONER ANGÅENDE RYSSLAND,
SAMMANFATTADE AV ERIC PALMQVIST ÅR 1674

ЗАМЕТКИ О РОССИИ,
СДЕЛАННЫЕ ЭРИКОМ ПАЛЬМКВИСТОМ В 1674 ГОДУ

SOME OBSERVATIONS CONCERNING RUSSIA,
SUMMARISED BY ERIC PALMQVIST IN 1674

Critica

DOI 10.15826/QR.2016.1.154

УДК 94(470)"16"+330(470)+342(470)+398

EINE WICHTIGE QUELLENEDITION DER RUSSISCHEN GESCHICHTE DES 17. JAHRHUNDERTS

AN IMPORTANT SOURCE COLLECTION ON SEVENTEENTH-CENTURY RUSSIAN HISTORY*

Stephan Troebst
Leipzig University,
Germany

Rev. of: Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году.
М. : Ломоносов. 2012. – 344 с. (*Zametki o Rossii, sdelannyye Erikom Palmkvistom
v 1674 godu. M. : Lomonosov, 2012. – 344 s.*) [Some Observations Concerning
Russia, Summarised by Erik Palmquist in 1674.–Moskva : Lomonosov, 2012. – 344 S.]

The observations on Russia made by Erik Palmquist in 1674 are a little known and important source that contains drawings, geographical maps, and city plans with descriptions. All of this makes it an important source for the history of seventeenth-century Russia, providing information on military science, diplomacy, law and order, infrastructure, architecture, technology, industry, and clothing. It is not by chance that such a description was made, since the result of this supposedly 'diplomatic' mission was the collection of immense amounts of intelligence on Russia. Kept in the National Archive in Stockholm, the manuscript was translated and published in Russian in 1900; an abbreviated edition was released in 1993. The edition reviewed in this article is the first trilingual version which complies with international academic standards, and thus is suitable for scholarly research. However, we still must wait for a version that will be affordable and have the same format as the original. Moreover, academic commentary on the text, illustrations, and maps has not yet been provided.

Keywords: Seventeenth-century Russian history; army; economy; diploma-
cy; law; infrastructure; architecture; technology; industry.

---

* *Citation:* Troebst, S. (2016). Eine wichtige Quellenedition der russischen Geschichte des 17. Jahrhunderts. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 1, p. 281–286. DOI 10.15826/QR.2016.1.154.

Цитирование: Troebst S. Eine wichtige Quellenedition der russischen Geschichte des 17. Jahrhunderts // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 1. P. 281–286. DOI 10.15826/QR.2016.1.154.

«Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году», являются важным, но малоизвестным источником, содержащим множество рисунков, географических карт и планов городов с описаниями. Это делает их ценным источником по истории России XVII в., сообщающим информацию о состоянии военного дела, дипломатии, правовом порядке, инфраструктуре, архитектуре, технологиях, промышленности и одежде. Такое подробное описание на случай, ведь результатом миссии, декларированной как дипломатическая, оказалось собрание огромных разведывательных материалов о России. Находящийся в Стокгольмском национальном архиве, манускрипт был переведен на русский язык и опубликован в 1900 г., переиздан в уменьшенном формате в 1993 г. Настоящее издание является первой трилингвальной версией, соответствующей международным научным стандартам и поэтому пригодной для использования в научных исследованиях. И все же придется еще подождать окончательной репринтной версии по доступной цене и в формате, соответствующем оригиналу, тем более что работа по аннотации текста, иллюстраций и карт согласно научным критериям должна быть еще сделана.

Ключевые слова: история России XVII века; армия; экономика; дипломатия; право; инфраструктура; архитектура; технологии; промышленность.

Unter den zahlreichen Gesandtschaften der frühneuzeitlichen Großmacht Schweden-Finnland zum Zaren besitzt diejenige Graf Gustav Oxenstiernas von 1673/74 international regelrechte Berühmtheit, sind doch zwei zentrale Quellen zur Kenntnis des Moskauer Staates unmittelbare Produkte dieser diplomatischen Mission. Dies sind zum einen Johann Philip Kilburgers vielzitierte *Mercatura Ruthenica Oder Kurtzer Unterricht von den Reußischen Commerciën* [Kilburger], zum anderen die illustrierte und kolorierte sowie mit 53 Abbildungen und 16 Karten bzw. Stadtplänen versehene Handschrift im Folio-Format *Någre Widh Sidste Kongl: Ambaßaden till Tzaren i Muskou gjorde Observationer öfwer Ryßlandh, des Wägar, Paß medh Fästningar och Gräntzer* (Einige bei der letzten Königlichen Gesandtschaft zum Zaren in Moskau gemacht Beobachtungen über Russland seine Wege, Paß[stellen] mit Festungen und Grenzen) des Militärexperten der Gesandtschaft, des jungen Artillerieingenieurs Hauptmann Erik Palmquist (ca. 1650 – ca. 1676), aus dem Jahr 1674 [Пальмквист].

Das im Stockholmer Reichsarchiv als Nr. 63 im Bestand „Kartor och ritnigar utan känd proveniens“ (Karten und Zeichnungen ohne bekannte Herkunft) befindliche Manuskript wurde 1888 von Karl Sandgren und Axel Lagrelius in einer Auflage von ganzen 75 Exemplaren 1 : 1 photolithographisch reproduziert. Zuletzt war eines dieser Exemplare 2008 für 1.200 US-\$ auf dem antiquarischen Buchmarkt erhältlich. Lediglich 30 Exemplare umfasste eine russische Übersetzung von Aleksandr. P. Vakulovskij und Eduard Granström aus dem Jahr 1900, die erst 1993 in verkleinertem Format im Druck erschien [Пальмквист]. Die anzuzeigende Publikation ist

daher die erste, zumal dreisprachige Edition des Palmquist-Manuskripts, die sich zum einen für den wissenschaftlichen Gebrauch eignet und zum anderen leicht zugänglich ist. Ein auffälliges Manko ist allerdings das im Vergleich zum Original deutlich verkleinerte Format, das die Lesbarkeit des Faksimile-Teils beträchtlich vermindert. Besonders bedauerlicher ist daher, dass die ursprüngliche Absicht der Initiatoren, neben der Papierversion des Buches auch eine digitale Fassung zu erstellen und dem Buch auf CD-ROM beizugeben, aus unbekanntem Gründen nicht realisiert worden ist. Denn dies hätte die Möglichkeit zur Vergrößerung von Palmquists stellenweise mikroskopisch kleiner Handschrift sowie von noch schwerer lesbaren Beschriftungen der Karten gegeben.

Die für die anzuzeigende Edition verantwortlich zeichnenden schwedischen Wissenschaftlerinnen Elisabeth Löfstrand, Ulla Birgegård und Laila Nordquist sind sämtlich Slavistinnen, keine Historikerinnen, was überdies für den militärtechnischen Berater Thomas Roth, für den Onomasten Adrian Selin sowie für die Papier- und Buchbindeexpertin Anna Fornäs gilt. Lediglich der Übersetzer des Palmquistschen Textes ins Russische, Gennadij Kovalenko, ist Fachmann für die Geschichte der schwedisch-moskauischen Beziehungen. Sein Buchbeitrag „Erik Palmquists verk i Ryssland och i Sverige / Sočinenie Ėrika Pal'mkvista v Rossii i Švecii / Erik Palmquist's Work in Russia and in Sweden“ resümiert die ältere schwedische und russische sowie partiell auch die neuere historische wie geographische Forschung zu Palmquists Werk. Der politische, diplomatische, militärische wie merkantile Hintergrund der Großgesandtschaft, der Palmquist angehörte und zu deren Instruktionen seine „Beobachtungen“ in direktem Zusammenhang stehen, wird dabei indes nur unzureichend ausgeleuchtet. Denn diese diplomatisch camouflierte Mission erbrachte einen gewaltigen geheimdienstlichen Ertrag, dessen Niederschlag sich in etlichen Stockholmer und Uppsaler Archivebeständen findet. Klaus Zernack hat 1978 die kritische Edition eines möglicherweise von Palmquist (mit-)verfassten Schlüsseldokuments der Gesandtschaft („Oförgripeliget project på huadh sätt krig emott Rysland stäär at föra“ (Unvorgreifliches Projekt, auf welche Weise Krieg gegen Russland zu führen wäre – «Ненавязчивый проект о возможном ведении войны против России»)) unternommen, die Kovalenko ebenso entgangen ist wie die Einordnung des Palmquistschen Manuskripts in die persienhandelspolitische Zielsetzung der Gesandtschaft, die der Rezensent 2001 vorgenommen hat [Zernack; Troebst].

Die eigentliche Einleitung des Bandes, der knappe Text „En bilderbok om Ryssland från 1674 i riksarkivet / Illjustrovannaja kniga o Rossii 1674 g. v Gosudarstvennom archive Švecii / A Picture Book of Russia from 1674 in the Swedish National Archives“ aus der Feder des langjährigen Experten im Stockholmer Reichsarchiv Kari Tarkiainen ist sehr allgemein gehalten und stellt das Reprint eines kurzen und kaum aktualisierten Aufsatzes des Verfassers aus dem Jahr 1987 dar [Tarkiainen, 1987; Tarkiainen, 1993].

Der Hauptteil des gewichtigen Bandes besteht zum einen aus einem stark verkleinerten Faksimile sowohl der beschrifteten und z. T. kolorierten

Manuskriptseiten als auch der Leerseiten, zum anderen aus einer Transliteration des handschriftlichen Textes in frühneuzeitlichem Schwedisch wie dessen Fassung in heutigem Schwedisch sowie in russischer und in englischer Übersetzung. Das Ordnungsprinzip dabei ist, dass Blatt für Blatt in diesen vier Fassungen präsentiert wird.

Palmquists Handschrift ist ein veritables Multigenrewerk, bestehend aus Wegbeschreibungen, Ranglisten und Personenverzeichnissen, vor allem aber aus Abbildungen, Stadtplänen, Landkarten, von denen er etliche mit erläuternden Texten und/oder Legenden versehen hat. Den hohen Stand schwedischer Wirtschafts- und Militärsplionage belegt etwa die technisch perfekte Zeichnung einer russischen Salzsiederei bei Mšaga, die sowohl eine Außenansicht des Gebäudes als auch einen Aufriss mit Blick ins Innere zeigt. Dasselbe gilt für seine Beschreibung samt Skizzen des moskauischen Artilleriewesens. Auf Palmquists maßstäblichen Stadtplänen von Novgorod, Toržok, Tver, Moskau und Pskov sind zahlreiche Objekte eingetragen und benannt. Und dass er sich mittels Bestechung moskauischer Beamter in den Besitz detaillierter Karten sowohl Sibiriens (samt Entfernungsangaben), der Volga, des Kaspischen Meeres und Eismeerküste gebracht hatte, blieb der Gegensplionage des Zaren verborgen. In der Fachliteratur bereits im 19. Jahrhundert bemerkt wurde hingegen Palmquists besonderes Interesse an Rängen, Uniformen und Fahnen zarischer Truppen. Der junge Offizier war aber nicht nur ein fähiger Militärsplion, sondern besaß auch ein scharfes Auge dafür, was ein Ausländer an der Realität des Alltags im Moskauer Staat zu beobachten in der Lage war. Dies wird etwa durch seine detaillierte Kenntnis der unterschiedlichen Körperstrafen belegt, wie seine großformatige Zeichnung „Härwanckar knuth“ (Hier wird mit der Knute gepeitscht) sowie drei kleinere Abbildungen zur Wasserfolter, zur Technik von Knüppelschlägen auf das Schienbein säumiger Schuldner (*pravež*) und zur Prügelstrafe mit Ruten (*batog*) zeigen. Und dass er auch Humor besaß, geht aus der sein Manuskript abschließenden kalligraphischen Darstellung eines gekrönten Adlers hervor, der indes eher einer fetten Henne ähnelt.

Bedauerlicherweise enthält die Edition keine Ortsnamen-, Personen- oder Sachregister, was die Benutzung beträchtlich erschwert. Im Anhang finden sich lediglich eine kurze buchbinde- und papiertechnische sowie auf Wasserzeichen eingehende „Beskrivning av handskriften / Opisanie rukopisi / Description of the manuscript“ aus der Feder von Elisabeth Löfstrand, äußerst knappe „Principier för utskriften av Palmquists svenska originaltext / Principy vosproizvedenija original'nogo teksta Pal'mkvista / Principles for transcribing Palmquist's original Swedish text“, ebensolche „Principier och teckenförklarningar till Palmquists text på modern svenska / Principy perevoda na russkij jazyk / Principles applied and symbols used in the English translation of Palmquist's text“ sowie ein Glossar („Ordförklarningar / Glossarij / Glossary“), welches auch zeitgenössische Maße und Gewichte auflöst.

Mehrfach resigniert haben die Herausgeber angesichts der Palmquist-schen Akribie vor allem bezüglich der Karten. Denn hier haben sie lediglich die Überschriften wiedergegeben, nicht aber Orts-, Gewässer-, Gemarkungs-, Straßen- und andere Namen und Bezeichnungen transkribiert und übersetzt, geschweige denn annotiert. Und der starken Verkleinerung wegen sind die Beschriftungen etlicher der hier reproduzierten Karten unlesbar. Das mag für Philologen kein großer Mangel sein – für Historiker und Geographen ist es ein gravierender. Eine weitere Schwäche ist der Umstand, dass von Palmquist angeführte Toponyme lediglich in einer seiner Schreibweise angepassten Form wiedergegeben sind, nicht etwa auf ihre Authentizität überprüft wurden. Allein Folio 5v-6r, „Special Observationer öfwer alle ifrå Wära Grantzor, In åth Ryßlandh löpande Wägar, som uthi Nästföregående Charta Begrepne äro Nembligen“ (Gesonderte Beobachtungen über alle von Unserer Grenze nach Russland hinein laufende Wege, die auf der vorangestellten Karte bezeichnet sind, nämlich) dürfte ca. 100 Toponyme enthalten. Bei einigen von ihnen sind immerhin die heutigen Bezeichnungen auf Estnisch angefügt. In der russischen Fassung sind etliche Ortsnamen im schwedischen Original (mit lateinischen Buchstaben) stehen geblieben. In manchen dieser Fälle wurde die (vermutete) zeitgenössisch-russische Bezeichnung in geschweiften Klammern angefügt (z. B. „Kobulia [Kobyolino]“, S. 149), in vielen anderen jedoch nicht (z. B. „Nisßo, Poslo“ ohne russisches Äquivalent, ebd.).

Insgesamt ist die vorliegende dreisprachige Edition des Palmquist-Berichts gegenüber ihren Vorläufern ein großer Fortschritt und damit ein wertvoller Beitrag zu künftiger Forschung. Auf ein erschwingliches Reprint in Originalgröße, dessen Texte, Abbildungen und Karten nach wissenschaftlichen Kriterien annotiert sind, muss indes weiter gewartet werden.

Список литературы

Пальмквист Э. Некоторые заметки о России, её дорогах, крепостях и границах, сделанные во время последнего королевского посольства к царю московскому в 1674 году / под ред. Г. Коваленко. Новгород, 1993.

Kilburger J. Ph. Mercatura Ruthenica Oder Kurtzer Unterricht von den Reußischen Commerzien // Magazin für die neue Historie und Geographie. 1769. № 3. S. 243–342.

Tarkiainen K. En bilderbok om Ryssland från 1674 i riksarkivet // Arkivvetenskapliga studier. 1987. № 6. S. 373–386.

Tarkiainen K. Stormaktstidens vackraste diplomatrapport. Erik Palmquists Rysslandsbeskrivning 1674 // Källor till den svenska historien : Årsbok för Riksarkivet och Landsarkiven. 1993. S. 73–78.

Troebst S. Russland als „Magazin der Handlung zwischen Asien und Europa“? Die Frage des Orienthandels bei der schwedischen Moskaugesandtschaft 1673/74 // Russische und Ukrainische Geschichte vom 16–18 Jahrhundert / Hrsg. v. R. O. Crummey, H. Sundhaussen und R. Vulpus. Wiesbaden, 2001. S. 287–300.

Zernack K. Imperiale Politik und merkantiler Hintergrund. Ein Dokument der schwedischen Russlandpolitik im 17. Jahrhundert // Russland – Deutschland – Amerika. Russia – Germany – America. Festschrift für Fritz T. Epstein zum 80. Geburtstag / Hrsg. v. A. Fischer, G. Moltmann und K. Schwabe. Wiesbaden, 1978. S. 24–36.

References

Kilburger, J. Ph. [1769]. Mercatura Ruthenica Oder Kurtzer Unterricht von den Reußischen Commerciën. In *Magazin für die neue Historie und Geographie*, vol. 3, s. 243–342.

Palmkvist, É. (1993). *Nekotory'e zametki o Rossii, ee dorogah, krepostyah i granicah, sdelanny'e vo vremya poslednego korolevskogo postol'stva k caryu moskovskomu v 1674 godu* [Some notes about Russia, its roads, fortresses and borders made during the last royal embassy to the king of Moscow in 1674] / red. G. Kovalenko. Novgorod.

Tarkiainen, K. (1987). En bilderbok om Ryssland från 1674 i riksarkivet. In *Arkivvetenskapliga studier*, Vol. 6, s. 373–386.

Tarkiainen, K. (1993). Stormaktstidens vackraste diplomatrapport. Erik Palmquists Rysslandsbeskrivning 1674. In *Källor till den svenska historien. Årsbok för Riksarkivet och Landsarkiven*, S. 73–78.

Troebst, S. (2001). Russland als „Magazin der Handlung zwischen Asien und Europa“? Die Frage des Orienthandels bei der schwedischen Moskaugesandtschaft 1673/74. In *Russische und Ukrainische Geschichte vom 16.-18. Jahrhundert* / Hrsg. v. R. O. Crumme, H. Sundhaussen und R. Vulpius. Wiesbaden. S. 287–300.

Zernack, K. (1978). Imperiale Politik und merkantiler Hintergrund. Ein Dokument der schwedischen Russlandpolitik im 17. Jahrhundert. In *Russland – Deutschland – Amerika. Russia – Germany – America*. Festschrift für Fritz T. Epstein zum 80. Geburtstag / Hrsg. v. A. Fischer, G. Moltmann und K. Schwabe. Wiesbaden, S. 24–36.

The article was submitted on 28.11.2015

DOI 10.15826/QR.2016.1.155

УДК 327(470)+327(481)+398+811.511.12+327.8

NORTH BY NORTH-WEST*¹

Gunnar Thorvaldsen

University of Tromsø;
Tromsø, Norway;
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Rev. of: Nielsen J. P. (red.), Mankova P. (billeder) (2014). *Russland kommer nærmere : Norge og Russland, 1814–1917*. [Russia Comes Closer : Norway and Russia, 1814–1917]. Vol. 1. – Oslo : Pax Forlag. – 642 p.

The research project “The Asymmetric Neighbourhood: Norway and Russia 1814–2014” has published two volumes on the history of the relations between Russia and Norway, the first of which, encompassing the period to 1917, is reviewed here. This is a comprehensive publication, covering most aspects of the history of contacts between the two countries. The relations have generally been peaceful, with informal or formal alliances both in the Great Northern War and the Second World War, while boundary issues and questions of sovereignty over Arctic territories have been settled through negotiations. Some of the background for this is the complementary trade relations along the northern coasts, but the relative disinterest in northern areas on the Russian side and common foreign enemies should also be stressed. Much space is naturally devoted to foreign and ethnic politics, but the social history on aspects like Norwegian immigration to the Kola Peninsula may be the highlight of the book, together with the plentiful illustrations. However, quantitative aspects, such as the sizes of different population groups, have been put on the back burner. The editing together of the illustrations and contributions from seventeen authors is exemplary, making the book a delight to read from both aesthetic and scholarly points of view.

Keywords: Russia-Norway relations; foreign politics, economic relations, cultural contacts.

---

* *Citation:* Thorvaldsen, G. (2016). North by North-West. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4, № 1, p. 287–292. DOI 10.15826/QR.2016.1.155.

Цитирование: Thorvaldsen G. North by North-West // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 1. P. 287–292. DOI 10.15826/QR.2016.1.155.

¹ The review work was supported by RNF grant 16-18-10105 “Ethno-religious and demographic dynamics in mountainous Eurasia around 1900. A comparison of the Urals and Scandinavia”.

Исследовательский проект «Асимметричное соседство: Россия и Норвегия, 1814–2014» опубликовал книгу по истории российско-норвежских отношений, первый из двух томов которой рецензируется в данной статье и освещает период до 1917 г. Это многосторонний труд, затрагивающий большинство аспектов истории контактов между названными странами. В целом их отношения были мирными и сопровождались формальным сотрудничеством как во время Северной, так и во время Второй мировой войны, тогда как вопросы о границах и территориальных притязаниях обеих стран в Арктике решались путем переговоров. В книге приводятся сведения о торговле между Норвегией и Россией вдоль северных побережий, однако отмечается, что с российской стороны существенного интереса к северным территориям не было. Издание повествует и об общих врагах Норвегии и России. Значительное внимание по понятным причинам уделяется внешней и этнической политике, но на передний план выходит социальная история, в частности, иммиграция норвежцев на Кольский полуостров. Книга снабжена большим количеством иллюстраций, но, хотя статистических данных, таких как, например, численность различных групп населения, приводится сравнительно немного, высоко-профессиональная редакторская работа, позволившая свести воедино все иллюстрации и тексты семнадцати авторов, делает книгу ценной как с эстетической, так и с научной точки зрения.

Ключевые слова: российско-норвежские отношения; международная политика России и Норвегии; экономические отношения; культурные контакты.

This book is the first of two volumes resulting from the research project “The Asymmetric Neighbourhood: Norway and Russia 1814–2014” richly funded with over 2 million Euros and with eight co-authors from Russia and nine from Norway. The second volume *Neighbours in fear and expectation: Norway and Russia 1917–2014* [Holtmark, Mankova, 2015] has also been published, but both books are major volumes with more than 600 pages, weigh in at over two kilos, have different editors, treat Russia’s history before and after the Revolution respectively and thus deserve independent evaluations in book reviews. Fortunately, versions adapted and translated into Russian have been announced to complement the present editions written in Norwegian. The books result from the cooperation between some twenty five historians primarily based at the northern universities, which was intensified from the early 1990s onwards. The writing and editing was started in 2009, and the participating authors report no significant conflicts between themselves or with the authorities. The volumes are richly illustrated with pictures and paintings and look nice on the coffee table in addition to their obvious scholarly merits.

A preamble to these two volumes was published in 2004, even more stressing the rich illustrations with the title translated into English as *Norway and Russia: Neighbours during 1000 Years*, again with project leader

Jens Petter Nielsen as one of the editors [Büchten, Dzijakson and Nielsen, 2004]. This functioned as a catalogue for the exhibition with the same name organized in Oslo and St Petersburg in 2004 and 2005. That volume, however, was edited along different guidelines than the recently published ones, since in 2004 each author contributed his or her own chapter, while in the present volumes the editors have combined the contributions from the authors into coherent texts. This is a *tour de force* made more realistic with information technology and word processing, but all the same required vast efforts on the part of the editors with respect to insights, time and efforts. The method is recommendable, however, since not only does the reader receive a more coherent text, also the contributors have to study each other's contributions thoroughly, thus avoiding repetitions and improving the quality by increasing the level of scholarly inter-subjectivity.

The result becomes even more impressive when considering the broad thematic scope of the books. Plenty of books and articles have been written about aspects of the relationships between Russia and its foreign neighbours, but is harder to find comprehensive publications about many or all aspects of the history of contacts between Russia and one of its neighbouring states. Here is politics, economy, culture; as is indicated by main keywords listed in the library catalogue for the first volume under review here: Culture; Foreign Policy; military; fish; catch; trade; cooperation; History; Barents Sea; Limits; November Treaty; Norway; Fishing (law); Security Policy; Northern Areas; Constitution Anniversary, Sami history; Minority Policy; International Relations. The aim was to celebrate the 200 anniversary of the Norwegian Constitution in 2014 with de lux editions, which the editors and authors managed.² A summary of the book's contents will not be reproduced here, it is available in a lengthy review article [Balsvik, 2015].

The Russian-Norwegian border which was defined in the terrain a long decade after the composition of the Constitution is only 200 kilometres long, and the existence of a no man's land between the two countries for many centuries may illustrate that the northern territories were not viewed as important, especially from the Russian side. The Norwegian coast with its milder climate was more densely populated and used more intensively than the coast of the Kola Peninsula further east. This is the basis for the strongest side of the first volume with its weight on the regional perspective. The focus is more often on the history of relations between people in northern Norway coming into contact with northern Russia and Russians especially while fishing, and their northern Russian counterparts coming into contact with northern Norway and Norwegian especially during the Pomor trade in the summer, rather than on the contacts between Russia and Norway more generally. The regional and often local focus in our age of social history brings us into contact with the history of ordinary people on both sides of the border, providing more important insights than we can glean from many politically and diplomatically oriented histories. Chapter

---

² It may have been a tough spurt: the last words in chapter 9 are missing, and the 97 footnotes to chapter 5 are also appended to those belonging to chapter 4.

10 about the Norwegian settlers on the Murman coast is an excellent example.

This regional perspective, however, becomes more of a drawback in the discussions of geopolitical questions, particularly about the relative lack of conflicts and the long periods of peace. Editor Nielsen maintains that the peaceful relations “were first and foremost based on the difference with respect to resources... Northern Norway’s and Northern Russia’s ability to mutually fulfil each other’s needs. Complementarity was the very nucleus of the Pomor trade...” [Nielsen, Mankova, 63]. That may be making too much out of the fishing and trading, which are most easily eyed from a regional perspective. It is Norway, until 1905 together with Denmark or Sweden, not a regional part of the country, which stayed out of conflict with its major neighbour to the east. For centuries, the significantly stronger attention of the central Russian power towards more important parts of the empire further south and east explains much. Then in the early 18th century, Sweden attacked Russia. Denmark-Norway was a virtual ally siding with Russia in the Great Northern War, even managing to shoot the warrior King Charles the 12 outside a Norwegian fortress and thus putting the decisive end to the conflict. It is true that Norway in formal terms was on the French side when Denmark sided with Napoleon, but not an active participant in his campaign in Russia. When Norway afterwards was transferred from Danish to Swedish sovereignty, this exchange solved a major diplomatic problem for Russia: Sweden was compensated for the loss of Finland. Next, the Russian Tsar and Swedish King as allies during the last Napoleonic War could solve the border issue mentioned above diplomatically, on terms which the Pomor traders found too lenient and unfavourable. There were disputes about the rights to fish in northern waters and about sovereignty over Spitsbergen, but these were solved through international deliberations and without armed conflicts. In the 20th century, relations became intimate with the Norwegian Labour Party joining the 3rd International in 1921–1923 and Russian troops liberating north-eastern Norway in 1944 before pulling out peacefully in 1945. The situation during the cold war from 1949 onwards is a different story.

While the previous point is an interesting topic for discussion, the lack of quantitative information in the book is more of an Achilles’ heel. Chapter 8 entitled “Two peasant societies” contain two tables showing average population growth rates in the two countries and some internal regions, but without explaining whether these are arithmetic or geometric averages and what population numbers they are related to. Intensified population growth in Norway towards the end of the 19th century is stressed on page 193 to explain the doubling of the country’s population during the century, without mentioning that the population had already nearly doubled in the half-century from 1815 to 1865. It is good that the Norwegian 1900 census and the Russian 1897 enumeration are used to compare the urban-rural population rates, but we need a reminder that the higher rate in Russia must be understood on the background of its village system, while most

Norwegian lived on separate farms, cottages etc – as is mentioned a couple of pages earlier. More problematic is that the size of the Sami populations on each side of the border is not compared on the basis of these censuses, which employed language criteria for deciding nationality/ethnicity as recommended at the statistical conference in St Petersburg in 1873. That chapter 13 on the Sami is entitled “Minority and aboriginal *politics* in the north” is hardly an acceptable excuse.

“North by Northwest” in the title of this review indicates that this history volume about northern relations has been written as part of a research project dominated by viewpoints held by historians in the north-western University of Tromsø, with their strong and weaker sides.³ The attentive reader will remember that this is also the title of a masterpiece Hitchcock movie screened to scare the audience with subtle means. This scare is a relevant point with reference to the mental image most Norwegians have had of the Russian bear on its huge territory between Finland and the Pacific Ocean. When Finland was a Grand Duchy under the Tsar from 1809 to 1917, many thought that the Russian danger was approaching and Fins immigrating to northern Norway were perceived as part of this danger by proxy; people spoke and wrote about the Finnish danger. It is not easy to find out what concrete basis there should be for finding the Russian bear so dangerous, except the general and obvious facts that Norway and Russia are very different with respect to size, that Russia could muster bigger armies and had expanded hugely, particularly in the opposite direction. There is no doubt, however, that for those wanting to strengthen Norway’s military forces, the big bear in the neighbourhood has been a useful enemy image. This and the relative lack of a reciprocal enemy image on the side of Russian history are well treated in the book.

Other and more minor aspects are less well covered in the book. There were clear differences in demographic factors distinguishing the two populations, which could have been detailed from both primary sources and secondary literature, but this would have required specialized comparative research. The chapter on research in the area shared by Russia and Norway is instructive, but regrettably leaves out cases of most interesting ethnologic studies (Glavatskaya, Thorvaldsen, 2013). One compensation is the rendering of Frithjof Nansen’s travel from Tromsø, down the Ob River and on the Trans Siberian Railway, including a stop in Jekaterinburg; here it should be mentioned that his fascinating book on this is easily available on the Internet in Russian and other languages [Nansen; Нансен]. The lack of maps in the new volume when compared with older publications has been criticized by other reviewers, and even if much is available on the web, especially constructed historical maps can be an essential support for the many readers not so familiar with the northern coast of Fennoscandia and Russia – as is shown with the map depicting the Norwegian settlements in chapter 10. More detailed overviews of the contents in each chapter

---

³ In Russian the film’s title is translated «К северу через северо-запад» which misses the double meaning that “by” can also mean “written by”.

would have been useful, given the lack of a topic-oriented index. Hopefully, electronic versions of the editions both in Norwegian and in Russian will eventually become available for those needing to refer to the book in their research. Leaving such easy exercises of wishing for more aside: the *Russia Comes Closer* volume is a worthy crowning both of the research project on the Asymmetrical Relationship and the Norwegian Constitutional Anniversary, as well as an inspiration to read the second volume.

Список литературы

Balsvik R.-R. *Russia and Norway : Research Collaboration and Comparison of Asymmetrical Relations // Acta Borealia*. 2015. Vol. 32, no. 1. P. 85–99.

Büchten D., Dzakson T., Nielsen J.-P. *Norge-Russland: naboer gjennom 1000 år*. Oslo : Scandinavian Academic Press, 2004. 498 p.

Glavatskaya E., Thorvaldsen G. *Sergej Sergel's Field Research in Northern Norway and Finland: Contextualizing Early 20th-Century Sami // Arctic Anthropology*. 2013. №. 1 (50). P. 105–119.

Holtmark S., Mankova P. *Naboer i frykt og forventning : Norge og Russland 1917–2014*. Vol. 2. Oslo : Pax, 2015. 748 p.

Nansen F. *Gjennom Sibirien*. Oslo : Jacob Dybwads forlag, 1914. 386 p. URL: <http://www.nb.no/nbsok/nb/f7ba7691557c2d83d6dae5d3bed9a92c.nbdigital?lang=no#0> (mode of access: 03.02.2016).

Нансен Ф. *В страну будущего Петроград : К. И. Ксидо, 1915*. 555 с. URL: <http://www.nb.no/nbsok/nb/f7ba7691557c2d83d6dae5d3bed9a92c.nbdigital?lang=no#0> (дата обращения: 03.02.2016).

References

Balsvik, R.-R. (2015). *Russia and Norway: Research Collaboration and Comparison of Asymmetrical Relations*. In *Acta Borealia*, 1 (32), pp. 85–99.

Büchten, D., Dzakson, T. & Nielsen, J.-P. (2004). *Norge-Russland: naboer gjennom 1000 år*. [Norway and Russia: Neighbours during 1000 Years]. 498 p. Oslo : Scandinavian Academic Press.

Glavatskaya, E. & Thorvaldsen, G. (2013). *Sergej Sergel's Field Research in Northern Norway and Finland : Contextualizing Early 20th-Century Sami*. In *Arctic Anthropology*, 1 (50), pp. 105–119.

Holtmark, S.-G. & Mankova, P. (2015). *Naboer i frykt og forventning: Norge og Russland 1917–2014*. [Neighbours in fear and expectation: Norway and Russia 1917–2014]. Vol. 2. 748 p. Oslo, Pax.

Nansen, F. (1914). *Through Siberia*. 386 p. Oslo, Jacob Dybwads forlag. URL: <http://www.nb.no/nbsok/nb/e5da0f31acf3762b2463dda6fb487248?index=1#0> (mode of access: 03.02.2016).

Nansen, F. (1915). *V stranu budushchego Petrograd* [Through the land of the future Petrograd]. URL: <http://www.nb.no/nbsok/nb/f7ba7691557c2d83d6dae5d3bed9a92c.nbdigital?lang=no#0> (mode of access: 03.02.2016).

The article was submitted on 01.12.2015

ОБ АВТОРАХ

ON THE AUTHORS

Бенцианов Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Россия, Екатеринбург
bmm4@yandex.ru

Вагеманс Эммануэль, профессор, Институт славистики и восточноевропейских исследований Католического университета г. Лёвена (Бельгия).

Oude Markt 13, 3000, Leuven, Бельгия.
emmanuel.waegemans@arts.kuleuven.be

Голынец Сергей Васильевич, академик Российской академии художеств, кандидат искусствоведения, профессор кафедры истории искусств Уральского федерального университета.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
sgolynets@gmail.com

Иванова Оксана Витальевна, магистрант Свято-Филаретовского православно-христианского института, автор экспозиции Музея святости, исповедничества и подвижничества на Урале в XX веке (Екатеринбург).

105062, Россия, Москва, Покровка, 29.
ox0517@gmail.com

Калинин Дмитрий Михайлович, аспирант, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
kalinin.dm.mih@gmail.com

Костромин Константин Александрович, кандидат исторических наук, кандидат богословия, Санкт-Петербургская духовная академия.

191167, Россия, Санкт-Петербург, набережная Обводного канала, 17.
k.a.kostromin@mail.ru

Куденис Вим, доктор, профессор, кафедра прикладной лингвистики и славистики Католического университета г. Лёвена.

Oude Markt 13, 3000, Leuven, Бельгия.
wim.coudenys@kuleuven.be

Мангилев Петр Иванович, протоиерей, кандидат исторических наук, доцент, проректор Екатеринбургской духовной семинарии; доцент Уральского федерального университета.

620017, Россия, г. Екатеринбург, ул. Вали Котика, 13а.
mangilev_petr@mail.ru

Мароши Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет.

630126, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28.
maroshi@mail.ru

Моисеев Максим Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий сектором музейного объединения «Музей Москвы».

125430, Россия, Москва, Zubovskiy bulvar, d. 2, str. 1.
maks-moiseev@yandex.ru

Нечаева Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

620137, Россия, Екатеринбург, ул. С.Ковалевской, 16.
atlasch@narod.ru

Парфентьев Николай Павлович, доктор исторических наук, доктор искусствоведения, профессор, Южно-Уральский государственный университет.

454080, Россия, Челябинск, проспект Ленина, 76.
parfentevnp@susu.ac.ru

Парфентьева Наталья Владимировна, доктор искусствоведения, профессор,

Южно-Уральский государственный университет.
454080, Россия, Челябинск, проспект Ленина, 76.
parfentevanv@susu.ac.ru

Петров Арсений Сергеевич, кандидат искусствоведения, доцент, Российский государственный гуманитарный университет.

125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6, корп. 5.
arspetrov@gmail.com

Победаш Дмитрий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
pobedash@mail.ru

Романчук Алла Ильинична, доктор исторических наук, профессор, Уральский государственный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
alrom1@yandex.ru

Саламатова Марина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления.

630099, Россия, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56, оф. 20.

salamatova.m@mail.ru

Торвальдсен Гуннар, PhD, профессор Университета Тромсø, Hansine Hansens veg 18, 9019, Тромсø, Норвегия; научный сотрудник Международного центра демографических исследований Уральского федерального университета.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

gunnar.thorvaldsen@uit.no

Трөбст Штефан, доктор, профессор, Университет Лейпцига.

Reichsstr. 4–6, D–04109, Лейпциг, Германия.

troebst@uni-leipzig.de

Христофоров Василий Степанович, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет.

125993, Россия, Москва, Миусская площадь, 6.

xvsarhiv@rambler.ru

Шаманаев Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

shamanaev@mail.ru

Bentsianov Mikhail, PhD (History), independent researcher.

Yekaterinburg, Russia.

bmm4@yandex.ru

Coudenys Wim, Dr., Professor, Chair of Applied Linguistics and Slavic Studies, Catholic University of Leuven.

13 Oude Markt, 3000 Leuven, Belgium (KU Leuven).

wim.coudenys@kuleuven.be

Golynets Sergey, academician of the Russian Academy of Arts, PhD (Art History), professor, Chair of Art History, Ural Federal University.

19 Mir Str., 620002 Yekaterinburg, Russia.

sgolynets@gmail.com

Ivanova Oksana, master's student, St Philaretus Orthodox Christian Institute, author of the exhibition of the Museum of Sanctity, Profession of Faith and Asceticism in the 20th Century Urals (Yekaterinburg).

29 Pokrovka Str., 105062, Moscow, Russia.
ox0517@gmail.com

Kalinin Dmitry, postgraduate student, Ural Federal University,
19 Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

kalinin.dm.mih@gmail.com

Khrstoforov Vasily, Dr. hab. (Law), professor,
Russian State University for the Humanities
6, Miusskaya Str., 125993, Moscow, Russia.

xvsarhiv@rambler.ru

Kostromin Konstantin, PhD (History), Doctor of Theology,
Saint Petersburg Ecclesiastical Academy.

17 Obvodnoy Kanal Embankment, 191167, Saint Petersburg, Russia.
k.a.kostromin@mail.ru

Mangilev Pyotr, archpriest, PhD (History), associate professor, senior academic administrator (Yekaterinburg Orthodox Seminary), associate professor (Ural Federal University).

13a Valya Kotik Str., 620017, Yekaterinburg, Russia.
mangilev_petr@mail.ru

Maroshi Valery, Dr. hab. (Philology), professor,
Novosibirsk State Pedagogical University.

28 Vilyuiskaya Str., 630126, Novosibirsk, Russia.
maroshi@mail.ru

Moiseev Maksim, PhD (History), head of "Museum of Moscow" Museum Complex.

2/1 Zubovsky Blvd., 125430, Moscow, Russia.
maksim-moiseev@yandex.ru

Nechayeva Marina, PhD (History), senior research fellow,
Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS.

16 S. Kovalevskaya Str., Yekaterinburg, Russia.
atlasch@narod.ru

Parfentyev Nikolai, Dr. hab. (History), Doctor of Art History, professor,
South Ural State University.

76 Lenin Ave., 454080, Chelyabinsk, Russia.
parfentevnp@susu.ac.ru

Parfentyeva Natalia, Doctor of Art History, professor,
South Ural State University.
76 Lenin Ave., 454080, Chelyabinsk, Russia.
parfentevanv@susu.ac.ru

Petrov Arseny, PhD (Art History), associate professor,
Russian State University for the Humanities.
6/5 Miusskaya sq., 125993, Moscow, Russia.
arspetrov@gmail.com

Pobedash Dmitry, PhD (History), associate professor,
Ural Federal University.
19 Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
pobedash@mail.ru

Romantchuk Alla, Dr. hab. (History), professor,
Ural Federal University.
19 Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

Salamatova Marina, PhD (History), associate professor,
Novosibirsk State University of Economics and Management.
56 (Off. 20) Kamenskaya Str., 630099, Novosibirsk, Russia.
salamatova.m@mail.ru

Thorvaldsen Gunnar, PhD, professor (University of Tromsø), research
fellow (International Center for Demographic Studies, Ural Federal Uni-
versity).

18 Hansine Hansens veg, 9019 Tromsø, Norway;
19 Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
gunnar.thorvaldsen@uit.no

Troebst Stephan, Dr., professor,
Leipzig Centre for the History and Culture of East Central Europe
(GWZO), University of Leipzig.
4—6 Reichsstr., D-04109, Leipzig, Germany.
troebst@uni-leipzig.de

Shamanayev Andrey, PhD (History), associate professor,
Ural Federal University.
19 Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
shamanaev@mail.ru

Waegemans Emmanuel, professor,
Institute of Slavonic Studies and East-European Studies, Catholic Uni-
versity of Leuven.

21 Blijde-Inkomststraat, 3000, Leuven, Belgium.
emmanuel.waegemans@arts.kuleuven.be

СОКРАЩЕНИЯ

ABBREVIATIONS

АСЗ – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века
ASZ – Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka

БРАН – Библиотека Российской Академии наук, Санкт-Петербург
BRAN – Biblioteka Rossiyskoy Akademii nauk, Sankt Petersburg
[Library of Russian Academy of Sciences]

ВВ – Византийский временник
VV – Vizantiysky vremennik

ВИ – Вопросы истории
VI – Voprosy istorii

ГАО – Государственный архив Новосибирской области
GANO – Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti [State Archive of the Novosibirsk Region]

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]

ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией
DAI – Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannym i izdannym arkheograficheskoyu komissiyeyu

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
DDG – Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv.

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ZhMNP – Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ZOOID – Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey

ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР
IORYaS – Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk SSSR

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
ITUAK – Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii

КЛА-18 – Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып. 1. XVIII век

KLA-18 – Katalog lichnykh arkhivnykh fondov otechestvennykh istorikov. Vyp. 1. XVIII vek

КЛА-19 – Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып. 2. Первая половина XIX века

KLA-19 – Katalog lichnykh arkhivnykh fondov otechestvennykh istorikov. Vyp. 2. Pervaya polovina XIX veka

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики

MAIET – Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavriki

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR

ПКНО – Памятники культуры. Новые открытия

PKNO – Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya

ПМТУ – Писцовые материалы Тверского уезда XVI века

PMTU – Pistsovye materialy Tverskogo uezda XVI veka

ПРП – Памятники русского права

PRP – Pamyatniki russkogo prava

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisey

ПХХ – Памятники христианского Херсонеса

PKhKh – Pamyatniki khristianskogo Khersonesa

РГАДА – Российский государственный архив древних актов, Москва

RGADA – Rossiysky gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov, Moscow

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

RGASPI – Rossiysky gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]

РГБ – Российская государственная библиотека, Москва

RGB – Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka, Moscow

РНБ – Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург.
RNB – Rossiyskaya natsional'naya biblioteka, Sankt Petersburg

СПМЗ – Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник

SPMZ – Sergievo-Posadsky istoriko-khudozhestvennyy muzey-zapovednik

СПП-18 – Словарь русских писателей XVIII века

SRP-18 – Slovar' russkikh pisateley XVIII veka

СУ РСФСР – Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства

SU RSFSR – Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva [Collection of statutes and decrees of the workers 'and peasants' government]

ТКДТ – Татищев Ю. В. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в.

TKDT – Tatishchev Yu. V. Tysyachnaya kniga 1550 g. i Dvorovaya tetrad' 50-kh gg. XVI v.

DOP – Dumbarton Oaks Papers

ПАМЯТКА АВТОРА

Информация о журнале

Научный журнал «Quaestio Rossica» издается с 2013 г. Учредителем и издателем журнала является ФГАОУ «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Журнал является периодическим изданием (выходит 4 раза в год).

Журнал «Quaestio Rossica»

- зарегистрирован как научное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013);

- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации серийных изданий (International Standard Serial Numbering) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2311-911X;

- включен в объединенный каталог «Пресса России», индекс № E43166.

- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета (<http://urfu.ru/science/proceedings/>) и на собственном сайте журнала (<http://qr.urfu.ru>). Журнал индексируется в *Web of Science*, основная коллекция.

- При цитировании статей из «Quaestio Rossica» необходимо указывать DOI.

Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность. Редколлегия журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

Порядок приема и движения рукописи

- Журнал рассматривает научные статьи объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков с пробелами).

- К публикации в журнале принимаются не публиковавшиеся ранее научные статьи, обзоры и рецензии, освещающие актуальные вопросы российской *истории, филологии, культуры и искусства*, а также исследования компаративистского характера.

- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии, сопровождается аннотацией на русском и английском языках, с указанием темы и цели работы, методологии исследования, источников, основных результатов (от 250 до 300 слов), перечнем ключевых слов на русском и английском языках. Заполняется анкета автора (см. ниже).

- Страницы рукописи **нумеруются**.

- Иллюстрации к статье даются отдельным файлом в формате .jpeg с максимальным качеством (разрешение не ниже 600 dpi), с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье.

- К статье прилагаются таблица со сведениями об авторах и таблица со сведениями о статье.

- Рукописи высылаются по электронному адресу журнала: qr.urfu.ru или электронным адресам редакторов соответствующих разделов, указанных на сайте журнала.

- Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.

- Редколлегия уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** – А4 (210 x 279 мм), ориентация книжная.
- **Программа** – Word, **гарнитура** – Times.
- **Поля** – все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) – 14 (алгоритм набора: Формат – Шрифт – Размер – 14)
- **Межстрочный интервал** – полуторный (Формат – Абзац – Междустрочный – Полуторный).
- **Межбуквенный интервал** – обычный.
- **Абзацный отступ** – 1,25 (Формат – Абзац – Первая строка – Отступ – 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (Формат – Абзац – Выравнивание – По ширине).
- Нумерация страниц (Вставка – Номер страницы – Внизу, справа).
- Переносы обязательны (Сервис – Язык – Расстановка переносов – Автоматическая расстановка переносов).
- Квадратные скобки – на латинской клавиатуре (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).
- **Межсловный пробел** – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. п.*, *т. д.*, *т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М.*, 1995. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин.*
- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х – начала 1930-х гг.*
- **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941–1945 гг.*, с. 8–61.
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» – внешние, «...» – внутренние).
- **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: *«Наши дети – энциклопедисты по самому характеру своего мышления», – говорил Маршак¹.*
- **Римские цифры** набираются с помощью латинской клавиатуры.
- **Буква ё/Ё** заменяется буквой е/Е за исключением важных для смысловых различия контекстов, например: *Всем обо всём.*
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.
- Цитирование исторических источников и художественных текстов производится на языке оригинала с переводом в примечаниях на язык статьи.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи – **рубрикационные** (заголовки, подзаголовки) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат – Шрифт – Интервал – Разреженный – 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирый курсив, например: «Неблагозвучны громкие стечения согласных на стыке слов (*пусть встреча состоится*)». Отдельные фрагменты прозаического текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Примечания и библиографические ссылки

- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания даются по правилам оформления ссылок.
- Ссылки – затекстовые, оформляются в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», введенным с 1 января 2009 г. Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей. Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.
- Отсылки в тексте – в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании.

нии. Например: [Толстой, т. 4, с. 287]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора.

• Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения. Например: URL:<http://www.prognosis.ru> (дата обращения: 13.03.2015).

Примеры оформления списка литературы :

Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории ius commune // Государство и право. 2012. № 6. С. 106–115.

Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж, 1930. 62 с.

РГАВМФ. Ф. 406, 418, 609, 701, 716. Р-181, Р-183, Р-187.

Босић Д. Косово. Београд, 2004. 281 с.

Bryson G. Man and Society. The Scottish Inquiry of the Eighteenth century. Princeton, 1945. 287 p.

Emerson R. The social composition of Enlightened Scotland: the Select Society of Edinburgh 1754–1764 // Studies on Voltaire and the eighteenth century, CXIV. 1973. P. 291–329.

United States Department of State // Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1941. General, The Soviet Union (1941). URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v01> (дата обращения: 12.07.2013).

Сведения об авторе на русском и английском языках

Фамилия / Surname	
Имя, отчество / Name, middle name	
Ученая степень, звание / Academic degree, rank	
Организация (с указанием страны и города) / The organization (with the indication of the country and city)	
Должность / Position	
Почтовый адрес и телефон места работы / Postal address and phone of a place of work	
Сфера научных интересов / Sphere of scientific interests	
E-mail	
Контактный телефон / Contact phone	
Адрес для почтовой рассылки / The address for a mailing group	

Анкета статьи (таблица РИНЦ)

ФИО автора / Author	
Организация / Organization	
Страна / Country	
Город / City	
E-mail:	
Наименование статьи / Title of article	
Аннотация / Abstract (250–300 слов)	
Ключевые слова / Keywords (5–8 слов)	
Список библиографических ссылок в алфавитном порядке	

Электронный адрес: qr.urfu.ru

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 4, № 1, 2016

Редакторы	<i>Е. Березина</i> <i>А. Иванова</i> <i>Дж. Уайт (английский текст)</i>
Верстка	<i>А. Матвеев</i>
Editors	<i>Ekaterina Berezina</i> <i>Anastasia Ivanova</i> <i>Jams White (English)</i>
Imposition	<i>Alexey Matveev</i>

Подписано в печать .04.2016. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,1.
Тираж 500 экз. Заказ № 140.

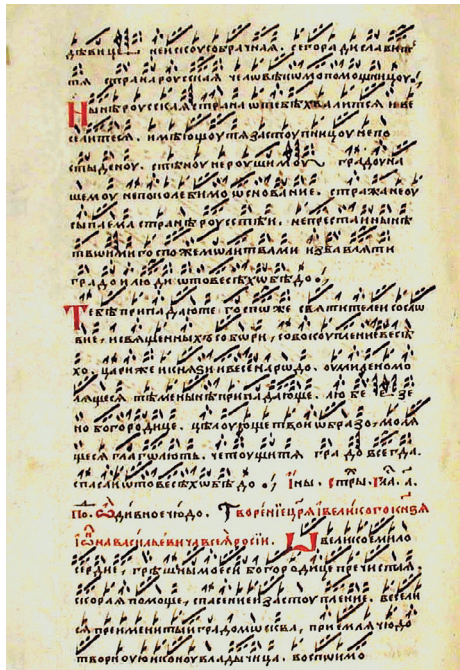
Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

Illustration for article N. Parfentyev and N. Parfentyeva
Ivan the Terrible's Stichera: The Idea of Russia's Spiritual Elevation

Tsar Ivan the Terrible. Painted Portrait. Late 16th Century

Tsar Ivan the Terrible. Stichera for the Theotokos of Vladimir in Imitation of "Oh Wonder of Wonders" [СПМЗ. № 274. Л. 278об.]

Иллюстрации к статье А. Петрова
«Знамя Ермака» из собрания Оружейной палаты: легенда и факты

Illustration for article Arseny Petrov
"Yermak's Banner" from the Kremlin Armoury's Collection: Legend and Facts

«Знамя Ермака» с изображением Явления архангела Михаила Иисусу Навину.
Конец XVII в. Музеи Московского Кремля

The "Banner of Yermak" with an image of Jesus Navin's (Joshua's) Vision of Archangel Michael. End of the 17th century. Moscow Kremlin Museums

Полковое знамя смоленского стрелецкого приказа. 1692 г. Трофейная коллекция
Военного музея в Стокгольме

The Banner of the Smolensk Streltzy Regiment. 1692. State Trophy Collection,
Armémuseum, Stockholm

Illustration for article Sergey Golynets
Sergey Chekhonin: The Sickle and The Hammer
or the *Monster Cockroach* (“*Tarakanishche*”)

S. V. Chekhonin. Plate with signature “RSFSR”

S. V. Chekhonin. Cover of Chukovsky's book *The Monster Cockroach* (*Tarakanishche*). 1923

Illustration for the article
*The Crunch in the Cultural Space of Modern Russia:
Constructive Ideas and Their Implementation*

Иллюстрации к статье
*Церковь в культурном пространстве современной России:
конструктивные идеи и практика воплощения*

Музей святости, исповедничества и подвижничества на Урале в XX в.
Фрагмент экспозиции

Museum of Sanctity, Profession of Faith and Asceticism in the 20th Century Urals.
Part of the Exhibition

Экскурсия по выставке «12 веков Библии в России.
История изданий и переводов». 2014

An Excursion at the Exhibition "12 Centuries of the Bible in Russia.
The history of Publication and Translation." 2014